

ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ

НАСПЕДИЕ СИЛЫ

ЖЕРТВА

— КАРЕН ТРЭВИСС —

Гражданская война в разгаре. Галактический Альянс, ведомый Кэлом Омасом и силами джедаев под командованием Люка Скайуокера, сражается с конфедерацией отделившихся планет, перешедших на сторону мятежной Кореллии. Подозреваемые в причастности к покушению на Тенел Ка, королеву-мать Хейпского консорциума, Хан и Лея вынуждены скрываться от собственного сына Джейсена, чьи всё более авторитарные методы на посту главы Гвардии ГА порождают у Люка и Мары Скайуокеров опасения, что их племянник опасно приблизился к Тёмной стороне. Но Джейсен хочет только безопасности и стабильности для всех — и он готов пойти на всё, чтобы достичь своей цели.

Нити судьбы всё туже стягивают галактическую паутину. Шокирующее открытие разобъёт две семьи... и накроет будущее мрачной тенью.

**Наследие Силы
Книга 5: «Жертва»
Карен Трэвисс**

Перевод: *Apolra3529* (главы 1-14), 2020; *Sightsaber* (главы 15-24), 2021

Редактура: *Sightsaber*, 2021

Вычитка: *Sightsaber*, Дмитрий Пустозёров, 2021

Дизайн русскоязычной обложки: *Таликс Герой-Воин*, 2021

*Посвящается памяти
сержанта 1 класса Дэниела Крэбтри,
рота В, 2-й батальон, 19-я диверсионная
авиадесантная группа — отцу, мужу, солдату,
офицеру полиции и фанату «Звёздных войн»,
одному из нас.*

Действующие лица

Бен Скайуокер — *молодой офицер ГГА* (мужчина-человек)
Боба Фетт — *мандалор и частично отошедший от дел охотник за головами*
(мужчина-человек)
Кэл Омас — *глава Галактического Альянса* (мужчина-человек)
Ча Ниаталь — *адмирал Галактического Альянса* (женщина мон-каламари)
Динуа Джебан — *мандалорский солдат* (женщина-человек)
Дюор Геджен — *премьер-министр Кореллии* (мужчина-человек)
Гес Ораде — *мандалорский солдат* (мужчина-человек)
Горан Бевийн — *мандалорский солдат* (мужчина-человек)
Джейсен Соло — *рыцарь-джедай* (мужчина-человек)
Джейна Соло — *рыцарь-джедай* (женщина-человек)
Джори Лекауф — *капрал ГГА* (мужчина-человек)
Лея Органа Соло — *рыцарь-джедай, второй пилот «Тысячелетнего сокола»*
(женщина-человек)
Лон Шеву — *капитан ГГА* (мужчина-человек)
Люк Скайуокер — *гранд-мастер джедаев* (мужчина-человек)
Люмия — *тёмная леди ситов* (женщина-человек)
Мара Джайд Скайуокер — *мастер-джедай* (женщина-человек)
Медрит Ваксур — *мандалорский солдат* (мужчина-человек)
Мирта Гев — *охотница за головами, внучка Бобы Фетта* (женщина-человек)
Новок Вевут — *мандалорский солдат* (мужчина-человек)

Пролог

СПАЛЬНЯ СКАЙУОКЕРОВ, ЗОНА РОТОНДЫ, КОРУСАНТ: 0300

Похоже, это будет ещё одна бессонная ночь.

«Но следовало ли мне убить его?»

Может, начать принимать лекарства? Хотя бы тёплое молоко.

Я отняла много жизней. С тех пор, как Бен спросил нас, сколько именно, я считала. Возможно, Люк тоже подсчитывал. Но пока он об этом не упоминал.

«Где Бен?»

Я была в лучшем положении, чем кто-либо, чтобы убить Палпатина. Теперь я оглядываюсь назад и задумываюсь, как сложилась бы история, если бы я собралась с духом и убила его, когда у меня был шанс. Тогда меня сочли бы предателем; теперь я была бы героем. А он в любом случае был бы мертв. Забавная вещь — перспектива.

Сколько людей погибло из-за того, что я не вняла этому зову? Я даже не понимала, что могла бы.

«Бен, я чувствую, что ты жив. Но где ты? Прошло уже столько дней».

Итак... *откуда* мне было знать, когда это был единственный оставшийся вариант?

Когда всё зашло слишком далеко, и кто-то *должен был* это сделать? И почему Люк спит, как коматозный нерф? Мне бы так. Если я включу голоновости, пусть даже без звука, это может потревожить его. Медитация тоже не помогает. Может, мне стоит просто встать и прогуляться.

«Бен... если Джейсен не знает, где ты, что же ты делаешь?»

«Я должна это остановить».

Он — умный ребёнок, и он обучался у лучших. С ним всё будет хорошо. И, возможно, ему теперь известно, что убийство — это доля секунды, время удара сердца, то, чему тебя учили, пока ты не прекратишь спорить об этом, а потом отменить его уже никак нельзя. Теперь, когда он сам убивал и знает, какой след это в оставляет в душе, возможно, он не будет строго судить меня или отца.

Таково его наследство от родителей: убийца, борец за свободу, солдат, называйте, как хотите. Всё это заканчивается подсчетом жертв. Бен присоединился к семейному делу.

Но я не знаю, чем он занят или даже где он сейчас. Я ужасно волнуюсь. Неважно, насколько он могуществен в Силе. Джедаи умирают, как и все остальные, галактика велика и безжалостна, а он — всего лишь ребенок. *Мой* ребенок.

«Бен, если ты чувствуешь меня, отзовись. Сообщи мне, что с тобой всё хорошо».

Люк никогда не верит мне, когда я говорю ему, что он храпит. И всё-таки он храпит.

«Бен...»

— Всё хорошо? — Люк проснулся. Он может сделать это без предупреждения. Раз — и он вполне бодр. — Сейчас середина ночи.

— Знаю.

— Ты волнуешься за Бена.

— Нет, он может позаботиться о себе. — Зачем я это говорю? Люк знает, о чём я думаю. — Не стоило так поздно ужинать.

— Я тоже волнуюсь за него. — Он взбивает подушку поудобнее и ложится. — Но он в порядке. Я всё ещё могу чувствовать его.

Сейчас *ничто* не в порядке.

Люк это знает. Я это знаю. Вся семья это знает.

По галактике существует война, но гораздо больше меня беспокоит война внутри нашей семьи. Мой сын почти всё время чужой.

А Джейсен...

Такое ощущение, что я вообще не знаю Джейсена Соло. И Люмию...

«Она пыталась убить моего ребёнка. Поэтому, милая, ты должна мне ответить. Я приду за тобой, и скоро».

Думаю, теперь я смогу немного поспать. Я уже чувствую себя более расслабленно.

Глава 1

*Он выберет судьбу слабого.
Он победит и разобьёт свои цепи.
Он сам укажет, как его любить.
Он обретёт силу, пойдя на жертву.
Он создаст любимца.
Он обретёт силу в боли.
Он будет балансировать между миром и конфликтом.
Он познает братство.
Он изменит свою сущность.
Он увековечит свою любовь.*

— «Общие темы в записанных пророчествах, в науке о символах узелковых кисточек»; автор — доктор Хейлан Ротам, Всегалактический университет культурных исследований. Требования к работам участников: университет принимает заявки от специалистов по кипу и аналитиков узелкового письма по предмету оставшихся непереведенными кисточек лордианского артефакта. Сроки проведения симпозиума могут меняться в зависимости от текущей ситуации в сфере безопасности.

МЕДИТАЦИОННАЯ СФЕРА СИТОВ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ КУРС — КОРУСАНТ

*Странно было доверять кораблю. Бен Скайуокер был один в корабле, который он нашёл на Зиосте, давая сфере понять, что хочет попасть домой. Ни навигационных приборов, ни средств управления, ни места пилота... ничего. Сквозь переборки он видел звёзды как размазанные точки света, но прозрачность корабля его уже не тревожила. Корпус был *на месте*. Он и видел его, и не видел. Такое ощущение, что он находился внутри полого красного драгоценного камня, неспешно направлявшегося к Центральным Мирам.*

И не было ни рычага, ни вещественного пульта управления, поэтому ему приходилось отдавать команды *мысленно*. Станный корабль, больше похожий на шар из грубого красного камня, чем на транспортное средство, сделанное на верфи, отвечал на Силу.

— Неужели нельзя лететь быстрее? Я состарюсь к тому моменту, когда вернусь.

Корабль сразу же рассердился. Бен прислушался. В его уме корабль говорил мужским голосом, не имевшим звука или реальной формы, но говорил: и он не был удивлён нетерпением пассажира. Корабль показал ему белые полосы света, лившиеся из центральной точки в чёрной пустоте, пилотский обзор гиперпространства, а затем взрыв.

— Ладно, выходит, ты летишь так быстро, как только можешь...

Бен ощутил краткое удовлетворение корабля тем, что до недалёкого пилота дошло. Мальчик задумался, кто же сделал его. Было трудно не думать о корабле как о ком-то живом, вроде кораблей юужань-вонгов, но он решил считать его чем-то наподобие дроида, предмета, имевшего индивидуальность и... да, эмоции. Как Шейкер.

«Прости, Шейкер. Жаль, что мне пришлось оставить тебя, чтобы уладить всё это».

Дроид-астромех будет в порядке, он знал это. Бен высадил его на Древве. Именно оттуда Шейкер прибыл, как и Киара, и таким образом, они оба теперь дома. Астромехи были хорошими, надёжными, *благоразумными* модулями, и Шейкер передаст девочку кому-нибудь, кто позаботится о бедном ребёнке...

«Её отец умер, и вся её жизнь перевернулась вверх ногами. Их всего лишь использовали, чтобы завлечь меня на Зиост, и кто-то попытался убить меня. Почему? Когда я успел нажить столько врагов?»

Корабль снова рассердился, послав Бену впечатление, что он — нытик, но тот ничего не сказал. Бен не любил копаться в собственных мыслях. Он прилагал сознательное усилие, чтобы

контролировать свой блуждающий ум. Корабль знал его желание, высказанное или невысказанное, и он всё ещё не был уверен, каковы могут быть последствия этого. И тогда он почувствовал себя захваченным, и облегчение от обнаружения древней реликвии и побега на ней с Зиоста сменилось беспокойством, гневом и негодованием.

И *нетерпением*. У него был комлинк, но он не хотел выдавать своё присутствие на случай, если их преследуют другие корабли. Он уничтожил один из них. Это не означало, что других не было.

«Амулет оказался не важен, так почему же я теперь цель?»

Корабль не полетел бы быстрее, будь у Бена кресло и рычаги, чтобы занять себя, но он не чувствовал бы себя настолько потерянным. Он почти слышал, как Джейсен напоминает ему, что физическая активность — это часто просто перемещение и что ему следует развить лучшую умственную дисциплину, чтобы подняться выше суетливой неугомонности. Беспокойный ум не бывает восприимчив, говорил он.

Бен выпрямил ноги и потёр воспалённое колено, затем снова устроился со скрещенными ногами, чтобы попытаться помедитировать. Похоже, путешествие будет долгим.

Переборки и палуба походили на янтарную пемзу, и время от времени поверхности, казалось, горели вплавленным в материал огнём. Кто бы ни сделал корабль, он был точно помешан на огне. Бен старался не думать слово «огонь», не то корабль мог бы принять его за команду.

Но тот не был настолько глуп. Он почти что мог думать сам.

Бен сунул руку под одежду и ощутил амулет, глупую, ничего не стоящую вещь, которая вовсе не казалась инструментом великой ситской мощи — просто необычная безделушка, доставить которую послали отца Киары. Теперь он был мёртв, и всё из-за Бена, и самое страшное — Бен не знал, почему.

«Я должен найти Джейсена.»

Джейсен тоже не дурак; трудно поверить, что его обманули насчет амулета. Возможно, это была часть некоего плана; если так, то Бен надеялся, что это стоило жизни Фаскуса и страданий Киары.

«Это моё задание — передать амулет Калары в руки Джейсена. Не больше, не меньше.»

Джейсен сейчас мог быть где угодно: в своем кабинете на Корусанте, на передовой какого-нибудь сражения, охотиться на террористов. Возможно, этот странный, управляемый Силой корабль мог перехватить и определить его местонахождение. Он был бы в голововостях. Он всегда там: полковник Джейсен Соло, командир Гвардии Галактического Альянса, общественный герой со всех сторон, сдерживающий угрозы галактики. «Ладно, я жалею себя. А ну прекрати!». Нельзя ведь посадить этот корабль на Корусанте и отойти от него, как будто это всего лишь спасённый им СИД-истребитель. Это вызовет щекотливые вопросы. Он даже не был уверен, что это такое. А значит, один только Джейсен сможет разобраться.

— Ладно, — сказал Бен вслух. — Ты можешь отыскать Джейсена Соло? Ты умеешь отслеживать комлинки? Ты можешь найти его в Силе?

Корабль предположил, что он должен был бы сам уметь это делать. Бен мысленно сконцентрировался на лице Джейсена, затем попытался представить «Энакин Соло», что оказалось труднее, чем он думал.

Корабль-сфера, казалось, игнорировал его. Бен не чувствовал его голос; даже когда корабль не обращался к нему или не реагировал на него, мальчик мысленно слышал слабый фоновый шум, как будто сфера бормотала что-то самой себе, словно занятая монотонным заданием.

— Ты можешь это сделать? — Если не может, я попытаюсь приземлиться на территории ГГА и надеяться на удачу. — Держу пари, тебе бы не понравилось, если бы по тебе ползали с гидроключами инженеры Галактического Альянса.

Корабль посоветовал ему быть терпеливым, а ещё — что у него нет ничего, что можно было бы подцепить гидроключом.

Бен занял себя попытками точно определить местоположение Джейсена прежде, чем это сможет сделать корабль. Но умение Джейсена скрываться в Силе стало постоянным; Бен обнаружил, что его невозможно отследить, если он не хотел быть найденным, и тогда от него не оставалось ничего, не шёпота, ни эха. Бен решил, что ему больше повезёт, если убедить корабль поискать каналы голоновостей — или, возможно, он был настолько старым, что у него не было технологий для поиска тех частот.

«Эй, погоди. Если кораблю удалось уничтожить грузовик мощью одних только моих мыслей, он может найти и сигнал голоновостей».

«А», — сказал корабль.

Ум Бена озарило реальным смыслом открытия. Корабль на секунду вышел из гиперпространства и, казалось, осматривался, а потом возникло ощущение, как будто он что-то нашёл. Звёздное поле — каким-то образом видимое, хотя огненные каменные переборки были по-прежнему на месте — искалось, и корабль изменил курс и снова прыгнул в гиперпространство. Он излучал ощущение счастливого удовлетворения и казался почти... взволнованным.

— Нашёл его?

Корабль сказал, что нашел то, что искал. Бен решил, что не стоит обсуждать вопрос, как он смог отыскать скрывавшегося в Силе Джейсена.

— Ну, тогда сообщи мне, когда мы окажемся в пределах десяти тысяч кликов, — сказал Бен. — Тогда можно будет рискнуть воспользоваться комлинком.

Корабль не ответил. Он счастливо загудел, безмолвно, но в голове Бена возникли древние гармонии, которые, как он воображал, невозможно было создать звуками.

ЗВЁЗДНЫЙ РАЗРУШИТЕЛЬ «ЭНАКИН СОЛО», КАЮТА ПОЛКОВНИКА ДЖЕЙСЕНА СОЛО. ПРОДЛЁННЫЙ КУРС, ДВИЖЕТСЯ К 000 — КОРУСАНТУ — ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ КОНТРУУМ

Никто из команды «Энакина Соло», казалось, не счёл странным, что корабль взял чрезвычайно окольный курс на Корусант.

Джейсен ощущал общее покорное терпение. Именно такого они ожидали от главы Гвардии Галактического Альянса и не задавали вопросов. Ещё он ощущал Бена Скайуокера, и ему требовалась каждая частичка его концентрации, чтобы сосредоточиться на ученике и определить его местонахождение.

«Он в порядке. Я знаю. Но что-то пошло не по плану».

Джейсен сконцентрировался на точке синего света на ретрансляторе мостика, встроенном в переборку. Он чувствовал Бена где-то в глубине сознания, так, как он мог бы чувствовать знакомый, но неуловимый запах, настолько характерный, что не оставлял возможности на ошибку. Целый и невредимый, да... но что-то не так. Волнение в Силе — слабое покалывание в горле, которого он никогда раньше не ощущал, — встревожило Джейсена; в последнее время ему не нравилось то, что он чего-то не знал. Это был абсолютный контраст с теми днями, когда он блуждал по галактике в поисках тайного и таинственного ради новых знаний Силы. Сейчас же он хотел уверенности. Он хотел порядка, причём им же созданного.

«Тогда я не избавлял галактику от хаоса. Времена изменились. Теперь я отвечаю за миры, а не только за себя».

Миссия Бена отправила его... куда именно? На Зиост. Определить четырнадцатилетнего мальчика — даже не корабль, а всего лишь пятьдесят пять килограммов человеческого существа — в широком коридоре, окружавшем Перлемианский торговый путь, было непросто даже с помощью Силы.

«У него есть безопасный комлинк. Но он не станет им пользоваться. Я учил его сводить передачи к минимуму. Но, Бен, если ты в беде, ты должен отозваться...»

Джейсен ждал, уставившись на мигавшие дисплеи и данные, которые отражали то, что показывали пульты управления на центральном мостике корабля. Он начинал терять привычку

ждать, пока Сила покажет ему что-то. Это было неудивительно после того, как он так много брал на себя и принуждал судьбу в последние несколько месяцев.

Где-то на корабле он ощущал Люмию, как кружящийся водоворот, пожиравший берег реки. Он выкинул это из головы и увеличил своё присутствие в Силе.

«Бен... Я здесь, Бен...»

Чем больше Джейсен расслаблялся и позволял Силе нести себя — а теперь отпустить и позволить подхватить себя ему было трудно, намного труднее, чем использовать мощь, — тем больше усиливалось ощущение Бена, у которого *была компания*. Потом... *потом* появилось ощущение, что Бен ищет его, ищет наощупь.

«Бен раздобыл что-то. Конечно, это не может быть амулет. Он будет сердиться, что я послал его на задание в разгар войны. Придётся объяснить это очень, очень осторожно...»

Это был всего лишь манёвр, чтобы на некоторое время разлучить его с Люком и Марой, дать ему некоторое пространство, чтобы побывать собой. Бен уже не маленький сыночек Скайуокеров. Однажды он примет мантию Джейсена, а это задача не для сверхопекаемого ребенка, которому никогда не позволяли испытать себя вдали от всепоглощающе длинной тени своего отца — грандмастера джедаев.

«Ты намного крепче, чем они думают. Правда, Бен?»

Джейсен почувствовал, что слабое эхо Бена вернулось к нему и превратилось в настойчивое давление в горле. Он вздохнул. Теперь они оба знали, что ищут друг друга. Он вырвался из медитации и направился на мостик.

— Остановиться. — Мостик тонул в полумраке и освещался лишь отблесками мягкого зелёного и синего света, струившегося со статусных дисплеев, который лишал красок лица тщательно подобранный, абсолютно верной команды. Джейсен приблизился к главному обзорному экрану и уставился на звёзды, как будто мог что-то увидеть. — Оставаться в этой позиции. Мы ждём... полагаю, корабль.

Лейтенант Тебат, действующий дежурный офицер, глянула со своего места у пульта, фактически не поднимая головы. Это создавало впечатление неодобрения, но это была просто привычка.

— Если бы вы могли уточнить, сэр...

— Я не знаю, что это за корабль, — сказал Джейсен, — но я пойму, когда увижу его.

— Так точно, сэр.

Они ждали. Джейсен ощущал Бена, теперь гораздо более сосредоточенного и сильного, общее деловое настроение на корабле и затаённую нетерпеливость Люмии. Закрывая глаза, он чувствовал присутствие Бена сильнее, чем когда-либо.

Тебат коснулась уха кончиком пальца, как будто услышала что-то в своём наушнике величиной с бусину.

— Неопознанный транспорт на перехватывающем курсе. Дистанция — десять тысяч километров слева по борту.

На фоне россыпи разноцветных отметок на голомониторе перемещалась точка жёлтого света. След был маленьким, возможно, величиной с истребитель, но это был *корабль*, быстро приближавшийся.

— Я не знаю точно, что это, сэр. — Офицер казалась возбуждённой. Джейсена на секунду встревожила мысль, что он теперь внушал страх без всякой очевидной причины. — Оно не соответствует ни одному из тепловых отпечатков или транспортных профилей, что у нас есть. Никаких признаков, что оно вооружено. И сигналов транспондера тоже нет.

Один маленький корабль — и звёздный разрушитель. Ситуация вызывает скорее любопытство, чем угрозу. Но Джейсен ничего не считал само собой разумеющимся; ловушки случались постоянно. Корабль не походил на ловушку, но он всё ещё не мог определить ту *непохожесть*, которую ощущал.

— Он замедляется, сэр.

— Сообщите мне, когда получите визуальный контакт. — Джейсен почти на вкус чувствовал, где находился корабль, и задумался, не развернуть ли «Энакин Соло», чтобы можно было наблюдать, как он становится сначала точкой отражённого света звезды Контруума, а затем увеличится до узнаваемой формы. Но в этом не было нужды: отслеживающий экран давал ему лучший обзор. — Приготовить орудия и не открывать огонь, разве что по моему приказу.

В горле Джейсена, где-то на уровне основания черепа, появилось слабое покалывание чьего-то беспокойства. Бен знал, что «Энакин Соло» получал расчёты для стрельбы по пришельцу.

«Спокойно, Бен...»

— Объект в пределах видимости, сэр. — В голосе Тебат прозвучало облегчение. Экран обновился, сменив схему на реальное изображение, которое могли видеть только она и Джейсен. Она постучала пальцем по транспаристали. — О звёзды, неужели это юужань-вонг?

Это было похоже на глаз, отделённый от тела, с двойными... ну, пусть будут *крыльями* с каждой стороны, по-другому их нельзя было назвать. Между сочленёнными пальцами лопастей были натянуты, как паутина, мембранны. Поверхность цвета тусклого янтаря казалась покрытой узорами кровеносных сосудов. На секунду Джейсен решил, что так оно и было: органический корабль, живой транспорт и экосистема сама в себе, из тех, что создавали только ненавистные захватчики юужань-вонги. Но этот корабль был как-то слишком обычен, слишком рукотворен. Собранные в группы острые шипообразные выступы торчали из корпуса, как румбы компаса, придавая ему стилизованный крестообразный вид.

Где-то в глубине сознания Джейсен ощутил, что Люмия замерла и преисполнилась вниманием.

— Я хорошо знал юужань-вонгов, — ответил Джейсен. — И это не совсем их стиль.

Звуковой канал издал шипение, а затем ожило:

— Говорит Бен Скайуокер. «Энакин Соло», это Бен Скайуокер из Гвардии Галактического Альянса. Не стреляйте... пожалуйста.

На мостике послышался дружный вздох облегчения. Джейсен подумал, что чем меньше сотрудников увидят корабль и чем раньше он окажется в ангаре, скрытый защитным покрытием от любопытных глаз, тем лучше.

— Ты один, Скайуокер? — Формально Бен был младшим лейтенантом, и «Скайуокер» здесь было уместнее, чем «Бен», тем более теперь, когда у него появились обязанности взрослого человека. — Пассажиров нет?

— Только корабль... сэр.

— Дайте разрешение на посадку. — Джейсен оглядел мостик и кивнул Тебат. — Выключите визуальный канал. Отнеситесь к этому кораблю как к засекреченному. Никто не должен его обсуждать, никто его не видел, и мы никогда не брали его на борт. Понятно?

— Да, сэр. Я уберу весь персонал из области ангара дзета. Просто стандартная процедура безопасности. — Тебат была как капитан Шеву и капрал Лекауф, абсолютно надёжной.

— Хорошая мысль, — сказал Джейсен. — Я вижу, Скайуокер благополучно приземлился. Дайте мне доступ к люкам ангара.

Джейсен направился вниз на палубу, подавляя желание перейти на бег, проходя кратчайшим путём через коридоры и вниз по дюростальным лестницам в нижнюю часть корпуса, удалённую от оживлённых ангаров для истребителей. Дроиды и члены экипажа, занятые своими обязанностями,казалось, удивлялись, увидев его. Когда он достиг ангара дзета, через который обычно пропускали членки со снабжением, он увидел сквозь зиявший люк пёструю пустоту космоса, а в транспаристальном блокировочном барьере — отражение человека, слегка растрёпанного от тревожной поспешности. Его волосам не помешала бы стрижка.

А ещё Джейсен ощущал Люмию.

— Так что привело тебя сюда? — спросил он, отключив голокамеру безопасности ангара. — Возвращение героя домой?

Люмия вышла из тени шахты инженерного доступа. Её лицо было наполовину скрыто вуалью, а глаза выдавали небольшую усталость: их окружали едва заметные синие круги. Должно быть, борьба с Люком измотала её.

— Корабль, — промолвила она. — Посмотри.

Испещрённая прожилками сфера диаметром в десять метров заполнила отверстие люка, её крыловидные панели были сложены. Секунду корабль безмолвно парил, а затем аккуратно опустился в центре палубы. Двери люка закрылись за ним. Прошло несколько секунд, ангар вновь герметизировался, и в корпусе сферы появилось отверстие для выпуска трапа.

— Бен отлично сумел управлять им, — сказала Люмия.

— Он отлично сумел найти меня.

Леди ситов вновь растворилась в тени, но Джейсен знал, что она всё еще была рядом, наблюдая, как он подходит к трапу. Из отверстия появился Бен в грязной гражданской одежде. Он не выглядел довольным собой: пожалуй, он был насторожен и угрюм, словно ожидая неприятностей. А ещё он внезапно стал выглядеть *старше*.

Джейсен протянул руку и сжал плечо двоюродного брата, чувствуя в нём подавленную энергию.

— Да, ты сумел произвести впечатление, Бен. Где ты это взял?

— Привет, Джейсен. — Бен сунул руку под одежду, и когда вытащил её назад, с кулака свисала серебряная цепочка: амулет Калары. Он излучал тёмную энергию почти как едкий аромат, который цеплялся и не уходил. — Ты просил меня достать его, и я достал.

Джейсен протянул руку. Бен положил ему на ладонь инкрустированный драгоценными камнями амулет, свернув цепь поверх него. Физически амулет ощущался совершенно обычной, тяжёлой и довольно вульгарной безделушкой, но у Джейсена появилось ощущение, как будто вес прошёл через его тело и устроился под ложечкой. Он сунул реликвию за пазуху.

— Ты отлично справился, Бен.

— Я нашёл его на Зиосте, если хочешь знать. И там же я нашёл корабль. Кто-то попытался убить меня, и я схватил первое, что оказалось под рукой, чтобы спастись.

Покушение на жизнь Бена не так поразило Джейсена, как упоминание Зиоста — родного мира ситов. Джейсен не рассчитывал на это. Бен не был готов услышать правду о ситах или что он учился — официально или нет — у человека, которому предназначено стать мастером этого ордена. Джейсен не почувствовал никакой реакции Люмии, но она должна была услышать это. Она по-прежнему скрывалась.

— Это было опасное задание, но я знал, что ты справишься. — Люмия, это ты подстроила. Что за игру ты ведёшь? — Кто пытался тебя убить?

— Меня подставил ботан, — ответил Бен, — по имени Дьюр. Он заплатил курьеру, чтобы тот отвёз амулет на Зиост, обвинил его в воровстве, и парень погиб. Впрочем, я сквитался с ботаном — взорвал корабль, который целился в меня. Надеюсь, это был корабль Дьюра.

— Как?

Бен ткнул через плечо большим пальцем.

— Он вооружён. Кажется, на нём есть любое оружие, какое хочешь.

— Молодец. — Джейсену показалось, что Бен теперь стал относиться с подозрением ко всей галактике. В его голубых глазах появился серый оттенок, как будто кто-то выключил в нём восторженный свет. Именно *это* заставило его выглядеть старше: столкновение с враждебным миром, ещё один шаг от былого защищённого существования и существенная часть его обучения. — Бен, считай это совершенно секретным. Корабль теперь засекречен, как и твоё задание. Никому ни слова.

— Как будто я собираюсь написать об этом маме с папой... как я провёл каникулы, автор — Бен Скайуокер, четырнадцать лет и две недели.

«Ах ты». Бен больше не был фанатичен и не стремился слепо угодить... но это хорошая черта для ученика сита. Джейсен сменил тактику: дни рождения могли заставить тебя задуматься, если ты провёл их в каком-нибудь неприятном месте.

— Как ты им управлял? Я никогда не видел ничего подобного.

Бен пожал плечами и крепко стиснул руки на груди, стоя спиной к кораблю, но продолжал озираться, как будто проверял, что тот всё ещё на месте.

— Ты думаешь о том, чего от него хочешь, и он выполняет. С ним можно даже разговаривать. Но никаких настоящих средств управления у него нет. — Он снова глянул через плечо. — Он говорит с тобой в твоих мыслях. И он невысокого мнения обо мне.

Ситский корабль. Бен привел с Зиоста *ситский корабль*. Джейсен сопротивлялся искушению войти внутрь и немедленно исследовать его.

— Ты должен вернуться домой. Я сказал твоим родителям, что не знаю, где ты, и намекнул, что они, возможно, сами вынудили тебя убежать своей гиперопекой.

Бен выглядел немного угрюмым.

— Спасибо.

— Но ведь это правда. Ты же сам знаешь. — Джейсен понял, что не сказал того, что действительно было важно. — Бен, я горжусь тобой.

Он ощущил в Бене слабую вспышку удовлетворения, которая почти сразу же утихла.

— Если хочешь, я составлю полный отчёт.

— И как можно скорее. — Джейсен направил его к выходу из ангара. — Вероятно, тебе не стоит лететь домой на этом корабле. Мы доставим тебя на челноке к ближайшей безопасной планете, а дальше ты сможешь полететь на обычном пассажирском транспорте.

— Мне нужны кредиты для оплаты проезда. Я уже сыт по горло кражами.

— Разумеется. — Бен выполнил работу и доказал, что может выжить собственным умом. Джейсен понял, что искусство формирования человека должно бить его достаточно сильно, чтобы ожесточать его, но не оттолкнуть. Этот вопрос он тщательно изучил. Он вытащил из кармана горсть неотслеживаемых кредитов разного достоинства. — Вот, держи. А теперь иди, поешь чего-нибудь.

Глянув последний раз на корабль-сферу, Бен небрежно отсалютовал Джейсену, прежде чем зашагать в направлении складского турболифта. Джейсен ждал. Корабль *наблюдал* за ним: он чувствовал его, не живой, но разумный. Наконец он услышал позади себя тихие шаги по палубе и понял, что корабль как будто перестал его замечать и отвёл взгляд.

— Ситская медитационная сфера, — проговорила Люмия.

— Штурмовой корабль. Истребитель.

— Он древний, невероятно *древний*. — Она приблизилась к сфере и положила руку на её корпус. Корабль, казалось, расплывился, став почти полусферой, лопасти и — как предположил Джейсен — мачты оборудования на его киле скрылись под корпусом. Теперь он напоминал домашнее животное, присевшее перед хозяином в поисках одобрения. Казалось, сфера действительно пылает, как раздувые тлеющие угли.

— Какое великолепное произведение инженерного искусства. — Бровь Люмии приподнялась, в уголках глаз появились морщинки; Джейсен предположил, что она удивлённо улыбается. — Он говорит, что нашёл меня.

Неосторожный комментарий — что было редкостью для Люмии — и почти что признание. Бен подвергся нападению во время испытания, устроенного Люмией; корабль прибыл с Зиоста. По сути, это выглядело не очень-то хорошо.

— Он искал *тебя*?

Леди ситов снова помолчала, слушая голос, который он услышать не мог.

— Он говорит, что Бен должен был найти тебя, а когда корабль нашёл тебя, он также признал во мне сита и прибыл ко мне за указаниями.

— Как он смог найти меня? Меня нельзя ощутить в Силе, если я этого не хочу, и я не позволял обнаруживать себя, пока...

Пауза. Глаза Люмии были удивительно красноречивы. Она казалась очень тронутой вниманием судна. Джейсен предположил, что уже очень-очень давно никто — и ничто — не проявлял к ней интереса.

— Он говорит, что ты вызвал волнение в Силе в системе Гилаттер, и что комбинация твоего... пробуждения и тот факт, что ты искал... *рыжеволосого мальчика*... и впечатление, которое команда твоего корабля оставляла в Силе, позволили отследить тебя прежде, чем ты усилил своё присутствие.

— О, он многое может сказать о себе.

— Можешь взять его, если хочешь.

— Он оригинал, но я не коллекционер. — Джейсен понял, что говорит просто для того, чтобы чем-то заполнить пустой воздух, потому что его ум неистово работал. «Меня можно отследить. Меня можно отследить по реакции тех, кто меня окружает, пусть даже сам я скрыт». Да, «по пятам» — вот точное слово. — Он словно сделан для тебя.

Люмия едва слышно вздохнула, и шелковистая тёмно-синяя ткань на её лице втянулась на мгновение и обрисовала очертание её рта.

— Женщина, которая в большей степени машина, и машина, которая в большей степени существование. — Она поставила ногу на трап. — Прекрасно, я найду ему применение. Я заберу его у тебя, и теперь никто и никогда не должен его увидеть.

В последнее время Джейсена больше интересовало то, что Люмия не говорила, чем то, что говорила. Не было обсуждения того испытания, которое она подготовила для Бена, и почему оно отправило его в ловушку на Зиост. Он колебался, не расспросить ли её напрямую, но решил, что не сможет выслушать ни правду, ни ложь; и то, и другое было бы мучительным. Он развернулся, чтобы уйти. В течение дня «Энакин Соло» вернётся на Корусант, и он займётся как война, так и личными сражениями.

— Спроси меня, — окликнула его Люмия. — Ты же знаешь, что тебе этого хочется.

Джейсен повернулся.

— Ты что, намеревалась убить Бена? И кого я должен убить, чтобы достичь полного мастерства ситов?

— Я знаю ответ на первый вопрос, но не на второй.

Джейсен решил, что между реалистично требовательным испытанием боевых навыков Бена и сознательной попыткой убить его весьма тонкая грань. Он не был уверен, что ответ Люмии скажет ему то, что ему нужно знать.

— Есть и другой вопрос, — сказал он. — А именно: как скоро я столкнусь со своим собственным испытанием?

Ситская сфера пощёлькивала и скрипела, изгибая верхнюю часть своих перепончатых крыльев. Стоя на краю люка, Люмия и на мгновение оглянулась, как будто волнуясь перед входом внутрь.

— Если бы я знала когда, я могла бы знать и что, — ответила она. — Но всё, что я чувствую, — это будет *скоро и близко*. — Казалось, что-то отвлекло её, и она замолчала, словно прислушиваясь вновь. Возможно, у корабля было собственное мнение. — И ты тоже это знаешь. Тебя сжигает нетерпение.

Ещё бы не сжигало: Джейсен хотел покончить со всем этим — со сражениями, с неуверенностью, с хаосом. Война внешняя отражала борьбу внутреннюю.

Люмия говорила правду: *скоро*.

КЕЛДАБЕ, СТОЛИЦА МАНДАЛОРА, ЗАЛ «МАНДАЛ-МОТОРС». ВСТРЕЧА КЛАНОВ

Около сотни самых суровых мужчин и женщин, которых когда-либо видел Фетт, собрались в строгом угольно-сером гранитном здании, которое «Мандал-моторс» пожертвовал сообществу. Самое суровое лицо из всех было у его внучки. Мирта Гев следила за ним со стороны зала заседаний взглядом его отца.

«Моим собственным взглядом».

Файрфек, у неё действительно феттовские глаза. Возможно, он видел то, чего на самом деле не было, но взгляд так или иначе буравил его душу. Этот взгляд говорил: ты потерпел неудачу. Он не слышал гомона голосов вокруг, только беззвучные обвинения, что его дочь Айлин мертва, что он никогда не был рядом с ней, пока не стало слишком поздно, и что для него слишком поздно начинать становиться достойным мандалором. Отец растил его так, чтобы сделать лучшим, и даже если он никогда не думал когда-нибудь стать мандалором, это пришло с наследием. Наследием Джастера.

«Тогда лучше поторопиться. Я умираю. Нужно позаботиться о делах. Приоритеты: лечение, затем узнать, что произошло с моей женой, что произошло с Синтас Вел».

Не то, чтобы Мирта не хотела говорить ему. Она *не знала*. У неё был драгоценный камень «сердце огня», который он подарил Синтас в качестве свадебного подарка, но затем оказался в магазине торговца. Это была лишь приманка. И он проглотил её.

Но, не будь он Феттом, это было больше, чем приманка. Это был фактор мотивации: это была ещё одна часть доказательства.

«Никогда не поздно узнать. Я думал, что поздно, но это не так».

Шум голосов вождей кланов, глав компаний и матёрых наемников потихоньку затихал, пока не наступила тишина. Они осторожно наблюдали за ним. Не все они были людьми: к дальней стене прислонились тогорианец и мандаллианец, оба во внушительной броне, массивные руки сложены на груди. Для мандалорцев раса не имела большого значения. Их определяла культура. Фетт задумался, насколько она сделала его.

— Ойа! — Сперва шепот, затем повторившийся несколько раз крик. — Ойа! — Для мандалорцев это слово имело сотню значений. На сей раз оно означало «Давайте начинать, давайте продолжать». Они всегда начинали так свои сборы, и это было единственным, что роднило мандалорцев с Сенатом. Они не привыкли вдаваться в процедурные тонкости.

Поднялся один из вождей, с затейливо подбритой бородой и повязкой на глазу, и заговорил без церемоний.

— Итак, манд'алор? — начал он. — Мы собираемся сражаться, или как?

— С кем вы хотите сражаться? — Фетт отметил, что они перешли на основной, обращаясь к нему, из уважения к его незнанию мандо'а. — С Галактическим Альянсом? С Кореллией? С какой-нибудь Силой забытой дырой в Кольце?

— Не было такой войны, в которой бы мы не сражались.

— Теперь есть. Это не наша битва. У Мандалора есть собственные проблемы.

— Война разрастается. Их проблемы могут затронуть и нас.

Фетт стоял у длинного узкого окна в высоту всей западной стены. Оно больше походило на бойницу, чем на окно. Мандалорцы строили для защиты, и общественные здания вполне могли послужить цитаделями, тем более сейчас. Юужань-вонги обрушили на Мандалор ужасную месть за его тайную работу на Новую Республику во время вторжения. Но резня лишь укрепила яростную решимость мэндо'аде остаться здесь, хотя кочевая привычка всё ещё сохранялась: скорее из-за отказа уступать, чем из-за любви к земле. Но они не могли потерять треть населения и смотреть на это сквозь пальцы, тем более что многие ещё помнили имперскую оккупацию.

«Жалкие неудачники, эти вонги. Но не похоже, что у меня была какая-то альтернатива. Лучше уж Новая Республика, чем крабовые парни».

Фетт оглядел зал, уловив сосредоточенный и почти мрачный взгляд Мирты.

— Каково первое правило войны?

Сидевшие на стульях, на скамьях, прислонившиеся к нишам или просто стоявшие, скрестив руки, лидеры мандалорского общества — или те из них, что смогло добраться до Келдабе — внимательно наблюдали за ним. Даже глава «Мандал-моторс» Джир Йомагет носил традиционную броню. Большинство сняли шлемы, но некоторые — нет. Фетт это одобрил. Он свой тоже не снял.

— Каков в ней смысл для *нас*, — ответил коренастый мужчина-человек, откинувшись на стул, который, казалось, сколотили из ящиков. — Второе правило: *во сколько* она нам обойдется.

— Так... и каков же *сейчас* в ней смысл для нас?

Нас. Фетт был манд'алором, вождем вождей, командиром суперкоммандос, и он больше не мог избежать этого «*нас*». Он не ощущал в себе «*нас*». Он чувствовал себя, как блудный муж, который пробрался домой и обнаружил сердитую жену, желающую знать, где его носило всю ночь, и не знает, как предотвратить неизбежнуюсскуру. Они заставили его чувствовать себя неловко. Он исследовал чувство, чтобы понять, что же вызвало его.

«Не гожусь для этой работы».

Он, возможно, и был лучшим охотником за головами, но не считал себя лучшим мандалором, и это выбивало его из колеи, потому что он никогда не был просто соответствующим. Он всегда был *превосходным*. Он взялся за дело; теперь он должен соответствовать титулу, который был намного, намного легче во время войны, чем в мирное время.

Впрочем, Фенн Шиса, должно быть, считал, что он справится. Его последнее желание было, чтобы Фетт принял титул, хотелось ему того или нет. «Чокнутый барв».

Коренастый мэндо пожал плечами:

— Кредиты, манд'алор. Нам нужны средства, на случай, если ты не заметил.

— Чтобы потратить на ввоз продовольствия.

— Это идея.

— Полагаю, есть один способ уравновесить спрос и предложение.

— И какой же?

— Принять ту или другую сторону в этой войне. Это сократит количество ртов, которые надо накормить. Мертвецы не едят.

На этот раз послышались хихиканье и комментарии на манд'а. Фетт напомнил себе запрограммировать на него переводчик своего шлема, и это чувствовалось как окончательное признание поражения в качестве лидера: он не знал языка собственного народа. Но им, казалось, не было дела.

— Я согласен с манд'алором, — раздался хриплый мужской голос из дальних рядов. Фетт узнал его: Нэт Брэлор. В свое время он знал нескольких Брэлоров, но не все они были из одного клана. Это было распространённое имя, иногда просто признак происхождения из Норг-Брала или другого горного города-крепости. — В войне с вонгезе мы потеряли почти полтора миллиона человек. Для Корусанта это, может быть, и мелочь, но для нас это катастрофа. Больше нельзя — пока мы не приведем мэндо'айм в порядок. Если надо, будем есть бас нерал.

По залу пронеслась грохочущая волна согласия. Несколько вождей в знак одобрения ударили наручами по броне. Одной из них была женщина-коммандос, которую Фетт встречал в баре Зеррии на Дролле, Иско Талгал. Её взгляд было по-прежнему мрачным, седеющие тёмные волосы с вплетёнными в них серебряными бусинами откинуты назад с обветренного лица, но она била кулаком по своей бедренной пластине в восторженном одобрении. Фетт задумался, как же она выглядит, когда недовольна.

— Вы ждали от меня решения. Вы его получили. — Фетт почувствовал, как время пустилось вскачь, лишив его остатков терпения. Все его кости болели, отдавая в позвоночник. — Галактический Альянс или Конфедерация — вы полагаете, это имеет для нас какое-либо значение?

— Нет, — сказал другой голос с густым североконкордианским акцентом. — Корусант не будет просить нас разоружаться в ближайшее время. Мы можем им понадобиться, если они получат ещё одну войну вроде заварушки с вонгезе.

— Чакааре! — Рассмеялся кто-то. Но дебаты набирали темп, всё ещё главным образом на основном галактическом.

— А что, если война подберется слишком близко к дому? Что, если она дотянется до соседней системы или двух?

— Даже если мы примкнём к Альянсу, кто сказал, что они не повернутся к нам и не будут ждать, что мы подчинимся их миленькой позиции разоружения?

— Они хотят не разоружения, а объединения активов каждой планеты в защитные силы ГА, а мы все знаем, как ловко и эффективно это будет...

Фетт стоял и смотрел. Это по-своему и бодрило, и развлекало. Это был тот процесс принятия решений, который мог иметь место только в немногочисленной среде отчаянно независимых людей, которые точно знали, когда наступает время прекратить быть индивидуумами и объединиться в нацию.

«Забавно, последнее, чем является Мандалор, это нацией. Иногда мы сражаемся по разные стороны. Мы рассеяны по галактике. Мы даже не принадлежим к одной расе. Но мы знаем, что мы такое и чего хотим, и в ближайшее время это не изменится».

Все споры сводились к одному. Многие нуждались в кредитах. Время всё ещё было тяжёлым.

Фетт с силой ударил кулаком по ближайшей твердой поверхности — маленькому столу — и грохот заставил гвалт обсуждения смолкнуть.

— В текущей войне Мандалор не занимает ничью позицию, и по этому поводу не будет никаких разногласий, — сказал он. — Если кто-то хочет продавать свои услуги *индивидуально* любой стороне — дело ваше. Но не от имени Мандалора.

Засунув большие пальцы за пояс, он приготовился к тому, что тишина взорвётся возражениями. Широкий угол обзора его шлема уловил фигуру в полной броне, стоявшую в конце зала. Не всегда было возможно сказать, мужчина ли мэндо в броне или женщина, но Фетт был уверен, что это мужчина, среднего роста, руки сжаты за спиной. Левый наплечник его фиолетово-чёрной брони отливал металлически коричневым. В разноцветных пластинах брони не было ничего необычного, потому что многие мандалорцы хранили части брони умерших любимых, но в этих было что-то поразительное по непонятной Фетту причине. В центральной части нагрудника человека что-то блестело, крошечная точка света, словно солнце ворвалось в зал лучом столь острым и белым, что он казался твёрдым.

«Мне следует это делать. Я должен носить часть папиной брони вместе со своей, каждый день».

Фетту стало плохо от того, что он её не носит, но он вновь устремил своё внимание на встречу.

— Тогда порядок, — сказал весёлый беловолосый человек, сидящий в нескольких шагах от него. Тёмно-синяя татуировка в виде лозы вилась из-под его брони и заканчивалась под подбородком. Болтан Кариd, так его звали. Последний раз Фетт видел его палящим по юужань-вонгам из побитого имперского бластера на станции «Калуула». — Это всё, что нам нужно знать. Что нет запрета на наёмную работу.

— Я разъясню обеим сторонам, что мы официально не принимаем участия в их споре, — сказал Фетт. — Но если кто-то из вас хочет, чтобы его подстрелили, это его право.

— Таким образом, мы можем увидеть, как мэндо сражается с мэндо в войне аруэтиизе. — Все оглянулись на человека в фиолетовой броне. Фетт не видел необходимости изучать язык, но были слова, которых он не мог избежать: аруэтиизе. Не-мандалорцы. Иногда бранное слово, но обычно просто означающее «не наши». — Вряд ли это способствует восстановлению нации, верно?

— Но война — наша статья экспорта номер один, — возразил Кариd. — Чего ты хочешь, превратить Келдабе в туристический объект или что-нибудь в этом роде? — Он оглушительно расхохотался. — Я прямо вижу это. «Посетите Мандалор, пока Мандалор не посетил вас. Увезите с собой сувениры — ломоть пирога удж и удар по морде».

— Ну, наша экономическая политика сейчас, похоже, заключается в том, чтобы заработать иностранные кредиты... погибнуть... и пренебречь планетой.

У Карида была великолепная усмешка. Он выглядел гораздо более устрашающим без шлема.

— У тебя есть идея получше? О, погодите — мы что, будем здесь целый день критиковать кадикла самоопределение и государственность? «Потому что я не молодею, сынок, и я хотел бы быть дома как раз к обеду», «потому что моя миссус готовит клёцки из гороховой муки».

Это вызвало множество смешков. Кариd, как всегда, отличился. Послышались выкрики и хохот.

— Да, мы знаем про клёцки, Кариd...

Но... кадикла. Значит, теперь у мандалороцентрического движения есть имя и даже собственное прилагательное. Он ещё не сталкивался с Кэд'икой, человеком, который, как говорили, был заводилой нового национального самосознания. Фетт подумал, что это упущение Кэд'ики, потому что он сделал то, о чём его просили, и вернулся, чтобы возглавить Мандалор.

— Критическая масса, нер вод. — Фиолетовый проигнорировал гогот. У него был тон человека, который уже много раз обсуждал это. — Наше население здесь меньше трех миллионов, а в диаспоре, может быть, в три раза больше. Мы потеряли много наших лучших бойцов, наши сельхозугодья отравлены, а наша промышленная инфраструктура даже по прошествии десяти лет близка к хараду. Так что, может быть, сейчас идеальное время вернуть людей домой. Собрать эмигрантов вместе, пока остальная галактика занята.

Кариd теперь сосредоточился на дебатах, и о Фетте временно забыли.

— Да, соберитесь, и станете отличной лёгкой целью. Все мы да в одном месте.

— На нас уже давно никто не нападал, кроме вонгезе.

— Империя выпотрошила нас. У тебя короткая память. Или, возможно, ты был ещё в подгузниках, когда Шисе пришлось вернуть нам хоть толику гордости.

— Хорошо, тогда давайте оставим Мандалор. Снова станем полностью кочевниками. Будем всё время в движении. Будем полагаться на прихоти любого правительства, кроме нашего собственного.

— Сынок, это мы — шаблово правительство, — сказал Кариd. — Так что ты предлагаешь?

— Объединить Мандалор и сектор. Вернуть домой наш народ и построить что-нибудь такое, что никто больше не сможет захватить. — У Фиолетового был слабый акцент, отчасти корусантский, отчасти келдабский. — Цитадель. Базу. Таким образом мы решаем, когда остаёмся дома, а когда отправляемся в походы.

— Забавно, я думал, что мы именно это и делали.

Фетт завороженно наблюдал за дискуссией. Затем он понял, что все смотрят на него, ожидая, что он ответит — или хотя бы прекратит перепалку. Так что это было лидерство вне поля боя. Это было похоже на ведение бизнеса, только более... сложное. Больше переменных, больше неизвестных — а он ненавидел неизвестное — и что-то совершенно чуждое ему: ответственность за других, за миллионы — но тех, кто могли позаботиться о себе и вели свои дела достаточно хорошо без всякой бюрократии.

«Или без меня. Я им вообще нужен?»

— Как тебя зовут? — спросил Фетт.

Фиолетовый стоял, прислонившись к стене, но оттолкнулся от неё, пожав плечами, и выпрямился.

— Граад, — ответил он.

— Ладно, Граад, вот политика на данный момент. Я прошу два миллиона человек вернуться на Мандалор. Сколько, ты думаешь, вернется? — Это имело смысл: планета нуждалась в работающем населении. Нужны были дополнительные руки, чтобы очистить почву, отравленную вонгезе, и возделывать участки погибших земледельцев. Но все мандалорцы, разбросанные по галактике, не составили бы даже одного-единственного города. — У нас всё ещё не хватает кредитов, пока мы снова не станем самодостаточными в производстве продуктов питания.

— Мы внесём половину нашей прибыли, — сказал руководитель «Мандал-моторс». — Конечно, пока мы можем продавать корабли и оборудование любой стороне.

— Бизнес есть бизнес. — Фетт кивнул ему в знак признательности. — Я тоже внесу несколько миллионов кредитов.

Карид огляделся, словно выискивая достаточно безумных для того, чтобы возразить, но все получили от встречи то, чего желали. Мирте всё еще удавалось выглядеть мрачной. У неё на шее висел осколок материнского камня «сердце огня» на кожаном шнурке. По крайней мере, теперь у неё был приличный шлем, по-видимому, первый, и это показывало, каким мандалорцем был её отец — или как мало она его видела.

Возможно, отцы-мэндо разочаровывали её всю жизнь.

— И последнее, — добавил Фетт. — Я собираюсь на несколько дней покинуть базу. Я буду вне доступа.

— А мы это заметим? — пробормотал кто-то.

Справедливое замечание.

— Управлять — это не моё. Но я не бросаю вас. Пока я буду отствовать, меня заменит Горан Бевийн.

Возражений не было. Бевийн был солидным и заслуживающим доверия, и он не хотел быть мандалором. Он был страшен, когда в его руках был бескад, древняя мандалорская железная сабля, в чём убедились многие юужань-вонги. Любой спор об изоляционистской политике в отсутствие Фетта не продлится долго.

— Мы закончили, — сказал Карид. — Ты дашь мне список всех сельскохозяйственных угодий, лежащих под паром, и мой клан проследит, чтобы они были распределены между теми, кто будет их возделывать. — Он подался назад на секунду и с преувеличенною тщательностью надел шлем. — Я рад, что ты вернулся Джанго домой, манд'алор. Это было правильно.

Правильно? Домом его отца был Конкорд-Доун. Возможно, это было правильно для Мандалора. Здесь любили, когда номинальные главы были на видном месте, даже мёртвые.

— Никто не обязан меня слушать, если не согласен.

— Никто не думает, что ты боишься лезть в драку. У тебя на то есть причины. Вот почему мы слушаем. — Карид сделал паузу. — Я сожалею о твоей дочери.

— Ага. — Выходит, все знают об Айлин. Фетт не помнил, чтобы он говорил кому-то о её смерти, а тем более о том, что её убил Джейсен Соло. Для неё Мандалор тоже не был домом; она не оценила бы, если бы её похоронили здесь. — И держу пари, что вам всем интересно, почему же тот джедай до сих пор не превратился в обугленные ошметки.

— Как я сказал, у тебя свои причины. Если мы можем что-то сделать, только скажи.

— Его время настанет. Оставьте его мне. — Но не сейчас, подумал Фетт. Он должен был продолжить поиски клона с серыми перчатками и свою лучшую возможность излечения от болезни.

Пока зал пустел, Мирта стояла одна, сложив руки и прислонившись к стене.

— Интересно, Кэлу Омасу так же легко в Сенате? — проговорила она.

— Мандалорцами нельзя управлять. Им можно только делать разумные предложения, которым они захотят следовать. — Фетт вышел на улицу и перекинул ногу через сиденье спидера, который одолжил ему Бевийн, поморщившись за шлемом. Похоже, скоро дело дойдёт до ежедневного обезболивающего. — И с каких это пор мандалорцам нужно объяснять, что имеет смысл?

— С тех пор, как они привыкали к ба'слан шев'ла, когда ситуации не кажутся выигрышными.

Фетт помнил эту фразу. Бевийн часто повторял её во время войны с юужань-вонгами. Она означала «стратегическое исчезновение» — рассеяться и затаиться в смутные времена. Трудно было уничтожить народ, который разделялся, как капли ртути, и ждал подходящего момента, чтобы снова объединиться. Это было не отступление. Это было выжидание в засаде.

— Идём, — сказал он. — У меня есть кое-какие зацепки по клону.

Мирта взобралась на заднее сиденье. Её броня звякнула о его. Теперь у неё был полный комплект, даже реактивный ранец — от щедрот Бевийна.

— Тебе когда-нибудь приходилось так долго выслеживать кого-то? Прошло несколько месяцев.

«Не дави».

— Обычно уходит примерно шестьдесят пять дней.

— Выходит, ты думаешь, что он существует.

— Ты бы не стала снова лгать мне, и ты не смогла бы придумать имя «Скирата».

— Нет. Хочешь, чтобы я отправилась с тобой?

— По-твоему, мне нужна нянька?

— Я говорила, что не буду снова лгать тебе.

Фетт почти жалел о том, что сказал ей. Он действительно должен был сперва сказать Бевийну. Этому человеку он мог доверять. Когда спидер пронёсся над Келдабе и вылетел в сельский пригород, масштаб возмездия юужань-вонгов снова стал слишком очевидным. Извилистая река Келита была теперь видна за несколько километров, потому что большую часть окружавших её лесов сровняли с землёй. Келдабе стоял в излучине реки, непокорный холм с плоской вершиной, блестящий гранитом, и стометровая башня «Мандал-моторс» тоже как-то пережила войну, несмотря на понесённые повреждения. Каменные обломки и выжженные участки всё ещё напоминали, что Мандалор можно разбить, изранить и временно подчинить, но ни за что нельзя полностью завоевать.

Маленькие поселения из домов в ветвях медленно растущего древнего вешкового леса были стёрты с лица земли. На открытых участках больше не было возделанных и засеянных полей. Только поччерневшая почва и обугленные пни деревьев, где по-прежнему ничего не росло, даже молодые побеги, которые обычно появляются после пожаров.

— Ублюдки, — выругался Фетт. Он резко накренил спидер и услышал, что Мирта затаила дыхание. — Они даже не пытались посадить здесь свои вонговские сорняки. Они просто отравили почву.

Это была высокая цена за обман захватчиков. Но альтернатива была бы гораздо хуже.

— И никакой помощи от Новой Республики или ГА? — спросила Мирта. — Никакого финансирования восстановления, как у всех?

— Мы ничего не ожидали. И не получили.

Фетт на полную врубил двигатели спидера и помчался над сельской местностью, помня о том, что он справился бы с юужань-вонгами, даже будь они лучшими друзьями Новой Республики. Вдали, словно по команде, появилась ферма Бевийна и Васура, как своего рода подтверждение того, что разрушения не были повсеместны.

А на импровизированной посадочной площадке расположился «Раб І». Дом. Его корабль, отцовский корабль, кабина, где он провёл в буквальном смысле годы своей жизни.

— Так я лечу с тобой, или нет?

Мирта создаст больше проблем, предоставленная самой себе. Кроме того, он не хотел упускать из вида ожерелье с «сердцем огня». Это была его единственная ниточка к обнаружению того, как умерла Синтас.

— Ладно, — сказал он. Она — его внучка, пусть даже она и пыталась убить его. Его это не волновало, но он изо всех сил пытался найти ту защищающую преданность, которую видел в

своем собственном отце. Что-то просто не сходилось. Поэтому он сыграл её, потому что именно так он учился всему, что стало для него второй натурой: он пропускал действия через себя, пока они не становились частью его. Он мог бы научиться и быть хорошим дедом. Мог бы преуспеть в этом. — Как лучше всего найти охотника за головами?

— Думать, как он?

Фетт покачал головой и с глухим стуком посадил спидер. Ему придётся сказать Бевийну, куда он отправляется. Если с ним что-то случится, Горан Бевийн станет его избранным преемником.

Фетт ещё не говорил ему, но Бевийн воспринимал подобные новости спокойно.

— Нет, — ответил Фетт. — Нанять его.

Глава 2

Если не можете разбить их, разделите их.

— Кэл Омас, глава государства, Галактический Альянс.

КОРУСАНТ, ЗДАНИЕ СЕНАТА, КАБИНЕТ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА

— Не самый наш звёздный час, адмирал.

Глава государства Кэл Омас выглядел намного старше, чем всего несколько месяцев назад. Ча Ниаталь гордилась своим умением хорошо понимать выражения человеческих лиц и легкие предательские признаки усталости и напряжения. У Омаса они все были налицо: отеки под водянистыми голубыми глазами, красноватая сыпь на подбородке и кислый запах кафа, когда она подошла ближе к нему.

Но главное — это глаза. Человеческие глаза рассказывали всё, что ей было нужно. Когда она поглядела на Джейсена Соло, он являл собой образец уверенности и самообладания — за исключением глаз. Никаких признаков плохого самочувствия, но он был далек от того фасада ледяного спокойствия, который изображал. Она видела изменения в зрачках его тёмных глаз. Маленькие, почти незаметные: но его зрачки мерцали, выдавая, что до него кое-что дошло.

Полезное знание.

— Мы не проиграли сражение на Гилаттере VIII, — заявила адмирал. — Что бы ни утверждала Конфедерация.

— Мы его и не выиграли, — возразил Омас. У него появилась привычка перекладывать листы флимы по всему столу. Ему не нужны были печатные документы, но, казалось, он получал некоторое утешение, держа их в руках, словно последнюю осязаемую власть над своим собственным правительством. — Считайте, что нам досталось.

— Мы с этим справились, — сказал Джейсен. — Мы знаем, что пошло не так и почему мы попали в ловушку.

— Плохая разведка, — указал Омас. — Неужели вы, джедай, не ощущаете эти засады?

Ниаталь отметила, что Джейсен быстро моргнул трижды. Теперь между этими двумя оставалось мало симпатии. То замечание отчего-то действительно уязвило Джейсена, несмотря на то, что он был слишком умен, чтобы обманываться идеями собственного всеведения.

— Мы не непобедимы и не непогрешимы, — мягко сказал он. Именно тогда он и был наиболее опасным — когда казался спокойным и разумным. — У меня была ненадёжная разведка, и это — профессиональный риск. То, что мы выбрались оттуда целыми, произошло в значительной степени благодаря навыкам джедаев. Как ни странно, навыкам моих родителей и моего дяди...

«Не возражай мне, Джейсен. Или флоту».

— Вы слишком скромны, полковник Соло, — сказала она. — Я слышала, что вы замечательно сражались.

Джейсен оставил комментарий без ответа или скромной полуулыбки, которая была его обычным ответом. Омас щелкнул кнопками управления голоэкраном на стене кабинета. Компьютерно-смоделированное изображение планеты превратилось в городской пейзаж: голоканалы показывали вставки трёхмерных изображений взрывов и дымящихся горизонтов.

— Мы получили сообщения о сражении, вспыхнувшем на Рипоблюсе.

— Почему? — спросил Джейсен. — Никому в системе Сепан нет дела до Конфедерации. У меня не было никаких сведений...

— Для них теперь дело не в симpatиях, — пояснила Ниаталь. — Мы достигли стадии «свободу всем». Когда ещё им лучше возобновить спор с Димоком, чем во время гражданской войны? Какссора в кантине. Стоит начаться одной драке, и все внезапно вспоминают, что им тоже нужно свести счёты.

— Будет ещё много междоусобиц, — вздохнул Омас. — И перед нами встаёт вопрос, где подвести черту.

Судя по виду Джейсена, он изучал карту столицы Рипоблюса. Ниаталь рассудила, что на самом деле его терзало беспокойство из-за ограниченных возможностей его разведки.

— Глава государства, даже Империи не удалось остановить сепанские войны, а она была готова применять гораздо более чрезвычайные меры, чем мы, — сказала она. — Мы должны сопротивляться любому давлению с целью втянуть нас в этот конфликт. Мы опасно близко подбираемся к чрезмерной растянутости.

Омас сменил голоизображение на сводную таблицу по составу Сената. Названия большинства планет-членов были обозначены красным, но некоторые — синим; и с тех пор, как адмирал последний раз видела этот список, синих названий стало намного больше.

— Вчера вечером отделились ещё две планеты, — сказал Омас. — Лас-Лагон и Берис. Незначительные миры, но давайте подсчитаем. Чем больше планет отделяется от ГА, тем меньше военных ресурсов я могу использовать, и тем больше ресурсов становятся потенциально доступны Конфедерации.

Джейсен являл собой олицетворение невозмутимого презрения.

— Да, полагаю, я могу разобраться с этим.

— И вы всё еще верите в ответные меры с применением всех сил — в пределах границ этических соглашений.

— Да.

— Значит, мы движемся по нисходящей спирали. — Омас прошёл в центр комнаты и бросил на Ниаталь взгляд на грани мольбы: «ну же, вы, военные, вы же знаете, что это правда». — Рано или поздно, расколы достигнут точки, когда от ГА останутся одни огрызки, тогда как Конфедерация сперва сравняется с нами, а потом и превзойдёт нас численно. — Омас поднял два пальца и театрально сосчитал: — Проблема первая: мы окажемся в меньшинстве. Проблема вторая: где наша законность? Какой мир мы установим?

Ниаталь решила позволить Джейсену ответить, а самой держать порох сухим. У Омаса были отличные суждения, но суждения политика, а не начальника штаба. Её задачей в тот момент было решить, как применить силу, чтобы достигнуть целей Омаса, а не определить, каковы должны быть эти цели.

Это была битва для Джейсена Соло. Она наблюдала.

— В таком случае, — ответил Джейсен, так мягко, что это был почти шёпот, — они смогут победить нас без единого выстрела. Они смогут сломать нас листом флимси. Я назвал бы это капитуляцией.

— Я назвал бы это, как говорят в военных играх, наихудшим сценарием. — Омас снова посмотрел на Ниаталь. — И вы, адмирал, узнаете, когда мы достигнем военного переломного момента.

У Ниаталь было две стратегии: одна на случай единства ГА, имеющая место в настоящий момент, и другая — с одними только войсками, базировавшимися на Корусанте. Если поддержка отпадала, имело смысл работать на основе последней. Она поглядела на список красных названий и растущее число синих, при этом следя за Джейсеном — людям всегда было трудно определить, куда смотрят мон каламари, — и поняла, что график не будет прямой линией. Если Альянсу предстоит расколоться, это не произойдет мирно и постепенно; это будет внезапный крах.

— Этот момент ещё не настал, — проговорила она, наконец. — Я сообщу, как только начну беспокоиться. Но я могу сказать вам, что мы уже чересчур растянуты географически. Многочисленные фронты. Нехорошо.

— И если мы лишим поддержки союзников, мы усугубим проблему, — подхватил Омас. — Они переметнутся.

Джейсен шумно вдохнул.

— Вот почему я в первую очередь выступал за то, чтобы действовать очень жёстко и очень быстро.

Омас улыбнулся, но без юмора.

— А. Что я вам говорил. Мне было интересно, как долго это продлится, прежде чем мы достигнем той стадии.

— Глава Омас, я знаю, что сейчас мы ничего не добьемся, но мы могли бы быть честными друг с другом и признать, что каждый из нас может внести свой вклад.

Ниаталь подумала об изменениях своего отношения к Джейсену. Сначала он был полезным союзником; затем — инструментом для продвижения более жёстких решений, минуя Омаса. Он всё ещё полезен для Альянса, подумала она, но в последнее время он стал в большей степени политиком, чем солдатом. Его язык изменился: меньше прямоты, больше осмотрительности. Она тосковала по простому разговору.

Но сейчас она никак не показывала этого Джейсену.

— Мои источники утверждают, что кореллианцам не удалось своевременно нанять мандалорцев, — сказала она. — По некоей неясной причине они, кажется, остаются нейтральными. Если только им не провели коллективную лоботомию, я назвала бы это интересным.

Омас в упор смотрел на Джейсена, держа руки в карманах.

— Мы нашли к ним подход? Кто-нибудь из ваших тайных сотрудников нанял хотя бы нескольких? Насколько я помню, они неплохо отличились во время последней войны.

Джейсен выглядел безмятежным — за исключением зрачков.

— Нет, и я подозреваю, что мы не получили бы положительного ответа.

— Почему? Не говорите мне, что они открыли для себя пацифизм после тысячелетий разбоя и разрушения. Они — прирождённые головорезы. Довольно любого повода для драки, за которую им заплатят.

«Ты думаешь, я не знаю, что ты натворил, Джейсен». — Ниаталь изобразила умеренный интерес. — «Но слухи распространяются. Посмотрим, правильно ли ты сыграешь».

Джейсен всё ещё оставался неподвижным, разве что переплёт пальцы на коленях. Это было похоже на медитационную позу, совершенно противоречившую его чёрной униформе Гвардии Галактического Альянса.

— Дело в том, что я... потерял дочь Бобы Фетта во время допроса, — сказал он.

«Ага».

— Потерял? — Омас мигнул несколько раз. — В смысле, *потерял*?

— Она умерла, когда я допрашивал её. Тогда я понятия не имел, кто она такая.

Секунду Омас выглядел ошеломлённым, но затем у него вырвалось слабое невольное «Ха!», странно сочетающее ужас и веселье.

— И Фетт об этом знает?

Лицо Джейсена было спокойно и непроницаемо, как у статуи.

— Теперь да.

— Тогда, полагаю, вам придётся всю оставшуюся жизнь оглядываться через плечо, полковник.

Казалось, Джейсен об этом не задумывался. Его самообладание дрогнуло на секунду, когда он передвинул скатые руки.

— Просить его об одолжении было бы не очень умно.

Ниаталь задумалась, не откусил ли Джейсен, наконец, больше, чем сможет прожевать. До её ушей доходили сплетни, а сплетни от тайной полиции Джейсена были совершенно иным и гораздо более надёжным источником, чем перешептывания в отделанных пликовой древесиной коридорах Сената.

Но это не годилось для её планов сокрушить и испепелить Джейсена. И ей не обязательно было симпатизировать людям, чтобы работать с ними.

— Я договорился на сегодня о встрече послов Лас-Лагона и Бериса с дипломатическим корпусом, — сказал Омас. — Посмотрим, сможем ли мы уговорить их вернуться под наш кров. Я не хочу позволять паническое бегство.

— В чём их проблема? — спросила Ниаталь.

— Не желают введения войск.

— Откажите им.

— И что за сигнал это пошлёт Кореллии? Это отступление. — Омас казался возмущённым.

— Именно поэтому мы и пошли на войну в первую очередь — ради принципа объединения обороноспособности Альянса.

— У Лас-Лагона и Бериса вместе взятых двадцать тысяч солдат максимум. Дипломатическая выгода, как мне кажется, перевешивает как принципы, так и любую пользу, которую они могут принести. — Самое худшее в мире, решила Ниаталь, это политик, который на полпути открыл для себя принципы щепетильности. — Они неважко обучены и плохо экипированы, поэтому вряд ли мне будет не хватать их военного вклада в ГА.

Джейсен поднялся со стула и выпрямился, явно давая понять, что направляется к выходу.

— Ну, по крайней мере, есть кое-какие положительные новости на контртеррористическом фронте. Уже второй месяц подряд возрастают темпы конфискации оружия. Мы перекрываем им маршруты поставок.

— Вы уверены, что они все политически мотивированы, а не просто преступники? — спросил Омас.

— Если один из них вас застрелит, — ответил Джейсен, — вам будет дело до таких тонкостей? Обычное преступление и террор имеют тенденцию рано или поздно идти рука об руку. И поинтересуйтесь у Корусантских сил безопасности насчёт последней статистики тяжких преступлений. Повсюду становится гораздо спокойнее.

Он вежливо поклонился им обоим и вышел. Омас наблюдал, как за ним закрылись двери, а затем побрёл к главному окну, выходившему на площадь, и уставился туда в рассчитанном молчании.

— До чего мы докатились, адмирал, если, услышав о том, что полковник Соло убивает заключённого, я в первую очередь подумал: у него теперь могут быть враги, достаточно серьёзные, чтобы следовало держать его подальше от меня?

Это было весьма откровенное признание.

— Вы всего лишь человек, — сказала она.

Омас не увидел обратной стороны этой словесной монеты.

— Это обвинительный акт тому, чем мы все стали, что мой внутренний круг советников составляют не министры безопасности или юстиции и даже не дипломаты, а начальник штаба и глава тайной полиции. — Омас начал свою ритуальную ходьбу по кабинету, оставляя на бледно-голубом ворсе ковра лёгкие, почти сразу исчезавшие следы. — Знаете, я думаю об этом. Интересно, как полковник достигает такого влияния, и я правда не знаю, позволяю ли я это, потому что он — джедай, или потому что он — глава ГГА.

Ниаталь подумала, что со стороны Омаса было умно вести реальные переговоры с горсткой людей, в которых можно было быть уверенным, что они не переметнутся на сторону Кореллии. С некоторыми сенаторами говорить было нельзя.

— В наше неопределённое время это необходимо. Мы можем созвать чрезвычайные комитеты, какие только хотим, но вести войну могут немногие. Войну за пределами наших границ и войну внутри них.

— Вы считаете, что у нас всё ещё идёт внутренняя война?

— Многие корусантцы думают, что да. Нет такой вещи, как «только» тысячи смертей во время террористических актов. Если погибает корабль с тысячами членов команды, гражданские лица говорят: «Очень жаль, но они на это подписывались». Погибает несколько гражданских лиц — и это планетарная трагедия. — За несколько месяцев ГГА разбила большинство

террористических сетей: она была очень эффективны в отслеживании финансирования и установлении связей. Но она всё ещё была активна и теперь стучалась сапогом в разные двери — к ботанам, к сочувствовавшим Конфедерации, к нескольким смутьянам, которые просто «нарушали мир», пока действовали чрезвычайные полномочия. — Разобраться со страхом терроризма так же правомерно, как и с реальной угрозой.

Омас сделал паузу и попытался посмотреть ей прямо в глаза.

— Адмирал, вы поражаете меня, как офицер, воспитанный в традициях благопристойности. Чести. Верховенства закона. В трудное время это слишком часто отбрасывают.

— Я придерживаюсь того, что мне велено делать, и я благодарна за то, что не должна заниматься делами ГГА.

Омас, казалось, отметил неопределенность сказанного.

— Номинально ГГА находится под вашим командованием.

«Номинально...»

— Вы же полагаете, что полковник Соло переходит границы и что я должна более решительно заняться этим.

— Допустим, я обеспокоен его приёмами работы с подозреваемыми.

— Чего вы хотите — чтобы я призналась, что тоже обеспокоена?

— Вы?

— Иногда.

Брови Омаса приподнялись в одном мгновении надежды.

— Я понимаю, что нелегко обузданить офицера, который столько делает, чтобы успокоить общественность.

— Всем нам в трудные времена нужны герои, даже если мы не так уж нуждаемся в их защите, как нам кажется.

— Действительно. И, что бы они там не бормотали, я действительно считаю, что Совету Джедаев втайне нравится, когда одного из них обожают за его силовой подход к сохранению мира. Это рассеивает представление о них как о пассивных мистиках, потерявших связь с суровой реальностью.

— Успех — всеобщее дитя. Неудача — сирота.

Омас улыбнулся с сожалением.

— Ну, он или выиграет для нас войну... или уничтожит нас. — Он вернулся к своему отполированному столу и, когда сел, показался каким-то съёжившимся. Маленькая бронзиумная ваза с единственным фиолетовым цветком кибо заставляла стол выглядеть еще более обширным и пустым. — У героев есть такая привычка.

«Нас. Уничтожит нас».

А у политиков есть привычка сеять сомнения и идеи, которые проникали в подсознание. Ниаталь отметила тонкое предупреждение Омаса и едва не начала объяснять, что у неё уже есть необходимая степень паранойи для более серьезной политической карьеры, но он, вероятно, уже знал это. Если не знал, она ошибалась в нём.

— Я приму это к сведению, — сказала она.

Омас был законченным государственником, пережившим неоднократные покушения на свою жизнь и карьеру. Он должен был понять всю беседу, которая сводилась к одному: она знает о том, что Джейсен непредсказуем, что он весьма, просто подавляюще честолюбив, и знает, что он может оттеснить её, если она не примет мер. И знает, что Омасу известно о том, что она следит за его работой и что однажды он облегчит ей это вступление, если она будет работать с ним, а не с Джейсеном Соло.

Nas. Политический кодекс — весьма экономичный способ передать деликатную информацию, фактически не используя инкриминирующие слова. Это экономило много времени и избавляло от проблем.

Ниаталь промолчала, давая этим понять, что встреча закончена. Когда двери закрывались за ней, она оглянулась на Омаса; последним, что она увидела, был человек, прикрывший глаза на секунду, как будто он абсолютно опустошен.

«Через несколько часов он вернётся в Сенат, словно всё под его контролем. Неужели мне правда хочется такой работы?»

Она всё ещё думала, что да.

Ниаталь пообедала в одной из многочисленных столовых Сената. Всегда имелся по крайней мере один открытый в любое время дня и ночи ресторан или тапкафе, некоторые — для отдыха, некоторые — для официальных встреч, и все они были местами средоточия сплетен, дебатов и заключения соглашений. Здесь решалось больше государственных дел, чем в палате Сената. Заодно это были относительно безопасные места, где можно было поговорить с существами, которые привлекли бы внимание, вздумай она встретиться с ними в офицерском клубе. Здесь просто замечательно получалось прятаться на виду, и никто особо не отметил тот факт, что она, так уж вышло, села перекусить за один стол с госсамом по имени Джифал Кеб, старшим госслужащим в отделе общественной защиты. Их голоса утонули в общей болтовне. Они именовали Джейсена Новичком, ГГА — Клубом; Омас, естественно, стал Боссом. Банально, но зато не привлекало внимания тех ушей, что выхватывали имена со всего помещения.

— Наши неистовые друзья на Келдабе угрожают Новичку? — спросила она.

— Оттуда нет вестей. — Кеб каким-то образом медленно обозревал всё вокруг на 360 градусов. — Но, если бы они что-то планировали, они не стали бы сообщать об этом в КСБ. Говорят, что Шеву тоже серьезно проштрафился в своих способах ведения дел.

— Шеву довольно старомоден в вопросах потери заключённых. Кто-то ещё в Клубе недоволен управлением?

— Как ни странно, нет. Признаю, готовность Новичка возглавить фронт действительно порождает верность.

— За кем он теперь шпионит?

— Не за вами, насколько я могу сказать. Я бы очень удивился, если бы он не приставил к Боссу несанкционированных наблюдателей, но у меня еще нет никаких веских доказательств. Как вы понимаете, Клуб отлично умеет замечать следы.

— Что-то ещё, что мне следует знать?

— Незначительные проблемы со снабжением, но это не имеет никакого отношения к Новичку.

— Несколько незначительные?

— В настоящее время вызывают беспокойство проблемы с некачественным снаряжением и трудности с дефицитом. Возможно, вы захотите пнуть нескольких сборщиков данных, прежде чем это станет проблемой.

— У меня есть тот, кто приглядит за этим. — Таким образом Джейсен будет оставаться занят. Он заботился о благополучии войск. — Вопросы экипировки, кажется, подтачивают самую твёрдую мораль.

Это была краткая беседа двоих чиновников ГА, у которых были все основания обменяться парой слов. Никто ничего не заметил. Верховный главнокомандующий и старший сотрудник внутренней безопасности постоянно говорили друг с другом.

Никто не знал, что те трое, что управляли войной, не осмеливались поворачиваться спиной к друг другу.

Это была политика. Адмирал Чжа Ниаталь была намерена привыкнуть к этому.

ЗВЁЗДНАЯ СИСТЕМА М2Х32905, ОКОЛО БИММИЭЛЯ

Кто-то следовал за Люмией, и она могла уловить это присутствие как маяк, даже в таком диапазоне. Как и медитационная сфера.

«Сломанный», сказал корабль.

Присутствие проявилось на задворках её ума как зубчатая, разбитая груда чёрно-белого стекла. Если она концентрировалась на ней достаточно долго, груда снова собиралась в единое целое, но трещины были всё ещё видны.

— Всё верно, сломанный, — сказала Люмия. — Что мы сделаем — позволим ему нагнать? Или посмотрим, насколько он хороший охотник?

Медитационная сфера ликовала. Тлевшее красное пламя, которое казалось вделанным в переборки, становилось более ярким и насыщенно золотым, и Люмия почувствовала затопившее её заговорщическое чувство юмора. *Корабль наслаждался*. Ещё бы: он в течение бессчтных лет дремал на Зиосте, сознательная вещь, ждущая цели и взаимодействия.

Никому в галактике не нравилось одиночество, будь это плоть или металл.

Люмия качнулась назад на пятках, всё ещё немного дезориентированная кабиной, которая не окруживала её. Не была похожа на продолжение её тела, как истребитель. Вместо аккуратно расположенных экранов и средств управления в пределах досягаемости не было ничего, кроме застывших, шероховатых, напоминавших камень поверхностей, в которых появлялись и снова исчезали изображения.

Переборка корабля показала ей узор огней. Маленький корабль следовал по их курсу на расстоянии пяти тысяч километров. Пояс астероидов, где была спрятана её база, появился, словно брызги звёзд на тёмно-синем фоне, как будто в переборке пробили отверстие, и она почти ожидала почувствовать проносящийся мимо воздух и вытягивающий вакуум снаружи.

— Пора прыгать, — сказала она.

Сфера медитации как будто глубоко вздохнула и устремилась вперёд. Не было никакой инерции, вообще никакого ощущения движения, и всё же Люмия была уверена, что её желудок подскочил, а голова закружилась от ускорения. Экран отслеживания исчез. Она смотрела на струящиеся огни звёзд, а затем на бархатную черноту, ничем не освещённую, за исключением случайных точечных вспышек. Она могла видеть то, что было снаружи корабля. Как будто его и не было. Она знала, где она. Она ощущала, что корабль-преследователь уменьшился позади неё, и транспаристаль вновь обратилась в разбитый хаос.

На мгновение она почувствовала панику. На мгновение она очутилась в подбитом СИД-истребителе, борющейся за жизнь — разбитая, подстреленная Люком Скайуокером, уверенным, что она умрёт.

Переборки тотчас снова превратились в раскалённую докрасна пемзу. Она вернулась в настоящее.

«Ты в безопасности», — сказал корабль. Он чувствовал себя почти виноватым за то, что встревожил её. Ей захотелось утешить его: просто воспоминание, подумала она, и тебя оно никак не касается. И он, казалось, утешился. Никто — ничто — не заботилось о ней уже очень давно, со времён имперского обучения. Краткая привязанность Люка Скайуокера не считалась.

«Сломленный — преследователь — тоже прыгнул», — сказал корабль.

— Постарайся не слишком опережать его. — Люмия поискала в себе сожаление и одиночество, и не нашла. Было всё ещё приятно ощутить родство с другим разумом. — Мы не хотим, чтобы он нас потерял.

«Он по-прежнему следует за нами», — сказал корабль.

— Что ты думал о своем последнем пилоте? — спросила Люмия.

«Не как мы».

— То есть не ситской породы.

«Нет». Корабль знал, что Бен не годится в ученики Джейсену. «Он меньше похож на нас, чем тот, кто за нами следует».

Сфера медитации вышла из гиперпространства и полетела на приличной скорости к астероиду. Люмия дала ей мысленное изображение выждать, пока пилот на хвосте снова не определит их местоположение, а затем показала ей свое обиталище на астероиде.

Они приготовились приземляться, Люмия и корабль, каким-то образом составившие один разум на несколько секунд. Бен доказал, что он — неподходящий ученик для Джейсена. При всей своей жестокой храбрости на Зиосте мальчик всё же поддался сентиментальному убеждению джедаев и рискнул своей жизнью, чтобы спасти ту девчонку. Ему не хватало безжалостной грани, необходимой ситу. Но, по крайней мере, он сделал кое-что полезное: без него она не получила бы этот редкостный корабль. Он поспособствует будущему Джейсена. Она видела это в Силе. Так или иначе, её собственное будущее не было связано с кораблём, но она будет заботиться о нём, пока не настанет время оставить его.

«Бен». Она не испытывала к мальчику никакой неприязни, но сейчас он был просто излишком.

«И всё-таки, неужели это он? Тот, кого должен убить Джейсен?»

Возможно, Сила неспроста спасла Бена от её заговора. Возможно, в этом и заключалась его судьба — помочь своему учителю, пожертвовав жизнью, а значит, не Люмии её отнимать.

«Я не знаю, что Джейсен должен сделать. Я просто не знаю. Я не вижу тот мост, который он должен пересечь, чтобы стать лордом ситов, которым ему предназначено быть».

Неужели Джейсен считал, что у неё не больше ответов на этот вопрос, чем у него? Она сомневалась в этом. Он должен был увековечить свою любовь — убить её, уничтожить то, что он больше всего любил.

Когда медитационная сфера скользнула в ангар её убежища, Люмия размышляла о том, что же любил Джейсен Соло и потеря чего не вынесет, жертвы, которая вознесёт его над этим миром и дарует величие. Его сестра Джейна? Нет, он уже попытался предать её военному суду. Его родители? Он приказал их арестовать. Но наказание — одно, а убийство — совсем другое.

«Дом», сказал корабль. «Я могу защитить тебя от того, кто следует за нами».

— Спасибо. — Люмия была озадачена. — В этом нет необходимости. Пусть тот корабль приземлится.

Неужели всё-таки Бен Скайуокер? Из всех, кого Люмия видела, мальчик был самым близким Джейсену человеком. Он хотел, чтобы Бен преуспел. Он игнорировал слабость мальчика.

Люк Скайуокер? Нет, Джейсену не было дела до Люка, а, может, он даже презирал его. Мара? Она, возможно, последний человек, кто поддерживает Джейсена, но к ней у него чувств ещё меньше, чем к собственным родителям. Значит, Бен. Это почти наверняка Бен.

Или... возможно, это не человек. Возможно, он должен уничтожить организацию или что-то абстрактное. Возможно, он вообще не должен никого убивать. Люмия боролась с нетерпением; какова бы ни была судьба Джейсена, какое бы кардинальное действие ему бы ни пришлось совершить, это случится скоро. Она почти ощущала ткань Силы, ожидавшую этого. И возможно... тем, кого он убьет, окажусь я.

Но она была ситом, а любой сит будет ожидать этого от ученика. Это цена, которую она должна была быть готова заплатить.

«Очень сломленный», сказал корабль, выдернув её из собственных мыслей. Люмия поднялась на ноги и встала перед переборкой. Пылающая пемза истончилась до прозрачности, но это была не визуальная иллюзия; переборка открылась в атмосферу, и из корпуса корабля сформировался трап. Когда Люмия спустилась по нему в ангар, в воздушный шлюз протиснулся старый ударный корабль типа «Захватчик». Она уже давно не видела этих кораблей в форме восьмёрки.

Хлопнул люк, и появился кто-то, частично закутанный в плащ, но с характерной хромающей походкой.

— Ты рискуешь, танцовщица. — Люмия начинала считать Алиму Рар помехой. — Я могла выстрелить в тебя.

Тви'лекка отбросила плащ с лица и наклонила голову. Это была поза опытной женщины, которая провела большую часть жизни, кокетничая, пока это не стало бессознательной привычкой. Она привыкла к мужскому вниманию и всё ещё вела себя так, как будто заслуживала его, даже

если вокруг не было ни одного мужчины и даже если её внешность изуродовали раны от светового меча. Обрубок лекку придавал ей гротескно комический вид.

Но Алима вовсе не была поводом для смеха. Она была, как выразился корабль, сломана. Повреждённое, мстительное существо, которое было готово наброситься, а Люмия не терпела недостатка дисциплины. А ещё Алима была безумна, а тёмный джедай с подобными проблемами — очень опасное осложнение.

— Но не выстрелила. — Тви'лекка не сводила глаз с медитационной сферы. — Этот корабль кажется нам интересным.

— Не сомневаюсь. — Люмия указала на двери, ведущие в её покой. «Дом» был не просто словом. — Раз уж ты здесь, можешь войти.

Алима бродила вокруг корабля, пристально разглядывая его со всех сторон, явно очарованная.

— Он думает, — сказала она. — Корабль *думает*.

— Думать полезно. Попробуй как-нибудь. — Люмия понимала, что с сумасшедшей нужно обращаться осторожнее, но сегодня ей не хватало терпения. Она напряглась, чтобы понять, о чём говорит корабль, но всё, что она смогла обнаружить, — это его бдительность, его сенсоры настороженно интересовались Алимой. Он, вероятно, исследовал её тьму. — Что привело тебя сюда?

— Мы отслеживали «Энакин Соло». Мы обдумали отношение Джейсена Соло к своим родителям, и мы считаем, что могли бы добраться до Хана и Леи Соло, работая с Джейсеном.

Алима ласково положила руку на медитационную сферу, и Люмия почувствовала, что корабль вздрогнул, а потом как-то смягчился. Он знал, что Алима повреждена. Его обязанность заключалась в помощи, в заботе о своём пилоте. Казалось, эта склонность одарила его странным сочувствием тем, кто нуждался в помощи.

Люмия мысленно вздохнула. Последнее, что ей нужно, это ситский корабль, испытывавший жалость к чокнутой тви'лекской мерзавке. Она послала кораблю яркий образ Алимы с лицом,искажённым психотическим гневом, разбивающей сферу в груду зубчатых обломков. Корабль сразу же понял. Алима отступила, словно обожжённая.

— Для всех нас будет полезно, — осторожно произнесла Люмия, — если ты сейчас не станешь переходить дорогу Джейсену Соло. Если не знаешь, идет война...

— У нас своя задача, а у тебя своя. Наша заключается в том, чтобы установить Баланс за то, что сделали нам Соло. Лея всё ещё будет пытаться вернуть своего драгоценного сыночка к свету, а значит, он остается хорошей приманкой для наших целей.

— Давай, я скажу по-другому, — любезно проговорила Люмия, ведя Алиму к дверям. — Встанешь у меня на пути, и я тебя убью.

Алима одарила её странной кривой улыбкой, но позволила сопроводить себя в жилые помещения.

— Ты знаешь, с кем имеешь дело? — спросила Алима.

Люмия вновь исследовала присутствие тви'лекки. Оно походило на осколки битого стекла у неё во рту, наиболее чуждое из всех существ, с которыми она когда-либо сталкивалась. Она уже бывала в умах безумных, но не в умах безумных джедаев, да ещё заблудших. Это было почти пугающим. Самым тревожащим было это ощущение «нас». Ей было трудно пробраться между элементами роевого разума и раздробленной личностью одного существа.

— Да, знаю, — ответила Люмия. — И всё же я убью тебя, если ты позволишь этой вражде разрушать более важную стратегию. У тебя будет время свершить свою месть. Вмешаешься в мои планы — и я убью Соло сама, а ты никогда не добьёшься своего Баланса. — Люмия понизила голос до успокоительного шепота. — И ты знаешь, что я могу это сделать, не так ли?

На вид невозмутимая, Алима пристально оглядывала жилище Люмии. Мебели там осталось мало, потому что она забрала почти всё необходимое имущество в тайную квартиру на Корусанте — или на последний адрес, без разницы, — за исключением дубликатов оборудования для

обслуживания её кибернетических протезов и самого необходимого для краткого пребывания. Алима напоминала клиента, оценивающего квартиру и решавшего, покупать ли её.

— Нет, тебе нельзя оставаться здесь, — сказала Люмия. Телепатия была выше её сил, но она понимала взгляд собственника, когда видела его. За Алиной стоило приглядывать: она была столь одержима и опрометчива, что могла бы — только могла бы — поставить палки в колеса, а Люмия не готова была так рисковать. Слишком уж высоки ставки, слишком близок момент.

«Будь у меня хоть капля здравого смысла, я бы убила её сейчас же, пока она не стала слишком большой проблемой. Но...»

Алима ещё могла быть полезной, пока её безумие не стало чересчур неуправляемым.

— Ты понимаешь месть, — сказала Алима. Она уселась на диван, одна рука заметно обвисла, а лоб на секунду скривился в нетерпении. — Люк Скайуокер разрушил твою жизнь. Он тоже оставил тебе шрамы.

— О, гораздо больше, чем шрамы. — Люмия отвела с лица вуаль, чтобы Алима увидела её повреждённую челюсть. Затем она поставила ногу на стул, вынула виброклинок и нанесла удар в бедро. Раздался металлический скрежет. Лицо Алимы выражало достаточное удивление.

— Я скорее машина, чем органическое существо, — продолжала Люмия. — Думаю, есть некий порог, когда женщина прекращает быть человеком с кибернетическими имплантами и становится машиной с органическими частями. Полагаю, я перешла этот порог. И знаешь, что? Я весьма довольна этим.

— Ты хочешь покарать Люка, как мы хотим покарать Лею.

Люмия склонилась над Алиной и схватила её за воротник, притянув её лицо близко к своему, чтобы та не могла отвести взгляд.

— Люк, похоже, думает так же, что, по мне, потрясающе высокомерно. — Неужели в глазах Алимы промелькнул лёгкий страх? Иногда было интересно самой играть в сумасшедшую. — Он считает, что галактика вращается вокруг него, но так же думают многие. Нет, я не скучаю по своей красоте, дура, потому что сейчас она всё равно уже исчезла бы. Как только я поняла, что мои раны освободили меня от волнения из-за таких пустяков, я поняла, что у меня есть задача, которую только я могу выполнить. — Она крепче стиснула лёгкую ткань на горле Алимы. — И та задача близка к завершению, поэтому, если ты будешь хоть как-то мешать мне, я сосредоточусь на *тебе*. Понимаешь?

На мгновение лицо Алимы потеряло обычное странно-сумасшедшее выражение и стало похожим на лицо нормального существа, испугавшегося за свою жизнь. Люмия не знала, как она сама выглядела в тот момент, но, похоже, это сработало.

— Мы будем... уважать твои пожелания, — заявила Алима.

Люмия решила не бить её, хотя и не без усилия. У неё не было времени на такую ерунду.

— Сделай одолжение, — сказала она и выпустила воротник Алимы, прозрачная ткань скользнула по её перчаткам. — Спроси себя, что ты имеешь против Леи Соло, кроме того, что она сделала тебя уродливой. Если ничего, кроме этого, нет, то твои поиски Баланса — пустая трата времени.

Алима моргнула, как будто её ударили. Возможно, она впервые услышала по отношению к себе это слово — «уродливая». Она не была такой; она была *ничем*. Галактика была полна весьма разнообразных форм жизни, и Люмия разучилась судить о привлекательности и даже хотеть судить. Удивительно, что некогда прекрасные существа жили гораздо хуже, чем простые смертные, когда их настигали возраст иувечья. Всё это было иллюзией. Миллионы рас в галактике всё равно не могли договориться о том, что же такое красота.

Но Алима, похоже, обдумывала это.

— Мы всё еще хотим помочь тебе достигнуть своей цели.

— Хорошо, — сказала Люмия. Это постоянное «мы» Алимы отчего-то терзало её терпение. Она знала, что это остаток роевого разума со времён, когда она была Примкнувшей, но это

раздражало её. — Потому что если ты больше всего на свете хочешь навредить Лее, то, позволив Джейсену продолжить то, что он должен сделать, мы причиним ей самую страшную боль.

— Ты хочешь навредить Лее?

— Она мне ничего не сделала. У меня вообще нет никаких чувств. Может, и есть кое-что, что ты можешь сделать, чтобы помочь мне, то, в чём ты лучше любого другого. — Обратись к её тщеславию. Оно достаточно велико. — Следи за Джейсеном для меня. Тайное наблюдение.

— Хорошо, но разве ты не можешь определить его местонахождение в любое время, когда захочешь?

— Недостаточно близко. — У Люмии не было полной способности ситов видеть все детали игры, каждый элемент в сражении. Такое умели лишь полноправные мастера-ситы. Но ей ни к чему было выдавать, что у неё меньше сил, чем могла подумать Алима. — У меня нет времени засекать его перемещения, но для его собственной безопасности я всегда должна точно знать, где он, особенно когда он покидает Корусант. Ты уверена, что справишься? Это утомительная работа, хотя и необходимая.

— Мы справимся.

— И оставь «Захватчик». Я подыщу тебе менее приметный корабль.

— Оранжевую сферу?

— Нет. — Алима, похоже, увлеклась ситским кораблём. Возможно, потому, что она могла с ним общаться: когда Люмия проникла сквозь зубчатый хаос в разум тви'лекки, она обнаружила там ощущение изоляции, которое заставило её отпрянуть. — Что-нибудь более подходящее. И замети следы, когда будешь улетать — не приведи никого к этому астероиду.

— Наше дело — наблюдение и убийство, — натянуто ответила Алима. — Мы — не любитель.

Люмия провела её по вьющимся проходам, которые пронизывали астероид, и доставила к экстренному выходу — даже в космосе она считала его задней дверью — где приставили несколько маленьких кораблей. Когда-то у неё был боевой флот, но он давно погиб в войне с юужань-вонгами. В любом случае, теперь её потребности стали несколько иными. Ей нужна была невидимость, а не огневая мощь.

— Вот. — Она указала Алиме на изрядно потрёпанный челнок из тех, на которых приоритетные курьеры имели обыкновение переправлять срочные грузы между мирами. Он был пятнадцати метров длиной, и треть её приходилась на гипердвигатель и вооружение. Курьерский челнок должен был быть быстрым и способным защититься от пиратов, но спецификации этого значительно превосходили стандартные технические требования. Люмия ожидала недовольства Алимы.

— В нём нас не заметят, — сказала тви'лека, видимо, удовлетворённая.

— Можешь сменить идентификатор транспондера и раскраску корпуса на любые из сотни курьерских компаний. — Конфигурация была на самом деле стандартной, но Люмия для верности добавила несколько поддельных и непрослеживаемых компаний. — Он не роскошный, зато полезный.

Алима подняла люк. Он отскочил от корпуса, формируя тент. Она всмотрелась внутрь.

— Она отняла у нас всё. — Ее голос был приглушён люком. Затем она появилась снова. — Мы одни. Она сделала нас одинокими.

«О, дайте мне силу, она опять за своё».

— Кто именно?

— Лея Соло. Она отняла наш лекку, и поэтому мы не можем полноценно общаться с другими. Из-за неё погибло наше гнездо. И она отняла то, что привлекало к нам других — нашу красоту. — Похоже, Алима размышляла: она обдумала вызов Люмии и осознала, что в действительности вело её. — Мы одиноки, и мы никогда не сможем как следует коснуться мира.

Люмия была обучена никогда не ослаблять бдительность и не привыкла испытывать жалость. Она не то, чтобы чувствовала жалость к Алиме, но ощущала внезапный болезненный

проблеск её потери, и это, должно быть, было особенно мучительно для тви'леки; с повреждёнными лекку ей было трудно общаться с представителями своего вида, чувствовать удовольствие — даже кого-то любить. Головные хвосты были частью её нервной системы. И насколько ещё она нуждалась сейчас в близости, став частью сплочённого гнезда килликов?

У Алимы действительно были свои причины желать возмездия. Люмия старалась, чтобы этот краткий поток жалости не заставил её задуматься о том, какую нормальность она сама потеряла.

— Мне жаль, — сказала Люмия и не покривила душой. — Так используй это, чтобы оставаться сосредоточенной и выжидать своего часа.

Алима смотрела на курьерский членок и, казалось, пребывала где-то совсем в другом месте. Затем она посмотрела на палубу ангара и начала покачиваться, словно слушая музыку. Она подняла одну руку — другая безжизненно висела, парализованная ударом светового меча Люка Скайуокера, — и казалось, начала танцевать, медленно и с трудом поворачиваясь на своей исколеченной ноге.

На секунду Люмия решила, что это очередное кривлянье. Затем она поняла, что это вполне подлинно: Алима помнила своё прошлое, как и то, что она больше не могла делать.

— Мы были танцовщицей, — задумчиво произнесла она, но говорила она сама с собой. — Мы любили танцевать.

Люмия попыталась подумать обо всём том, что она когда-то любила делать, до того, как поступила на имперскую службу, и не вспомнила ничего.

— Поторопись, танцовщица, — сказала она. — Можешь начинать отслеживать «Энакин Соло».

Прошлое не имело значения, вообще. Было только будущее.

КОРУСАНТ, БАР «САНВИЯ ВИТАДЖУС»

Мара взболтала в стакане осадок сока земляного яблока и неохотно отпила под пристальным взглядом Кипа Дюрона. Он явно желал сказать что-то такое, о чём не хотел говорить в зале Совета джедаев — или при Люке.

И от Бена по-прежнему не было вестей. «Энакин Соло» вернулся на Корусант два дня назад — без всяких признаков Бена. Она отчего-то надеялась, что он доберется до Джейсена, даже если не чувствовал в себе желания общаться. Одного чувства, что он цел и невредим, было недостаточно.

Он был её мальчиком. Её не волновало, со сколькими «Балансирами» он мог справиться. Это был её ребенок, и она не могла выносить его отсутствие. Порой, когда она долю секунды смотрела на их жизнь глазами нормальной матери, она приходила в ужас.

— Если бы я не знал, в чём дело, — заговорил Кип, — я бы решил, что ты избегаешь меня. Весь Совет джедаев, фактически.

— Просто занята. Но ты для чего-то позвал меня сюда, и вряд ли для того, чтобы повысить уровень антиоксидантов.

— Ну, может, я простой наблюдатель, но у нас на свободе неконтролируемый джедай. Возможно, Совет сможет помочь тебе с этим. Знаешь, объединённые усилия самых опытных джедаев в галактике?

— А если я скажу, что мы с Люком сами сможем разобраться?

— О, дела семейные...

— Да. И факт, что не весь Совет находится на одной стороне, поэтому мы не хотим провоцировать раскол, — сказала Мара.

— Так уже бывало...

—...и с этим покончено. Поставь себя на место Коррана. Тебе было бы приятно помогать шефу бесцеремонной полиции ГА после того, что он сделал с кореллианцами и даже с собственными родителями? Лучше уж мы сами разгребём наш семейный беспорядок.

— Я удивлен, что Люк так долго терпел Джейсена, — прокомментировал Кип. — Я ведь говорил не совсем в шутку, когда предлагал сделать Джейсена мастером. Люди, как правило, перестают бросаться камнями, когда оказываются в палатке.

— Думаю, сейчас не лучшее время.

— Люк смущён тем, что у него проблемы в собственной семье?

Мара едва не сболтнула, что сама не раз мешала Люку действовать и теперь горько сожалела об этом, но это было не совсем верно.

— Если я скажу, что установила первопричину и собираюсь разобраться с ней, ты отступишься?

— Я заметил местоимение.

— Люк знает, что я делаю.

— И что же?

— Я собираюсь убить Люмию.

— Это избавит Бена от угрозы, но как это поможет разобраться с Джейсеном?

— Она пробралась в ГГА. Я не знаю, кто её доверенные лица, но стоит предположить, что она может добраться и до Джейсена. Она может даже влиять на него. Она должна уйти.

— Почему так долго? У старухи-киборга сейчас, должно быть, заканчивается смазка. Ты могла бы взять её в любое время.

— Люк предпочитает брать людей живыми и пытаться переубедить их. — Она не могла заставить себя сказать Кипу, что Люк имел с Люмией цивилизованный беседу на спутнике-курорте. И *касался* её — хотя у неё был световой кнут. Он сказал, что её намерения были *мирными*. О чём он думал? — Но, поверь, она не такая уж развалина. Мне придётся нелегко.

— Если тебе нужна поддержка, я помогу.

— Вряд ли она мне понадобится, но спасибо. — Мара не могла избежать следующего вопроса. — Что говорят остальные члены Совета?

— Что тебе нужно взять себя в руки. Знаешь, мы общаемся между собой.

— Выходит, у нас есть Совет джедаев со Скайуокерами и теневое заседание Совета без них... похоже на формирование линии разлома.

— Ну, ты же решила отправиться убивать сита, не посоветовавшись с нами...

Мара попыталась разглядеть двойной стандарт, легко нашла их — и проигнорировала.

— Если я встану в Совете и скажу: «Эй, эта сумасшедшая угрожает моему сыну и продолжает преследовать моего мужа, поэтому я собираюсь пристукнуть её», то ты права считаешь, что все вежливо кивнули бы и проголосовали за это? Есть те, кто думает, как и Люк, что Совет не потворствует убийствам, и это превратило бы ту линию разлома в больший раскол быстрее смазанного жиром гонщика на подах.

Кип смотрел в свой сок. Он заказал что-то густое и непрозрачно оранжевое, и ему оно, похоже, не нравилось.

— Таким образом, ты спасаешь нас от моральной дилеммы.

— Если ты так это видишь.

В баре было тихо и неаппетитно пахло влажной сырой растительностью, как в цветочном магазине. Возможно, поэтому здесь и было так тихо: это было отличное место для встреч. Никто здесь не знал их. Большинство клиентов, похоже, были эментами — вероятно, потому, что здесь они могли гарантированно получить полностью основанное на фруктах питание, приготовленное прямо на их шести глазах. Эменты были не очень-то доверчивы, особенно сфере общественного питания Корусанта.

«Насколько я ожидаю, что все будут доверять мне?»

Мара боролась с тем, чтобы не сказать мужу всю правду, при этом доверившись другу. В том и заключалась проблема: они все были друзьями, весь Совет джедаев. Сенат Галактического Альянса мог отрывать от себя куски и не чувствовать этого, потому что там были тысячи конкурентов и врагов, и даже незнакомцев, но Совет — они росли вместе во многих обстоятельствах. Они сражались вместе. Они были семьёй, и не только потому, что были джедаями.

Силгал часто цитировала древнее правило «никаких привязанностей», но Совет сам по себе был одной большой привязанностью.

Мара поняла, что ей не по вкусу роскошь, обдумала способы противодействия световому кнуту, а затем вздрогнула, поскольку защебетал её комлинк. Она вытащила его из-за пояса, подняла — и увидела лицо Бена.

— Мама, я только что приземлился, — сказал он. — Я...

— Бен? Ты в военном порту?

— Нет, в гражданском. Галактический город. Послушай, мне жаль, что...

— Оставайся там, где ты сейчас. Не уходи, ладно? Я встречу тебя в Зоне прибытия 7-В, ладно?

— Мама...

— Никаких споров. Оставайся там. — Мара щелчком отключила комлинк и подхватила свою куртку. — Если ты думаешь рассказать всё Люку, Кип, дай мне фору.

— Что-то не хочется в этом участвовать, — сказал он, пожимая плечами. — Я рад, что Бен в порядке. Просто помни, что дети любят четкие границы. Он ещё слишком мал, чтобы устанавливать свои собственные.

— Уже пыталась, — отозвалась Мара и шагнула к дверям. — И он установил свои собственные очень хорошо.

Она прокладывала себе путь сквозь толпы в космопорту, ощущая местоположение Бена. Теперь одетые в чёрное сотрудники ГГА действовали в открытую, патрулируя зал прибытия напару с сотрудниками КСБ в синей форме. Они были чересчур заметны для тайной полиции. Джейсен умел завоёвывать сердца и умы, и ему, казалось, нравилось держать на виду свои средства устрашения. Казалось, что это полностью убедило общественность, несмотря на чёрные щитки, придающие солдатам ГГА безликий и бесстрастный вид боевых дроидов.

И внезапно показался Бен, сидевший на белом мраморном пьедестале десятиметровой абстрактной статуи «Процветание», служившей одной из опор центрального купола крыши зала Зоны прибытия. «Процветание», «Прогресс», «Культура» и «Мир».

«Мир. Призрачный шанс».

Бен был похож на любого другого четырнадцатилетнего мальчишку — от чего делать он колотил пятками по мрамору, пристально глядел в планшет и вводил что-то одной рукой. Мимо него прошёл солдат ГГА. Бен поднял голову, кивнул в подтверждение и получил в ответ почтительный поклон.

Если Мара нуждалась в напоминании, что Бен — не совсем обычный подросток, то вот оно. Он — младший лейтенант. Он командовал солдатами вроде этого. Её сын помогал управлять тайной полицией.

Но она сама к возрасту Бена обучилась самым бесшумным и эффективным способам убивать врагов Императора, а Люк был всего на пять лет старше, когда присоединился к Восстанию.

«Кто у нас должен был родиться — библиотекарь?»

— Привет, мама. — Бен засунул планшет в карман куртки. У него был тот напряжённый взгляд, как будто он настроился на головомойку. — Ты волновалась за меня, да?

Мара промолчала, желая одновременно заорать на него так, чтобы перепугать как следует, и стиснуть в свирепом объятии. Она сумела подавить обе реакции и взъерошила ему волосы. Иначе он никогда бы не ушёл жить в казармах.

— Ты не мог позвонить нам? — сказала она. — Не мог даже сказать Джейсену, где ты?
Бен слегка нахмурился.

— Прости. Я был на задании и не хотел выдавать своё местоположение.

— Об этом можно будет поговорить позже. Давай пообедаем. — Она указала на выход. — Всё хорошо. Папа будет счастлив, что ты благополучно вернулся. Никаких криков. Обещаю.

Бен соскользнул с пьедестала в непривычном молчании, и они направились к платформам спидеров. Мара не спускала внимательных глаз с толпы, не вполне уверенная, что узнает или даже почувствует Люмию, если та где-то здесь. Люмия могла бы даже послать одного из своих приспешников, и у неё были свои люди в ГГА. Самой большой угрозой мог оказаться один из собственных солдат Бена.

— Чего ты боишься, мама? — спросил Бен.

Мара не сводила глаз с толпы вокруг них. Она непрерывно сканировала, как была обучена.

— Ладно, тебе тоже можно это знать. Люмия пытается тебя убить.

Бен хмыкнул, возможно, недоверчиво, и, казалось, размышлял над этой идеей, а не показывал тревогу.

— Потому что она всё ещё мстит папе?

— Главным образом, потому, что ты убил её дочь.

— Мм... ладно, поверю на слово.

Когда Бен садился в спидер, Мара прикрывала его. Это всегда был уязвимый момент: она сняла несколько целей, когда они ныряли в машины, на секунду лишившись равновесия. Люки со вздохом закрылись, и она повернулась и пристально посмотрела на сына.

— Я серьёзно, Бен. Она опасна и хитра, поэтому, пока мы ненейтрализуем её, ты должен быть настороже. У неё есть связи в ГГА. Это может быть кто угодно.

— Если бы она хотела, чтобы этот её шпион в гвардии убил меня, это бы уже произошло. — Он ссутулился на пассажирском сиденье. — Но я буду осторожен. Ух ты, как-то запутанно получается. Джейсен в списке Фетта за убийство его дочери, а я убил дочь Люмии... Полагаю, в этом и заключается работа, да? Ты коллекционируешь врагов. Эй, тут парни сделали ставки, когда и как Фетт собирается прийти за Джейсеном.

Мара не знала, то ли Бен относится несерьезно к угрозе из-за неё, то ли просто балуется в нормальном подростковомувольнении. Фетт был последней из её забот.

— И... ты тоже сделал ставку?

— О, Джейсен с ним справится. Но немного странно, что Фетт до сих пор не сделал ход. Полагаю, чем дольше он выжидает, тем больше пугаются люди.

— Если Фетт придет за Джейсеном, — сказала она, — пусть он сам разбирается. Хорошо?

Спидер поднялся в одну из автоматизированных воздушных линий и направился к зоне Ротанды. Бен молча глядел в боковой экран.

— Так ты можешь сказать мне, что это было за задание? — спросила Мара.

Бен выдержал ту трёхсекундную паузу, которая означала, что он тщательно подбирает слова.

— Я должен был вернуть корабль опытного образца. Было не так уж опасно — как раз достаточно, чтобы я мог справиться.

Это было облегчением. Просто поручение, хотя то, почему Джейсен не знал об этом, сбивало её с толку.

— И ты пропустил празднование дня рождения.

— Знаешь, как люди говорят, что в жизни наступает момент, когда дни рождения уже не важны? Вот так оно и ощущалось.

— Милый, так бывает только когда ты становишься гораздо старше. Не в четырнадцать лет.

— Если что-то и могло бы разбить сердце Мары, то именно это: детство Бена прошло мимо него.

— Обещаю, в следующем году у нас будет семейная встреча. По-настоящему отметим этот день.

— Ты думаешь, что война к тому времени уже закончится?

— Даже если и нет, мы всё равно устроим вечеринку. Все мы.

— И дядя Хан с тётей Леей? Даже после того, как я попытался арестовать дядю Хана?

Вот она, причудливая действительность гражданской войны: мальчишка-подросток послан задержать своих тетю и дядю, а потом он беспокоится, придут ли они на вечеринку по случаю его следующего дня рождения. Иногда Мара пыталась сложить дни своей жизни, которые не были посвящены убийствам и войне, и их оказалось очень, очень мало. Она хотела для Бена другого будущего.

— Да, даже после этого, — ответила она. — Бен, Джейсен знает, что ты вернулся?

— Да. — Он больше не был добровольцем. — Всё хорошо. Завтра я вернусь к несению службы в 08:00 утра. Я же не ушёл в самоволку.

— Тогда я попытаюсь в последний раз. Бен, я волнуюсь за тебя. Мы с папой действительно спали бы спокойнее, если бы ты оставил ГГА и летал на задания с нами.

Мара подготовилась к нападению. Но Бен явно задумался ненадолго, и когда он заговорил, его голос был мягким и по-взрослому тревожным:

— Мама, тебе приходилось когда-нибудь делать что-то такое, что тебе не хотелось делать, но ты знала, что должна?

Конечно же, Маре приходилось, очень много раз, что она принимала как очевидное. И в любой момент, работая на Империю или на Новую Республику, или как бы, станг, её наниматель ни называл себя, она всегда думала, что это правильно.

— Да, милый, приходилось, — ответила она и поняла, что у неё теперь нет морального превосходства смотреть свысока на сына или на кого-то другого в этом отношении. — И проблема состояла в том, что, когда я оглядывалась назад, я обнаруживала, что иногда поступала неправильно. Но пройдут годы, прежде чем я пойму, правильно ли то, что я делаю сейчас.

— Ты должна располагать лучшими данными, чем в то время.

Это было заявление утомленного человека, а не мальчика. Бен был солдатом. Он был тем, чем она и Люк его сделали. Она хотела сына-джедая, и теперь она его получила.

— В следующем году, — сказала она. — В следующем году мы устроим эту вечеринку, что бы ни случилось.

Глава 3

Мицук гомал'у мешуроке, пако кьоре.

(Давление рождает драгоценные камни, лёгкость рождает распад.)

— Мандалорская пословица

«РАБ I». НА ПУТИ К БАДОРУ, СИСТЕМА КУАТ

Мирта Гев довольствовалась тем, что дед терпел её, и хотя она старалась полюбить его, это было трудно. Отчасти ей всё ещё хотелось заставить его заплатить за то, что пришлось вынести в жизни её матери — и бабушке. А с другой стороны, она видела человека, который снискал все формы уважения, кроме любви, и жалела его. В целом, перед ней был человек, который поднял дюракритные барьеры и бросал всем вызов проломить их. Когда он вывел «Огневерхец» с орбиты Мандалора и приготовился совершить прыжок в гиперпространство, его лицо выражало явное презрение к повседневному миру. Она решила, что его шлем выглядит мягче.

По крайней мере, она добилась того, чтобы сесть на место второго пилота. Это, казалось, было для Бобы Фетта самым близким к тому, чтобы признать её своей собственной плотью и кровью.

— Твой клон — не активный охотник за головами, — сказал Фетт. В его фразах никогда не было ни вступления, ни пустой болтовни, ни близости. Он был олицетворением дела. — Я проверил по спискам всех охотников за головами и тех, кто косит под них, но там нет никого по имени Скирата. Многие на Мандалоре знали Кэла Скирату, а потом — они пропали. Исчезли.

— Но он был на охоте, я знаю. Он сказал мне убраться с его дороги. — Поверили ли ей Фетт? Она приклеилась к нему и попыталась увлечь его к гибели, поэтому едва ли могла обвинить его, если бы он передумал насчет клона. Человек был настоящим, всё верно. — Значит, мы возвращаемся по его следам?

— По твоим.

— Как ты собираешься выдать себя за клиента, желающего нанять охотника за головами?

— Не я. Ты.

Мирта внезапно поняла, почему он позволил ей сопровождать его.

— О, я и вправду пригодилась, верно?

— Заработай себе на пропитание. Правила любого товарищества.

Мирта решила, что это в высшей степени походит на её покойную мать. Айлин Вел была куда в большей степени осколком гранитного блока, именуемого Феттом, чем она когда-нибудь признала бы, но это было невозможно. Она была ребёнком, когда Фетт оставил её бабушку, слишком маленькой, чтобы последовать по его жестокому пути.

— Как ты справляешься? — спросила Мирта.

— Что?

— Как ты справляешься с одиночеством?

— Ты собираешься трепаться до самого Куата?

— Ты не можешь заставить себя велеть мне замолчать, не так ли?

— Я справляюсь, потому что мне это нравится, — отрезал Фетт.

— Ну, мама была всем, что у меня было, и мне это *не нравится*.

Фетт промолчал, и его губы слабо шевельнулись — как будто он не давал себе сказать что-то такое, о чём впоследствии будет сожалеть. Он *должен* понять, думала она. Его отец тоже погиб от руки джедая.

— Ладно, — сказал он. — А где твой отец?

— Погиб от декомпрессии. Даже не в бою.

— Зачем Айлин вышла за мэндо? Синтас должна была предупредить её, что мы — неважный выбор.

Мирта обнаружила, что крепко сжимает кулон «сердце огня» в кулаке. Это была только половинка первоначального камня. Другой кусок, отколотый ударом рукоятки бластера Фетта, был похоронен вместе с Айлин Вел в скромной могиле возле Келдаба, в древнем лесу, который не удалось уничтожить вонгам.

«Я ничего не чувствую от этого камня. Он *должен* сказать мне что-нибудь. Я — киффарка. По крайней мере, наполовину киффарка».

— Она вращалась возле мэндо'аде, чтобы получить лучшее представление о том, как на вас охотиться. Потом она встретила папу. Это продлилось недолго.

— Романтично.

— Она любила его.

— И позволила ему сделать из тебя мэндо.

— Я провела с папой два лета на Нулле после того, как они с мамой развелись. Он научил меня всему, чему смог. А потом он погиб.

Она говорила это не для того, чтобы не дать Фетту вставить слово. Он в любом случае был не болтливым человеком, но выслушал всё спокойно, а затем наступила пронзительная тишина. Именно это она теперь слышала.

— Очень жаль, — сказал он.

— Не пытайся пересиротить меня, ба'буир. Я знаю, каково это.

Она боролась между ненавистью, которую ей к нему внущили, и доказательством перед её собственными глазами, что он — вовсе не чудовище; по крайней мере, не чудовище, нарисованное её матерью. Сама мысль об этом казалась предательством по отношению к мёртвой. Спустя почти два месяца она достигла той стадии, когда мать перестала быть её первой мыслью по пробуждении и не преследовала её во снах. Это тоже походило на предательство.

Но жизнь должна продолжаться. Она должна понять это и не позволить смерти Айлин Вел быть напрасной.

— Тогда ни к чему это обсуждать. — Он вдохнул. Похоже, он задерживал дыхание всё это время. — И как, ты хорошо живёшь там, у себя?

— Да.

— Я могу купить тебе собственный дом. Где угодно.

Мирта никогда не знала, когда на него найдёт это неуклюжее великолодущие. Бевийн говорил, что у него бывали такие моменты. Он мог, конечно, пытаться избавиться от неё, заманив на далёкую планету.

— Мне хорошо там, где я есть, спасибо. — Нет, это прозвучало пренебрежительно. — Я имею в виду, мне нравится жить с семьёй Вевута.

Фетт ничего не сказал. Она знала, о чём он теперь думал.

— Да, мне *действительно* нравится Ораде, — сказала она. — Он хороший человек.

— Ты — взрослая женщина. Меня это не касается.

Но все теперь знали, что она — Фетт, и это влекло за собой кое-какие трудности. Понадобился бы храбрый человек, чтобы рискнуть манд'алором ради деда своей девушки, особенно с репутацией Бобы Фетта. Мирта закрыла глаза и попыталась прислушаться к шёпоту «сердца огня».

— Почему ты не можешь получить из него информацию? — внезапно спросил Фетт.

— Я — только наполовину киффарка. У меня нет полной способности ощущать объекты. — Она снова открыла глаза. Фетт всё ещё изображал из себя неумолимую статую отчуждённости. Она изучала его профиль, чтобы понять, что могло передаться от него ей. — Это называется психометрия. Говорят, что некоторые джедай тоже могут это делать.

Возможно, упоминание джедая было неважной идеей, но Фетт никак не отреагировал.

— Камень поглощает воспоминания от дающего и получающего, — сказал он. — Так сказала Синтас. — Ага. Под внешней оболочкой, возможно, был человек, который хотел или вновь пережить более счастливые времена, или скрыть то, что он предпочёл забыть. В камне

оставалась частичка духа Синтас Вел и частичка его. Мирта подозревала, что сейчас в нём больше внешнего, чем внутреннего, но она видела его плачущим — а она была уверена, что никто больше никогда не видел взрослого Бобу Фетта слабым. Может быть, он даже не плакал в детстве.

— Я очень стараюсь, ба'буир.

— Худшее, что ты сделала, — сказала мне, что тебе известно то, что произошло с Синтас.

Это была пощечина. Когда она говорила это, она даже не знала, попадёт ли это в цель и приведёт ли его в засаду её матери. Теперь она сожалела о том, что причинила боль умирающему человеку, пусть даже она была воспитана в ненависти к нему.

— Мы узнаем, как умерла бабушка, обещаю.

— После того, как я найду того клона, — сказал Фетт, холодно и расчетливо, — я найду чистокровного киффара, чтобы прочесть камень.

Мирта восприняла это как знак замолчать. Изображать счастливые семьи было не по-феттовски. Интересно, сколько у других семей записей о насильственных смертях и покушениях на убийство, которое они совершили. «Надеюсь, то, что во мне, больше похоже на папу». Потом она вспомнила, как Лея Соло отразила её выстрел в Фетта, и поняла, что в её венах, в конце концов, кровь ба'буира — дедушки.

— Готовься, — сказал Фетт.

Он не включал гасители инерции на полную, когда «Раб I» совершал прыжок. Никогда. Ускорение при переходе на скорость света и за неё походило на то, как будто тебе сначала врезали в грудь, а потом на тебя уселся хатт. Она привыкла всегда осторожно прикусывать губу, когда звёзды растягивались в линии сине-белого огня, и оглушительное ощущение проходило.

Должно быть, ему тоже становилось плохо. Он болен. Мирта порылась в кармане, вытащила несколько капсул болеутоляющего и протянула ему. Он взял их без слов. Кончики его пальцев были холодными.

Путешествие к пространству куатцев походило на долгую, тихую жизнь. Мирта заполнила это планированием потрошения Джейсена Соло, если и когда ей представится шанс. За привилегией уже выстроилась очередь. Ба'буир не сказал бы, что запланировал для него; всё, в чём она была уверена, — это в том, что Боба Фетт никогда не поворачивался спиной к счетам, которые требовалось свести.

— Замедляемся через половину стандартного часа, — бросил Фетт.

Она очень хотела полюбить его, но не могла. Если бы она выяснила, что произошло между ним и её бабушкой, ей, возможно, было бы легче, но она знала, что это могло и подтвердить её наследие мести. Единственное, чему она быстро научилась — того, что этого следует избегать. Дело было не в том, что она боялась спросить: она просто не могла молча обойти это стороной. Он мог бы заставить мир снаружи исчезнуть, если бы захотел.

Бадор был поразительно противоположен Мандалору. «Раб I» спускался мимо орбитальных аппаратов и городов, усеянных прямыми дорогами и открытыми площадями. Мирта проверила свой планшет, чтобы сориентироваться.

— Как звали твоего отца? — спросил Фетт.

— Макин Марек.

У Фетта всегда была причина задавать вопросы. Возможно, он задумывался, с кем ещё он мог оказаться в родстве. Они приземлились в одном из огромных общественных портов в городе Бунар, и Фетт исполнил ритуал установки всех аварийных систем, лучей и других смертоносных ловушек, которые поприветствовали бы любого, оказавшегося достаточно глупым, чтобы попытаться вломиться на «Раб I». Он привёз с собой небольшой гравицикл, на сиденье которого влез намного легче, чем в прошлый раз. Болеутоляющие были достаточно сильны, чтобы вырубить банту.

— Указывай дорогу, — сказал он и слегка подпрыгнул на кожаном сиденье, словно проверяя, не больно ли ему. — Давай.

Мирта подключила свой планшет к системе шлема.

— Лети вниз к той трассе спидеров, потом пять километров на юг.

Она привыкала к ношению бу'шея. Сначала он казался удушающим и дезориентирующим, но после нескольких недель, проведённых среди людей, полагавшихся на свои шлемы, она стала чувствовать себя некомфортно без него. Теперь она могла видеть текущие данные на ВШД*, не отвлекаясь. Некоторое время она даже не сбивалась.

И... это заставляло её чувствовать себя мэндо. Отец бы одобрил, но она старалась не думать, что бы сказала мама. «Я скучаю по тебе, мама. Я очень скучаю по тебе, и я даже не попрощалась с тобой». Подхваченная воздушным потоком изодранная накидка Фетта закрыла ей визор, выдернув её из воспоминаний, и Мирта задумалась, стала ли она в конечном счете как дедушка — или как мать. Семью не покидало горькое негодование из-за потерянного родителя.

Фетт вёл спидер по всё более и более захудальным кварталам и ущельям высотных складов и жилых домов. Охотники за головами были не склонны вести свои дела в лучших частях города. Запущенных особняков становилось всё меньше, а россыпи сомнительных личностей, слонявшихся по углам пешком и на спидерах, всё многочисленнее.

— Так зачем ты была здесь? — спросил Фетт.

— Чтобы вернуть украденные данные.

— Хочешь сказать, что эти типы вокруг умеют читать?

— Нет, но у меня есть клиенты, которые умеют. Местные жители воруют что угодно, даже если не знают, что это. Я иду и убеждаю их вернуть это.

— И твой клон с серыми перчатками определённо был здесь.

— Да.

После нескольких неправильных поворотов кантина появилась точно по команде. При дневном свете она выглядела ещё хуже, чем когда Мирта была здесь последний раз. Россынь следов от бластерных выстрелов оставила пузыри в краске на дверях, а в каменной кладке виднелись дыры от баллистических снарядов, которых в прошлый раз не было — насколько она могла сказать. От двери тянулся след из капель крови, который заканчивался большой лужей, высохшей до тусклой смолистой черноты. Улицы здесь убирали нечасто.

Вывеска над дверью гласила: «Добро пожаловать в кантина "Рай"». А ещё: «никаких шлемов».

— Меня оскорбляет их неуважение к культурному многообразию, — пробормотал Фетт.

— Так я и узнала того клона в сером. Он снял шлем.

— Прекрасно. — Пара жалкого вида мужчин — человек и родианец — шаталась метрах в десяти от спидера и таращилась на него. Затем они, казалось, заметили Фетта, потом его бластер и ракетный ранец, и, похоже, внезапно вспомнили о неотложных делах в другом месте. Фетт защёлкнул замок спидера и установил противоугонное устройство с термальным детонатором. Оба мужчины бросились бежать в противоположном направлении и исчезли. — Похоже, меня здесь не знают. Слава мимолётна.

Мирта сняла шлем. Фетт проигнорировал указание вывески. В баре, как всегда, ужасно воняло смесью рвоты, несвежего эля и масла — возможно, от машин или очень старой жареной еды. Клиентура соответствовала обстановке — возможно, потому, что пришедшие сюда потратили весь свой доход на современное оружие. Хозяин-кузнец раскладывал по маленьkim блюдам на прилавке соленья, которые имели неаппетитное сходство с глазными яблоками, поэтому они остановились у стойки, пытаясь выглядеть обычно — во всяком случае, обычно для «Рая».

Хозяин сперва заметил Мирту. Должно быть, она слишком внимательно уставилась на соленья.

* ВШД (в оригинале HUD, heads-up display) — внутришлемный суперпозиционный дисплей *прим. Sightsaber*)

— Тебе придётся купить выпивку, — сказал он. — Никакой закуски без... — Затем его пристальный взгляд переместился. Шлем привлек его внимание, как не привлекал ни один нагрудник. — О-о, и ты ещё осмелился прийти сюда, да, ты, мандалорский урод?

На долю секунды он нырнул под прилавок, и это означало только одно. Мирта не была уверена, что сумеет вытащить бластер раньше ба'буира, но, когда человек выпрямился с крайне незаконным короткоствольным тенлосским дезинтегратором, который мог бы сделать из них обоих нерфы отбивные, в лицо ему смотрели стволы феттовского карабина ЕЕ-3 и её «Бластех-515».

Это поразило бармена достаточно надолго, чтобы Фетт успел нанести его левый хук прямо в лицо. Тот качнулся назад, прямо на сложенные в стопки стаканы позади него, и пара из них разбилась о плитки пола. Фетт подхватил дезинтегратор, свалившись на прилавок; Мирта инстинктивно прикрывала ему спину, но никто из клиентов не двинулся. Она начинала получать удовольствие от происходившего. К ней подобралось чувство товарищества — далеко не связанного с семейными узами.

Фетт осмотрел дезинтегратор и одной рукой защёлкнул предохранитель.

— Запомни — никакой дезинтеграции.

Бармен кое-как выпрямился, держа сложенную чашечкой руку под носом, пытаясь сдержать капавшую кровь.

— Последний мэндо, который входил сюда, разнес тут всё. Ты — такой же криффов тип, и тебе нечего здесь делать, так почему бы тебе не...

Мирта поняла, что, должно быть, пропустила какую-то забаву после того, как предоставила серому клону возможность продолжать свою охоту.

— Тот был давно потерянным родственником, — заявила она. — Мы ищем его.

— Ну, раз у вас семейная встреча, пусть он заплатит за ущерб с прошлого раза.

Похоже, бармен не узнал ба'буира, но и Фетт не стал бы заключать контракт с этим низшим звеном пищевой цепи. Сенаторы, криминальные авторитеты и богачи, которые могли позволить себе его услуги, узнавали его броню. А содержатели кантин — нет.

— Раз уж мы поделились воспоминаниями о моём собственном родственнике, — сказал Фетт, нетерпеливо постукивая указательным пальцем по предохранителю своего бластера. — Я не столь осторожен, как он. Меня зовут Фетт.

От лица хозяина отхлынула вся оставшаяся кровь. Мирта явственно видела, как цвет его физиономии потускнел до бледно-серого. Она никогда раньше не встречала такого физического страха. Глаза бармена оглядели визор Фетта, и выражение откровения было почти комичным.

— Это было недавно...

— Мандалорец в серой броне с серыми перчатками. Зовут Скирата. — Если бармен и ожидал, что на прилавок шлепнется несколько кредиторов, дабы подстегнуть его память, Фетт этого не сделал. — Что тебе известно?

— Ладно, он здесь убил парня. Причинил *огромный* ущерб. И привлёк огромное внимание службы безопасности. — Теперь хозяин уставился на Мирту, очевидно, складывая части головоломки воедино. — Да, ты была с ним, верно?

— Недолго, — отрезала Мирта. Она быстро убралась с дороги клона — вообще-то в другую кантину. — Кого он убил?

— Главаря банды по имени Черит. Это даже попало в местные голографии.

Очевидно, большинство перестрелок здесь не гарантировало сенсаций. Мирта напомнила себе проверить архивы.

— Что ты знаешь о Черите, чего *не* было в новостях?

— Ничего.

— Я уже понял, что удар по лицу помогает освежить твою память. — Фетт всё ещё не опускал бластер. — Попробуй ещё раз.

— Ладно, банда Черита поставляла кое-каким второстепенным куатским шишкам рэк, лкссеталлик и девочек-тви'лекк. Некоторое время он заключал здесь свои сделки. Может быть, он вторгся на территорию твоего родственника.

— Не похоже на нашу работу.

Фетт долго-долго смотрел на бармена. Тот, похоже, понимал, что надо бы ещё что-то сказать, чтобы заполнить тишину. В конце концов Фетт поднял бластер к плечу в безопасном положении дулом вверх и, казалось, успокоился.

— Если снова увидишь его, скажи ему, что маленький Боба хочет повидаться с ним насчет работы.

— Как ему выйти с тобой на связь?

— Мандалор. Правый поворот от Хайдианского пути. Не пропустит.

— Хорошо.

— И где теперь болтается банда Черита?

Хозяин повернулся к полкам позади него и начал отчаянно рыться в груде листов флимси.

— Не говорите Фрэйгу, что я вам это дал. — Это была салфетка с эмблемой и надписью «Казино "Текшарский водопад"». — Вы найдёте там Фрэйга почти в любой день за столами для сабакка. Город Куат. Фрэйт теперь — наследник Черита.

Фетт сунул салфетку в карман и вышел. Мирта последовала за ним, пятясь к дверям больше по привычке, чем от страха перед нападением.

— Думаешь, Фрэйт заплатил клону за смену управления? — поинтересовалась она, усаживаясь на сиденье позади него. — Так я думаю.

— Если да, он будет знать, как найти подрядчика.

Гравицикл пронёсся по захудальным районам Бунара и вернулся к «Рабу I».

— Ты играешь в сабакк? — спросил Фетт.

Мирта знала без всяких вопросов, что её дед не был азартным игроком.

— Нет.

— Тогда план «Б».

— Что за план «Б»?

— Скажу, когда придумаю.

— А каков был план «А»?

— Приодеть тебя, отправить сыграть партию-другую и выведать что-нибудь у Фрэйга.

— Спасибо.

— Это всё равно бы не сработало. Ты не подлиза.

Это могло быть оскорблением или комплиментом, но с Феттом никогда нельзя было знать наверняка.

«Я хочу полюбить его. Он неприятен, но он и не такой, как ты мне говорила, мама. Откуда тебе вообще было знать?»

Мирта поняла, что спорит с мёртвой женщиной, ненавидя себя за это и понимая, что теперь не уверена ни в чём из того, что, как она думала, она знала наверняка. Она отпустила одной рукой поручень спидера, вытащила из-под нагрудника «сердце огня» и сжала его. Может быть, рано или поздно камень расскажет ей что-нибудь.

— Отличное болеутоляющее, — сказал Фетт. Она увидела засохшую кровь на складках его левой перчатки, когда он сжал кулак. Пятно его беспокоило. — Спасибо.

В его голосе улавливался самый слабый оттенок теплоты. Это было начало.

КОРУСАНТ, ШТАБ-КВАРТИРА ГГА, КАБИНЕТ ДЖЕЙСЕНА СОЛО

В голове Джейсена звучал голос, и он никогда не знал, чей. Порой он явно принадлежал Верджер, и это явно были воспоминание, но он не был уверен насчет остальных: его ли это

собственные мысли, или внушения Люмии, всплывавшие из подсознания, или что-то ещё. Были времена, когда он даже думал, что это его совесть.

Теперь это была совесть, он был уверен. Всё, что он мог видеть, — только свою dochь Аллану.

«Вот, ты даже не думаешь о Тенел Ка...»

Что бы ему ни предстояло совершить, чтобы стать полноправным лордом ситов, это будет нечто запредельное. Это должно быть тяжелее, чем убить товарища-джедая; тяжелее даже, чем согнать кореллианцев в лагеря, или отвернуться от собственных родителей и сестры, или нисровергнуть демократию. Это должно быть самое болезненное решение из всех, что он когда-либо принимал.

«Я только не смогу убить мою маленькую девочку. Кто говорит, что я должен? Что бы это доказало?»

«То, что ты сделаешь что угодно, чтобы обрести мощь для установления мира и порядка в галактике».

Именно будущее Алланы заставило его пойти этим путем. Теперь это будет безопасное будущее для всех детей, кроме его собственного.

«Вот в чём дело, Джейсен. Служение, болезненное служение. Обними эту боль».

Нет, это не служение. Это *безумие*. Он не сделал бы этого. Но так ли уж это отличается от отправления своих собственных детей на войну, от принесения той же самой жертвы, что и миллионы других родителей? Разве не было всегда тяжелее отдать жизнь любимого, чем свою собственную?

«Нет. Единственная жертва, которую стоит принести, — твоя собственная жизнь».

Но Люмия сказала, что *выяснит*. Она сказала, что он узнает, что должен будет сделать, когда настанет время, и она не могла сказать ему. С тех пор он был с Тенел Ка и Алланой. Он не чувствовал ничего, никакого намека от Силы, что это заключительный шаг, что они — те люди, которых он должен убить.

«Возможно, это отрицание. Заблуждение».

«Это не Аллана. И даже не Тенел Ка».

— Это не они, — сказал он. — Это должен быть Бен.

И затем Джейсен вновь оказался в своём кабинете, с ужасом приходя в себя и глядя в лицо изумленному капралу Лекауфу. На столе перед ним стояла чашка кафа, и он не видел, чтобы кто-тоставил её туда. Он никогда раньше так не отвлекался. Это испугало его. Он не мог допустить ещё одну ошибку вроде этой.

— Лейтенант Скайуокер ещё не явился на службу, сэр. — Лекауф, внук офицера, который искренне служил лорду Вейдеру, обладал чистой веснушчатой жизнерадостностью, которая не позволяла ему выглядеть угрожающе даже в чёрной броне ГГА с бластером BT25. — Я могу помочь вам?

Джейсен почувствовал, что его лицо вспыхнуло.

— Извините, капрал. Я думал вслух.

— Всё в порядке, сэр. Я думал, что вы делали какую-нибудь джедайскую штуку. Общение.

Джейсену пришлось задуматься на мгновение.

— Слияние?

— Это и есть штука.

— Думаю, чтобы попробовать это сегодня, мне понадобится больше кафа. Спасибо.

— Вы получали сообщение адмирала Ниаталь о снаряжении, сэр?

— Что такое? — Джейсен проверил свой планшет и несколько комлинков. Бюрократия давалась ему нелегко. Ему стоит позаботиться, что у него были лучшие администраторы, когда он...

«Когда я — что? Когда я стану править как лорд ситов».

Идея была на 90 процентов отрезвляющей, на 9 процентов неуместно возбуждающей и на 1 процент отталкивающей. Если бы он смог определить источник отвращения — отвращения к власти, старое табу джедаев, простое невежество — он бы прислушался к нему. Но голос был недостаточно громок. Именно свои маленькие страхи, своё нежелание взять на себя ответственность и что-то ещё он должен был проигнорировать.

— Она говорит, что у некоторых передовых подразделений есть проблемы с получением необходимого снаряжения, — сказал Лекауф. — Неприятная ситуация. Специальные боеприпасы, детали коммов и даже некоторые предметы первой необходимости, например, медикаменты. Ещё поступают жалобы, что орудийные комплекты обслуживания не соответствуют стандарту и имелись случаи выхода оборудования из строя. — Лекауф поднял брови. — У нас тоже начинаются проблемы с получением необходимого, сэр.

Это привлекло внимание Джейсена.

— Это богатейшая и самая технически развитая планета в галактике, и мы не можем обеспечить наши войска соответствующим снабжением во время войны?

Лекауф многозначительно кивнул Джейсену, и тот направился к своему голоэкрану.

— Думаю, адмирал выразилась немного более выразительно, но в целом реакция была такой же.

— И всему этому есть причина?

— Служба закупок и поставок, кажется, шевелится недостаточно быстро, сэр.

— Так я их *расшевелью*, — сказал Джейсен. Он нажал клавишу связи и открыл канал связи с Отделом закупок. — Уверен, это поправимо.

— Если пожелаете, я бы поговорил с ними сам, сэр...

— Думаю, их лучше мотивирует полновесный полковник, Лекауф, но я благодарен вам за предложение. — Джейсен внезапно почувствовал, что это самая неотложная задача в его списке. Они с Ниаталь ожидали многоного от вооружённых сил, и не было чем-то чрезмерным ожидать, что военная бюрократия поддержит их. — Я займусь этим. Найдите мне капитана Шеву, хорошо?

— Он на наблюдении, сэр. Перехвачен груз весьма неприятных боеприпасов, поэтому они с сержантом Вирутом наблюдают за местом разгрузки.

Шеву был практичным. Он, казалось, уже не так восторгался ролью ГГА, как несколько недель назад, но работу свою делал и порученным ему фронтом руководил хорошо. Большего Джейсена не мог просить от офицера.

— Ладно, я поговорю с ним, когда он освободится.

Закупки сразу же расстроили Джейсена. Когда он получил ответ с комма, его статус командира ГГА,казалось, открыл не так уж много дверей, как это бывало в остальной части Альянса. К тому времени, как его соединили со старшим госслужащим Флотских поставок — женщиной по имени Геллус, — происходившее ему уже не нравилось, а его каф остыл.

— Мы не можем обойти систему поставки, сэр, — сказала Геллус. — Все запросы рассматриваются последовательно.

— Разве этим нельзя заняться безотлагательно как предназначенному для *передовой*?

— У меня нет таких полномочий согласно подзаконным актам о закупках, сэр.

— С кем мне поговорить о качестве поставок?

— Каких поставок? Видите ли, у нас четыре отдела, занимающихся изделиями...

— Комплекты обслуживания орудий. Мы получаем жалобы насчет низкокачественных запасных деталей.

— Тогда вам в Техническую поддержку. У них своя собственная система. Вам придётся...

Джейсен научился терпению и дюжине способов успокаивать разум в момент кризиса у множества самых разных эзотерических школ, использовавших Силу. Он не хотел применять ни один из них. Он хотел выйти из себя. Он жаждал *действия*.

— Идет война, — спокойно сказал он. — Всё, чего я хочу, — чтобы бойцы получали нормальное снаряжение. Как можно быстрее добиться этого?

— Вы не имеете отношения к флоту, разве не так, сэр? ГГА — это внутренняя организация.

— В смысле?

— Это не ваша цепь инстанций. Чтобы выполнить этот запрос, нам понадобилось бы разрешение высокопоставленного офицера флота. Таковы инструкции, сэр.

«Но я — командир Гвардии Галактического Альянса. Я могу без особых затруднений повидаться с главой государства Омасом».

Явное ограничение области его власти раздражала Джейсена. Он мог созывать звёздные разрушители и целые армии, но миновать бюрократа было невозможно.

— Слова верховного главнокомандующего было бы достаточно?

Геллус громко слогнула.

— Да, сэр.

— Тогда я вернусь с ним.

Джейсен оборвал связь, разъярённый. «Правила». Он не привык к этим произвольным ограничениям. Если он не мог исправить простые проблемы с поставками, то его будущее в качестве повелителя ситов казалось ограниченным.

Его рациональный ум твердил, что это — раздражение, которое можно разрешить с помощью сообщения Ниаталь и делегирования этого вопроса младшему офицеру, но также он чувствовал вполне определённо, что он должен встрять в это сам.

«Это будет хорошо для морального духа», — подумал он.

Нет, было что-то ещё. Он не мог понять, что именно.

Правила и нормы. Он просмотрел коды связи отделов обороны Альянса и нашёл «Правовой и законодательный». Он ввёл последовательность, и ему ответил человеческий голос.

— Могу я позаимствовать дроида-юрисконсульта? — спросил он помощника. Джейсен предпочитал получать юридические консультации из самых беспристрастных и лишенных воображения, предельно честных источников. Дроид мог бы в деталях прояснить ему все уставы.

— Хоть сейчас, сэр.

«Другое дело». Настроение Джейсена улучшилось.

И между тем, ему всё ещё нужно было то простое разрешение от адмирала Ниаталь для организации доставки снаряжения.

«Хороший офицер. Хороший тактик. Закоснелые устои».

Но она была нужна ему не меньше, чем он ей.

Вернулся Лекауф со свежим кафом. Согласно расписанию, время его службы уже окончилось.

— Вы слишком заняты, чтобы заниматься обычным управлением, сэр, — заметил он. — Вы уверены, что я не могу заняться этим вместо вас?

— Уверен, — ответил Джейсен. — Мне нужно кое-что прояснить между нами и закупками.

Лекауф усмехнулся.

— Задайте им, сэр.

Что-то говорило Джейсену, что «задать им» гораздо важнее, чем он мог себе представить.

И *тот* голос — он слушал его.

КОРУСАНТ, КВАРТИРА СКАЙУОКЕРОВ

Люк смотрел на руки, сначала на правую, потом на левую. Одна была протезом, другая — живой, и каждой коснулась та, кого он начинал считать своим заклятым врагом.

Люмия.

В разгар боя у него был шанс убить её, и они закончили тем, что соприкоснулись руками в жесте, который у обычных людей мог считаться примирением.

«Я сказал, что не хотел убивать её».

Люк Скайуокер никогда не хотел никого убивать. Впрочем, иногда это случалось. Он встал и снял с пояса шото, короткий световой меч, который, как он чувствовал, пригодится ему против Люмии и её светового кнута.

«Что происходит? Чего она хочет?»

Она никогда не играла в интеллектуальные игры, как Верджер. Она была солдатом: пилотом, разведчиком, бойцом. Он ещё не сложил кусочки воедино, но она как-то была связана с соскальзыванием Джейсена во тьму.

Люк сделал несколько простых взмахов шото и попытался представить себе, что может произойти, если он вновь столкнётся с Люмией. Потом он задумался о том, что сделал в девятнадцать лет и понял, что не станеит слишком много думать об этом. Он хотел, чтобы всё снова стало ясным.

Двери в квартиру открылись, и Люк услышал голоса беседы Мары и Бена. Его захлестнуло облегчение. Он положил шото на стол, и все заготовленные заранее фразы предупреждения и неодобрения исчезли, сменившись простой потребностью схватить своего единственного сына и сжать его в объятии.

Бен стоял, не двигаясь и подчиняясь отцу. Мара предупреждающе подняла бровь, но Люк не собирался ругать Бена.

— Я рад, что ты в безопасности, — сказал Люк. — Но если тебя заставил вот так убежать какой-то мой поступок, то мы должны поговорить об этом.

Бен посмотрел на Мару, словно ждал команды объяснить.

— Я работал. Я был на задании, вот и всё.

«Джейсен, ты лгун. Ты сказал, что он обиделся на то, что я запретил ему учиться у тебя».

Только Джейсен послал бы — мог бы послать — его на задание.

Люк подумал, не расспросить ли Бена небрежно, кто послал его, но он и так это знал и не хотел опускаться до того, чтобы обманом заставить собственного сына сдавать ему информацию или ставить его в известность о делах Джейсена. Ему больше не нужны были доказательства того, что его племянник не собирается возвращаться к Свету без существенной помощи со стороны. Помощи, которую не могли дать ему Хан и Лея. Как и Совет джедаев.

Это семейная проблема. Он уладит её, с Марой или без неё.

— С тишиной в эфире? — спросил он.

— Да, папа. Прости. — Бен, возможно, и был удивлён объятиями, но хотя бы не отпрянул. — Я не могу это обсуждать. Ты понимаешь, правда?

— Конечно, понимаю, сынок. — И держу пари, что знаю, кто запретил это тебе. — Я, правда, надеялся, что ты не собираешься оставаться в ГГА.

— Я способен к такой работе.

— Я знаю.

— Теперь я уже не смогу стать хорошим маленьким джедаев из академии, папа. Я должен довести это до конца. Мы это уже обсуждали, не так ли? — Тон Бена был полон сожаления — не плаксивый протест подростка против несправедливости родителей. Было успокоительно видеть, что он так быстро взрослеет. Взрослеет? Нет, *стареет*. — Идёт война, а как только ты поступаешь на службу, ты понимаешь, что не можешь убежать и пересидеть её, тогда как твои... тогда как твои друзья рисуют своей жизнью.

— Люк... — Мара сказала это укоризненно, тем голосом слегка в нос, который появлялся, когда она хотела, чтобы Люк остановился. — Сейчас действительно подходящее время для всего этого?

Он проигнорировал её.

— Я понимаю, Бен. Понимаю. Но ГГА не то место, где тебе надлежит быть.

— Правда?

— Правительство должно разбираться с инакомыслием не таким способом.

— Тогда именно поэтому я должен оставаться там, — спокойно сказал Бен. — Если это плохая организация, тогда ей нужны хорошие люди, чтобы изменить её изнутри и не оставлять её плохим парням. А если это хорошая организация, тогда всё, о чём ты на самом деле беспокоишься — это моя безопасность, и я могу справиться с этим лучше, чем ты думаешь. Ты хотел, чтобы я был джедаем. Вот я и занимаюсь делом джедая.

Логика Бена и моральная аргументация были безупречны.

— Ты прав.

— Так я — хороший человек, папа? Или ты думаешь, что я испортился, как ГГА в твоём понимании?

Это был вопрос, который Люк никогда не хотел обдумывать. Что такое плохой человек? Большинство людей, совершивших злые дела, не были ни хорошими, ни плохими — просто склонными ошибаться смертными; единственным действительно неисправимым существом, которое он когда-либо знал, был Палпатин. И, по-видимому, даже Палпатин был когда-то маленьким мальчиком, который не мог представить, что будет ответственным за гибель миллиардов смакователем собственной власти.

Люк понял, что не уверен, что знает, что такое хороший человек, когда видел такового, или в какой момент хорошие становятся плохими. Он с болью чувствовал, как сверлит его взгляд Мары, зелёный и ледяной, как река, замёрзшая в своём потоке.

— Ты — хороший человек, Бен. — А если он делает то, чего не сделал я? — Ты думаешь о том, что делаешь.

— Спасибо. И я не уйду из ГГА, папа. Тебе придется заставить меня, физически или через суд, а никто из нас этого не хочет. Оставь меня там, где я могу сделать хоть что-то доброе.

Сражаться можно и без повышенных голосов или гневных слов. Бен сразился и поставил родителям ультиматум. Люк понял, что ему придется заняться этим по-другому.

И, бласт, фактически Бен прав. Нельзя оставлять ГГА громилам.

— Только высматривай Люмию, — напомнил Люк. — Ты сказала ему, Мара?

— Сказала.

— Так ты останешься немного перекусить, сынок? — спросил он, чувствуя, как пристальный взгляд Мары немного оттаивает.

— Почему бы и нет, — ответил Бен, и четырнадцать лет вновь превратились в сорок.

Трудно было вести семейную беседу за едой, не упоминая войну. Бен хотел знать, чем заняты Хан и Лея. Мара гоняла овощи по тарелке, словно пытаясь загнать их под ковёр.

— Между Джейсеном и твоими тётей и дядей сейчас не очень хорошие отношения, милый, — сказала она. — Но, что бы он тебе ни говорил, они всё ещё любят его и желают ему добра.

— Это не личное, — сказал Бен. — Эй, я пытался арестовать дядю Хана, потому что это моя работа. Я не хотел как-то навредить ему.

Люк думал о том, как поспешно Джейсен бросил своих родителей во время нападения на спутник-курорт. Он не мог видеть Бена поступающим так же. А если бы мог, то не хотел бы это видеть.

— Папа, Империя действительно была царством террора?

— Самую малость...

— Я знаю, вам, дяде Хану и тёте Леे тогда было тяжело, но как насчет простых людей?

Мара жевала, медленно размышляя, взгляд был сфокусирован на точке где-то между ними.

— Наверное, стоит спросить у жителей Алдераана. Нет, погоди — его же уничтожили, так? Ой. Вот что происходило с простыми людьми, и я знаю это лучше, чем большинство других.

«Потому что ты была частью этого».

Люк мужественно встретил тот факт, что от Бена нельзя ожидать доверия тем словам, которые любой из них скажет ему. Они оба делали то, что теперь запрещали делать ему.

— Но ведь большинство людей этого не заметило, разве нет? — Бен, похоже, стоял на своём. — Их жизнь продолжалась, как и прежде. Возможно, к некоторым людям, политикам, и нагрянули посреди ночи пара-тройка штурмачей, но большинство людей продолжало жить своими жизнями, верно?

— Верно, — признала Мара. — Но жизнь в страхе — это вообще не жизнь.

— Это лучше, чем смерть.

— Ты думаешь, что Империя была хорошей, Бен? — спросил Люк.

— Не знаю. Это только кажется, что горстка человек может решить, что у них есть обязанность — право — изменить всё для всех остальных. Это важное решение — восстание, не так ли? Но большинство решений, которые затрагивают триллионы существ, принятые несколькими людьми.

Люк и Мара осторожно посмотрели на друг друга, потом на Бена. Где-то по пути он приобрел политическое любопытство. На какое бы задание Джейсен его ни послал — а Люк был уверен, что послал именно он, — оно заставило мальчика задуматься.

Или, может, Люк просто забывал тот факт, что его сын теперь юноша и быстро меняется. Тем не менее, когда Бен уходил, Мара всё же помогла ему надеть куртку. «Ещё бы спросила, чистил ли он зубы каждый день», подумал Люк. Но это была Мара, и потому она проявила своё материнское беспокойство более pragматичным образом и вложила в руку Бена матово-серый предмет.

— Порадуй меня, — сказала она и поцеловала его в лоб. — Носи его с собой. Никогда не знаешь, что случится.

Бен посмотрел на ладонь.

— Ничего себе!

— Это, — пояснила она, — лучший виброклинок, который могла купить Империя. Он не раз спасал меня. Световой меч — это хорошо, но световой меч и виброклинок — ещё лучше.

— Плюс бластер, — добавил Бен и усмехнулся. — Это ещё лучше. Тройной удар.

— Вот это мой мальчик.

После того, как Бен ушёл, Мара вымыла тарелки.

— Когда мы произвели общественно мыслящего политолога?

— Может, слишком много приятелей-городов.

— По-твоему, он похож на неконтролируемого, испорченного мальчишку?

— Нет, — сказал Люк, — но не влияние Джейсена делает из него человека, даже если он — единственный, кто, кажется, в состоянии справиться с Беном.

— Люк, мы по-прежнему должны что-то сделать.

— О, *теперь*, значит, мы должны что-то сделать? А где же «оставь его с Джейсеном, он хорош для мальчика...»? — Люку едва не пришлось прикусить губу, чтобы не сказать, что он так и говорил ей, что он всегда считал признаком того, кто не ищет решения проблемы, а просто указывает на результат. — Кроме того, похоже, его не разворачивает то, что происходит. Может быть, он *действительно* тот самый хороший человек внутри. Может быть, ты была права, когда заставляла меня позволить нашему сыну вступить в ряды тайной полиции...

— Я имела в виду *Люмию*. — Мара умела особым образом расправлять плечи, показывая, что она знает о своей ошибке, но ему не стоит тыкать её в это носом. — Ладно, я передумала. Джейсен испортился. Из-за меня мы потратили впустую несколько месяцев, успокаивая Бена. Доволен? Теперь как насчет первопричины этого?

— Мы так и не выследили её снова.

— И что же случится, когда выследим? — Мара так сильно плюхнула тарелки на полку, что они загрохотали. — Что ты собираешься делать, снова держать её за руку? — Не надо было говорить ей, что Люмия протянула ему руку, когда они сражались. Это изводило её. — Потому что бедная старушечка не желала никакого вреда? Это *Люмия-то*? Королева станговых *ситов*?

— У неё действительно не было никакого дурного намерения.

Мара закатила глаза.

— Конечно, не было. *Тебя* она не хочет убить. Она хочет убить нашего сына. — Она схватила обеими руками лицо Люка и заставила его посмотреть ей в глаза. — Люк, ты мог бы убить её. Рассечь надвое. Закончить работу. Но ты этого не сделал.

Люку было необъяснимо стыдно.

— Я не смог бы.

— Знаю. Мы происходим из разных школ правосудия, не так ли?

— Милая...

— Она — не твой отец, Люк. В ней не осталось ничего хорошего ради искупления. Она — угроза, которую необходимо устраниТЬ, и именно этому я обучена, а ты — *нет*. Забудь это никчемное «взять её живой». Её можно взять только *мёртвой*.

У Люка было чувство, что Мара хотела сказать что-то подобное. Он знал, когда она что-то затевала. Она, возможно, думала, что сумеет скрыть это от него, но теперь он знал её достаточно хорошо, чтобы видеть, как лихорадочно она соображает и как формируется план.

Он упустил свой шанс с Люмией. Другого не будет.

— То есть ты отправляешься за ней.

— Ты тоже мог бы, если бы я могла быть уверенной, что ты не пожалеешь её. — Мара отпустила его со смущённым видом. Её щеки вспыхнули. — Можешь заняться Алимой. Ей тоже не помешал бы серьезный пересмотр отношений со световым мечом. Не похоже, чтобы вокруг нас перестало шататься достаточное число чокнутых убийц.

Независимо от того, что произошло, Люк знал, что у него нет той способности убийцы, позволявшей прервать жизнь того, кто не пытался прямо здесь и сейчас убить его. Только если придётся...

Таким образом, Бен был не единственным, кто пробирался сквозь моральный лабиринт. Люк делал это десятилетиями, но лабиринт лишь каждый год приобретал всё больше изгибов и поворотов.

— Посмотрим, насколько Джейсен приободрится с исчезновением Люмии, — сказал он. «Погоди, я что, только что благословил убийство?» — И если списать со счетов Алиму, Лея и Хан смогут вернуться, и мы встретим эту войну снова как семья.

Мара с печальной улыбкой погладила его по щеке и установила дроида на мытьё блюд. Она потратила остальную часть дня, собираясь и проверяя бесчисленные образцы оружия, которое определённо не принадлежали цивилизованной эпохе.

— Никогда не думал, что у тебя есть *такое*, — сказал Люк, указывая на бластер с широким раструбом гранатомёта. — Как ты планируешь его использовать?

— С флешетт-кассетой. Посмотрим, как она после этого помашет кнутом.

— Не хочешь взять мой шото?

— А ты предлагаешь?

— Может, как амулет на удачу.

— Скорее, как амулет под рёбра. Если они не все из дюрастали.

И это была его жена. Иногда он мельком видел женщину, которой она когда-то была, и на секунду или две она становилась чужой.

— Как ты собираешься за ней следить? Она *очень* хорошо прячется.

— А я очень хорошо умею *охотиться*. — Мара взяла рукоять шото и крутанула ею, как клином. — Немного приманки, немного расследования и немного помощи Силы. — Она включила энергетический луч. — Плюс, если Алима следует за ней — а, похоже, так и есть, — то одна из них непременно ошибётся и выдаст себя.

— Люмия не ошибается.

— Ну, она сейчас не управляет галактикой, из чего я делаю вывод, что иногда она ошибается... — Мара подбросила шото в воздух и поймала в падении за рукоять. — И в последнее время она продолжает появляться, поэтому я буду готова.

— Только держи меня в курсе, где ты, хорошо?

— Ты узнаешь. — Мара одарила его своей лучшей усмешкой из серии «я-знаю-что-делаю». — И кто лучше сможет выследить бывшую Руку Императора, чем другая?

— Ты раньше уже...

— И это было до того, как у меня появился сын, за которого я волнуюсь. — Усмешка исчезла. — Теперь я гораздо опаснее: у меня есть детёныш, которого надо защитить.

Люк не сомневался в этом. Но впервые в жизни он сожалел, что не совершил убийство, когда у него был шанс.

Глава 4

Кому: руководитель Отдела тылового обеспечения Министерства обороны

От кого: верховный главнокомандующий Сил обороны Галактического Альянса

Копии: главе государства; командиру ГГА; начальнику Отдела оборонных закупок

Тема: Проблемы со снабжением и закупками для нужд флота

Нехватка средств на театре военных действий и несоответствие оборудования стандартам недопустимы. Вы должны оказать полковнику Соло, командиру ГГА, любое сотрудничество в решении данной ситуации настолько быстро, насколько возможно. Это должно стать вашим высшим приоритетом, и полковник Соло уполномочен использовать любые средства, необходимые для достижения этого.

— Адмирал Ча Ниаталь, ВГ СОГА

КОРУСАНТ, АГЕНТСТВО ПО ОБОРОННЫМ ЗАКУПКАМ И ПОСТАВКАМ

— Ты уверен? — У Джейсена не было причин не верить дроиду-юрисконсульту. Металлические адвокаты были даже ещё более дотошны, чем их коллеги из плоти и крови. НМ-3 позывкал рядом с ним, пока они шли по кажущемуся бесконечным коридору к кабинетам главы агентства закупок, объясняя по пути спешно собранные данные. Джейсен верил в необходимость понять врага, а это означало, что нужно пробиваться сквозь скуку всяких мелочей. Взять бы световой меч да разнести всю эту планету бюрократизма!

— Да, сэр, это обычное дело. — НМ-3 немного напоминал ему С-3РО — гуманоид по форме, с неизменно педантичной индивидуальностью — но строгого тёмно-серого цвета и с обнадеживающим видом солидного профессионального авторитета. — Законодательный акт, который давно пора реформировать. Желаете полное объяснение или упрощенную версию для обывателей?

— Считай меня простым обывателем.

— В соответствии с действующим законодательством требуется согласие Совета обороны об изменении правил закупок. Оно разработано, чтобы помешать государственным служащим нарушать правила, дабы набить свои карманы. Или помешать кому-либо ввести в действие целую армию и сопровождающий её флот и иные вооружённые силы без ведома Сената, что, полагаю, произошло не так давно... вы могли бы обратиться к опыту последних лет Республики, сэр.

Джейсен обдумал это и попытался свести всё к основам.

— Выходит, сенаторы должны голосовать за то, какие флимы покупать и какими сухпайками снабжать солдат. Необычайная трата времени и средств, как по мне.

— Я признаю, что это вовлекает высокопоставленных лиц в решения очень низкого уровня, сэр. Но таков закон. Каждый раз, когда вы хотите изменить что-то связанное с поставками или любой другой незначительной административной проблемой, вам необходима печать главы Омаса, или адмирала Ниаталь, или кого-то подобного уровня. То же самое касается других отделов — здоровья, образования, всех остальных.

НМ-3 как будто извинялся. Джейсен едва мог терпеть людей, которые находили утешение в непонятных правилах и ритуалах: он хотел, чтобы дела *делались*.

— Я не хочу пропускать каждую жалобу насчет гидроключей и топливных индукторов через комитеты. — Как я вообще стал закупщиком? Ниаталь ограничивает меня? Ничего. Я многому научусь. — А нет ли обходного пути?

— Вообще-то есть.

— Продолжай.

— Нужно просто предоставить *соответствующим* чиновникам ГА — в самом общем смысле — полномочия изменять инструкции. Убрать требование, чтобы каждым кашлем и чихом занимались сенаторы.

— Как нам это сделать?

— Убрать требование одобрения членов Совета по обороне. Мне составить поправку, сэр?

— Как она работает?

— Я составляю черновик запроса для изменения в существующем законодательстве, чтобы уменьшить нормативные трудности, таким образом, полномочия отдавать приказы могут быть переданы соответствующим лицам, таким, как старшие офицеры и государственные министры, без необходимости направлять проблему в комитеты, советы или даже Сенат вообще. — НМ-3 задрожал. Это было очень по-человечески. — Дайте им тему для дебатов, и чем тривиальнее она будет, тем больше часов на это уйдет, потому что, видите ли, они лучше вцепляются в небольшие вопросы.

— Да, но как же поправка? И сколько времени это займет?

— Если я вынесу её на обсуждение сегодня, тогда она обойдёт еженедельный Совет политики и ресурсов через два дня, и, как соответствующая личность, уже имеющая санкцию главы государства, вы сможете начать изменять то, что вам нужно, на следующий день.

Джейсен сжал руки за спиной и задумался об этом. Получается новый закон, позволяющий ему изменять законы.

«Как причудливо».

— Интересно, сколько Министерство обороны тратит на настилку ковров, — сварливо бросил НМ-3, осматривая пол. Дроиды предпочитали гладкие поверхности. — Уже одна область, где можно было сэкономить.

По дороге Джейсен подсчитывал, сколько простых решений погрязли в одобрениях, но у него появилось ощущение, что кто-то пытается привлечь его внимание. Чувство несомненно родилось в его голове: он задумался, неужели это снова голос, а затем понял, что это взывает к нему его собственный здравый смысл.

«Ты изменяешь законы об изменении законов. Подумай об этом».

У Джейсена было лишь смутное представление о том, какую пользу он мог бы извлечь, помимо организации поставок, но это показалось ему перспективной областью, к которой стоило вернуться в дальнейшем.

— Что меня ограничит? — спросил он.

— Ну, в формулировке должна быть подстраховка, или вы никогда не получите согласия отдела статистики, но если бы я ограничил объёмы, скажем, указав, что существующий бюджет не будет быть превышен, тогда это их удовлетворит.

Законодательство было смертной скукой. Нет, ему и *следовало* таким быть. Но что-то в нём формировало в уме Джейсена твёрдый шар идеи.

— А можно было бы сформулировать это так, чтобы, если мне доведется столкнуться в процессе с глупым бюрократизмом, я мог бы изменить и его? Даже если я не знаю, где я могу с ним столкнуться? Я не хочу, чтобы всякие чинуши задерживали жизненно важные поставки потому, что я не уточнил правильный подраздел какого-то непонятного предписания.

— Тогда это получилось бы как-то... неокончательно.

— Но ведь это всего лишь управление. Это не конституция и не всеобщая хартия.

НМ-3 тихо скрежетнул механизмами.

— Я сформулирую поправку так, чтобы вы могли изменять любую административную процедуру, какую вам нужно. Ещё одной подстраховкой станет то, что ею смогут пользоваться только *уполномоченные* лица, и она может быть ограничена теми, кого выберет глава государства. Так что не будет никаких расходов на секретные армии, и только несколько очень *заметных*, ответственных лиц смогут её использовать. Это убедит членов отдела статистики. — НМ-3 на мгновение умолк, сверяясь с повесткой дня. — Я абсолютно уверен, что послезавтра будет очень,

очень напряженный день для отдела статистики, сэр. Я думаю, поправка пройдёт гораздо быстрее, чем обычно.

«Хороший день, чтобы похоронить законодательную и нормативную поправки устава». Джейсен улыбнулся.

— Расскажи-ка мне побольше о том, как это соответствует законодательству о чрезвычайных мерах, которые уже подписал глава Омас.

— Полное объяснение или...

— Пожалуйста, упрощенную версию для обывателей.

— Вы трое можете сделать всё, что вам необходимо, на время войны. С адмиралом Ниаталь вы — эффективный триумвират. Я ещё не слышал, чтобы это принял к сведению сенатор Г'вли Г'Сил, несмотря на его положение главы Совета безопасности. Совет по обороне просто кивает на всё — когда вообще собирается, конечно.

Мысль озадачила Джейсена. У него были свои собственные планы насчет переворота галактики вверх ногами, но они были крупномасштабными, стратегическими и сосредоточенными на порядке, правосудии и мягким применении моци вооружённых сил. Ему никогда не приходили в голову рассматривать мелкие детали бюрократии как оружие в битве за порядок.

Он провёл пять лет, изучая самые тайные методики Силы в галактике, но — опять — на этот раз ему не приходилось использовать ни единого навыка Силы, чтобы получить власть. Здесь нужно было использовать психологию для управления людьми вокруг себя.

«Вот что делает джедаев более слабыми и ленивыми. Они немедленно обращаются к техникам Силы, не задумываясь».

НМ-3 мог бы не напоминать Джейсену обратить внимание на падение Республики. В своём желании понять среду, которая превратила его деда из Энакина Скайуокера в Дарта Вейдера, он изучил то последнее десятилетие. Похоже, Палпатин захватил большую часть власти блестящими манипуляциями и пониманием слабостей людей, а не просто использованием моць Тёмной стороны.

Джейсен и дроид достигли мощных резных дверей центра поставок. Они были почти так же прекрасны, как двери в кабинет главы Омаса. Нет — они были даже *богаче*. Джейсен повернулся к своему верному юрисконсульту.

— Думаешь, то, что мы — эффективный триумвират, это *неправильно*, НМ? — спросил Джейсен. — Недемократично?

— Я не запрограммирован на «правильно» и «неправильно», сэр. — НМ-3 казался слегка разочарованным, как будто Джейсен не полностью понял сложность его искусства. — Я могу лишь сказать вам, что законно и что незаконно, потому что у них есть определения. У «правильно» нет никаких параметров. Также как у «справедливо», как и у «хорошо». Такие решения следует принимать существам из плоти и крови.

— Существа из плоти и крови принимают насчет них каждый день разные решения, мой друг. — Джейсен положил руку на панель управления, и роскошный барельеф с изображением древнего городского пейзажа Корусанта разошёлся в стороны, пропуская его в кабинеты поставок.

«Я могу изменить закон, чтобы позволить себе изменять законы. Но могу ли я использовать закон, который позволяет мне изменять законы, чтобы изменить сам тот закон?»

На секунду он понял, что наслаждается несколькими ребяческими секундами игры в замкнутую логику. Затем его поразило, что он только что приобрел способность проникновения в суть вещей, имевших огромное значение.

— Полковник Соло, — сказал глава агентства по поставкам. Тав Велио был нервным человеком, которому, казалось, не помешало бы как следует поесть. — Я велел одному из моих помощников исследовать недопоставки. Это могут быть просто задержки процесса.

— В этой цепочке есть кто-нибудь впереди флота или ГГА? — спросил Джейсен.

— У наших поставщиков действительно есть другие клиенты.

— Надеюсь, они находятся на нашей стороне.

— Мы получаем оборудование от союзников.

— Ваши люди действуют так быстро, как могут?

— Конечно, полковник Соло. Заодно мы ищем способы упростить процесс.

Джейсен улыбнулся.

— Я тоже. — Он оглядел кабинет. В нём не было позолоты, но он ожидал увидеть кое-какие доказательства отсутствия бережливости. — Теперь, насчет комплектов обслуживания орудий. Запчасти, которые часто приходится заменять. Я попросил объяснения, почему было столько осечек.

Велио сверился со своим планшетом с видом человека, находящегося под очень хорошей защитой, или, по крайней мере, имеющим здравое оправдание.

— Вчера мы провели выборочную проверку этих комплектов для всех главных спецификаций орудий, и комплекты обслуживания, которые мы закупаем, отвечают требованиям.

— Но нам не нужны *отвечающие требованиям*. Нам нужны *самые лучшие*.

— У нас правда есть ограничения бюджета, сэр.

— Это решение принято отделом?

— Есть старший чиновник по поставкам, да.

Джейсен знал, что есть только один способ привлечь внимание людей, которые не вполне понимают, что означает «отвечает требованиям» на поле боя. Он повернулся к дроиду.

— НМ, при нынешних полномочиях существует ли механизм, с помощью которого я могу привлекать гражданский персонал для проведения исследований?

Несколько секунд НМ-3 гудел на грани слуха Джейсена.

— Да, сэр.

— Есть ли какое-либо ограничение по местоположению и условиям?

— Нет, сэр.

— Вот это мне по душе. — Джейсен начинал наслаждаться огромным простором для изобретательности, который давали ему инструкции. Они вообще не ограничивали его варианты: они создавали новые. Он начинал видеть радость буквы закона. — Я хотел бы встретиться с главным чиновником, который утвердил орудийные комплекты.

Велио выглядел немного смущенным.

— Я беру на себя ответственность за то, что делают мои сотрудники, сэр.

— Это очень похвально, но я действительно хочу понять процесс, а для этого необходимо узнавать людей. Думаю, понимание ситуации другого человека — ключ к этому.

Всё ещё изумленный Велио начал вызывать чиновника по закупкам через настольный коммуникатор.

— Нет, всё в порядке, — остановил его Джейсен. — Я пойду в его кабинет.

НМ-3 издал загадочный щелчок, и все трое взяли турболифт до этажа покупок. Они вышли из кабины в кабинет открытой планировки, в котором могли бы без труда могли бы пасть стада. «Это хорошо». Джейсену нужна была аудитория. «Сердца и умы».

— Позвольте представить вас Бирису Те Гэфу, — сказал Велио. — Он — наш старший чиновник по закупкам для технической поддержки.

Те Гэф был явно возбуждён, и его штат и сотрудники — в основном, люди, но имелись также и нимбанцы, госсамы и сай-мириане — притворялись, что работают, осторожно наблюдая. Джейсен чувствовал охватившее весь этаж беспокойство. Гэф протянул для рукопожатия влажную руку, и Джейсен включил всё свое очарование. У Те Гэфа было много данных о том, почему комплекты орудий пригодны для работы. За них была уплачена *очень* хорошая цена, сказал он Джейсену.

— Но нам нужно избавиться от осечек и уладить различные проблемы, — ответил Джейсен. Он проверил, что все смогут услышать его, оценив их внимание по хорошо чувствуемой вблизи ряби в Силе и по языку тела. — Мне действительно нужна ваша помощь. Я прошу вас сделать оценку орудийного комплекта.

— Конечно, полковник Соло. Всё, что угодно, лишь бы помочь.

НМ-3 наклонился ближе и шепнул Джейсену:

— Статья пять, подраздел С-двадцать семь.

— Я рад это слышать. — Джейсен улыбнулся чиновнику по закупкам. — Именно поэтому, в соответствии со статьей пять, подраздел С-двадцать семь закона о чрезвычайных мерах, я назначаю вас на пограничный корабль, на котором было больше всего во флоте орудийных осечек, потому что нет лучшего места для сбора фактов, чем среди тех, кому приходится использовать этот комплект, и там, где они должны его использовать. — Джейсен поглядел вокруг. Даже с улучшенным Силой слухом он сумел различить лишь очень лёгкие вздохи и ни одного сглатывания. — Я более чем рад распространить эти командировки на места на любого, кто хочет лучше понять опыт конечных потребителей в цепи закупок. Только скажите. Мы всегда будем счастливы разместить вас. Я даже могу гарантировать вам место с хорошим обзором боевых действий.

Джейсен улыбнулся со всей дипломатической сладостью, которую он перенял от матери, и оглядел комнату, зная, что вряд ли увидит лес рук. Те Гэф выглядел поражённым. Джейсен чувствовал, что сосредоточил всех на значении их более эффективной работы и что они теперь знают, что произойдёт, если они посчитают, что «отвечать требованиям» вполне достаточно.

«А если вы думаете, что этого вполне достаточно, то вам вполне достаточно проверить это лично — на линии фронта».

НМ-3 вышел из здания вслед за Джейсеном, и они взяли воздушное такси до штаба ГГА. На дорогу ушло некоторое время, потому что движение было насыщеннее, чем обычно, и к тому времени, когда Джейсен вернулся в свой кабинет, меры по переводу одного гражданского лица — Те Гэфа, Бириса Дж. — на «Океан» уже обсуждались персоналом ГГА. Капрал Лекауф и два других командос отряда 967 приветствовали его в зале совещаний как героя.

— Отличную головомойку вы там им устроили, сэр, — сказал один солдат, усмехаясь. — Запчасти моей винтовки уже чувствуют себя более эффективными.

Лекауф поднял вверх большие пальцы.

— Ваш дед сделал бы то же самое, сэр. Хороший ход.

В этих казармах это был честный комплимент, без всяких предупреждений об искушениях Тёмной стороны. Джейсен предпочитал суждение обычных солдат таинственным философским дебатам Совета джедаев.

«Всё это изменится».

«Никаких больше войн, вспыхивающих в каждом поколении».

«Никаких больше политиков-карьеристов, выжимающих из системы всё, что можно».

«Никаких разговоров о *свободе*, означающих лишь свободу для горстки делать всё, как им заблагорассудится, тогда как остальные борются за выживание».

Неудивительно, что старая гвардия боялась ситов, если именно этому они угрожали — концу хаоса, что служил лишь немногим.

Джейсен ответил Лекауфу тем же жестом.

— Вы *ещё ничего* не видели.

НМ-3 вытащил планшет.

— Я буду держать вас в курсе хода работы над поправкой, полковник Соло. Это всё на сегодня?

— Мне может снова понадобиться твоя консультация. С тобой всё это легче понять.

— Это моя работа.

Джейсен только хотел проверить. У него появился зачаток идеи.

— Забавная вещь, законы и постановления, правда? Та поправка дает мне — и другим, конечно, — возможность изменять сам закон, так? Получается замкнутый круг.

НМ-3 не было дела до того, что правильно и что неправильно: только законно и незаконно. Если у Джейсена были планы по манипулированию поправкой для использования помимо ускорения отправки медикаментов, то дроид не считал это частью своей компетенции.

— Да, — ответил НМ-3. — Так и есть.

Джейсен с возобновлённым энтузиазмом занялся грудой разведывательных сводок, сложенных на его столе. Воздух наполняла неизбежность того, что должно произойти. Бесконечные мысли о том, кого он должен убить, чтобы принести свою жертву, ненадолго ушли, но они вернутся. Тем временем, у него появился новый инструмент, которым можно вызвать изменение.

«Я могу изменить закон, который позволяет мне изменять законы. Если я мудро воспользуюсь этим, я смогу обойти Сенат, если будет нужно».

Порой мощь простого человеческого разума была столь же эффективна, как и Сила.

КУАТ, ГОРОД КУАТ, КАЗИНО «ТЕКШАРСКИЙ ВОДОПАД»

— Что произошло с клонами? — спросила Мирта.

Город Куат вонял кредитами. Фетт никогда не мог понять, как у индустриального общества, богатство которого основывалось на тяжёлой промышленности, всё ещё оставалась древняя аристократия.

«Забавное место. Анахроничное».

Впереди него сверкала более элегантная часть города Куат, изящные башни и шпили, которые казались изысканным эхом промышленного пейзажа кранов на орбитальных верфях.

Фетт хорошо знал Куат. Когда-то он спас верфи от попытки уничтожить их. Он надеялся, что это место хоть как-нибудь отблагодарит его.

— Пушечное мясо, — сказал он, наконец-то отвечая Мирте. Он остановил гравицикл у галереи шикарных магазинов. — Они умерли.

— Тот, которого я видела, ведь не умер. Он сказал, что некоторые оставили армию.

— Единственным выходом оттуда, — заметил Фетт, — были смерть или дезертирство.

— Никто из них не ушел на пенсию?

— Смотри что ты подразумеваешь под *уходом на пенсию*. Я слышал, некоторые из них оказались в домах престарелых, устроенных благонамеренными сторонниками мира.

Мирта, казалось, решала, что же означает «уйти на пенсию» для людей, которые обучались убивать, которых держали в стороне от обычного общества и чья продолжительность жизни была искусственно сокращена. Сквозь шлем угадывался слегка выпяченный подбородок — верный признак того, что она раздражена. Она столько всего могла скрыть.

— Ты когда-нибудь охотился на дезертиров?

— Нет. — Но видел их много. — Мало платили.

— Тебя заботила их судьба, ба'буир?

«Ладно, ей нравится строить из себя мэндо. Но я никогда не стану привыкать к этому обращению».

— Вообще-то, нет.

— Они были твоими братьями.

— Нет, не были. — Он жестом велел ей сойти со спидера. — Кровь — это не всё. Ты знаешь, что таков путь мэндо.

— Но готова спорить, к тому клону ты отнесёшься с большим вниманием, — ввернула она. — Как ещё ты сможешь заставить его помочь тебе? Выбьешь из него информацию? Он выглядит ничуть не слабее тебя.

— Может, я просто задам любезный вопрос, — ответил Фетт. — Прямо сейчас мне надо идти в «Текшар» и побеседовать с Фрэйгом. Это может принести ему некоторые неудобства.

Текшарский водопад были одним из тех почти невозможных архитектурных подвигов, в которых преуспели куати. Во многих других заведениях в галактике имелись внушительные водные сооружения, но Текшар был настоящим водопадом — свирепым, бушующим потоком, отведённым за огромные деньги от реки в развлекательный центр города. Он питал свою собственную гидроэлектростанцию, которая, в свою очередь обеспечивала энергией яростное множество огней, проникавших сквозь водяной занавес. Казино было устроено внутри самого водопада, наполовину выстроенное, наполовину вырезанное из природного камня, с башенками, выступавшими сквозь воду, как древесные грибы. Чтобы добраться до входа, игрокам приходилось идти через воду, резко падавшую на пятьсот метров.

— Жаль, я только что сделала причёску, — сказала Мирта, прочно закованная в броню с головы до пят. — Так они не позволяют входить всяkim отбросам?

— Мы и есть отбросы, — ответил Фетт. — И мы входим.

Он остановился, чтобы взломать полицейскую базу данных Куата со своего ВШД. Они не будут возражать. Он лишь способствовал здесь законности и правопорядку. По внутреннему дисплею его шлема побежали изображения отморозков, мелких злодеев и серьёзных плохих парней — и девчонок. Он ждал, и вскоре появилась надпись ФРЭЙГ, Л. Для мафиозного паразита Фрэйг выглядел удивительно респектабельно: свежее лицо в обрамлении золотых кудрей, которое заставило бы расплакаться мамашу. Фетт подозревал, что даже будь ещё у Фрэйга мать, он бы к настоящему времени уже продал её хаттам.

— Итак, ты собираешься войти внутри прогулочным шагом, — заметила Мирта.

— Я хочу только задать ему вопрос.

— Это никогда не бывает так просто, разве нет?

— Посмотрим. — Фетт зашагал по обсаженному деревьями бульвару, который вёл к подножию водопада и раздваивался вокруг него. Только у глупого богача было время играть в столь ранний час. Это говорило многое о деловой хватке Фрэйга. — У него нет причин беспокоиться. Просто проверь, что твой ракетный ранец в порядке.

— Значит, всё же есть вероятность быстрого ухода... — протянула Мирта, без особого усилия шагая рядом, как напоминание Фетту, что он уже не так быстр. — А они не поднимут шум из-за того, что мы войдем в таком виде?

— Главное — войти. — Фетт вытер с визора водяные брызги. — Обычно люди ничего не имеют против моего наряда. В конечном итоге.

Он вошёл по мосту прямо в стену ревущей воды и клубящейся белой пены. Водопад раздвинулся, точно занавес, образуя широкую дверь. Казино за ней было ярко освещено — и было абсолютно сухим.

— Очень впечатляюще, — бросила Мирта.

Это был хитрый трюк, устроенный с помощью автоматизированных силовых полей, запускавшихся датчиками движения. Но это было, как он часто думал, чисто ради представления. Небольшой театр. Это всегда помогало.

— Не отставай, — буркнул он.

Вестибюль казино был роскошным, как будто кто-то сделал ставку на то, сколько кредитов можно потратить на каждый квадратный метр. Здесь было всё, что так не любил Фетт: струящиеся стенные покрытия, позолота, зеркала и приглушенное освещение — все атрибуты обмана, которые, к тому же, трудно чистить. Вестибюль делился на две секции: одна вела к ресторану, другая — к игровым столам. Фетт проверил своё инвестиционное портфолио через ВШД. Он заметил «Тиранский строительный холдинг».

— Давай не будем причинять слишком много ущерба, — сказал он. — Похоже, у меня здесь есть акции.

У стойки регистрации находился стюард и несколько очень крупных помощников — людей, трандошан и гранов, — медленно обходивших кругами по толстому фиолетовому ковру, в котором ноги Фетта вязли, как в смоле. Он никогда раньше не видел трандошана в строгом

костюме и задумался, что бы на это сказал бедный старина Босск. Видеть на такой работе грана тоже было необычно. Было ясно, что все они там не для того, чтобы помогать посетителям сделать выбор из карты вин.

Стюард просматривал экран на своем столе, вероятно, сверяя изображение Фетта с базой данных гостей, которых он должен был узнать по той или иной причине. Судя по тому, как он внезапно вздрогнул, он наткнулся на слово ФЕТТ.

— У вас есть удостоверение личности, сэр?

Фетт коснулся бластера.

— Обычно этого оказывается достаточно.

Стюард — человек, весьма уродливый — очень старался не намочить собственные штаны. Фетт не мог не отдать ему должное.

— Ах... давно не видели вас здесь, сэр.

— Я пришёл навестить кое-кого. — Фетт ткнул в Мирту большим пальцем. — Со своим партнёром.

— После этой *встречи* потребуется ремонт?

Фетт кинул на стол кредитный чип очень большого достоинства.

— Оставь сдачу на случай, если потребуется. Где Фрэйг?

Кредиты говорили. Бластеры тоже говорили, но кредиты могли угрожающе шептать ничуть не хуже.

— У него частная игра в сабакк в собственных апартаментах на тридцатом этаже, сэр. — Стюард отважно улыбнулся и щелкнул пальцами наёмникам. — Я сообщу ему, что вы поднимаетесь.

Аккуратно одетый трандошан примчался на вызов, выглядя так, словно он ошибся с нарядом для карнавала.

— Проводи... э-э... президента Мандалора в апартаменты господина Фрэйга. Все напитки за счёт заведения.

Выходит, они даже не понимали, что такое Мандалор. Это было хорошо, потому что Фетт тоже не понимал. Мирта подавила смешок, но только Фетт услышал это. Он переключался на комлинк шлема.

— Значит, у тебя *действительно* есть здесь акции, ба'буир, — сказала она.

— В зависимости от того, сколько у Фрэйга гостей, мне может понадобиться твоя помощь. Постарайся не убивать их, если они не попросят.

— *Есть-сэр*, господин президент!

— Ты мне больше нравилась без чувства юмора.

Не то, чтобы Мирта ему не нравилась. Она попыталась убить его, но это было несколько месяцев назад, и всё пошло своим чередом. Она упорно трудилась, и она не погрязла в безделицах вроде моды и головидов. Она была сильна во всех отношениях. Бевийн — а Фетт прислушивался к нему — говорил, что она настоящая мэндо'ад, суровая мандалорская женщина, потому что умела метко стрелять, неплохо готовить и имела плечи оружейника. Мэндо'аде ценили боевых женщин, а не пустых кукол, не способных даже вырыть защитное укрепление.

«Она совсем как Синтас. Не такая симпатичная, но очень похожа».

Он не знал Айлин достаточно долго, чтобы понять, похожа ли Мирта на мать.

«Син. Я обычно звал её Син, а она звала меня Бо».

А у Мирты есть прозвище? Что Синтас рассказала Айлин о нём, и что Айлин рассказала Мирте, чтобы породить такую ненависть к нему?

Фетт вновь вернулся в настоящее и последовал за трандошаном с полным обзором на 360 градусов вокруг себя, тупой болью в животе и признанием факта, что чем больше он приближался к смерти, тем больше он думал о людях, мысли о которых очень, очень давно не приходили ему на ум.

Двери турболифта открылись на площадку с таким же толстым фиолетовым ковром, как в вестибюле, и с проходами в небольшие салоны. Игровые столы грохотали, щёлкали и вспыхивали разрушенными жизнями и потерянными состояниями. Даже сквозь фильтр шлема Фетт чувствовал запах надоедливой смеси сотни различных духов, перегнанных из растений, находившихся на грани исчезновения, и частей животных, о которых он даже не хотел думать.

Трандошан привёл их вдоль коридора к внушительным позолоченным дверям, затем неуклюже ретировался. Двери раздвинулись, и Фетт оказался визором к лицу с гамадрианцем, который, казалось, не умел мигать. Позади него шестеро разодетых игроков — трое мужчин-людей, две женщины и викуэй — восседали за позолоченным столом для сабакка вместе с Фрэйгом. Возле кухонных дверей стояли ещё двое громил — очевидно, подносивших напитки.

— Господин Фетт, — произнёс Фрэйг, не поднимая головы. — Приятно встретиться с вами.

У Фрэйга была отличный расклад. Фетт увидел это на дисплее стола, когда навис над ним. Жаль было прерывать. Гости пытались сконцентрироваться на сабакке, но трудно уделять картам должное внимание, когда с неожиданным визитом заявились два охотника за головами. Все они нашли предлог выйти в кухню, чтобы налить себе напитки, тогда как гамадрианец молча наблюдал, держа теперь руку на кобуре.

— У меня к тебе несколько вопросов, — сказал Фетт. — Насчёт твоего предшественника.

— Зависит от того, что вы хотите знать. — Выговор Фрэйга был столь же безупречен, как и его прически. Должно быть, его папаша-гангстер отправил его в самую престижную школу. Но он не был обучен тонкому искусству осторожно опускать руку под стол, чтобы проверить свой бластер. Фетт надеялся, что ему не придется стрелять в этого типа прежде, чем он получит кое-какие ответы. — Надеюсь, вас не послали партнёры Черита, чтобы выразить свое неудовольствие.

— Я не собираюсь тебя убивать, — ответил Фетт. — Если бы я убил тебя, ты не смог бы ничего мне рассказать. А я хочу, чтобы ты рассказал мне кое-что. Я — любопытный человек.

Гамадрианец у двери уже открыто держал бластер на поясе, но Мирта прикрывала деда. Фетт видел по их связи, что она наблюдает за ним, датчики шлема реагировали на движения её глаз.

Фрэйг пожал плечами.

— Что именно вы хотите услышать от меня?

— Мандалорец, который убил Черита. Я должен его найти.

Фрэйг изобразил улыбку, похожую на трещину во льду.

— Мне уже задавали кое-какие тонкие вопросы, но этот — хороший. Я уверяю вас, что не заказывал смерть Черита.

— Мне неважно, послал ли ты венок и позаботился ли о вдове. Ты знаешь, где мне найти человека, который убил его?

— А не выйти ли нам на балкон? — указал Фрэйг и поднял свой напиток. — Это слишком деликатный вопрос, чтобы обсуждать его при моих гостях.

— Как хочешь, — отозвался Фетт и сразу же решил, как он будет перемещаться. «Шаг наружу. Вправо». Мирта стояла на страже у открытых дверей, но телохранитель-гамадрианец попытался оттеснить её. Он сделал ошибку, положив руку ей на спину, и при этом слишком низко. Она просто подняла сжатый кулак до уровня плеча и выщелкнула из наручи виброклинок.

— Ещё раз тронешь меня, чакаар, и я воткну его тебе в сонную артерию.

— У меня её нет.

— Тогда мне придется колоть тебя, пока я не найду где-нибудь другое место, так же обильно кровоточащее.

Фрэйг вмешался:

— Серку, давай не будем расстраивать даму, хорошо? Пусть она ждёт там, где пожелает.

Сегодня вечером Фрэйг делал много ошибок для криминального босса. Точно так же Фетт всегда предполагал худшее. Возможно, Фрэйг решил, что балкон уменьшит варианты действий

Фетта, но это не составляло трудностей для человека с реактивным ранцем. У Фрэйга его не было. Как и волоконного каната.

На это не уйдет много времени.

«Любители».

Фетту пришлось бороться с желанием объяснить Фрэйгу, как сделать всё правильно. На балконе мерцали в сумраке сквозь завесу мчащейся воды огни города Куат. Выступ отклонял воду на несколько метров от фасада здания.

Фетт оперся рукой о перила, притворяясь незаинтересованным, но на самом деле проверяя прочность металла. Он бросил взгляд на Фрэйга, чтобы оценить его вес.

— Позволь мне повторить свой простой вопрос. Расскажи мне всё, что ты знаешь о мандалорце, который убил твоего предшественника.

— Я не имел никакого отношения к этому. Черит многим насолил. Профессиональный риск.

— Вопрос всё ещё стоит. Держу пари, что твоя организация тоже стремилась узнать.

— Мы не знали, кто он. Всё, что мы знали, — что у него имелся зуб на некий клан тви'леков. Мы работаем с тви'леками в индустрии развлечений.

— Ещё бы. — Фрэйг имел в виду девушек-тви'лекк. — Что за зуб?

— Он считал, что мы не обращаемся с ними должным образом. Из-за него мы потеряли нескольких очень популярных артисток.

Фрэйг был вонючим лгуном. А клон в мандалорской броне сводил счеты для каких-то тви'леков, но он не был охотником за головами. Значит, здесь иная связь: личное, а не профессиональное.

Время. У него не было на это *времени*.

— Видел его с тех пор?

— Нет.

— Не хочешь сказать мне, кто были те тви'леки?

— Зачем вам так нужен этот тип? Должно быть, это что-то важное для вас, раз вы охотитесь на него. — Фрэйг оглядел свои наманикюренные ногти. — Или, возможно, некоторые из моих партнёров сожалеют об уходе Черита и поэтому наняли вас, чтобы натравить на меня.

— Сейчас я тут не по работе. — Фетт никогда не мог понять, почему его не слушают. Они никогда не слышали то, что он говорил. Он играл открыто, а они всегда выискивали двойной смысл. — Мэндо нужен мне целым. Он нужен мне, чтобы сделать кое-что для меня.

Фрэйг упустил свой шанс. Фетт переключился на внутришлемную связь и привлёк внимание Мирты, которая следила за ним — и заодно за гамадрианцем.

— Я просто собираюсь помочь нашему другу кое-что вспомнить.

Полезная штука — волоконный шнур.

Фетт вытащил из ранца шнур, сделал петлю и, захлестнув её вокруг Фрэйга, зажал крюк между прутьями и столкнул бандита через перила. На всё ушло две секунды. Фрэйг завопил, цепляясь за перила, но хороший сильный удар по суставам рукоятью бластера заставил мерзавца разжать пальцы. Фрэйг полетел вниз, и Фетт подобрался перед неизбежным ударом о перила, когда верёвка закончится. Это едва не выбило из него дух. Фрэйг подпрыгивал и крутился в удушающей хватке шнура, всё ещё вопя. Фетт приберег про запас несколько метров шнура, чтобы можно было использовать лебёдку.

Мирта хорошо позаботилась о гамадрианце. Она наполовину прижала его транспаристальными дверьми, но телохранитель втиснул тело в промежуток и попытался выстрелить в отверстие. Его рука оказалась в ловушке. Фетт с увлечением смотрел, как Мирта второй раз ударила охранника головой, всадила виброклинок ему в бедро и выпихнула его — визжащего от боли, хороший приём — в двери так, что они с грохотом закрылись. Затем она несколько раз выстрелила в панель управления.

— Действуем быстро, ба'буир? — Она повела плечами, как будто расслабляя напряжённые мышцы шеи. — Двери могут быть непробиваемыми, но рано или поздно их откроют.

Фетт посмотрел вниз. Фрэйг беспомощно крутился, как деви на крючке, издавая задыхающиеся звуки. Верёвка крепко обвилась вокруг его талии и груди. Он висел в пятнадцати метрах ниже перил.

— Не дергайся и думай о хорошем, — окликнул его Фетт. — Это поможет тебе вспомнить. И не даст выскользнутъ из петли.

— Ты чокнутый... я тебе за это глотку перережу...

— Ты висишь на трофе. Я стою на твёрдой поверхности. Подумай об этом.

— Ты — труп!

— Проницательный до последнего. Назови меня ещё как-нибудь, паразит.

— Говорю тебе, я не платил мэндо. Я рад, что он пристукнул Черита, но я никогда не платил ему за это...

— Попробуй ещё раз.

Голос Фрэйга почти заглушался ревом водопада позади него.

— Тви'леки были из какой-то семьи по имени Химар.

— Хорошее начало. — Фетт резко вытравил веревку ещё на метр. Фрэйг заорал, соскользнув ближе к пермакриту, камню и неистовой воде в сотне метров внизу. — Помогает? Памяти часто нужен стимул.

Химар. Любой мэндо, который брался играть героя ради нескольких танцовщиц, будет известен в сообществе тви'леков. Такое случалось нечасто: никому не было дела, что происходило с девушками-тви'леками. У Фетта был свой канал. Он раздобудет контакт где-нибудь — а если не он, то раздобудет Бевийн. Бевийн не стал бы давить на него, чтобы узнать, зачем.

— Что-нибудь ещё, чтобы облегчить душу?

— Я не знаю этого парня, Фетт. Но я знаю, что ты пожалеешь об этом.

Фетт слышал глухие ритмичные удары телохранителей Фрэйга, пытающихся разбить двери.

— Если я узнаю, что ты надул меня, то я вернусь, чтобы закончить работу.

Он поставил ногу на нижнюю перекладину и начал поднимать бандита. Мирта стояла рядом с ним, наведя бластер на двери.

— Ты становишься мягкотелым. Зачем ты поднимаешь его?

— Мне нужен шнур. Это мой любимый сверхтонкий.

— Когда он окажется на балконе, я оглушу его...

— Потом назад на «Раб I». Живописным маршрутом.

— Повезло тебе, что у нас есть ранцы.

— Я не пришёл бы сюда, если бы не было. — Фетт почувствовал, как на теле выступил пот и побежал вдоль позвоночника. Несколько лет назад это было бы более легкой задачей. — И я не стал бы подниматься выше тридцати этажей.

— Почему?

— Трос длиной в сто метров. На случай, если придется спускаться по верёвке.

Лицо Фрэйга было теперь в двух метрах. Он прекратил орать и приводил в порядок дыхание.

— У меня нет стометрового шнура, — сказала Мирта.

— Тогда повезло, что у тебя есть ранец. — Он перекинул Фрэйга спутанной кучей через перила, и Мирта нанесла удар с разворота, который вырубил бандита. Если это было её транквилизатором, то она была прирождённым медиком. — Пора уходить.

Мирта прыгнула под неудобным углом и пробилась сквозь стену воды впереди него: здесь не было силового поля, разделявшего водопад. Когда Фетт посмотрел вниз, он увидел спидеры, пересекавшие площадь по обе стороны бульвара. Он должен был приземлиться и найти гравицикл: ракетные ранцы были незаменимы для быстрых выходов, но пламя делало их обоих заметными целями в ночном небе.

Спидер всё ещё стоял там, где он оставил его, снабженный детонатором и скрытый в кустах на краю парка. И болеутоляющее, и адреналин перестали действовать одновременно, и Фетт как

никогда осознавал причину своих поисков. Он на максимальной скорости направился к взлётно-посадочной полосе по грузовым линиям, где было самое лёгкое движение, отметив, что Мирта с довольным видом обеими руками устанавливает на свой бластер гранатомёт, сжимая коленями седло гравицикла. Похоже, что она привыкла к быстрым побегам.

— Ты хорошо справляешься для мертвеца, ба'буир.

— Твой отец тоже неплохо обучил тебя.

— Почти всему я научилась у мамы.

— Ну... она проделала хорошую работу.

Фетт отпустил поручень одной рукой и активировал дистанционное управление «Раба I». Двигатели корабля запускаются: он сможет завести спидер в грузовой отсек и убраться с этой планеты за минуту. Он уже просматривал на дисплее ВШД базы данных, отыскивая родовое имя тех тви'леков.

В такие моменты он чувствовал себя действительно, волнующе живым: когда он побеждал, был лучшим, выживал.

«Так ли? Это всё, что я могу сделать?»

Он почти завидовал Бевийнам и Каридам этого мира, которые наслаждались простыми вещами вроде хорошей еды и семьи. Но от опасности приходило чистое, ясное удовлетворение. Оно стирало заботы, страхи и воспоминания. Только настоящий момент — и выживание.

Фетт сконцентрировался на хорошем самочувствии и игнорировании боли — до тех пор, пока не уловил в заднем обзоре фары быстро приближавшегося спидера, и Мирта не повернулась и не прицелилась из бластера.

— Должно быть, они вычислили наш курс, — сказала она. — Как думаешь, это фрэйговы отморозки или служба безопасности?

— Мы не привлечём внимание полиции, пока ты не выстрелишь из этого бластера. — Датчики движения показывали Фетту два спидера позади и два на подходе справа на перекрёстке впереди. Ещё один спидер приближался слева. Может, это были обычные граждане, достаточно невезучие, чтобы оказаться на том же маршруте, или, может, они мчались, чтобы перехватить его. Если он верно рассчитает время, то сможет проскользнуть между ними и дать Мирте сделать чистый выстрел в спидеры позади. Он запустил двигатель.

Фетт отсчитывал секунды в обратном порядке. Он был почти на перекрёстке, но не собирался пересекать его. Тот спидер, что был справа, вылетел перед ним, и он поднял руку, чтобы выстрелить из огнемёта, но наездник внезапно завалился набок и упал на землю ещё до выстрела. Два спидера, направлявшиеся в другую сторону, взлетели, чтобы избежать его.

Фетт наблюдал за спидером, приближившимся слева наперерез ему без малейшего замедления.

Он услышал грохот, но не услышал никаких звуков разряженного бластера: они столкнулись? Или врезались в кого-то, кто оказался не на том пути не в то время?

Мирта запустила гранату.

— Есть! — Огненный шар озарил ночь. — Один готов, один едет. Перезаряжаю.

— Не вижу третий спидер.

— Может, разбился.

— У нас несколько минут до того, как присоединится полиция, — сказал Фетт.

— Эй, где он...

Позади них раздалось мощное «бумм» ослепительного взрыва. Фетт видел задним обзором своего ВШД падающие докрасна раскалённые обломки.

— Хороший выстрел.

— Это не я. Я не стреляла.

— Что это, эпидемия крушений?

— Думаю, у нас есть помощник.

— Я ненавижу помочь, о которой не просил.

Но помочь была, поэтому он воспользовался передышкой с неохотной благодарной осторожностью. Возможно, их невидимый благотворитель берег их для себя. «Раб I» стоял между двумя потрёпанными грузовиками и казался ничем не примечательным любому, кто не знал этот корабль, — просто старый «Огневержец», стоящий без дела.

Фетт приземлил гравицикл и побежал к кораблю. Кто бы мог перебить фрэйговых недоумков ради него? Подобное великолепие имело цену. Фетт поручил Мирте завести спидер в отсек и забрался в кабину.

— Давай, девочка, где ты там? — Он нажал кнопки на пульте, и «Раб I» загудел на полную мощность, по корпусу пробежало слабое сотрясение. Это означало безопасность. Это означало дом. Это был самый утешительный звук, который он знал. — У тебя двадцать секунд до того, как я закрою грузовой люк.

Ответа не было, и как только он это осознал, вспыхнул сигнал тревоги «Раба I». На борту был кто-то ещё. Системы не распознавали его.

— Мирта? Мирта!

Внутренние камеры безопасности показывали только спидер. Фетт схватил бластер и пошёл на корму проверять. Даже сквозь фильтр шлема он чуял сильное масляное зловоние, которое не чуял уже много лет. Он не мог полностью определить его, но он знал его.

Спидер был убран. Люк был открыт. Он поднял бластер и задумался, не запереть ли люк и не поднять ли «Раба I», и не ненавидеть ли потом себя всю оставшуюся жизнь, сколько бы её ни осталось.

«Папа не бросил бы тебя. Ради тебя он рискнул бы чем угодно».

За эти годы Фетт бросил достаточно многих. Он даже бросил Синтас раненой, когда в последний раз видел её, — очень давно. Тогда этоказалось правильным решением.

«И ты ещё гадаешь, почему твои дочь и внучка пытались тебя убить».

Фетт стоял с одной стороны люка. Его датчики показали ему две фигуры на трапе — один гуманоид и одно животное, чья форма не была ясно видна. Он сосчитал до трёх и вышел, подняв бластер и огнемёт.

Мирту, без шлема, держал крепким захватом мандалорец в серой броне, а крупное животное с золотистым мехом сжимало своими огромными челюстями её ногу, оставляя след слюны. Оно не нападало: оно застыло, придавливая её, — и воняло.

А она не выглядела испуганной. Только смущённой.

Фетт уставился в дуло сделанной на заказ верпинской винтовки, нацеленной одной рукой, и понял, почему он не услышал выстрелов, когда упали спидербайки. «Верпины» были бесшумны.

— Так-так... — сказал мандалорец в серой броне. У него действительно была прекрасная пара серых кожаных перчаток. — Это же маленький Боб'ика. Когда мы встречались в последний раз, мой брат совал тебя головой в освежитель, чтобы научить кое-каким манерам. Зачем я тебе, нер вод?

КОРУСАНТ, ШТАБ-КВАРТИРА ГГА, ЗАЛ СОВЕЩАНИЙ

Бен был рад вновь оказаться среди людей, которым он доверял. Море чёрной униформы могло бы показаться кому-то зловещим, но для него все они были подобны братству — подобны семье. Он находился в том редком положении, когда по молодости его ещё не считали одним из солдат, несмотря на его офицерский статус, и ему это нравилось. Дух товарищества и осознание, что каждый приглядывает за остальными, одновременно успокаивали и волновали.

Он уселся в зале совещаний на место в конце ряда. Солдат по имени Альмэк подтолкнул его.

— Хороший отпуск? Рад, что вы смогли вместить нас в свой плотный график, сэр.

— Не мог дождаться, когда вернусь.

— Вы мало что пропустили, — сказал Алмэк. — Стало потише. Думаю, мы сломали хребет кореллианским сетям.

— Вечно я пропускаю всё хорошее.

Несколько других солдат в ряду впереди повернулись на местах и присоединились к разговору.

— Мы найдём для вас кое-что интересное.

— Или кое-какие документы...

— Надо бы как следует почистить освежители. Вот зубная щетка.

Бен усмехнулся и запустил в них шариком флимси. Хорошо быть частью команды. Хорошо иметь друзей. Они не видели в нём сына Скайуокера, джедая, которого нужно бояться. Он был просто Беном, и они присматривали за ним, как обычно присматривали за молодыми офицерами, которых любили.

И они никогда не спрашивали его, где он был. Всё было по необходимости.

Но череда взрывов, похоже, на время прекратилась. Оставалось лишь определить, за кем присматривать дальше. Кореллианцы, ботаны... а теперь и фондорианцы.

Капитан Лон Шеву поднялся на трибуну в центре зала, как всегда преданный, но Бен чувствовал в нём нежелание и дурные предчувствия. Он мог ощутить это ещё в нескольких солдатах, по большей части в тех, кто состоял ранее в КСБ. За Шеву следовал Джейсен, мгновенно завладевший всеобщим вниманием. Это Джейсен умел: Бен не был уверен, завидует ему или нет. Интересно, что он, казалось, любил быть центром для обычных существ, но предпочитал скрываться от чувствительных к Силе. Как будто он желал быть замеченым только обыденным миром.

«Я должен этому научиться. Мама говорит, что я умел это маленьким, но это было инстинктивно, как детское плавание. Я хочу научиться этому так же, как Джейсен».

— Сводка на следующие сорок восемь часов, дамы и господа, — заговорил Джейсен. — Мы переходим в иную фазу. Приоритет теперь состоит в поисках профессиональных разведчиков Конфедерации. Да, в обычное время мы оставили бы это нашим коллегам из разведки Альянса, но, поскольку все их лучшие сотрудники у нас... — Его прервали аплодисменты и смех. Он помолчал, широко ухмыляясь, и продолжил. — ...поскольку часть из них у нас, мы выручим их. Мы будем также обеспечивать личную охрану главы Омаса и ключевых министров, чтобы облегчить жизнь КСБ, и обеспечивать присмотр за ними. Результаты допросов позволяют предположить, что мы имеем дело с более целенаправленными и профессиональными покушениями на убийство — как в случае правительственный агентов, а не просто недовольных любителей и охотников за головами.

Кто-то впереди поднял руку. Бен не видел, кто именно.

— Как следует понимать «присмотр» в этом контексте, сэр?

Джейсен включил на экране позади себя голоизображение. Оно показывало диаграмму различных путей, по которым можно было физически или виртуально добраться до министров ГА: кабинеты, домашние адреса, частные клубы, маршруты к Сенату, комлинки.

— Вот так, — пояснил он.

— Нам позволено прослушивать комлинки сенаторов, сэр? — спросил Шеву.

— Согласно закону о чрезвычайных мерах, мы уполномочены выполнять любое наблюдение, чтобы предотвращать насильтственные действия против государственных министров и посещающих нас союзников.

Лицо Шеву было непроницаемо, но Бен чувствовал в нём острое недовольство. Вот, есть же люди, которые умеют скрывать то, о чём думают. Бен задумался, не более ли это полезное умение, чем сокрытие в Силе.

Прослушивание сенаторских комлинков, казалось, никого больше не беспокоило. Бен тоже не видел проблемы. Это имело смысл — для их собственной защиты. Джейсен раздал отрядам задания, и началась дискуссия о поставках.

— Составьте список пожеланий, — сказал Джейсен, сияя. — Я думаю, что мы разрешили ситуацию с поставками. Или разрешим к концу этой недели.

По залу пронеслась рябь смеха.

— Вы убедили их смотреть на вещи по-вашему, сэр?

— О, я лишь удостоверился, что флимы в порядке...

Послышалось ещё больше смеха и аплодисментов. На мгновение Бен почувствовал заговорщическую близость Джейсена и солдат. Она была подлинной: Джейсен не применял своего обаяния для убеждения людей сделать то, что он хотел, хотя отлично это умел. Он наслаждался обществом своих солдат, а они наслаждались его. Было ощущение общей опасности и то, что остальная часть мира не относится ко всему этому. Бен сделал в уме отметки об искусстве лёгкого лидерства.

Совещание закончилось. Бен задержался, чтобы поговорить с Джейсеном, получая несколько шуточных замечаний о своем недавнем отсутствии, пока солдаты выходили друг за другом, и сам отвечая тем же. Он ощутил внезапное давление на затылке, и когда оглянулся, увидел, как за ним наблюдал с трибуны Джейсен, слегка улыбаясь.

— Они тебя любят, — сказал он. — Это хорошо для офицера, если тебя любят по правильным причинам.

— Разве не важно, чтобы вместо этого тебя уважали?

— Что есть уважение, Бен?

Бен обдумал вопрос, ощущив в нём маленько испытание.

— Думать, что человек делает что-то правильно, и что он делает это лучше тебя, и поэтому ты чувствуешь в нём уверенность.

— Превосходно.

— И всё-таки это не то же самое, как если тебя любят, да?

— Именно. Мы можем уважать тех, кого недолюбливаем, — ответил Джейсен. — Вот когда твои люди будут тебя любить — когда они верят, что ты никогда не бросишь их жизнь на ветер, что их благополучие на первом месте, и что ты не велишь им сделать то, что не стал бы делать сам. Разделять с ними испытания и триумфы, не становясь одним из них, и они знают, что так и должно быть — потому что знают, что офицер должен принимать решения, которые стоят жизней, а ты сможешь это сделать только в том случае, если останешься достаточно обособленным.

Бен еще не потерял ни одного солдата из отряда коммандос 967. Фактически, у них не было ни смертей, ни даже серьёзных травм. У них была прекрасная жизнь — относительно других военных. Он понятия не имел, что будет чувствовать, когда ему придется отправлять их в такие ситуации, где смерти неизбежны.

Джейсен, казалось, вновь прочитал его мысли.

— Пока ты не можешь принимать такие решения, тебе не безопасно руководить.

— Но легче, если ты готов умереть сам, верно? — Бен внезапно перестал беспокоиться из-за покушения Люмии на его жизнь. Теперь он знал, что это она, сопоставив то, что произошло на Зиосте, и то, что сказала ему мама. Но это было хорошо. Теперь он мог прямо смотреть всем 967-м в глаза. — Потому что, если ты готов принести ту же самую жертву, это — единственное, что имеет значение.

Джейсен наклонился ближе к нему.

— Это *вдохновляет*. Это окончательный акт честности со своими солдатами.

Бен знал, что именно так командовал сам Джейсен, и почему все были так верны ему. Он командовал с фронта, и он любил быть в гуще сражения. Тот факт, что у него, как у джедая, были преимущества выживания, которых не было у солдат, казалось, редко приходил им в головы.

— Я не знаю, как поступлю, когда придёт время, — сказал Бен. — Никто не знает. Но я постараюсь сделать то, что правильно для большинства.

На мгновение его озарила улыбка Джейсена, но тотчас же исчезла, как будто он вспомнил что-то ужасное. На несколько секунд он исчез из Силы, а потом вернулся. Странно, подумал Бен: Джейсен стоит прямо рядом с ним, так от чего ему скрываться?

— Ты можешь научить меня этому? — спросил Бен. — Скрываться в Силе?

Джейсен казался потрясённым.

— Зачем?

— Потому что Люмия пытается убить меня. Я подумал, что это могло бы пригодиться. — И для того, чтобы иногда избегать родителей. Да, это было бы удобно. — Мама говорит, что у неё есть доказательства, что я убил... что Люмия *думает*, что я убил её дочь. Джейсен, я совсем не помню, что произошло на том астероиде, но, возможно, это неважно, потому что Люмия так считает, и, держу пари, это она стоит за тем, что произошло на Zioste.

Лицо Джейсена было безупречно пустым. Бен не знал, о чём он сейчас думает, даже при помощи Силы.

— Почему бы и нет? — сказал Джейсен. Его голос стал мягче, почти колеблющимся. — И не беспокойся о Люмии. Ей не до твоего убийства.

— Когда мы можем начать?

— Это очень просто.

— Ага, — с сомнением протянул Бен.

— Нет, правда. *Принцип* прост — а вот практика трудна. Тебе могут потребоваться годы, чтобы овладеть этим. — Джейсен жестом велел ему сесть на пол. — Давай. Медитационная поза.

Бен сел, скрестив ноги, и автоматически закрыл глаза, дыша глубже и медленнее, пока не достиг стадии, когда мир вокруг него стал казаться отдалённым и появилось сверхощущение собственного тела, даже движения крови в венах.

Голос Джейсена, казалось, шёл из другого времени и места:

— Ты закрыт. Мир не может коснуться тебя.

— Да.

— Теперь разбей раковину. Разбей оболочку. — Тон Джейсена был ровным и успокаивающим. — Взгляни на мир в составляющих его атомах. Взгляни на себя тоже как на атомы. Найди линию, где заканчиваешься ты и начинается мир.

Бен представил себе комнату и воздух в ней. Воздух превратился в замёрзший снегопад различной плотности, некоторые частицы скопились, некоторые рассеялись; затем он заглянул в себя и увидел микроскопическую шероховатость поверхности своей кожи и расположенные внахлест пластины кератина в своих волосах, а потом, превыше этого, туда, где он был совсем как комната вокруг него — вихрь молекул. Часть комнаты была внутри него как кислород и пыль, и часть его была в комнате как фрагменты кожи и капельки воды.

Не было никакой линии. Не было границы, которая отделяла Бена Скайуокера от комнаты, или от Корусанта, или от галактики. Он слился со всем этим, а они слились с ним. Не было ничего твёрдого: только тёплое, дрейфующее море молекул, некоторые из которых собирались свободно и достаточно надолго, чтобы быть Беном Скайуокером.

— Итак, ты *можешь* это сделать...

Голос Джейсена плыл откуда-то издалека. Бен внезапно почувствовал, как будто распадается и никогда не будет целым снова. Его охватила паника. Он резко распахнул глаза с огромным усилием, словно разрывая камень голыми руками — с усилием, настолько невероятным, что он задохнулся.

— О... ух ты.

— Вот, — мягко сказал Джейсен, — видишь, почему необходима практика? Но за технику высший балл.

— Как это спрячет меня?

— Ты смешиваешься со вселенной. Думай об этом как о маскировке в Силе. Приём должен стать настолько удобным, что ты сможешь соскальзывать в это состояние... *растворённости* и всё же продолжать функционировать, полностью осознавать всё.

Бена не хватило даже на очередное «ух ты». Он был абсолютно настроен овладеть этой техникой и в то же самое время напуган ею, потому что она походила на обольстительную, уютную смерть. Он боялся, что может погрузиться в неё так глубоко, что никогда не выйдет назад.

Так близко он никогда в жизни не подходил одновременно к познанию и ощущению того, что есть Сила. Он чувствовал, что никогда не будет прежним снова и не увидит мир тем же способом.

«Вот это да».

Если бы только всё его знание Силы проявлялось так быстро и так ярко.

— Ты должен регулярно практиковаться, — напомнил Джейсен.

Бен кивнул, беспокоясь, не слишком ли восторженно он выглядит. Теперь это был больше, чем просто полезный способ избегать отца. Это само по себе стоило того, ради чистого ощущения.

— Я буду, — сказал он. Момент восторженного открытия прошёл, и он чувствовал себя странно похолодевшим. — Для меня есть приказы? Или мне теперь прослушивать комлинки?

— О, у меня есть для тебя задание.

— Как с амулетом? — Может быть, не стоило этого говорить, но ему всё это не понравилось, как будто это была не только потеря жизни человека, но и что-то не настолько важное, как его убедили. Он терпеть не мог, когда ему потакали. — Мне можно доверить правду, Джейсен. Ты удивишься.

Джейсен весь был безмятежным спокойствием.

— У меня есть работа, которую можешь выполнить только ты, и это важно. Ты можешь не захотеть браться за это задание.

— Если это приказ — значит, приказ.

— Лучше сначала выслушай. — Джейсен полез в карман и вытащил планшет. — Прочти. Это первичные данные разведки, которую я получил, поэтому можешь судить сам.

Бен взял инфопланшет и изучил экран. Это были расшифровки записей бесед по комлинкам и даже зернистые изображения встречи, снятой с такого необычного ракурса, что её, должно быть, вёл дроид-шпион в очень неудобном местоположении — вероятно, на шкафу. Мужчины в дорогих костюмах и туниках, потягивавшие каф и приглушенно беседовавшие: человек с аккуратно подстриженными тёмными волосами, моложе Джейсена. Бен узнал в нём Дюра Геджена.

— Это премьер-министр Кореллии, — сказал он.

— Это все сведения, собранные у наших агентов в кореллианских правительственныех учреждениях. Читай дальше.

Обсуждался вопрос *вбить клина* между Хейпсом и Галактическим Альянсом. Это походило на обычное политическое маневрирование, которое всегда утомляло Бена, пока он не начал читать повторяющиеся фразы вроде «королева-мать» и «видя издержки присоединения к Альянсу».

А потом пошли намёки на устранение препятствий. Всё это встало на свои места, когда он переключился на следующее голоизображение и увидел обсуждение *подходящих охотников за головами* и того, кто может быть готов управлять хейпанским королевским домом.

Бену, возможно, и надоела политика, но он понял всё лучше, чем ожидал, и знал, что *должен* делать, если хотел выжить.

— Они говорят о Тенел Ка.

— Именно.

— Значит, Геджен *действительно* планировал нападение на неё.

— Именно. У нас, наконец, есть веское доказательство, и таким образом, мы можем действовать.

Бен знал, что должен бы возмутиться, но его наполнило отчаяние от того, что люди сочли столь легкой и столь необходимой организацию убийств друг друга. Это происходило с его собственной семьёй, и с ним, и происходило между главами государств.

Они все обезумели. Они полностью потеряли здравый смысл. Или вот так на самом деле работает взрослый мир, где совершаются все глупые, жестокие, разрушительные, импульсивные поступки, из которых, как они клянутся, они выросли?

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил Бен, вполне уверенный в том, каков будет ответ.

— Убей Геджена. — Джейсен устало потёр лоб. — Он — негодяй, и он дестабилизирует наших союзников. Какие переговоры можно вести с человеком, который спокойно прибегает к спонсируемому государством убийству, как это? Кореллианцы должны знать, что мы тоже можем дотянуться до них. Немного отрезвить их. Слишком уж *дерзкие*.

— А разве мы не делаем то же самое? Чем наше убийство отличается от их? Не приведёт ли оно лишь к большему количеству убийств?

— Хочешь сделать всё по правилам? Ладно, позвони в Корбез и обвини Геджена в заговоре с целью убийства. О, и ещё в заказе убийства Тракана Сал-Соло, даже если мы не можем вызвать моего отца в суд, чтобы тот свидетельствовал об этом. Посмотрим, как быстро они его арестуют.

— Я знаю...

— Ты не должен этого делать. — У Джейсена был тот слегка оскорблённый тон, который говорил как раз о противоположном. — Но ты доказал свою компетентность в тайных операциях, когда мы нанесли удар по Балансиру, и тебе подобраться к Геджену намного легче, чем какому-нибудь крупному волосатому коммандос вроде Дювиля. Ты можешь казаться безобидным подростком.

«Я — подросток... и обычно я довольно безобиден».

Но Джейсен рассуждал верно. Если кто-либо должен сделать это — а то, что Джейсен упомянул об этом, означало, что он уже решился, — значит, у Бена лучшая возможность оказаться достаточно близко к Геджену, не будучи замеченным.

Джейсен смотрел на него, чуть склонив голову набок, с той полуулыбкой, которая свидетельствовала о его уверенности, что Бен собирается согласиться.

— Я ведь не могу просить об этом Бобу Фетта, правда? — спокойно сказал Джейсен.

— Ребята делают ставки, как и когда он попытается убить тебя. — Офицер не должен приказывать своим солдатам делать то, что он не станет делать сам. Я не могу оставлять это кому-то из 967-го. — Хорошо. Я согласен, что Геджен прогнил насквозь. И как только мы сможем предать его планы огласке... тогда ордер на дядю Хана и тётю Лею будет отозван, так?

— Я не могу, Бен. — Джейсен вздохнул. — Все знают, что они не имели никакого отношения к нападению. Но они всё ещё работают на Кореллию, и я не могу приостановить ордера на арест только потому, что они — моя семья. Так и начинается коррупция. Кроме того, какой пример это подаст солдатам? Станут ли они когда-нибудь снова доверять нам, если офицеры обходят правила ради семей?

Бену ещё раз напомнили, что он не походил на своего отца, который настоял бы на аресте Геджена. Это была грязная работа, но ему следовало понять это к настоящему времени. Он не мог передать её кому-то другому, если хотел считать себя человеком — или офицером.

— Я пошлю тебя с хорошей поддержкой, — сказал Джейсен. — Шеву и Лекауф. Наши агенты на Кореллии определяют время и место. Тебе придётся быть готовым отправиться в любой момент.

Бен задумался, как же именно ему убить Геджена. Использовать световой мечказалось кощунством. Он сконцентрировался на практичности и логистике, быстро обдумав, где будет нанесен удар, как близко он сможет подобраться и что сработает лучше: бластер, снаряд или что-то более экзотическое. Был виброклинок матери, но Бен не был уверен, что у него хватит духу хладнокровно воспользоваться им. Он знал лишь, как защитить себя и других, а не как охотиться с единственной целью убить.

— Ты справишься, — сказал Джейсен, который всегда, казалось, знал его мысли. — Те же методы, которые ты уже применяешь, — только другое мышление. Иди поговори с командой снайперов.

Лучшим человеком, с которым он мог бы проконсультироваться насчет тонкостей убийства, была его мать, когда-то Рука Императора, лучшая убийца своего времени. «Эй, мама, лучше всего

стрелять в голову? Два раза или три? Думаешь, бесшумный бластер — лучший выбор, чем световой меч?»

Бен знал, что эта беседа никогда не сможет состояться.

Джейсен наблюдал, как Бен выходит из зала совещаний, и глубоко вздохнул. Это было всё, что он мог сделать, чтобы сохранять дыхание устойчивым и не позволить ему превратиться в рыдание.

«Я не могу этого сделать. Я не могу убить его».

Если бы Сила сделала всё яснее, четко объяснила, что он должен сделать — пойти туда-то, убить такого-то, сказать то-то — возможно, было бы легче. Дело было не в осознании, что это невыносимо, не в осознании, что он слишком много вчитывался в сомнительные толкования узелковых кисточек, в неопределенные заявления Люмии, в параллели с дедом, которых, возможно, и не было. Он знал свою судьбу — стать повелителем ситов — увереннее, чем знал что-то иное, но именно это финальное испытание оставило его разум в отчаянной суматохе.

«Что, если я ошибаюсь? Что, если ошибается Люмия? Что, если я вообще не должен никого убивать, и убью Бена потому, что не смог правильно перевести глупое пророчество?»

Пророчество гласило: «онувековечит свою любовь». Оно ещё много чего гласило, например: «он создаст любимца». У него всё ещё не было никого пушистого, чешуйчатого или пернатого, и было бы преувеличением применять это название к преданному капралу Лекауфу, который служил ему так же самоотверженно, как его дед служил Вейдеру.

«“Увековечит” не должно означать “убьёт”».

Но он понятия не имел, что ещё это могло бы означать. Это... это было худшим в ситском обучении. Было не просто две возможных интерпретации чего угодно, но и три, четыре, пять...

«Стало быть, только ситы меряют всё абсолютными истинами, так, Оби-Ван? Ты сказал это Вейдеру, или так говорит Люмия. Ты лжец. Ситы меряют чем угодно, кроме абсолютных истин, потому что...»

Потому что такова сама жизнь. Миллион решений, которые нужно принять свободно, которые нужно прожить, и необходимое мужество убеждения.

«Только подсказка. Как мне узнать? Каков будет знак?»

И Люмия не знала, или, если знала — он не собиралась слушать. Довольно игр; довольно гаданий. Всё это опиралось на его суждение.

«Я ищу знаки и предзнаменования, точно рин-предсказатель. Всё должно быть более рационально».

Так и было.

Ему на ум пришёл комментарий Бена в самом конце их беседы.

«Офицер должен принимать решения, которые стоят жизней».

Для пользы большинства, сказал он. И если Бен смог до этого додуматься, то Джейсен — тем более.

Он обдумал это, активировал замки на дверях зала совещаний и сел в углу, положив голову на колени.

Когда он коснулся лица рукой, то обнаружил, что оно влажное от слёз.

Глава 5

Главной преградой к тому, чтобы заставить Галактический Альянс образумиться, является Джейсен Соло. Он водит главу Омаса за нос и ещё хуже поступает с адмиралом Ниаталь, поощряя её склонности к внезапным резким действиям. Избавьтесь от него, и всё успокоится настолько, что мы сможем вести обмен мнениями с Омасом. Думаю, что поговорю с ним, как государственный деятель с государственным деятелем... конфиденциально.

— Дюр Геджен, кореллианский премьер-министр, в личном разговоре

НЕЙТРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУ КОРЕЛЛИЕЙ И КОРУСАНТОМ, Х7 ГАЛАКТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА

Мара задумалась, не потрудиться ли ей рассказать Джейсену о том, зачем ей пришлось взять Х7. «Слушай, Джейсен, ну типа так. С тех пор, как объявилась Люмия, ты превратился в головореза, и ведьма пытается убить моего сына, поэтому как насчет того, чтобы мне заняться тем, что я делаю лучше всего, и убить её ради всех нас?»

Она с удовольствием сказала бы ему это. Но она всё ещё не знала, кто был сообщником Люмии в ГГА, а Джейсен не оставлял место сомнениям относительно своей драгоценной тайной полиции. Он ничем не помогал. Он даже, казалось, не верил, что Мара и Люк нашли убедительное доказательство связей Люмии в ГГА.

Джейсен мог быть одаренным джедаем, но заодно мог быть настоящим идиотом. Или, по крайней мере, она думала в таких более мягких выражениях до разгрома Гилаттера VIII. Она никогда не предполагала, что Джейсен оставит своих родителей на смерть.

Мара снова попробовала вызвать Лею, прыгая от частоты к частоте на случай, если за ней следили. Старые привычки живучи, и она не хотела, чтобы ей — или Лее — устроила передрягу Чокнутая дамочка номер два, Алима.

Или... возможно, она это как раз хотела.

— Нам нельзя продолжать встречаться подобным образом, — послышался голос Леи. Она засмеялась, и при нынешних обстоятельствах это было замечательно. У неё было мало поводов для веселья. — Мне сказать тебе пароль?

— Я поверю тебе. — Мара проверила дисплей кабины, следя за сменой частоты на мониторе в разноцветных полосах света. — У вас всё хорошо?

— Для женщины в бегах я отличноправляюсь.

— Я не знаю, с чего начать.

— Попробуй так: «эй, ваш сын действительно бросил вас погибать в вакууме»? Потому что это был бы мой первый вопрос...

— Мне так жаль, Лея, правда жаль. Но я собираюсь положить этому конец. Убрать из уравнения Люнию, и, думаю, вы увидите значительное улучшение ситуации с Джейсеном.

— Этим ты сейчас занимаешься?

— Я пытаюсь выяснить, как перемещается Люмия. Хватит уже этой ерунды со световым кнутом. Я собираюсь найти её корабль и закончить то, что начал Люк. Все бывают уязвимы в пути.

Несколько секунд коммуникатор молчал.

— Хочешь, чтобы я изобразила приманку?

— Тебе не кажется, что за последнее время уже достаточно?

— Я могу гарантировать, что Алима обнаружилась бы, стоит мне только вежливо попросить, — сказала Лея. — И, возможно, Люмия не слишком бы отстала.

— Слушая тебя, я тут подумала, почему бы мне не подбросить ей Бена и не убедиться в этом?

— Мара...

— Прости. Я не хочу подвергать тебя ещё большей опасности. Но если я смогу придумать более безопасный способ использовать тот факт, что никто из этих психов не может держаться от нас подальше, я так и сделаю.

— Нам скоро придется оборвать связь, — сказала Лея.

— Ладно. Слушай, рано или поздно мне придётся увидеться с Джейсеном. Хочешь, я открыто обсужу это с ним? Спрошу его, почему он бежал, когда вы приехали спасти его?

Мара не могла думать о той единственной вещи, которая звучала бы правдоподобно в устах Джейсена, но она не хотела заставлять Лею чувствовать себя ещё хуже, чем уже есть.

«В любом случае я виновата. Я защищала его, когда Люк говорил мне, что он идёт во Тьму. Если бы я тогда видела то, что было передо мной, и действовала, сейчас всё могло быть иначе».

Также она думала о Палпатине. Она проводила слишком много времени, оглядываясь назад, и недостаточно обращалось на происходящее здесь и сейчас. Прошлое нельзя было изменить, только будущее.

— Что, если он ответит тебе, — ответила Лея, — и эта причина окажется той, которую мне не захочется слышать?

— Как знаешь. — «Насколько хуже должно стать, прежде чем ты поймешь, что он обращается с тобой хуже, чем с грязью?» Мара попыталась представить, что она будет чувствовать, если Бен выдаст ордер на её арест или оставит её на разгерметизированной космической станции. Это опустошило бы её — но она вернула бы его в одно мгновение. Нет, не было совета, который она могла бы дать Леи насчет её собственного сына. — Но я всё равно хочу знать, поскольку мы с Люком тоже были там, чтобы помочь ему, и потратили время впустую.

— Всё, что я могу сказать, — сделай всё, что, как ты чувствуешь, ты должна, чтобы разделаться с Люмией. Потом мы займёмся возвращением Джейсена.

— Если я найду Алиму, я приберегу её для тебя.

— Не откажусь.

— Я так и думала.

— Береги себя, Мара.

Связь с Леей оборвалась. Мара предполагала, что они с Ханом на Кореллии, и это означало, что Алиме будет нелегко до неё добраться.

«Беречь себя. О, я буду. У меня есть одно преимущество, которого нет у тебя, Лея, и это — Тьма. Я была тёмной. Меня обучал повелитель ситов. Я могу думать, как они».

По крайней мере, Лея не возмущалась насчет того, что Люк не воспользовался возможностью прикончить Люмию. Иногда, думая о невестке, Мара сожалела о своём собственном характере и желала хоть немного научиться этой стальной дипломатии.

Мара повернула XJ7 и снова проверила транспондер Бена. «Всё ещё на Корусанте». Это не гарантировало ему безопасность, но по крайней мере она могла точно определить, где он. Она увеличила изображение на экране, и координаты превратились в сетку, а потом в кварталы и небоскрёбы. Бен был в штаб-квартире ГГА. Она могла определить его местонахождение с точностью до трёх метров.

Сыну понравился виброклинок, который она подарила ему. Ей было неприятно от того, что она не сказала ему, что в клинке находится пассивный транспондер дальнего действия и что он не раз спасал её, потому что она использовала его как возвращающий маяк, но это были лишь детали. Оружие было превосходным, значит, это не была ложь.

Меченый виброклинок гарантировал, что она будет точно знать, где Бен.

Он никогда не определит этого. В ГГА считали, что у них всё самое лучшее снаряжение, но у неё имелось несколько устройств, которые могли обойти их, используя более старые технологии, частоты и ретрансляторы, которые им ни за что не определить. Система наблюдения, использовавшая самые совершенные технологии, не искала устройства, почти столь же простые, как кодовый сигнал, поданный с помощью осколка зеркала. Техника могла быть слепа. Если бы

Бена сканировали, то обнаружили бы только код его комлинка, а не сигнал, спрятанный внутри, потому что у них не было активного устройства транспондера. А у неё был.

У неё имелся про запас ещё один транспондер, и она берегла его на чёрный день.

Прости, милый. Так надо.

Она вновь переключила своё внимание на Люмиию. Теперь Люмия обнаружилась на конфронтации с Конфедерацией. Возможно, все смотрели в неправильном направлении, и Люмия работала на Кореллию.

Когда она видела её последний раз на спутнике-курорте, Бена даже поблизости не было — зато был Джейсен. Так за кем же идёт Люмия, за Беном или за Джейсеном? Если присутствие Люмии заставляло Джейсена забыть, что значит быть джедаем, то, возможно, стоило следить и за Джейсеном.

Легче сказать, чем сделать. Маре пришлось бы попробовать более прямой подход, может быть, поговорить с ним на этот раз. Никому больше это не удалось. В последнее время было трудно заставить Джейсена выслушать, и ещё труднее — перехватить его. В выражении «тайная полиция» он воспринимал слово «тайная» буквально.

И тут что-то исчезло из Силы.

«Бен...»

Словно какая-то фигура промелькнула перед её боковым зрением, и знакомый фоновый шум резко оборвался, оставив мёртвый беззвучный звон в ушах.

«Бен ушёл...»

Бен исчез из Силы.

Рука Мары лежала на рычаге, чтобы прыгнуть в гиперпространство и на полной скорости вернуться на Корусант, когда ощущение сына нахлынуло вновь, как будто опять включили звук. Её желудок скрутило.

«Может быть, это дело во мне».

Он уже делал такое раньше, в детстве, напуганный последней войной с юужань-вонгами. Это было безудержным и инстинктивным. Но то, что только что испытала Мара, ощущалось как что-то более преднамеренное. Когда она сконцентрировалась на нём, он чувствовал себя прекрасно — нет, более чем прекрасно. Он ликовал.

Это всё ещё беспокоило её. Она установила курс домой и прежде, чем прыгнуть, ощутила, что он снова исчез и вернулся.

Он казался... восхищённым. Она чувствовала в нём глубокое удивление. Выходит, он делал это сознательно. Да будь он хоть сто раз её сыном, он не станет проделывать с ней этот трюк: ей было довольно Джейсена, а Бен не будет учиться скрываться в Силе. Она вернётся и проверит его, но выберет время, чтобы поговорить с ним о его новом навыке.

«Возможно, он не продвинется намного дальше кратковременных вспышек».

Но он же Бен, а Бен оказался способным к поразительным подвигам. Он преуспел бы и в этом. Она просто знала это.

Внезапно она перестала чувствовать себя такой виноватой из-за того, что дала ему меченный выброклинок. Мать должна как-то опережать в этих играх.

ГОРОД КУАТ, ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА ЮЖНОЙ СТОРОНЫ

— Так, — сказал клон. Он поднял Мирту на ноги и отряхнул её, и она вытерпела это. Животное наблюдало за ней покрасневшими жёлтыми глазами, и подхватывая свой шлем там, где клон бросил его, она ожидала, что тварь прыгнет на неё. — Что именно из фразы «не переходи мне дорогу» ты не поняла?

Мирта открыла рот, чтобы высказать ему своё мнение, но вмешался Фетт:

— Очень мило, что ты заглянул, но могли бы мы продолжить этот разговор в другом месте?

— А, всемогущий манд'алор. Повесивший главаря банды на балконе в центре города. Да, это тонко. — Клон жестом отоспал животное в грузовой отсек, где оно улеглось, зловеще урча, как отдалённый шторм. Это была самая уродливая тварь, которую когда-либо видела Мирта: лохматая золотистая шерсть, из-за которой казалось, что кожа в несколько раз больше него размером, шесть лап и действительно ужасная клыкастая пасть. — Спасибо за привлечение всеобщего внимания.

— Я искал тебя, — произнёс Фетт и закрыл люк. — Нам надо уходить. Заткнись и приготовься к взлету.

— Ты меня похищаешь?

— Ты бы предпочёл поболтать за чашкой кафа, пока мы ждём полицию Куата и всех подонков Фрэйга?

— Ладно, в любом случае я позаимствовал спидер. Вроде того. Короче, высади нас на Корусанте, и мы отправимся возвращаться. — Клон взялся за свой шлем обеими руками и снял его. Он не выглядел менее устрашающим, но через пару секунд неожиданно расплылся в улыбке, которая полностью преобразила его. Он походил больше на брата Фетта, чем на близнеца, идентичного во всём. — Говорят, есть некоторое фамильное сходство, но я сам его не вижу...

Фетт выдержал многозначительную паузу, а потом проследовал в кабину. Мирта не знала, ударить ли клона или поблагодарить за то, что он объявился.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Джайнг Скирата. А тебя?

— Мирта Гев. — Потом она поняла, что это не произвело должного эффекта. — Внучка Фетта.

Джайнг поднял брови и рассмеялся. Зверюга подняла голову и заскутила. Мирта отправилась в кабину и пристегнулась перед взлётом, недовольная всё ещё звеневшим позади неё смехом.

— Ты позволила ему заманить тебя в засаду, — сказал Фетт.

Мирта вскипела.

— Я не засекла его своими сенсорами и даже не видела, что он подходит ко мне. Он двинул мне, прежде чем я могла калик его.

— Ударить?

— Ты учишься.

— А ты *нет*. — Фетт толкнул рычаг, и Куат уменьшился до размера диска под ними. — Ты не проверила визуально. Не полагайся всё время на устойства шлема.

— Эй, ты его тоже не заметил. Как будто у него невидимая броня.

— Он — «Нуль». — За этим крылась какая-то история, она это видела. — Это клоны для тайных операций. Попытка каминоанцев изменить к лучшему геном моего отца для клонирования. Как видишь, не сработало.

— Он говорит, его зовут Джайнг. А они правда совали тебя головой в...

Фетт лишь повернул голову. Он всё ещё был в шлеме, и хотя в последнее время Мирту мало что пугало, он сделал это с такой ледяной медлительностью и молчаливостью, что это её встревожило. Она всего лишь пыталась разговорить его, отыскать давно похороненного внутри человека. Напрасная надежда. Она ухватилась за пульт перед собой, пока Фетт вводил координаты до Корусанта, 000, — и «Раб I» прыгнул в гиперпространство.

— Джайнг не так плох, как я думала, — сказала Мирта.

— Они все были психами. — С учётом того, что Фетт, вероятно, не видел их с детства, его воспоминания казались болезненно яркими. — Говорили, что Джайнг во время войны выслеживал Гриуса. Профессиональный убийца, снайпер, настоящая заноза в заднице. Не недооценивай его.

— Ты имеешь в виду войну перед последней.

— Для меня это всё — одна долгая война.

Пора заткнуться, решила она. Фетт стоял, прислонившись к креслу пилота, и выглядел неудобно; кресло можно было сложить так, чтобы пилот мог стоять у пульта управления, или

поднять, чтобы образовать выступ. Он обычно выбирал последнее. У неё появилось чувство, что ему слишком больно, чтобы сидеть.

— Курс проложен, — сказал он. — Пойдём, поговорим с ним.

Мирта вытащила ещё болеутоляющее, схватила его за руку и вложила капсулу ему на ладонь.

— А когда мы высадим его на Корусанте, ты посетишь доктора Белуина. Хорошо?

Фетт фыркнул. Это было почти согласие. Она видела его страх смертельной слабости.

— Я ещё не полагаюсь полностью на лекарства, — сказал он. — Всё время, пока я болею, я знаю, как далеко зашла болезнь.

Джайнг сидел, скрестив ноги, на палубе грузового отсека, лицом к морде зверя, который взглядывался в его глаза и издавал тихие скулящие, ворчливые звуки, как будто пытаясь донести до него что-то. Казалось, клон не обращал внимания на вонь. Они оба оглянулись, когда Фетт и Мирта прошли через люк.

— Кто он? — спросила Мирта.

— Ты мне или Лорду Мирдалану? — Джайнг подержал пальцы в перчатках перед мордой животного — некий сигнал, который мгновенно привлёк его внимание и заставил лечь плашмя на палубу. Джайнг встал на ноги. — Он — на самом деле оно. Стриллы — гермафродиты. Я обещал последнему хозяину Мирда, что буду заботиться о нём, когда он ушёл в мэнда. Стриллы живут намного дольше, чем мы.

— Я слышала о них, но никогда не видела.

— На Мандалоре они почти вымерли. Мирд... ну, можно сказать, что он — тайный оперативник-стрилл. Много раз видел коммандос в бою во время нескольких войн.

Фетт засунул большие пальцы за пояс в позе, говорившей «я сыт по горло ожиданием».

— Когда вы двое закончите урок природоведения...

У Джайнга было больше морщин, меньше седых волос и более крепкое сложение, чем у Фетта. Мирта видела веревки мускулов на его шее. И у него не было шрамов. Он был похож на человека, который провёл много времени на солнце без шлема и который много смеялся. Генетически это был Фетт, но они не могли бы отличаться сильнее.

— Разве я не великолепен? — усмехнулся он, и она поняла, что уставилась на него.

— Красавчик, — угрюмо бросил Фетт и снял шлем.

— Думаю, я сохранился лучше, Боб'ика.

— Меня как раз интересует тот факт, как ты вообще достиг этого возраста.

— Так вот зачем я тебе? Хочешь одолжения? Ты искал меня много недель, потому что я слышал самых разных людей, готовых замолвить мне словечко...

— Я умираю, — выложил Фетт.

Джайнг переварил новость, чуть склонив голову набок.

— Жаль это слышать. Ты не единственный клон, который встретит преждевременный конец.

Обычно Фетт переходил к делу. Сейчас он некоторое время стоял молча, мышцы челюсти подергивались. Мирта задумалась, причинил ли ему боль отказ. Она предположила, что он формулировал самые трудные слова, которые ему когда-либо приходилось говорить.

Так и было.

— Мне нужна твоя помощь, Джайнг.

Тот молча смотрел на него. Это длилось долго. Мирте стало интересно, кто сдастся первым. Потом переглядки стали слишком долгими.

— О, файрфек, — вздохнула она. — Это же из-за клонирования. Его ткани распадаются, у него есть опухоли. Он должен знать то, что помешало тебе состариться вдвое быстрее, потому что его доктор не может помочь ему, как и каминоанцы, и даже Тон Ви.

Фетт чуть скривил губы.

— То, что она сказала.

— Стало быть, Тон Ви ещё скрипит, старая айвова пожива. Так-так. — Джайнг оглядел Фетта с головы до ног. — Слышал, у тебя проблемы с ногой. Нужна пересадка. Да?

— Ты очень хорошо информирован.

— В глубине души я всё ещё мальчик из Типоки. Я остаюсь в курсе событий на родине.

— Чем мне заплатить тебе, чтобы ты прекратил злорадствовать и дал мне то, что мне нужно?

— Без обид, но можешь засунуть свои кредиты туда, где у тебя нет брони, Манд'алор.

— Ты не знаешь, что именно мне нужно.

— Я могу предположить.

— Исследования Ко Сай. — Фетт глянул на перчатки Джайнга. — Потому что я знаю, что ты нашёл их. Ты, конечно, нашел её.

— Медом можно получить больше, чем кислым соком, Боба. Неужели купание головой в освежителе ничему тебя не научило?

Фетт понятия не имел, как просить помощи. Мирта не знала, было ли дело в некоей мужской браваде или он просто никогда не учился, но он недалеко отошёл от Джайнга, который казался по-прежнему твёрдым и упрямым.

— Ты можешь помочь ему? — сказала она. — Гедет'е? Он нужен живым Мандалору, и мне тоже.

Клон всё ещё смотрел в лицо Фетта.

— Помнишь ввод имперских сил против войск клонов на Камино?

Фетт кивнул, совершенно безразличный.

— Да.

— Тогда ты не чувствовал, что мы — семья.

— Я что-то не видел, чтобы кто-то из вас защищал своих братьев.

— И ты сверг Шису, хут'ун. Человека, который вновь поставил нас на ноги, как народ. Где ты был, когда Империя обирала нас до нитки?

«Хут'ун» было худшим оскорблением, которое любой мэндо мог бросить другому, но Фетт,казалось, не заметил или не озабочился. Мирта ежедневно узнавала больше о тёмном прошлом своего деда. Таким образом, не было причин считать, что он нарочно игнорировал именно её мать и бабушку: ему ни до кого не было дела, кроме своего отца, который, казалось, был возведён после своей смерти в символ совершенства. Значит, ба'буир сражался против собственных братьев. Возможно, он не видел иронии. Если и видел, она подозревала, что он взял себе за правило отворачиваться.

— Я не горжусь ничем, что я сделал, — проговорил Фетт без малейшего намека на эмоции в голосе. — Но я и не стыжусь ничего. Я просто делаю то, что должен. Ты не знаешь, что было между мной и Шисой, и, возможно, никогда не узнаешь.

— Он был с нами, когда был нам нужен, — ответил Джайнг. — А ты — нет. Вот и всё, что я должен знать.

Фетт даже не моргнул

— Я так понимаю, ты не поделившись данными Ко Сай.

Джайнг поглядел на Мирту, как будто жалел её. Она задумалась, насколько другой могла бы быть её жизнь, если бы Синтас Вел встретила Джайнга вместо Бобы Фетта.

— Нет никаких данных, — сказал он наконец. Он всё ещё смотрел на неё, а не на Фетта. — Прости, девочка.

Фетт и бровью не повел.

— Ты, должно быть, принял тогда все свои витамины, потому что ты *должен* быть мёртвым к настоящему времени.

— Я не говорил, что исследование не существовало. Я говорю, что мы уничтожили всё, когда взяли то, что нам было нужно.

Фетт медленно проглатывал сказанное. Сердце Мирты тонуло в противоречиях: отчасти она отчаянно пыталась найти причину любить своего ба'буира, а отчасти жалела, что Лея Соло заблокировала её выстрел, когда она пыталась убить его.

«Сделай что-нибудь, чтобы заставить меня простить тебя. Пожалуйста. Что угодно».

— Ты мог бы сделать на этих исследованиях состояние, — заметил Фетт.

— Мы не хотели, чтобы их снова использовали. Никогда.

— Ты не сможешь прекратить клонирование. Никогда не сможешь.

— Да, но мы подпортили жизнь каминоанцам. Это лучше, чем ничего. Не люблю каминоанцев.

— Не сомневаюсь. — Фетт поглядел на тонкие серые перчатки Джайнга. — Но я работал и на худших.

— Они *платили* тебе. Эти же разводили нас, как животных. — Джайнг как будто вспоминал что-то удовлетворительное. — Так Тон Ви всё ещё жива. Я всегда интересовался.

— Оставь её в покое, Джайнг. Она теперь стара.

— Я тоже, и не благодаря ей. Так сколько тебе осталось жить?

— Год. Возможно, два, если повезет.

— Как скоро тебе придётся передать власть?

— Не знаю.

— Последнее, что сейчас нужно Мандалору, это безвластие.

Мирта увидела проблеск надежды.

— Так помоги ему, Джайнг.

— Лучшее, что я могу сделать, это дать образец крови, — ответил он. — Но я думаю, что ты передашь её каминоанцам, Боба, или передадут твои доктора, и вот это нас совсем не порадует. Нисколько.

— Нас? — Мирта чувствовала, что лучше ладит с Джайнгом. Она использовала своё преимущество безобидной несчастной внучки. Если Джайнг не станет сотрудничать, она могла бы найти одного из его братьев, который стал бы. — Сколько вас там осталось?

— Тебе незачем это знать. Слушай, у меня тоже есть внуки, Боба, и правнуки. У меня есть семья на Мандалоре. Поэтому меня волнует, что произойдет, когда ты уйдёшь. — Как только он сказал эти слова, для неё это стало ужасной реальностью, и она задумалась, оказалось ли это то же самое влияние на её деда. Великий Боба Фетт уходит. — Как бы мне ни было больно, твоя бу'ад здесь права — ты нужен Мандалору для предсказуемого будущего.

Фетту очень хорошо удавалось выглядеть скучающим. Возможно, так и было. Мирта сомневалась в этом. Он вёл переговоры насчёт своей жизни, а, если Фетт кем и был, так это выживавшим. Он не знал, как можно умереть достойно, как все остальные.

— Значит, я получу кровь, если не позволю ей попасть к каминоанцам.

— Не так просто, — сказал Джайнг.

— Просто никогда не бывает.

— Ты даешь мне кровь и образцы ткани, и я сделаю кое-что для тебя. Если смогу.

— А я, как предполагается, должен доверять тебе.

— Так же, как я, как предполагается, должен доверять тебе. И даже не думай силой взять у меня образец.

— Хорошо. — Челюсть Фетта снова дернулась. — Спасибо.

Он сказал это словно как будто на иностранном языке, неуклюжем и незнакомом. Мирта подавила желание среагировать. «Молодец, ба'буир. Неужели было так трудно?»

Впрочем, Джайнг ещё не закончил.

— Конечно же, есть условие.

— Всегда есть. — Фетт скрестил руки. — Какое?

— Верни свой шебс на Мандалор, послушайся совета Кэд'ики и построй сильное, единое, прочное государство. Докажи, что ты — хотя бы половина того, каким были Джастер Мерил и

Фенн Шиса. Всё, что ты хочешь делать — подражать своему старику, Боба. Но ты слишком боишься превзойти его, не так ли? Ты не можешь быть лучше Джанго. Так не пойдёт.

Мирта вздрогнула. Упоминание его отца без должного почтения, казалось, было единственным, что действительно раздражало Фетта. Его голос не изменился, но он медленно и осторожно развёл руки.

— Мой отец, — сказал Фетт, — в конце концов уничтожил Дозор смерти. Это его наследие для Мандалора.

— Сектантская междуусобица. Неважная для жизней большинства мэндо'аде. Ну, ты собираешься дать мне образец?

— К каким учёным у тебя есть доступ, к которым у меня нет?

— Некоторые вещи, — мягко ответил Джайнг, — нельзя купить. У меня свои ресурсы, поверь. Есть медпакет с иглой?

— Да.

— Тогда возьми немного крови.

— Я займусь, — предложила Мирта.

Фетту нельзя было просто закатать рукав. У него было столько снаряжения на предплечьях, что Джайнгу в конце концов пришлось держать насадку огнемёта, свёрнутый кнут и набор метательных снарядов. Фетт был ходячим арсеналом. Мирта не ждала, что он вздрогнет, когда она, наконец, нашла вену, и он не вздрогнул. Следующие несколько секунд, пока она давила на кровеносный сосуд большим пальцем, чтобы остановить кровотечение, были самыми долгими в её жизни, потому что он не смотрел ей в глаза, и это напомнило ей, что она могла коснуться его и *всё же* не добраться.

Джайнг держал пузырёк красной венозной крови на свету и восхищался им.

— Пойдет. Дай ему конфетку, Мирта, за то, что он был храбрым мальчиком.

— Что теперь? — спросил Фетт, не двигаясь.

— Вы высаживаете меня, и я сообщу, что получится.

— Как?

— Я лично доставлю это в Келдабе.

— Тогда лучше поторопись. Или поспеешь как раз к моим похоронам.

— О, я вернусь, как и много других мэндо'аде. Ты просил нас, помнишь? Ты просил нас вернуться домой. — Он повернулся к Мирте. — Когда старый чакаар погреется и станете делить его броню, удостоверься, что тебе достанется огнёмёт. Потому что бронепластины у него душе. Даже не правильный бескар.

Выходит, Джайнг был в курсе событий на Мандалоре и считал дюрастальную броню Фетта мусором. Стрилл подполз ближе к Джайнгу и широко зевнул, явно давая понять, что дискуссия не привела его в восторг. Мирта чуяла запах его дыхания, который — странно — вообще не был неприятным.

— Как эта тварь охотится, если у неё такой сильный запах? — спросил Фетт.

Джайнг нагнулся и взъерошил шейные складки Мирда.

— Его чуют только гуманоиды. И не будь слишком строг с Миртой за попадание в засаду, Боб'ика. Мало кто сможет справиться с взрослым стриллом, падающим на тебя. Знаешь, эти зверюги летают.

— Я не держу домашних животных. — Казалось, Фетт на грани уступки. — Если хотите есть, камбуз за тем люком.

Джайнг открыл мешочек на поясе и вынул что-то сушёное и тёмное, похожее на кожаные ремни. Он бросил полоску Мирду, взял сам другую и стал жевать.

— У нас есть, спасибо.

Мирте потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что же происходит. Он не хотел оставлять никакой ДНК.

«Он даже хитрее тебя, ба'буир».

Фетт повернулся и вышел через люк. Мирта надеялась, что эти двое найдут, о чём еще поговорить, но одинаковый геном действительно ничего не означал. И всё же... это был родственник. Её родственник, двоюродный дед, пусть даже мэндо не заботились о родственных связях и вполовину так, как большинство рас. Её киффарская половина очень даже заботилась.

— Мне жаль тебя, девочка, — сказал Джайнг. — И, думаю, его тоже. Но, помимо некоторого восхищения его навыками, я думаю, что он — худшее оправдание для мэндо'аде по эту сторону Ядра. С другой стороны, он побеждает, а нам нужны победители. И мой отец ожидал бы, что я помогу ему без всяких вопросов.

Джайнг говорил так, как будто происходил из совершенно другой семьи, а не из бака с дуплицированными хромосомами Джанго Фетта. Он вынул из-под пластины на предплечье трёхгранный нож и преспокойно нарезал сущёное мясо на меньшие куски.

— Ты ведь не Джанго имел в виду под «отцом», так? — сказала Мирта.

— Нет. — На секунду Джайнг задумчиво улыбнулся сам себе. — Гены не считаются. К настоящему времени тебе стоило бы это знать. Человек, который меня усыновил, был моим сержантом. Самый прекрасный человек, когда-либо живший.

Казалось, Джайнг происходит из гораздо более счастливой семьи — странная вещь для солдата-клона.

— Я, кажется, противлюсь тенденции преданных детей, — заметила Мирта. — Я пыталась убить своего деда.

— И твоя мать тоже, как я слышал. Похоже, у Бобы просто волшебные взаимоотношения с дамами.

— Кажется, ты всё знаешь обо мне, но я мало что знаю о тебе.

Джайнг лишь усмехнулся.

— Это моя работа, дорогуша.

— Итак, почему ты связался с бандой Черита через тви'леков?

— Другое обещание, которое я дал давным-давно. — Он жевал, глядя немного мимо неё и вспоминая. — Я склонен держать их.

Он продолжал жевать, иногда бросая куски Мирду. И всё. Наступила тишина. Мирта думала, что он мог бы поговорить о своей семье на Мандалоре, обо всех неведомых родственниках, которых она теперь обнаружила, но он не стал.

Мирта поняла, что больше ничего от него не добьется, и не хотела выглядеть навязчивой. Она вернулась в кабину, устроилась в кресле второго пилота и прижала «сердце огня» к нагруднику. Даже если камень ничего не говорил ей, это всё ещё была связь с матерью и бабушкой.

— Что, он уже надоел тебе? — спросил Фетт.

Она хотела думать, что Джайнг дал Фетту кое-какую надежду и поднял ему настроение, но трудно было судить.

— Твоя броня — действительно мусор? Почему ты не используешь настоящее мандалорское железо, как советует Бевийн...

— Не испытывай судьбу. Я позволил тебе воткнуть в меня иглу. Это твоё последнее развлечение на сегодня.

Это *приободрило* его, Мирта видела. Она надеялась, что не только неуказанные «ресурсы» Джайнга окажутся полезными, но и что Боба Фетт искупит себя так, чтобы её единственный родственник не был тем, кого она желала бы заменить на другого.

КОРУСАНТ, ШТАБ-КВАРТИРА ГГА

Джейсен не хотел казаться слишком заинтересованным работой Совета по вопросам политики и ресурсов. Если бы он появлялся на встречах и сидел в галерее, оставленной для тех

выносливых граждан, которые на самом деле интересовались деталями работы правительства, это могло бы вызвать вопросы.

С другой стороны, его могли счесть мелочным, назойливым полковником, который ставит благосостояние своих войск превыше школ, здоровья и транспорта.

Это его устраивало. Он так и делал.

Но ни к чему было поднимать шум, поэтому он остался в штаб-квартире ГГА и переключился на канал Голонета, который передавал слушания Сената. Сейчас Люмия должна была быть там. Он дождался, когда голокамера повернулась к галерее для публики, и увидел, как и ожидал, женщину в строгом деловом костюме и головном уборе с вуалью. И она была не единственной: в этом году вуали считались писком моды. Она совершенно не привлекала внимания.

Поправка НМ-3 к закупочным инструкциям была пунктом 357 на повестке дня из 563 умопомрачительно скучных поправок и изменений в законах, о которых Джейсен даже не знал, что они есть в действующем законодательстве.

«Мне придется многое делегировать, когда я буду... править. Отборная команда администраторов. Думаю, во главе с НМ-3».

Сессия уже началась, и сенаторы, которые были счастливы сделать небольшую рутинную работу — и не быть замеченными, — занимались пунктом 24, получая разъяснение об особо запутанной части законодательного акта об опасных отходах. Джейсен выключил звук и установил монитор на оповещение, когда дойдёт до пункта 357. Затем он продолжил чтение новых разведывательных сводок, не закрывая двери в кабинет.

Он почти всегда держал двери открытыми. Это успокаивало солдат. Это говорило им, что он — доступный офицер, всегда готовый выслушать.

Но Джори Лекауф заглянул внутрь, твёрдо стоя на стороне коридора, как будто там была отметка «Офицерская территория — не входить».

— У ворот дама, просит увидеть вас, сэр.

Джейсен отвлёкся и потянулся к Силе, чтобы посмотреть, кто бы это мог быть.

— Мара Скайуокер.

Лекауф усмехнулся.

— Здорово это у вас получается, сэр.

— Ко мне редко приходят женщины, так что я мог бы догадаться... — Джейна не пришла бы без того, чтобы он не почувствовал шагающее впереди неё негодование и недоверие. И это не могла быть Тенел Ка. Он скучал по ней, и даже сильнее — по Аллане. «Я не должен убивать их. Я знал бы, если бы был должен, правда?» — Сопроводите её.

— Да, сэр. — Лекауф повернулся, чтобы уйти.

— Лекауф...

— Сэр?

— Вы когда-нибудь думали об офицерской комиссии?

— Не уверен, что из меня выйдет офицер, сэр.

— Думаю, что выйдет. Я не принуждаю вас, но нам нужны хорошие офицеры, делающие карьеру, потому что в последующие годы у нас будут сложные задачи.

Лекауф, казалось, засомневался.

— Я готов попробовать, сэр.

— Превосходно. Я попрошу адъютанта разобраться с документами. Нам, вероятно, придётся отложить штатный колледж, пока ситуация с безопасностью не станет более стабильной, но я уверен, Шеву или Джирдан будут счастливы направлять вас. И вы сможете приглядывать за Беном. Он действительно доверяет вам.

Лекауф мигнул, но на его лице не было никакого выражения.

— Капитан Шеву очень хорошо заботится обо мне. У него я многому научусь.

Неочевидность говорила о многом. При всей своей внешности весёлого школьника Лекауф не был наивен. Его осторожное избегание имени капитана Джирдана подтвердило наблюдения Джейсена, что экс-разведчик не был популярным офицером у бывших солдат вооружённых сил и КСБ. У шпионов всегда такая репутация. Шеву пришёл из КСБ — всем знакомых, злых, надёжных людей, которых приятно видеть рядом в кризисных ситуациях.

Джейсен не мог позволить себе подобного деления.

— Вы могли бы принести пользу и капитану Джирдану. Интересно, как хороший ученик создаёт лучшего учителя.

— Спасибо, сэр. — Лекауф не проявил ни малейшей реакции. — Я проведу вашу гостью.

Джейсен одним глазом следил за безмолвным голоэкраном, при этом просматривая отчеты, один из которых он отправил для непосредственного внимания Ниаталь: у ботанов появился фрегат нового типа, поступавший на вооружение в течение считанных дней. «Политика и ресурсы» добрались до пункта 102. Напряженный день: подписи и печати шли одна за другой. Он открыл канал связи и переключил сигнал в маленькую бусинку глубоко в ухе. В кибернетических имплантатах Люмии имелся скрытый приемник, и она услышит его в глубинах своего черепа, тихо, как мысль.

Он назвал её кодовым именем, которое использовал при Бене: оно было достаточно распространённым и заодно помогало избегать случайных промахов.

— Ты помогаешь им принимать решения, Шира?

— Даю им ощущение срочности, вот и всё. Не то, чтобы у них не было на уме шикарных побед.

— Есть ощущение, как будто кто-то заранее прочитал листы повестки дня?

— Насколько я вижу, нет. Но не волнуйся. Я справлюсь.

Джейсен чувствовал приближение Мары — маленькое торнадо решимости. В отличие от Лекауфа, она сразу вошла внутрь. Джейсен изобразил в Силе усталое добродушие и улыбнулся ей.

Она поглядела на голоэкран.

— Выглядит захватывающе.

— Просто удостоверяюсь, что мы решили наши проблемы с поставками. — Джейсен обнаружил, что скрываться на виду всегда было наилучшим вариантом. — Принимается поправка, чтобы мы могли сократить бюрократизм и обеспечить наших сотрудников хорошим снаряжением. Это было проблемой для солдат.

— Я полностью «за». — Мара села на шаткий стул напротив его стола (Джейсен не желал быть замеченным в расходе бюджета на себя) и скрестила ноги. В последнее время она стала носить серую куртку, которая смотрелась скорее как боевой наряд, что свидетельствовало о её душевном состоянии. — Я пришла по поводу Бена.

— Он преуспевает. Даже очень преуспевает.

— Ты определенно сосредоточил его. Вполне ответственный молодой человек. — Мара поглядела на открытые двери, как будто они беспокоили её. — Теперь давай к делу. Я знаю, что Люмия пытается убить его. Независимо от того, что он сделал или не сделал, Люмия считает, что он убил её дочь. Теперь, учитывая, что мы также нашли доказательства, что у Люмии есть «крот» в ГГА, это меня немного тревожит. *Больше* чем немного. Думаю, если бы с моим мальчиком что-то случилось в ГГА, мне было бы очень плохо.

«А. Неужели она поняла? Неужели Мара на самом деле видела, что назревает?» На мгновение Джейсена охватило смятение, и он задумался, неужели эта последняя тайна его пути стала прозрачной для всех. «Мара была Рукой Палпатина. Если кто-то в Совете джедаев и сможет увидеть это, то именно она».

Джейсену удалось изобразить подлинное беспокойство. Он по-прежнему держал связь открытой: Люмия могла слышать всё это.

— Я расследовал это и могу тебя заверить, что не нашел никаких подтверждений.

— Бен здесь? Я редко вижу его в последнее время.

Бен был в патруле, на обычных поисках оружия. Маре ни к чему было знать это.

— Он проводит для меня кое-какое исследование.

— Ладно, — сказала Мара. — Только прошу тебя принять во внимание, что скорее всего, его жизни угрожает не Конфедерация, и даже если *ты* не считаешь, что у Люмии есть свой человек в ваших рядах, я предполагаю, что он есть, пока не удостоверюсь в обратном. — Она медленно встала, и Джейсен был готов поверить, что она видит то, что происходит. — Просто спроси себя, кто из членов ГГА стал бы сотрудничать с Люмией. Я не уверена, что ты увидел бы это, будучи так близко.

Джейсен ожидал услышать вздох Люмии или другую реакцию, но она или была более обеспокоена проходом поправки, или, в конце концов, не слышала.

— Я, конечно, спрошу, тётя Мара, — сказал он. — Только прими во внимание, что Бен учится заботиться о себе.

— А ты?

— О чём ты?

— Ну, раз никто больше не решается сказать это тебе в лицо, то я скажу. Что с тобой, Джейсен? Почему ты вот так сбежал от родителей? Ладно, на них есть ордер, но...

Джейсен задумался, почему потребовалось так много времени, чтобы кто-то встретился с ним лицом к лицу. Он ожидал, что первой будет Джейна, учитывая, что она постоянно дуется на него, но Мара, вероятно, чувствовала, что её защита его теперь заставила её выглядеть глупо.

— Я виноват, — сказал он. — Я предположил, что с ними всё в порядке и они смогут добраться до безопасного места, поэтому решил отправиться туда, где смогу изменить ход сражения — на свой корабль.

— Верно, — ответила Мара. — Просто ошибка в суждении.

— Я — человек.

— У всех нас бывают моменты, когда наше суждение подводит нас. Я знаю. — Мара изобразила неубедительную улыбку, поворачиваясь к дверям. — Спасибо за уделенное время.

«Она знает. Она знает, потому что это неизбежно, и это доказывает, что это должен быть Бен».

Это не его родители, не Тенел Ка и не Аллана. Это Бен. Интересно, как долго он сможет встречаться с мальчиком лицом к лицу, зная это. Как всё произойдет? Он должен будет хладнокровно убить его? Или они закончат каким-нибудь яростным столкновением, где убить гораздо легче?

Голос Люмии был дыханием у него в ухе. Если кто-то подслушивал её, она походила на обычного бюрократа, ведущего осторожную беседу по комлинку, а не на сита, планирующего величайший переворот всех времен.

— Думаю, что моя бывшая коллега будет теперь искать меня с максимальным рвением.

Джейсен закрыл двери дистанционным управлением.

— Это ты организовала нападение на Бена на Зиосте, так?

— Он никогда не станет твоим преемником. У него нет того, что должно быть у твоего ученика. Моя обязанность — удалять неподходящее.

— С этого дня держись от него подальше. Ты зашла слишком далеко, и, я думаю, Мара подозревает, что происходит.

— Моя бывшая коллега не тронет тебя, если... погоди, твою поправку поднимают вне последовательности. Кто-то попросил поговорить об этом.

— Кто?

— Кто-то с галереи для публики... они ссылались на право обратиться к совету и назвали себя Гражданским дозором.

Было интересно наблюдать, как быстро всё может развалиться. Лобби за гражданские права было в значительной степени заглушено событиями, но он всё ещё не хотел, чтобы они указали на то, что, казалось, никто не заметил в его поправке.

— Ты знаешь, что должна делать.

— Действительно. — Люмия вполне успокоилась, её голос был едва слышен. — Думаю... они собираются решать... они хотят спросить, не станет ли это изменение закона иметь обратную силу... да, именно. Как *бдительно*.

Если она думала, что искупила себя в его глазах, она ошибалась. Она становилась опасной. Но таков всегда был путь ситов; извечная борьба между двумя.

Он вернул звук, как раз когда поправка была обсуждена.

НМ-3 был прав. Сенаторы обсудили вовлечённые суммы и убедились, что бюджет не будет превышен без разрешения Казначейства. Никто, казалось, не увидел, что точно выверенная формулировка НМ-3 позволит Джейсену изменять и другое законодательство.

Ему следовало подумать о том, что нуждалось в изменении.

«Как только я убью Бена Скайуокера, как только Мара и Люк узнают, что это я — а тот день должен настать, — они выследят меня. Я обрушу на себя весь Орден джедаев».

Кто тогда будет его учеником?

«Это прикончит джедаев».

Он просто хотел, чтобы, когда время настанет, всё стало ясно. Он должен был доверять своей судьбе. Теперь он зашёл слишком далеко, чтобы останавливаться.

— Пункт триста пятьдесят семь, принято. Следующий пункт: несоответствие положений относительно лицензирования воздушных такси...

Вот и всё.

Поправка прошла, и когда в полночь пересмотренный закон вступит в силу, полковник Джейсен Соло — и адмирал Ча Ниаталь, поскольку это в той же мере относилось и к ней — будут в состоянии заказывать всё, что угодно, из необходимого силам обороны, и быстро получать заказы.

И изменять любое другое административное законодательство в пределах существующих бюджетов без обращения к Сенату.

Они вручили ему необычайную власть, то, чем он воспользуется, чтобы изменить способ управления галактикой. Он воспользуется ею, чтобы свергнуть главу Омаса: он ещё не был уверен в деталях, но мог сделать это, и скоро. Галактический Альянс падёт — не от столкновений клинов световых мечей, или огня ионных пушек, или окруживших Сенат солдат, но от листов флимси и киваний головой.

— Молодец, — тихо сказал он. — Хорошо повлияла.

— Это не я, — ответила Люмия. Он слышал в её голосе улыбку. — Они достигли решения самостоятельно, без малейшей помощи с моей стороны. Я всего лишь немного переадресовала внимание оппозиции с галереи.

Ирония иногда была слишком приятной. Джейсен не знал, радоваться ли результату или сердиться на глупость сенаторов, которые спускают ему это.

«Они заслуживают быть под властью сита. Им это *нужно*».

Глава 6

Поступают сообщения о крупном сражении между сиканскими силами и вторгшимися войсками Чиката на планете Сика. Сикансское правительство призвало силы Галактического Альянса вмешаться в то, что именуют «актом беспринципной агрессии», и цены акций упали из-за опасений, что вторжение втянет в конфликт еще больше планет в Регионе Экспансий.

— Экстренное сообщение Голонета

БОТАНСКИЙ СЕКТОР
ВОЕННЫЙ КОРАБЛЬ ГАЛАКТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА «ЩЕДРОСТЬ»
РЯДОМ С ФРЕГАТОМ АЛЬЯНСА «ДЕРЗКИЙ»

Это был опрятный корабль, ей пришлось признать это. Нового ботанского фрегата даже не было в их базе данных. Адмирал Ниаталь смотрела сквозь экран мостика «Щедрости», как он огибает орбиту Ботавуи в сопровождении пяти маленьких невооружённых вспомогательных кораблей. Профиль и сигнатуры были немедленно загружены в корабельные системы распознавания.

— Похоже, ботаны в конце концов раскошелились, — сказала она. — По крайней мере, в этом разведка не ошиблась.

— Кажется, они всё ещё проводят проверки, — заметил капитан Пирис. Военному кораблю помогали вспомогательные, или, возможно, он просто притворялся беспомощным: Ниаталь никогда не принимала действия ботанов за чистую монету. — Посмотрим, какие их спецификации мы сможем собрать, прежде чем поцарапаем им краску. Надеюсь, они сохранили чеки...

— Думаете, производство «Верфей Куата»?

— Таллан, — сказал Пирис. — Если бы их строил Куат, мы бы знали.

— Ну, с Корусантом им помериться не удастся, но они, конечно, растянут наши силы, если получат столько кораблей, сколько предполагает разведка.

Адмирал Ниаталь во многом разделяла с Джейсеном Соло взгляды на ведение войны, и стремление находиться на линии фронта было одним из них. Ей также нравилось видеть всё самой, особенно если в процесс была вовлечена разведка Галактического Альянса. Нынешняя растянутость заставила её задуматься, во что играет Кэл Омас, — беспокойство, которое могла бы заметить команда мостика, пока она шагала туда-сюда, оглядываясь через плечо, чтобы проверить экраны и индикаторы.

— Нам нужен каждый корпус, за который мы можем держаться, адмирал. — Командир «Щедрости» Пирис пробыл на мостике слишком долго. Он был куарреном, приспособленный к земноводному существованию, а атмосфера на борту была слишком суха, чтобы продолжать удвоенное наблюдение; униформа Пириса была плотно застёгнута на манжетах и шее, но он продолжал вытираять лицо влажной тканью. Он нуждался в отдыхе в своей влажной каюте. — Если флот ботанов теперь растёт так быстро, как предполагает разведка, то я не вижу, как мы собираемся сдерживать его, если придётся поддерживать Сику и встречать в каждую локальную перепалку.

— Похоже, что спор на Кем-Стор-Ае выйдет из-под контроля следующим. — На долю секунду Ниаталь пожалела, что она не могла нацелиться на один мир, превратить с орбиты его поверхность в шлак — просто чтобы поставить точку, — а потом спросить, кто ещё хочет того же самого. Но это прошло. Как всегда. — Все заштатные мирки, имеющие на кого-то обиду, возрождают старые ссоры под маской лояльности Альянсу и просят нас выручать их. А Омас думает, что может скрепить Альянс, отвечая каждый призыв к резервному флоту в галактике.

— Когда же он признает, что не может так продолжать?

— Думаю, когда я не дам ему другого выбора.

Возможно, ботаны опережали на повороте. Вместо того, чтобы вводить в строй более крупные корабли — мощные, но неповоротливые в бою — они выбрали многочисленный флот меньших, более манёвренных военных кораблей, которые можно было накапливать, не вызывая паники из-за эскалации вооружений.

— Это другой вид войны. Гибкость и быстрый ответ, вот в какую игру они играют. — Пирис положил руку на управление корабельным коммуникатором. — Посмотрим, из чего они сделаны. Эскадрилья «Мотма», запуск по готовности. Эскадрилья «Кареси», готовность «пять». Заприте их в их собственном пространстве, но атакуйте, только если откроют огонь.

Ниаталь всё ещё думала, кто убил ботанов и развязал эту эскалацию напряжённости. «А могли бы быть нашими активами, сыграй мы верно с ботанами». Какой-нибудь идиот из разведки, решила она. Рано или поздно она доберётся до сути. Если она собиралась когда-нибудь стать главой государства, то сперва следовало избавиться от непредсказуемых.

— Если сможете, заставьте наших пушистых друзей провести нам экскурсию по кораблю — целому... — предложила она. Но при этих обстоятельствах перехват и высадка на новый фрегат были почти невозможны. Лучшим вариантом было бы заполучить обломки для осмотра. — Я хотела бы узнать их максимальную скорость.

Ниаталь вполне нравились ботаны, хотя она и не доверяла им даже на длину собственного плевка, которая была намного больше, чем кто-то мог бы поверить.

И точно так же она не недолюбливала куарренов, пусть даже этого почти всегда ожидали от мон-каламари. Куаррены были редким зрелищем на судах; она знала офицеров мон-каламари, которые прилагали все усилия, чтобы избежать назначения в их команды куарренов, и мало кто из куарренов хотел служить вместе с мон-каламари даже теперь. Но когда они были хороши, они были очень, очень хороши. Пирис был выдающимся. Если бы она услышала каких-нибудь мон-кала, обзывающих его кальмароголовым, они ответили бы за это перед ней, и ей не было дела, сколько после этого будут шептаться, что она — чей-то поборник.

«Имели ли мы право брать их детей на какой-то социальный инженерный эксперимент — для нашей пользы?»

Последнее время она задавала себе этот вопрос гораздо чаще, и ответ всегда приходил отрицательный. Джейсен Соло счёл бы её безнадёжным сопливым либералом.

Интересно, как ей придётся избавляться от него, когда настанет время. Это будет нелегко.

— «Щедрость», «Дерзкий», будьте наготове.

Из ангара «Щедрости» вылетели двенадцать истребителей, свернув в сторону от военного корабля и устремившись в погоню за ботанским фрегатом. Затем они разделились на три звена. Камеры наблюдения в каждой кабине передавали на мостик «Щедрости», совмещённый с боевым информационным центром, общий вид маневрировавших кораблей. «Дерзкий» находился по правому борту «Щедрости», готовый отразить любой ответный удар ботанов.

— Вы учились на пилота, мэм? — спросил Пирис.

— Нет. А вы?

— Вообще-то да. В подобные моменты я скучаю по индивидуальным полётам.

— Если у нас станет больше дел, капитан, управлять этим кораблем будет дроид, а вы будете совершать вылазки. Где при этом буду я, понятия не имею.

— Вы будете главой государства, мэм, — сказал Пирис.

У куарренов плохо было то, что их веселье было не так легко определить, как у людей. Эти выставленные напоказ зубы людей делали жизнь легче. Лицевые щупальца куарренов могли скрыть множество эмоций.

— Вот был бы номер, — отозвалась она, надеясь избежать очередных сплетен о её стремлениях. Прямо сейчас пост главы государства вообще не имел значения. Ей предстояло сражение, и всё её обучение и инстинкт твердили ей, что именно здесь, а не за чиновничим столом, она хотела быть.

Первое звено, оказавшееся в пределах досягаемости орудий ботанского фрегата, наблюдало за ним, пересекая его путь взад-вперёд на дистанции в тысячу метров. Второе звено тянулось за его кормой, сканируя корпус и пересылая данные.

Ботанам потребовалось несколько секунд, чтобы среагировать; возможно, некоторые из их систем всё ещё были отключены. Корабль набрал скорость и начал уходить из пространства Ботавуи, сопровождавшие его вспомогательные корабли тянулись следом, точно стайка рыб.

Значит, ботаны решили, что приобрели хорошую новинку, дабы удивить Альянс, но Альянсу стало об этом известно. Ниаталь ждала реакции, тогда как третье звено эскадрильи «Мотма» контролировало ситуацию с оружием наготове, но не нацеливаясь напрямую. Не было смысла разносить корабль вдребезги прежде, чем они определят параметры новой модели.

— Очень тяжёлая для фрегата обшивка корпуса, — отметила Ниаталь, глядя на результаты сканирования, присланные истребителями. Пирис тоже детально изучал изображения и данные внутреннего сканирования. — По крайней мере, десяток турболазеров и двадцать пушек.

— Ничего необычного.

— Зависит от того, сколько у них корпусов.

Им не пришлось долго ждать, чтобы узнать, сколько там было кораблей. Крик командира батарей раздался одновременно с сигналом тревоги.

— Сэр, вражеская цель... поправка, *несколько* целей в зоне досягаемости. Назревает работа.

— «Щедрость», «Дерзкий», сомкнуться в боевую позицию, синхронизировать командную информацию. Рулевой, полный вперёд. Эскадрилья «Кареси», *старт...* «Бронзиум» и остаток воздушной группы, запуск по готовности.

Никто не сказал «засада». Послышались переговоры пилотов.

— Вас понял... обнаружено пять, шесть... поправка, *десять...* заряжающихся орудий, будут задействованы...

— Источник сигнала нацеливания.

— Я фиксирую девятнадцать...

— Он нацелился на меня.

— Понял вас. Выпускаю отражатели.

Лицевые щупальца Пириса были совершенно неподвижны. Это придавало ему похвальный вид спокойствия.

— Орудия, взять на прицел все ботанские корабли в пределах досягаемости, не торопиться, продолжать...

Только что перед ними был один-единственный новенький, только что с верфей, фрегат — а в следующий миг из гиперпространства с интервалом в пять секунд стали выпрыгивать ещё корабли. Эскадрилья «Мотма» передала изображения со своих камер: всё в той же ботанской раскраске, новенькие, фирменные, без отметин и царапин от обломков.

На экранах сверкнула вспышка красного лазера, камера одного из ХJ мигнула, и истребитель разлетелся крутящимся раскалёнными обломками. Голоса пилотов всё ещё были слышны на заднем плане, но всё внимание на мостице устремилось на «боевой корабль» — атакующего врага. «Дерзкий» переместилась между «Щедростью» и ботанской флотилией. Его орудия и лазеры показались на экране синхронизированной командной информации как мигающие значки, полностью заряженные и получающие координаты для стрельбы.

— Восемь целей, не стреляют, сэр, и никаких признаков зарядки орудий. — «Щедрость» вздрогнула от отклонённого пульсирующего лазерного огня. Ниаталь повернулась, проверяя данные о повреждениях, которые и так находились в ведении компетентного командира, но в бою нет ничего худшего, чем праздно шатающийся адмирал. Ей нужно быть занятой.

— В любом случае вести огонь и по ним. — Пирис повернулся к Ниаталь. — Если они нанесут нам урон, по крайней мере, мы передали имеющиеся данные. Если нет — это целая ботанская флотилия, которая никогда не покинет дома.

— Я не планирую тактического отхода, капитан. — Были поражены ещё три ХJ: Ниаталь отметила это, как потерянные активы, не зная пилотов лично и на секунду возмущившись своей отчуждённостью. Так всегда бывало. — Мы здесь. Давайте причиним столько ущерба, сколько можем.

У ботанов, конечно же, была та же самая цель.

Два ботанских фрегата шли на таран «Щедрости». Пять оставшихся из флотилии стреляли по ХJ. «Дерзкий» открыл огонь. Команда мостика смотрела, как кормовая часть фрегата слегка задрожала от нескольких взрывов, прежде чем полетели обломки, которые врезались в один из ХJ. Через пять минут после начала боя воздушная группа «Щедрости» получила серьёзный ущерб, и не только от прямых попаданий. Второй фрегат повернул прочь от ураганного огня ХJ с раскалённой пробоиной в корпусе.

— Отражатели не влияют на их наведение, сэр. — Голос пилота был хриплым от напряжения. — Они используют узконаправленное теплонаведение. В будущем нам понадобится...

И он исчез, его камера замерцала и погасла.

— Воздушная группа, уходите, — рявкнул Пирис. — Орудия, огонь по всем целям, немедленно.

Различные расы чувствовали время в бою по-разному. Для людей оно замедлялось, потому что их мозг получал гораздо более подробную информацию об угрозе, но это также означало, что они не замечали низкоприоритетные вещи. Но мон-каламари — и куаррены — видели всё это и учитывали каждую мелочь. Именно это и делало их хорошими командирами. Инстинктивно Ниаталь хотела дать отпор, и на мгновение не могла понять, зачем вообще строила планы насчёт высокого поста. Она видела тактические дисплеи и слышала болтовню в коммуникаторах, и реальное трёхмерное изображение в её уме показало ей всё поле битвы — и она хотела ударить сильно.

Девять ботанских фрегатов были выведены из строя, либо дрейфовали без признаков энергии, превращённые в холодные обломки, либо испускали короткие вспышки пламени в вакуум, разваливаясь. Некоторые из оставшихся десяти открыли ответный огонь ещё на тридцать секунд, затем выключили орудия.

— Капитуляция? — спросил дежурный офицер.

— Они готовятся прыгать, — сказал Пирис. — Огонь, огонь, огонь...

Семь фрегатов прыгнули в плотной последовательности; три не сумели быстро стартовать и попали под яростный вал лазерного и пушечного огня.

Пирис с облегчением кивнул Ниаталь и склонился над командным пультом.

— Воздушная группа, есть кто-нибудь слишком повреждённый, кто не может добраться до исходной точки?

— «Мотма-пять-ноль», сэр. Замедляющая пробоина в корпусе.

— «Кариса-восемь», сэр.

Команда мостика подождала несколько секунд в полной тишине, орудия всё ещё были наготове, пока ХJ пронеслись обратно к анарам, а мимо них вылетали спасательные подразделения, чтобы забрать повреждённые корабли.

— Задраить люки по готовности и приготовиться к прыжку, — приказал Пирис. — Есть признаки приближения ботанского подкрепления на сканерах дальнего действия? Нет? Хорошо.

— Он посмотрел на хроно, свисавший с брелока на его куртке. — Чуть менее двадцати минут, адмирал. Итак, была ли это запланированная засада, в которую мы шли, или ботаны наилучшим образом воспользовались неудачно рассчитанным прибытием? Счет двенадцать-ноль в нашу пользу, не считая потерянных истребителей. Но победили мы или проиграли?

— Я сообщу, когда наши коллеги по части общественной информации известят меня об этом, — сказала Ниаталь. — Но это вновь подтверждает мою позицию. Если у нас затруднения с имеющимися ресурсами, то мы должны сосредоточить всё на Кореллии, Комменоре и теперь на

Ботавуи. Если глава государства хочет охватить каждый начинающийся лесной пожар, он должен дать нам, по крайней мере, другой флот, и даже будь у Альянса кредиты — где нам взять персонал?

Пирис пожал плечами.

— Все империи становятся слишком большими и рушатся под собственной тяжестью.

— Возможно, это то, что мы видим.

Тело Ниаталь говорило ей, что так теперь везде. Она чувствовала жар, поскольку её биохимическая защита металась в поисках повреждений, но ничего не нашла. Последствия сражения всегда были для неё беспокойным часом или двумя, поэтому она занялась обходом мостика, похлопывая членов команды по спине и говоря им, что они отлично справились. Один молодой человек вытирая слезы тыльной частью руки, неестественно уставившись на сенсорный экран перед собой; сегодня он потерял друга, возможно, даже не одного. Сказать было нечего. Она просто положила ему на плечо руку и молча постояла там некоторое время, пока рулевая команда не начала проверку перед гиперпрыжкой.

— Я буду в своей каюте, — сказала она, остановилась и пожала руку Пириса. — Браво, капитан.

Она знала, о чём они будут говорить, как только за ней закроются люки мостика. Они выразят удивление, что старуха Ледяное лицо может снизойти до похлопывания по спине и демонстрации сочувствия. Таково было последствие битв: на краткий период она опускала забрало, а затем становилась прежней — политиком, который имел обыкновение быть компетентным флотским офицером и всё ещё скучал по военным действиям.

Вид гиперпространства в обзорном экране её каюты был успокаивающим. Иногда она выбирала полосу звёздного света, вытянутого в линию, и пыталась думать о ней как о звезде с орбитальными планетами, полными жизни, и рисовать, что там происходит. Она и сейчас так сделала, чтобы очистить свой ум, прежде чем решить, что сказать Кэлу Омасу.

Она знала, что должна поставить ему ультиматум. А чтобы заставить его делать то, что следует, ей нужна поддержка Джейсена Соло.

КОРУСАНТ, ШТАБ ГГА

Капитан Хеол Джирдан улыбнулся и поманил Бена в тёмный кабинет. Почему-то эти два элемента показались Бену наименее привлекательным способом провести послеобеденное время.

— Смотри, — сказал он, и глаза Бена приспособились к слабой освещенности. Окон не было. Единственное освещение исходило от рядов голоэкранов и мониторов. Бен понял, что за пультами сидят солдаты ГГА с той остекленевшей, расфокусированной концентрацией, которая походила на чистую скуку. — Глаза и уши гвардии. Добро пожаловать в центр монитринга. Предельное внимание.

— Сэр, — шепнул один из лейтенантов, — нельзя ли потише?

Усмешка Джирдана отливалась синим в свете анализатора частот.

— Они все — просто мастера. — Он подтолкнул Бена плечом, ведя его к нише вдали от активных пультов. Вероятно, Джирдан не понимал, как хорошо джедай умеет ориентироваться в темноте, но Бен подыграл ему. — Отсюда мы следим за сенаторами и другими общественными неудачниками для их же собственной пользы.

— Чьи звонки вы прослушиваете? — Бену было неловко. — Держу пари, это совсем не увлекательно.

— Весь правительственный штат, наш специальный список вероятных и доказанных подонков и политические деятели, — сказал Джирдан. — А, зная номера сенаторов и объём испускаемого ими тепла, мы поручаем это автоматизированным системам голосовой идентификации, иначе нам пришлось бы сидеть здесь ещё тысячу лет. Если дроид улавливает

какие-то важные ключевые слова, он помечает беседу и оповещает нас. Тогда нам приходится садиться и действительно её слушать.

Один из солдат — Завирк — насыпал в чашку кафа подсластитель. Он осторожно пригубил его, выглядя немного смешным с аудиобуферным выходом, свисавшим с его уха.

— Я вступил в армию, чтобы посмотреть галактику, — прошептал он, — но всё, что я получил — это восьмичасовое слушание дурацких политиков, назначающих встречи...

— Бену четырнадцать, — прервал его Джирдан.

— Ну, если вы хотите, чтобы он занялся наблюдением, сэр, то ему придется наслушаться такой дряни, от которой у него волосы завываются.

Бен никогда не обдумывал, что на самом деле влечет за собой прослушивание комлинков подозреваемых и людей на ответственных должностях.

— Я не упаду в обморок, — заявил он. — И если я достаточно взрослый, чтобы поймать выстрел, значит, я достаточно взрослый, чтобы слушать... дрянь.

— С такой логикой не поспоришь. — Джирдан усадил его у пульта и дал наушник. — Так, здесь экран показывает тебе звуковые файлы, которые дроид отобрал как стоящие прослушивания, также как и кадры голокамер. Ты просто работаешь над этим и делаешь заметки, если что-то кажется стоящим продолжения работы. Ты ищешь любого, кто может связываться с сенаторами и кажется немного странным, любые беседы о правительственном штате или сенаторах... слушай, ты же джедай. У тебя, наверное, есть шестое чувство насчет этой ерунды точно так же, как насчет скрытой взрывчатки.

— Оно есть и у бойцовых псов-неков, — заметил Завирк, — но лейтенант Скайуокер пахнет лучше, и он умеет делать трюки.

Бен решил, что ему могло бы понравиться побывать здесь какое-то время. Совсем ничего похожего на шпионскую штаб-квартиру: всего лишь группа хорошо знакомых ему солдат, выполнявших обычную военную работу — наблюдение. Бен понял, что разделил свои чувства так, чтобы не думать о Дюре Геджене как о человеке. У него были жена и ребёнок. Впрочем, у Тенел Ка тоже есть ребёнок, и Геджен был рад нанять кого-нибудь, чтобы убить её. Бен взвешивал моральную составляющую своего задания и не был уверен, не говорит ли он всего лишь себе то, что хочет услышать.

И не с кем было это обсудить.

Он устроился на своём месте, чтобы начать проверять записи, и старался не думать о Геджене. Разговоры — в основном скучные, некоторые странные, некоторые непонятные — почти убаюкали его до состояния медитации. Пришлось применить усилие, чтобы не попытаться снова скрыться в Силе, что он теперь практиковал каждый раз, когда мог.

В центре мониторинга сильно пахло кафом. После нескольких часов Бен понял, что ему бы тоже не помешало немножко, и углубился в беседу между двумя правительстенными сотрудниками о регулярном маршруте, которым определенная сенатор следовала от Сената до своей квартиры. Но его вырвал из состояния собранности шелест ткани и тихая, но настойчивая активность у другого пульта. Завирк позвал Джирдана, и они оба выглядели мрачными. Бен остановился, чтобы послушать.

— Вы уверены? — спросил Джирдан.

— Проверьте голосовой профиль, если не верите мне, — ответил Завирк. — Это кореллианский премьер.

В комнате было десять человек, и все они остановились, чтобы послушать. Успокаивающее убедительный голос Геджена с его слабым акцентом говорил кому-то, что нет никакого смысла делать это через обычные каналы, потому что никто больше не настроен на ведение переговоров.

—... мы с вами знаем, что это можно решить устранением нескольких горячих голов... кое-кого из наших военных нужно сбросить, как и кое-кого из ваших. Я объявил бы немедленное перемирие, если бы мог быть уверен в нескольких вещах.

— А именно? — сказал, несомненно, голос главы Омаса. Они прослушивали защищённую линию связи главы государства. Бен не был уверен, что у них есть на это разрешение.

— Мы согласимся, что Кореллия объединяет свои военные активы с ГА, пока у нас есть положение, согласно которым мы имеем право отозвать их, если наши собственные потребности окажутся более срочными. Ниаталь следует убрать. Джейсена Соло следует убрать. Как только они исчезнут, мы вернемся к нормальной жизни, и вы получите то, что хотите.

— «Балансир».

— Ну, у нас в любом случае проблемы с его восстановлением.

— «Балансир» должен стать недействующим.

Пауза: слишком краткая, чтобы большинство людей заметили, но это не ускользнуло от Бена.

— Он и так не действует. Но если вам нужны там межпланетарные силы или наблюдатели, прекрасно.

— Как насчет ботанов и других планет, ведущих свои собственные войны?

— Я могу заставить согласиться комменорцев, а ботаны... ну, как только мы все вернёмся в ГА, Ботавуи придётся придерживаться правил. Они маленький народ — если война выходит из-под контроля, мы введём войска, чтобы положить ей конец.

— Сенат не пойдёт на это.

— Сперва уберите от власти Ниаталь и Соло, и они успокоятся. В конце концов, что осталось от Сената...

— Уберите... они не уйдут спокойно... они могли бы расколоть Сенат. Г'Сил полностью в их лагере, а у него есть вес.

— Ну, можно убрать и убрать.

Омас сглотнул, но не ответил.

Геджен заполнил тишину:

— Вы знаете, нам придётся поработать, прежде чем окажется втянута вся галактика.

— Хорошо. Хорошо.

— Мы должны встретиться. Вы сможете добраться до Вульптера?

Долгая пауза.

— Я найду предлог. Пришлите мне детали...

Джирдан стоял, глядя на экран, как будто мог извлечь из него что-то полезное, если бы смотрел достаточно долго. Завирк сидел, подперев подбородок ладонью, и пристально глядел на капитана в ожидании приказов.

— Немедленно передайте расшифровку этого полковнику Соло.

Бен всё ещё не понимал, что происходит, хотя он подумал, что Омас должен был упомянуть обращение к Совету безопасности.

— Разве глава государства не может говорить с премьер-министром Кореллии?

— Зависит от того, о чём он говорит, — ответил Джирдан. — И что он замышляет относительно полковника Соло и адмирала Ниаталь.

Если Геджен мог подготовить убийство хейпанской королевы-матери и устраниТЬ Тракана Сал-Соло, то заставить исчезнуть Джейсена и Ниаталь для него — обычная работа. Бен понял, что получил ответ насчёт необходимости своей миссии.

Джирдан склонился над Завирком и постучал по пульту.

— Беседа состоялась четыре часа назад. Проверьте получше расписание поездок главы государства, потому что он не сообщал нам, что покидает планету и нуждается в отряде личной охраны.

— Думаете, он ему нужен? — спросил Бен.

— С Гедженом? Ему нужны два.

Бен не знал, можно ли упоминать Тенел Ка. Всегда было трудно знать, кто в ГГА что знает.

— Неужели он действительно попытается что-то сделать с главой Омасом?

— Думаю, он делает это по привычке, совсем как я жую успокоительное.

Бен теперь понятия не имел, обходил ли Кэл Омас незаконно Сенат, чтобы заключить личную сделку с врагом, или шёл в ловушку вроде той, что Геджен устроил для Тенел Ка — и покойного двоюродного брата дяди Хана, Тракана, о котором плакать не стоило.

Джейсен был прав, как всегда. Геджена надо остановить.

КОРУСАНТ, ЗДАНИЕ СЕНАТА, КАБИНЕТ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Джейсен прочитал расшифровку в третий раз и положил планшет на стол Ниаталь.

На стене позади неё висела голограмма Мон-Каламари — мерцающий синий океан и извилистые здания, выступавшие из волн на плавучих городах. Ему стало интересно, тоскует ли она по дому. Сейчас она только что вернулась со сражения, которое пошло не по плану, и с нетерпением ждала встречи с Кэлом Омасом по этому вопросу.

Значит, она восприимчива к идеям. Он прилагал сознательное усилие, чтобы не влиять на неё, потому что она была не из тех, кто поддаётся на джедайские трюки. И это бы лишь рассердило её.

— Что-то не похоже на единый фронт в военное время. — Он откинулся на стуле, сцепив пальцы на затылке. — Таким образом, мы не фавориты месяца. Наш великолепный лидер даже не бросился защищать нас.

Белая униформа Ниаталь не казалась измятой, хотя адмирал только что сошла с военного корабля, пришедшего прямо из битвы.

— Я бы сказала, попахивает неблагодарностью.

Она была не из тех, кто шутит. Джейсен теперь знал достаточно о языке тела мон-каламари, чтобы понять, что она рассержена. Она продолжала слегка вертеть головой, как будто ей становилось жарко и воротник давит ей на шею. Её ноздри расширились. Это означало, что она готова к некоторым радикальным предложениям насчет Омаса.

Он подбросил приманку:

— Вы понимаете, что когда Геджен говорит, что кого-то следует убрать, он не имеет в виду большое выходное пособие и грамоту в рамке с благодарностью за верную службу?

— Поясните, Джейсен.

— Он стоял за преждевременной смертью Сал-Соло...

Она сузила глаза, полные сарказма.

— Я потрясена, скажу вам. Потрясена.

— ...и покушением на жизнь хейпанской королевы-матери. — Моей возлюбленной. Матери моей дочери, моей любимой крошки. Как бы мне хотелось увидеть их. — Мы — следующие.

Ноздри Ниаталь тяжело сокнулись на секунду. Это была мон-каламарианская подсказка, маленький знак, указывавший на удивление, и не в хорошем смысле.

— Он не будет достаточно глуп, чтобы попытаться сделать это.

— Сейчас я не знаю, что он попробует.

— Омас не дурак, — настаивала она. — У него должно быть хорошее представление о том, с чем он имеет дело.

— Что, по-вашему, он собирается делать?

— Всё, что он хочет сделать — удержать Альянс от распада. Он всегда думает, что небольшой нагоняй может привести непокорные правительства к порядку. Ну, это не сработало с Кореллией, и теперь он наблюдает, как Альянс сокращается планета за планетой. — Она продолжала смотреть на хроно на своем столе. — В моих правилах говорится, что мы должны уведомить председателя Совета безопасности об этой встрече. Он и так начинает чувствовать себя посторонним. И всё же я не уверена, каков будет результат.

Джейсен поддерживал хорошее расположение Г'Сила, предоставляя результаты по терроризму и не говоря ему ничего, знание чего ему пришлось бы отрицать позже. Если у него и были серьезные виды относительно поста Омаса, то он не выказывал этого — пока.

— Сенатор Г'Сил просто поручил бы мне позаботиться об этом, — сказал Джейсен. — Я избавляю его от необходимости знать. Правдоподобное отрицание.

— Вы наслаждаетесь иронией?

— Что?

— Обходя Сенат с вопросом о нашем главе государства, обходящем Сенат. Между прочим, отлично вышло с поправкой о поставках. Проскользнула, точно смазанный маслом угорь. — Ниаталь встала и начала бродить по кабинету, сжав за спиной длинные перепончатые костиные пальцы. У неё была та безупречно прямая осанка, как у всех военных ГА, независимо от расы или строения позвоночника. — Теперь, когда у нас обоих есть возможность изменять уставы — любые уставы — в пределах бюджетных ограничений, я полагаю, вы много думали о потенциальных возможностях.

Джейсен хотел, чтобы она остановилась и посмотрела на него, но она продолжала свой медленный обход кабинета.

«Красиво она играет в эти игры. Надо быть осторожным, чтобы не вставать ей поперёк дороги».

— Это аварийный комплект, — сказал он. — Если понадобится, мы можем изменять любой незначительный закон, а также можем изменять любой большой, если сыграем умно. — Мы. Не я. Он решил, что важно подчеркнуть то, что они — партнеры. — Например, если бы НМ-З пришлось исправить Акт о чрезвычайных мерах, чтобы включать в его действие полномочия ГГА задерживать глав государства, политиков и любых других людей, которые предположительно представляют подлинную опасность для безопасности Галактического Альянса, и арестовывать их активы через Акт о казначейских приказах, то я подозреваю, что люди посмотрят на премьер-министра Геджена и одобрительно кивнут.

— Вы теперь даже *говорите* как законодатель...

— Но прав ли я?

Ниаталь повернулась. Она не могла улыбнуться, как человек, но веселье было написано на всём её лице легким сжатием губ. Джейсен на долю секунды ощутил её перемену от бесконечной осторожности и нетерпения к удовлетворённому теплу — и даже триумфа.

— Что никто не подумает спросить, распространяется ли та поправка на главу государства ГА? Да, Джейсен, вы правы. — Она сделала жест, держа руку как лопасть и извивая её в воображаемой воде. — Этот ваш угорь снова проскользнёт.

— Если я почувствую, что мы должны... действовать, чтобы восстановить стабильность и безопасность, вы будете со мной?

«Вы организуете переворот со мной? Я действительно сказал это?»

Ниаталь выдержала паузу. Но это не была пауза кого-то потрясённого возмутительным предложением — лишь миг оценивания Джейсена Соло.

— За вами могла бы встать ГГА, Джейсен, но вам нужен флот, не так ли? И остальная часть армии.

— Это «да»?

— Это «если всё станет хуже, я поставлю свою преданность ГА превыше преданности личности».

— Я... заинтересован увидеть, как военные перейдут рубеж от выполнения желаний правительства до решения политических вопросов.

— На случай, если вы забыли, — мягко сказала Ниаталь, — должность верховного главнокомандующего эффективно сочетается с ролью министра обороны и председателя Объединенного комитета начальников штабов. Я — политик. А ещё я, оказывается, самый старший офицер.

Она не уступала ему в маневрировании, но не имела возможностей Силы. Он надеялся, что ему никогда не придётся указывать ей на это.

— Тогда нам пора побеседовать с Омасом. — Джейсен встал и отряхнул свою чёрную форму ГГА. — Только чтобы удостовериться. Всё, что мы знаем — он может встретиться с Гедженом, чтобы самому выхватить бластер и вызвать очередное изменение режима на Кореллии.

Ниаталь последовала за ним в коридор, что вёл в апартаменты главы государства, со стенами изысканного голубого и золотистого мрамора и многочисленными нишами с прекрасными статуями со всех концов галактики. Джейсен чувствовал, как колотится его сердце. Хотя он мог контролировать его, он позволил ему бешено стучать, потому что так он чувствовал себя живым человеком. Это были важные времена, и если бы он полностью отключил себя от обычного состояния, он мог бы забыть важность своей задачи — и ставки.

«Как я могу забыть, что Бен должен умереть?»

Когда Джейсен проговорил про себя эти слова, когда он мысленно услышал себя, он понял, как изменился его язык. Он дистанцировался от действительности. Бен должен умереть. Это совершенно отличалось от «я должен убить его». Возможно, Сила говорила ему, что это будет не простое предательство доверия Бена, совершённое световым мечом, но смерть другим способом.

«Если это должно произойти... возможно, не от моей руки».

Двери в кабинет главы государства скользнули, открываясь, и он вошел в тихую, устеленную толстыми коврами приемную вместе с Ниаталь — не позади, не впереди, но точно вровень с ней. Омас склонился над столом своего помощника, приглушенно говоря.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал он, подняв голову. — Входите.

Джейсен передвинул свой стул так, чтобы не смотреть на Омаса против света из окна. То же самое сделала Ниаталь. Это было красноречивое, тихое заявление тех, у кого будет превосходство, и они не репетировали это. Омас, человек, точно настроенный на тонкости языка тела и психологического преимущества, излучал в Силе осторожность. Он знал, что имеет дело с объединённым фронтом.

— Я так понимаю, вы видели отчет о сражении, — начала Ниаталь.

— Да. — Омас взял планшет, как будто заверяя её, что видел. — Что бы это ни было — удачный выбор времени со стороны ботанов или хитрая ловушка, реальная проблема сейчас в том, как мы справимся с Ботави, который становится ещё лучше вооружённым и агрессивным.

— Была ли это удача или нет, на самом деле имеет значение, — сказал Джейсен. — Поскольку это лежит в основе оценки качества нашей разведки. Я недоволен работой разведки ГА, по причине чего, если вы помните, я и хотел сформировать ГГА из отобранного персонала. Разведке не по зубам задача, с которой мы теперь сталкиваемся.

Омас выглядел утомлённым.

— Хорошо, у вас обоих есть жалобы. Кто первый?

Ниаталь вежливо наклонила голову, но Джейсен чувствовал, что её решимость формирует вокруг неё почти что дюрастальной футляр. Это было ощутимо.

— Я буду краткой, — заговорила она. — Мы не можем ввязываться в каждую мелкую перестрелку, чтобы удержать в Альянсе малозаметных сенаторов и мелких глав государств. Мы слишком растянуты. Мы не смогли поддерживать блокаду Кореллии, а теперь ещё поднимающиеся ботаны. Выбирайте сражения, глава государства. Я не могу сражаться во всех.

Омас соизволил переместиться и налил себе чашку кафа из кувшина на столе. Чашка была только одна, и он не велел принести ещё.

— Если мы не в состоянии оказать поддержку мирам Альянса, то мы потеряем их, — сказал он. — Это базовая математика. Мы уже проходили через это. Если отделится больше, мы проиграем. Тогда проблема поддержки объединённых оборонных сил Альянса — с чего всё и началось, если мы забыли — становится чисто академической.

— Если мы не сконцентрируем наши силы на мирах, которые представляют самую непосредственную и серьёзную угрозу, то нас размелят корабль за кораблем, и мы можем даже оказаться не в силах защитить Корусант, если дойдёт до худшего.

— Думаете, что может дойти до такого? — Омас не казался убеждённым. Он поглядел на Джейсена, но тот молчал. — Это всё из-за Корусанта?

— Конечно, — сказала Ниаталь. — Так бывает *всегда*. Альянс и Корусант неразделимы, и это половина проблемы для всех других миров.

Омас повернулся к Джейсену.

— Ваша очередь, полковник.

— Я разделяю страхи адмирала о чрезмерном растяжении сил. — Теперь Джейсен перешёл к вызову, тонкому и многослойному, чтобы дать Омасу шанс признаться. Он надеялся, что Омас не воспользуется им. — Кореллия — всё ещё сердце мятежа. Я считаю, что нам надо в ближайшие сроки направить все наши ресурсы на массированную атаку Кореллии — фактически на вторжение. Уничтожить их промышленную базу и удалить Геджена и его присных. Он уже убил своего предшественника и устроил покушение на хейпанскую королеву-матерь. — Джейсен помолчал долю секунды, потому что выбор времени был всем. — Я не сомневаюсь, что следующим будете вы.

Джейсен чувствовал реакцию Ниаталь, хотя выражение её лица осталось нейтральным: развлечение плюс небольшое тревожное волнение, как подготовка к сражению. Омас внезапно стал более подозрительным — но Джейсен не мог сказать, было ли это нацелено на него или на идею, что Геджен мог бы как-то повредить Омасу.

— У вас есть сведения, чтобы предполагать подобное? — спросил Омас.

Джейсен покачал головой.

— Нет, и мне не нужны ни сведения, ни помощь Силы, чтобы понять это. Так Геджен ведет свои дела.

— Если мы начнём такое нападение на Кореллию, мне следует предоставить подобные данные Совету безопасности. И даже если они согласятся на это...

— Мы в состоянии войны. У вас есть все правомочия определять с адмиралом Ниаталь ход ведение войны так, как вы считаете целесообразным.

— Пока не понадобится больше кредитов, — заметил Омас. — И пока мы явно сосредоточены на Кореллии, что станут делать Ботави и Комменор? Ответы на маленьком кусочке флимси, пожалуйста...

Теперь у Омаса был идеальный предлог признаться во встрече с Гедженом. Он мог бы сказать, что собирается сделать последнюю попытку переговоров о мире. Он мог бы сказать что-то, дав понять, что собирается обговаривать сроки с государством, которое не проявляло никаких признаков понимания слов «общее благо» и чей тихий смертоносный глава мог бы устрашить криминального авторитета-хатта.

И, думал Джейсен, любой умный политик мог бы заподозрить, что его служба разведки шпионит за ним, как они шпионили за всеми другими сенаторами. Маленькая игра слов: Омас мог бы сделать предложение и понаблюдать за реакцией Джейсена, нагло проверяя, был ли подслушан его тайный звонок.

Но он этого не сделал. И его будущее — как и его судьба — были решены.

— Так что же мы собираемся делать? — спросила Ниаталь. — Та же самая стратегия? Продолжаем делить флот, пока у нас не окажется по одному кораблю на каждый театр военных действий?

— Я думаю, что полномасштабное нападение на Кореллию — безумие, — сказал Омас. — Нам, возможно, придётся хорошо рассмотреть всё это — но намного позже. Тем временем, мой приоритет состоит в том, чтобы не позволить расколу Альянса достичь переломного момента.

Джейсен сидел, изображая подавленный гнев и разочарование. Здесь требовалась тонкость, потому что Омас знал способность Джейсена к улыбчивому самообладанию. Но Омас должен был

уловить легчайшее дуновение инакомыслия и несколько секунд смаковать это; если бы Джейсен слишком охотно уступил, это вызвало бы подозрения Омаса.

Джейсен опёрся на подлокотники стула из древесины апоции и поднялся на ноги.

Для протокола: я думаю, что это большая ошибка, сэр, — сказал он. — И я был бы рад, если бы ГГА могла поддержать наше разведывательное ведомство в их делах за пределами Корусанта.

— Я отметил вашу позицию, полковник Соло, и я по-прежнему благодарен за ваш стратегический вклад. — Омас сцепил пальцы и облокотился на стол — жест, в большей степени защитный, чем решительный. — И всё же, сфера компетенции ГГА является внутренней. Я ценю ваше беспокойство о качестве нашей разведки.

Джейсен не смотрел в глаза Ниаталь. Он вышел в сопровождении адмирала и не сказал ни слова, пока они не вернулись в её кабинет.

— Ну?

— Нехорошо, — ответила мон-каламари и подошла к окну, глядя на транспортные потоки, тёкшие аккуратными рядами воздушных линий вокруг Сенатского округа. — Он не вполне открыт с нами, не так ли?

— Я никогда не говорил ему, что персонал ГГА занимается Кореллией, таким образом, мы квиты.

— Мы не можем выдержать текущую стратегию. Возможно, мне стоит поговорить с сенатором Г'Силом и передать это на рассмотрение Совету безопасности.

— А потом мы отвлекаем наши силы на внутреннюю борьбу за власть с Омасом, тогда как у нас идёт война. Я уверен, не мне говорить вам, что, если вы стреляете в кого-то, вы продолжаете стрелять до тех пор, пока они больше не смогут ответить огнем. Раньте их — и получите рассерженного врага, который знает вашу позицию.

— Я знаю, где вы научились этому, Джейсен.

— Вы знаете, что я прав.

— Это ничего не облегчает.

— Если он заключит сделку с Гедженом, мы не просто вернемся к начальной ситуации: Альянс окажется в худшем положении, чем когда всё началось.

— А мы окажемся вне игры.

— Как академично. — Джейсен едва не спросил Ниаталь, есть ли у неё дети, а затем понял, что чуть не сделал самую большую глупость, какую только можно вообразить: чуть не открыл свои постоянные страхи за будущее собственной дочери, ребёнка, отцовство которого должно было оставаться в тайне. Он быстро опомнился, удивлённый своей слабостью. — Потому что реальностью станут повторяющиеся войны.

— Или Омас закончит жизнь с виброклинком в горле.

— Так или иначе, он безумец, если хочет встречаться с Гедженом лицом к лицу без защиты. Он не попросил её у нас. Не попросил у КСБ, как и...

— У разведки ГА?

— Да. Мы прослушиваем и их переговоры.

— Вы — источник постоянных открытий, Джейсен Соло...

— Вы в деле?

— Говорите.

Джейсен оглядел комнату, стараясь казаться просто задумчивым, но подозревая, что кто-то мог бы делать с ним то же, что он делал с ними — подслушивать с помощью электроники. Неужели Ниаталь подставляет его? Нет, он был уверен, что мог бы ощутить в комнате жучки. Не было ни одного.

— Вы знаете, что я предлагаю.

— Вообще-то нет. Без подробностей. Расскажите.

— Смена режима. — Слишком поздно. Но он не ощущал опасности. Его логическое мышление было параноидальным, шепчущим голосом, а не ощущениями Силы. Он понял, что

стал менее управляемым инстинктами и более рациональным, и это было проблемой. Слишком много думающий, слишком мало чувствующий — совсем как говорит Люмия. — Мы снимаем его с должности достаточно надолго, чтобы выиграть эту войну, а потом возвращаем её сенатору Г'Силу, когда ситуация станет настолько устойчивой, чтобы могли быть проведены новые выборы.

Слова возникли, точно незваные незнакомцы, и он даже не поверил себе. Ниаталь тихонько зашипела, что, возможно, было смехом.

— Я за смещение. Меня зачаровывает промежуток между *удалением* и *выборами*.

— Мы управляем ГА во время промежуточного периода, как дуумвират. Никакой диктатуры. Объединённый контроль.

Ниаталь указала на свою униформу, а потом ткнула костищым пальцем в отметки ранга на своем плече.

— Военный переворот. Вот как это называется. Давайте не будем увиливать.

— Хорошо, я смещаю его, и *вы* вступаете во владение — одна.

— Я так не думаю. Дуумвират кажется мне лучшим.

Джейсену понравилось число два: двое — это путь ситов. Зная стремление Ниаталь к должности главы, он вёл бы ту же круговерть, напряжённую борьбу с нею за власть, как у мастера-сита с учеником, от которого ожидается и поощряется составление заговора, чтобы свергнуть учителя. Но он своевременно будет править как лорд ситов, когда ГА и выборы станут академической абстракцией, а она будет управлять государством. Это бы удовлетворило её.

— Между прочим, я позабочусь о Геджене, — сказал он. — Он в широком масштабе оказывает дестабилизирующее влияние, и удаление его приведет Кореллию в смятение.

— Как вы позаботитесь об Омасе?

— Я посажу его под домашний арест.

— Свергнутые главы государств склонны становиться мучениками и заложниками.

— Нельзя, чтобы видели, как мы убиваем своих, и мне пришла в голову идея подставить Геджена, но в этом нет необходимости. Мы должны показать себя цивилизованными, действующими согласно закону.

— Совершая переворот.

— По закону, и пока закон будет действовать, он не будет таковым.

— А-а. Я забыла. — Нет, ничего она не забыла, понял он. — Ваша поправка к закону.

— Я выношу её на обсуждение в течение следующей недели, через НМ-3.

— А тем временем?

— Оставьте это мне. Когда Омас встретится с Гедженом, там будет кое-что из наших. — Джейсен проверил свой планшет. — Ему потребуется всего день, не больше, чтобы разобраться с Гедженом, поэтому... он под наблюдением моих людей, готовых действовать. Затем мы получим доказательства, чтобы представить их Г'Силу.

— А затем вы арестуете его.

— Я думал, что мог бы арестовать его в то же самое время, когда вы предоставите доказательства Г'Силу. Когда мы действуем, мы должны действовать быстро. Отступлению нет места.

Ниаталь медленно выдохнула. Джейсен ждал.

— Я буду готова действовать по вашему сигналу. Убедитесь, что держите меня в курсе всего этого, договорились?

Готово. Переворот Джейсена начался. За ним стояла ГГА, а Ниаталь предоставит флот, а заодно и армию. Если правильно представить Омаса продавшимся кореллианцам, это будет очень аккуратный переворот. Не было нужды в напрасном кровопролитии. Для того это всё и было: конец насилию, хаосу и неустойчивости.

Это стоило всего, чем он рисковал.

Джейсен взял воздушное такси до площади в нескольких минутах ходьбы от штаба ГГА: просто обычный гражданин, без всяких гладких чёрных машин ГА, без всяких привилегий. То ли водитель не узнал форму, то ли постеснялся спросить: «Эй, вы — глава тайной полиции, да?» Это была тихая, созерцательная поездка.

Пришло время убедиться, что всё будет в порядке, даже если явные события пойдут не так. Он включил комлинк и вызвал Люмию.

— Шира, — проговорил он, не забывая о пилоте впереди. — Ты мне нужна, чтобы сделать для меня работу.

Глава 7

Горан, пока Фетта нет, я думаю, ты правда должен это увидеть. Вряд ли это может подождать. Иногда вонгезе делают тебе одолжение.

— Бригадир участка Херик Ворад, на осмотре скалы, выброшенной из земли к северу от Энцери,
Мандалор

КОРУСАНТ, КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА

— Значит, ты собираешься сделать это прежде, чем достигнешь полного ситского могущества, — сказала Люмия. Она зажгла свечи и закрыла жалюзи. Джейсену нужно было отгородиться от мира и *оцутить*, что происходит: он всё больше погружался в мирские дела, в дела низших существ, с которыми работал. — Почему?

— Если я сделаю это позже, то когда это «позже» наступит? — Джейсен наблюдал за мерцанием огня, устроившись со скрещенными ногами на подушке на полу, но его взгляд блуждал вне фокуса концентраций, так что Люмии пришлось как следует стукнуть его по макушке и указать на свечу. — Омас заключает сделку с Гедженом. Соглашение исключает меня и Ниаталь, возможно, довольно *фатальным* способом.

Работая в мире тех, кто не мог использовать Силу, Джейсен начинал повторствовать и манипулировать совсем как они, и пока Люмия не считала, что это плохо — для достижения результата все средства хороши, — он позволял себе быть связанным их правилами. Он говорил о *выборе времени*. Он обладал полным мастерством в Силе, но, казалось, любил использовать ограниченные уловки простых людей.

Адмирал была неважна в долгосрочной перспективе. Он должен был знать об этом.

— Ниаталь боится тебя, Джейсен. Или, по крайней мере, опасается.

— Думаешь, я не знаю? Она была бы идиоткой, если бы доверяла кому-нибудь на этом уровне правительства.

— Ты тратишь впустую слишком много энергии, играя в мирские игры вместо того, чтобы использовать Силу.

— Я использую её, когда будет нужно. Сейчас большую часть времени это перебор.

Казалось, Джейсен всегда хотел доказать, насколько он умнее, хитрее, искуснее, чем его противники, что он может побить их на их же собственных условиях. Тщеславие было не всегда плохо для сита — пока не управляло им. Теперь оставалось лишь заставить его остановиться и перефокусироваться.

— Медитируй, — велела Люмия.

Секунду Джейсен смотрел сквозь неё, потом уставился, не мигая, на свечу, пока в конечном счёте не закрыл глаза. Затем он медленно открыл один глаз, как будто собирался подшутить. Люмия не казалась юмористически настроенной.

— Вообще-то я вызвал тебя не просто так, — сказал он.

— Я знаю. Но я хотела бы подойти к этому как адепт Силы, а не как какой-нибудь маленький скучный комитет в Сенате. — Пришло время напомнить ему, что он по-прежнему должен сделать ещё один шаг, чтобы начать учить её чему-то. — Успокойся и отставь мир в сторону.

Джейсен снова закрыл глаза и на этот раз, казалось, достаточно расслабился, чтобы позволить частичке своего сознания просочиться сквозь барьер, который он теперь держал закрытым большую часть времени. Люмия ощущала основательную уверенность и сосредоточенность, которые олицетворяли его. Но всё ещё оставался очень слабый намёк на прежнего Джейсена, раненого тяжелой утратой и болью, напуганного выполнением необходимого. Это был последний оттенок сомнения и нежелания, который будет стёрт его

заключительным шагом. Это позволит ему перейти рубеж к своему полному принятию наследия ситов.

Она не знала, когда это может случиться или даже кто это должен был быть. Она знала лишь, что это случится скоро.

— Тебе нет смысла играть в их игры, Джейсен, — мягко сказала она. — Даже теперь твоё могущество ставит тебя намного выше их досягаемости. Омас не сможет тронуть тебя. Как и Геджен. Когда ты достигнешь своей судьбы, они будут менее чем неважны.

— Могущество или нет, я не могу управлять галактикой в одиночку. Я должен убеждать, увлекать людей за собой. Сила не может повлиять на умы миллионов.

«А, ты наслаждаешься властью, которой можешь обладать посредством простых игр ума. Не совершай ошибок Палпатина. Это потворство. Это недостойно тебя».

— Джейсен, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты оценивал и чувствовал. Прекрати излишне анализировать. Это не откроет тебе истин. Только факты. Лишь факты покажут тебе то, что ты хочешь увидеть.

Джейсен опять открыл глаза.

— Но это так *неуловимо*. Становится всё труднее провести черту между безумным импульсом и руководством Силы.

— Потому что ты слишком много об этом *думаешь*.

Непроницаемая стена вновь поднялась. Люмия ощутила это, когда он замолчал.

— Это Бен, — сказал он наконец. — Это должен быть Бен.

Теперь она поняла.

— Ты любишь мальчишку. Возможно, он — ребенок, которого нет у тебя. Это будет трудно, и вот поэтому, наверное, это должен быть он.

На секунду пристальный взгляд Джейсена замерцал — слишком кратко, слишком незначительно для любого обычного наблюдателя — и она поняла, что задела его за живое. Так и есть: осознавая собственную смертность, он хотел сына, и было маленькое подсознательное желание обладать тем, что принадлежало Люку, как часть ниспровержения династии джедаев. Теперь, когда он этого добился и Бен глядел на него как на фигуру героя-отца, он должен был выбросить этот приз.

Это был странный вид любви, но если она была достаточно сильна, то всё получится.

— Наверное, да, — согласился Джейсен и посмотрел вниз на сжатые руки. — И трудно убить того, кто этого не заслуживает.

— Но ты не знаешь, как это произойдет.

— Да.

— Ты не можешь представить, как поднимешь световой меч против четырнадцатилетнего мальчика.

— Может быть, это не будет так буквально. Я посыпаю его убить Дюра Геджена, когда тот встретится с Омасом, чтобы заключить свою сделку. Эта работа должна быть выполнена, она проверит навыки и решимость Бена; подростку намного легче миновать службу безопасности Геджена, и... возможно, он окажется в реальной смертельной опасности. — Джейсен потянулся к низенькому столику и, опершись на руку, взял одну из свечей в прозрачном синем подсвечнике. — Так вот, это последствие задания, или за этим я и посыпаю его? Я посыпаю его на смерть?

— Пусть это не имеет значения, — ответила Люмия. — Прекрати рассуждать и позволь этому случиться.

Она встала и взяла у него свечу. Она видела, что он хотел снова сыграть в эту игру — как долго он сможет держать руку в пламени. Некоторые мужчины сделали бы так, бравируя после слишком обильных возлияний, но Джейсен проверял себя, личная борьба укоренилась в его опыте боли в руках Верджер и вялых сомнениях в том, что он мог выдержать до конца и заставить себя сделать то, от чего он хотел бежать.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он. — Нужно, чтобы ты на некоторое время отвлекла Мару.

— Всё, что пожелаешь.

— Она приняла историю Бриши близко к сердцу. Нет ничего лучше убийства чьего-то ребёнка, чтобы гарантировать кровную вражду, разве нет?

— Я думала, та история могла бы помешать ей и объяснить мое присутствие. В идеальном мире я избегала бы любых контактов со Скайуокерами.

— Так... почему ты протянула руку Люку вместо того, чтобы снести ему голову?

Люмия всё ещё обдумывала это. Она, возможно, и не желала Люку зла, но ей не было нужды ненавидеть кого-то, чтобы убить его по долгу службы. Имел ли значение, что он всё ещё думал, что все её действия продиктованы старым романом и травмой, которые так или иначе были её судьбой? Почему она чувствовала потребность показывать ему, что это не так?

— В бою это имело свою ценность потрясения, — сказала она. — А его убийство изменило бы ход событий для всех нас.

— И ты хотела поставить его на место. Показать, что у него нет никаких рычагов... что ты выше его?

Порой Джейсен, казалось, понимал — а потом говорил что-нибудь банальное, вроде этого, отчего она думала, что он упустил суть прохождения через сильные эмоции, чтобы стать сильнее.

— Скайуокеры слишком погрязли в своей семейной жизни, чтобы быть эффективными джедаями, Джейсен, — сказала она. — Это предупреждение нам всем. Люк не видит того, что перед ним, потому что *он* думает, что мной движет потеряная любовь и месть, потому что таков уровень его мышления — семья и друзья. Ему ни за что не пришло бы в голову, что я хочу видеть галактику под властью ситов и что наши былые личные проблемы в сравнении с этим ничтожны.

— Ты учила меня, что гнев и страсть — то, что делает сита сильным.

— Есть гнев, а есть управляемое им существо, не видящее леса за деревьями. — На миг Люмия потеряла уверенность в себе и решила поразмышлять над этим позже. — Так что там с Марой?

— Она держится за ту связь в ГГА, которую нашла, чтобы следить за тобой. Займи её где-нибудь в другом месте.

— Я позволю ей найти меня. Как раз то, что нужно. Можешь дать мне какую-нибудь вещь Бена, которая докажет Маре, что я могу легко добраться до него, не будучи отслеженной тобой?

— Я дам тебе пару его ботинок. Он держит несколько пар в своем шкафчике, а Мара уже подозревает связь с ГГА. — Он бросил на неё хмурый взгляд беспокойства, но она не чувствовала ничего исходящего от него. — Что, если она правда тебя поймает?

— Я могу и победить, и в любом случае я выиграю для тебя время. — Люмия всё ещё проверяла себя, не злится ли она на Джейсена за то, что он тоже оставил её умирать. — Я — расходный материал, как ты доказал. Цель моей жизни в том, чтобы позволить тебе стать повелителем ситов, потому что это обеспечит стабильность галактики. Стремление большинства существ состоит в том, чтобы всего лишь остаться в живых, объестся, потратить слишком много и избежать тяжёлой работы. Я счастлива, что могу достичь гораздо большего, чем это... и рано или поздно все мы умрём. Смерть на службе великому идеалу — это прекрасно.

Джейсен долго, без всякого выражения смотрел на неё, и она задумалась, была ли ему чужда идея о вечном принципе, более важном, чем краткие границы его собственной смертной жизни. Он должен стать превыше этого. И *станет*.

— Когда ты думаешь о судьбе Бена, — сказала она, — думай о наследии, которое оставишь в будущем, и спроси, кто сможет вспомнить Скайуокеров или даже Соло. Речь идет о судьбе триллионов и триллионов существ на протяжении тысячелетий — а не одной маленькой семьи за несколько десятков лет.

Джейсен встал на ноги, но Люмия могла сказать, что теперь он смотрел на неё, не видя.

— Я буду продолжать говорить себе это, — сказал он. — Ботинки наверняка привлекут внимание Мары.

— Думаю, я разыграю материнское горе и тоже сделаю что-нибудь эмоциональное. Что ты станешь делать, когда Мара и Люк придут за тобой — когда узнают о Бене в своё время?

— Я разберусь с этим, когда будет нужно.

— Это может случиться раньше, чем ты думаешь. Полагаю, тебе стоит убедиться, что ты *должным образом* вооружён.

— У меня настоящий склад оружия, — отмахнулся Джейсен. — И я буду готов, когда время настанет.

— Думай неожиданно, — мягко сказала Люмия. — Люк всё ещё может одолеть тебя в бою на световых мечах.

— Я уже опередил его на несколько шагов. Поверь мне.

Придётся. От Джейсена зависело будущее галактики. Он был концом хаоса и началом порядка, и — как и все силы перемен — его *не будут* приветствовать как спасителя. Кто-то не поймёт, насколько он необходим. Кто-то попытается остановить его.

Она сделает всё, что понадобится, чтобы расчистить ему путь — даже если ценой станет её собственная жизнь.

КОРУСАНТ, ШТАБ-КВАРТИРА ГГА, ЦЕНТР НАБЛЮДЕНИЯ

В дверном проёме появился капитан Джирдан, подсвеченный светом из коридора.

— Шоу начинается, — сказал он. — Ниаталь только что назначена исполняющей обязанности главы государства начиная с полуночи.

Солдаты, дежурившие на посту, подняли головы. Бен вынул из уха бусинку усилителя и попытался осмысливать новости.

— А что с Омасом?

— В течение дня он окажется вне кабинета.

— О, я думал...

— Он должен направить небольшое уведомление, чтобы передать бразды правления Ниаталь, на время, пока будет вне связи — знаешь, командные коды и всё такое. Так что у нас есть окно для полёта на Вульптер. Завтра.

Всё происходило слишком быстро. Бен помнил, как был взволнован суматохой событий, но теперь, когда он стал частью их, всё шло слишком быстро для того, чтобы он мог быть спокоен. Они приближали его к его заданию. Ему не нравилась такая перспектива; он знал, что чувствуешь после убийства подозреваемого, который, как ты думал, был вооружён, так что он мог понять, что не станет счастливее после убийства Геджена.

«Я — убийца. А мои ровесники — не джедаи — ходят в школу».

— И какое у него прикрытие? — спросил Бен.

— Частный медицинский вопрос.

— Ага, спасение своей задницы, — вставил Завирк.

— Думаю, это та возможность, которую ты ждал, Бен. — Джирдан подозривал его. — Идём в зал совещаний. — Он повернулся к Завирку. — Я хочу знать его маршрут до Вульптера. Он не возьмёт нас с собой, но ему всё равно понадобится транспорт, сопровождающий и пилот, так что давайте следить за организацией.

— Спорим, он возьмёт с собой для компании одного-двух зомби из разведки.

— Ну, за ними мы тоже следим, так что это поможет нам триангулировать, верно? Займитесь этим, боец.

Капитан зашагал по коридору, насвистывая, что было неподобающе на него. Бен не понимал, за что Джирдан так невзлюбил Омаса. Возможно, он просто наслаждался действительно крупной охотой. Это не могло быть чем-то большим, чем слежка за главой государства на незаконной

встрече с врагом. В Джирдане не было ненависти, лишь замечательное чувство сосредоточенности и волнения. Бен задумался, так ли легко определить тьму, как, казалось, думали джедаи.

— Но что такое тьма? Убийство Геджена?

Хуже всего во взрослении было то, что с каждым днём становилось всё меньше ответов, что правильно, а что неправильно. Это тебе не контрольная по математике.

Когда они пришли в зал совещаний, там уже были Шеву и Лекауф, детально изучавшие стену, заполненную освещёнными голоэкранами. Лекауф, который выглядел как-то неуютно со своими новенькими лейтенантскими знаками различия, нервно усмехнулся Бену.

— Наш источник в Коронете подтверждает, что Геджен перенёс все свои завтрашние встречи, — сообщил Шеву. — Это точно.

— Расписание?

— Никаких исходящих по срокам, но он рассчитывает вернуться на встречу к восьми ноль-ноль на следующий день.

Экраны на стенах показывали два набора диаграмм и данных: один — Корусант, другой — Кореллия. Бен сверился со списком пунктов наблюдения: частная резиденция Омаса, камеры наблюдения из Сената, несколько частных посадочных площадок, ближайших к обоим, и список планов полётов, поданных до Вульптера. На кореллианском табло также были указаны последние полётные планы, зарегистрированные на ту же планету в качестве пункта назначения.

— Что, если Омас прервёт где-нибудь свою поездку и не полетит прямо на Вульптер? — спросил Бен.

— Здесь и поможет сверка с прибытием и планами полёта на Вульптер. — Лекауф указал на планшет на столе. — Проверьте это. Даже если полёт не начинается на Корусанте, мы можем осуществить проверки и посмотреть, что прибывает в пределах того временного окна с Корусантом в качестве пункта отправления.

— Скучная возня с числами, — сказал Джирдан. — Не волнуйся, компьютер сужает варианты. Как только мы определяем перемещение Омаса — или даже Геджена, — мы устанавливаем за ними хвост. Легче отследить Омаса, но мы могли бы попытать удачу с Гедженом.

— Как?

— У нас есть осведомитель в правительственном здании Кореллии. Это информация, Бен. Это не тот случай, когда ты находишь большой крест на диаграмме с надписью «секретная встреча здесь». На самом деле речь идет о сборке сведений обо многих внешне обычных вещах, которые вообще не секретны, и поиске шаблонов.

Бен смотрел на появлявшиеся на экране планы полётов из Коронета. Любой нейтральный пилот, входивший в воздушное пространство Кореллии, мог получить доступ к ним. Любой мог получить информацию из КВД* на Вульптере. И КВД Корусанта был открытой книгой, доступной из любого порта данных. Объём данных был пугающим, но компьютер или дроид могли просеять их, как они просеивали тысячи звонков по комлинкам, чтобы отметить те, которые стоили проверки живыми существами. Главное было правильно настроить параметры.

Бен не знал, зачем он здесь, разве что для изучения утомительной и кропотливой стороны работы. Шеву и Лекауф, казалось, планировали перехват.

— Они просто думают, как нам подвести тебя достаточно близко к Геджену. — Джирдан,казалось, предполагал, что Бен знает, о чём речь. — И это должно быть *после* того, как он закончит свою встречу с Омасом, потому что боссу нужны доказательства встречи для Совета безопасности.

Бена осенило. Он надеялся, что у него будет больше времени для подготовки, но так уж вышло.

* КВД (в оригинале ATC, Air Traffic Control) — контроль воздушного движения (*прим. Apolra3529*)

— Мы наносим удар прямо во время встречи? Не когда он будет возвращаться или...
— Мы можем не получить другого шанса ударить по Геджену далеко от его территории.
Лекауф подозвал Бена и дал ему заглянуть в матерчатую сумку, прислонённую к стене.
— Нравится?

Бен сперва не сообразил, что это, но, когда он вынул оружие из сумки, оно оказалось винтовкой со складным прикладом. Он разложил её и, установив приклад на место, уставился на оружие в оцепенелом понимании.

— Это модифицированная «Карпаки-50», — пояснил Лекауф, совершенно неправильно поняв реакцию Бена на оружие. — Нельзя ведь оставлять следы от светового меча по всему Геджену, правда? Немного выдаёт. А теперь тебе нужно свести очень быстрое знакомство с баллистической снайперской винтовкой. Знаете... снаряды.

— Если вы постараитесь подвести меня поближе к Геджену, зачем мне снайперская винтовка?

— На случай, если не выйдет. Пошли, проведём несколько часов на внутреннем полигоне.

Бен задумался, не последний ли это шанс отказаться, но он знал, что не мог. Если в этом участвовал Шеву — а Шеву был абсолютно честным, он был человек, которого другие офицеры описывали как старомодного полицейского; тогда это должен быть правильный поступок.

Джирдан включил свой щебечущий комлинк. Судя по обрывкам беседы, которые услышал Бен, это был Завирк. Джирдан убрал комлинк в карман с широкой усмешкой на лице.

— Разведка посыпает с Омасом пару кураторов, — сказал он. — Только что подслушали их приготовления. Старт в пять ноль-ноль, вылет с частной посадочной площадки и пересадка на разведывательный катер без опознавательных знаков на орбите Корусанта. Трусливо, а? Но помогает, когда знаешь кодовые имена различных очень важных лиц. — Он проверил хроно. — Если я когда-нибудь снова окажусь в разведке, напомните мне улучшить их. Надо идти.

Шеву поднял бровь.

— Он любит свою работу.

— По-вашему, это нормально? — спросил Бен.

— Что нормально?

— Геджен.

— Я не шпион, — сказал Шеву. — Никогда им не был. Но если Геджен убьёт Омаса, он дестабилизирует весь ГА. Так что, по-моему, всё нормально.

— Думаете, что он стал бы?

— Я хотел бы доказательств, что *нет*. Лично я думаю, что мы должны раскрыться и помешать Омасу лететь, но это лишь поставит под угрозу всю нашу операцию. Поэтому мы летим вместе с тобой, чтобы удостовериться, что Омас вернётся домой целым.

Шеву никогда не комментировал, считает ли он Омаса предателем ГА или провидцем, берущим на себя огромный риск ради мира. Он не ввязывался в политику и не высказывал мнений. Он лишь придерживался закона, как мог. А в ГГА это было нелегко.

— Чего ты ждёшь? — спросил Шеву.

— Мне просто интересно, считаете ли вы, что я вправе это сделать.

— Это не мое дело. — Шеву занялся голокартами Вульптера, открывая трёхмерное изображения космопортов и общественных зданий. — У тебя свои приказы.

Лекауф слегка подтолкнул Бена локтем в спину.

— Идём, к завтрашнему утру я должен сделать из тебя сносного снайпера.

На внутреннем полигоне стоял тот озоновый запах разряженных бластеров с душком горелого пластида. Глаза Бена закололо от чего-то в воздухе. Это был дорогой центр, который, как сказал Лекауф, собран из оборудования, изначально предназначавшегося для разведки: голографические симуляторы, профессиональные цели и даже что-то, что он назвал «мёртвое мясо».

— Вряд ли от меня будет много пользы с винтовкой, — сказал Бен.

— Ой, да ладно. — Лекауф не дал себя убедить. — Ты же джедай. Ты не такой, как мы. У тебя есть эта зрительно-пространственная способность, которой нет у нас: дедушка, бывало, рассказывал папе удивительные вещи о лорде Вейдере. Действительно сверхъестественная точность в трёх измерениях, управлял ли он кораблём или использовал оружие. Я, признаться, думал, что папа привирает, пока не увидел, как эти штуки делает настоящий джедай.

— Почему не бластер?

— Причин много. Нам нужна гарантированная смерть. Нам нужно то, что не осветит всё вокруг, как фейерверк. И нам нужно то, что можно заглушить. Хочешь — верь, хочешь — нет, но эта штука довольно незаметна.

Бен поднял «Карпаки» к плечу, несколько раз прицелился и занял позицию для стрельбы. Он был вполне доволен, что зашёл так далеко, не выставив себя дураком.

— Похоже, вы считаете Вейдера хорошим.

— Мой дедушка был о нём высокого мнения. Однажды он ужасно обгорел во время операции и должен был быть отправлен в отставку из Имперской армии, так вот лорд Вейдер удостоверился, что он обеспечен на всю оставшуюся жизнь. Что бы некоторые ни говорили о Вейдере, монстры не заботятся о подчинённых.

— Приятно это слышать, — сказал Бен. Ему нравилась сама мысль о том, что у его деда бывали добрые черты и что некоторые всё ещё думали о нём хорошо. Не все сочувствовали Восстанию. Бен воображал Вейдера, делающего трудные вещи, с которыми сейчас сталкивается Джейсен.

«И с которыми сталкиваюсь я».

В поле зрения Бена в конце полигона быстро появился тёмный человек и исчез. Бен инстинктивно решил, что этот реальный человек, нарушающий правила техники безопасности, поэтому опустил оружие и выкрикнул предупреждение. Лекауф рассмеялся.

— Бен, это твоя цель.

— Это же не голограмма. Он *настоящий*.

— Мм, да... — Лекофф положил руку на пульт управления, и «человек» вернулся в поле зрения и сел на стул в зоне прицеливания. — Это гелевая форма. Регулируемый дроид, сделанный из геля и пластоида, чтобы имитировать плоть и кости. Так ты... ну, так ты привыкаешь к цели, перемещающейся, как живой человек. Он отрегулирован на походку и сложение Геджена, согласно снимкам голоновостей, поэтому ты привыкнешь к тому, как он будет выглядеть и как он, вероятно, упадёт.

Бен застыл. Это была просто кукла, просто умная составляющая учебной технологии. Он проверил в Силе — да, это была лишь машина — но ему всё ещё было не по себе.

— Он довольно противный.

— Знаешь, сколько *стоят* такие штуки?

— Что будет, когда я выстрелю в... это?

— Он встанет и восстановится.

— Ладно. — Бену было неловко наблюдать за фигурой, обходящей небольшой отсек в конце полигона. Сквозь оптику винтовки это была довольно невыразительная прозрачная гелевая фигура с тёмным каркасом искусственных костей внутри. — Вы уверены, что он ничего не чувствует?

— Он только движется, Бен. Он не думает. Это даже не настоящий дроид — скорее, марионетка. — Лекауф посмотрел на хроно на стене. — У вас меньше девятнадцати часов, чтобы набрать нужный опыт.

— Тогда никакого давления...

— В любое время, огонь по готовности.

Бен вспомнил своё недавнее обучение.

— Почему не в центр тяжести?

— Это армейский способ: убив или ранив, вы всё равно обезвредили цель. Полицейские снайперы должны беспокоиться о заложниках и имуществе, поэтому они обучаются выводить из

строя немедленно — выстрелом в голову. Убийство не должно быть мгновенным, достаточно просто убить. Но лучше всего всё-таки стрелять в голову. — Лекауф согнул большие и указательные пальцы на расстоянии в пять сантиметров и сделал жест, как будто завязывал глаза. — Вот зона, в которую ты целишься. Пятисантиметровая полоса вокруг головы на уровне глаз. Выстрелишь туда — и убийство готово. Но с разрывными пулями, которые ты будешь использовать, достаточно попасть в голову или в шею, и результат будет одним.

— Что, если я смогу попасть только в центр тяжести?

— Поверь, после того, как выстрел поразит его, сердечно-лёгочная реанимация ему уже не поможет. — Бен знал, что, когда Лекауф начинает сыпать терминологией, он наслаждается своим предметом. — И всё же оптимально попадание в голову.

— Но есть же скорость ветра и всё такое.

— У этой «Карпаки» интеллектуальная сенсорная оптика. Улавливает сопротивление воздуха и учитывает его. Они немного улучшились за последние годы.

— Если она такая хитроумная, тогда зачем мне тренироваться?

— Чтобы привыкнуть к стрельбе в кого-то, кто не пытается убить тебя. Кто даже не знает, что ты здесь. Это не путь джедая, не так ли?

Это только кукла. Но она двигалась, как Геджен.

Бен прицелился.

Это же совсем как со световым мечом. Позволить Силе вести руку, глаз...

Он нажал на спуск, когда гелевая форма села на стул, и выстрел поразил её в правый висок. В воздухе брызнули гель и детали, и кукла резко упала вперёд.

Лекауф, сложив руки, рассматривал неподвижную фигуру знатока. Бен был озадачен тем, как неуютно ему от этого стало, особенно когда гелевая форма внезапно села прямо, затем встала. Он был уверен, что не сможет выстрелить в неё ещё раз.

— И ещё раз, — сказал Лекауф.

Бен провёл следующий час, привыкая к предупреждению движения, выжидая, когда гелевая форма остановится на достаточно долгое время, чтобы выстрелить. Это было труднее, чем он думал: кукла не оставляла следа в Силе, что ограничивало чувства Бена. И она всё продолжала вставать и ходить — грустный гелевый призрак человека, которого он собирался убить.

В ней не было эмоций. Это усложняло всё. Но Бену удавались хорошие одиночные выстрелы. Он пытался считать это техническим упражнением, как тренировку со световым мечом, — действие, полностью отдельное от неприятного дела по снятию голов, и представлял гелевую форму с короткими тёмными волосами Дюра Геджена.

— Бен, — спокойно сказал Лекауф, — я буду там, и Шеву тоже. У тебя будет подкрепление, если что-то пойдёт не так. Если ты не сможешь подобраться к нему или не получится чистый выстрел, мы проследим, чтобы он упал и остался лежать. Не парься.

— Но это выдаст вас двоих.

— Как я сказал, это на случай, если что-то пойдёт не по плану. Имеет смысл планировать на случай непредвиденных обстоятельств, если у нас не будет другого шанса — потому что это легче, чем достать его на Кореллии.

Бен поразмыслил.

— Мы даже не знаем место действия. Может, мне придётся действовать посреди поля или в переполненном ресторане.

— Ты устроил диверсию на «Балансире». Это будет намного легче.

— Тогда, на «Балансире», я всё ещё считал это забавой.

— Давай, ты справишься.

Что-то в вере и восхищении Лекауфа оживило Бена. Он сконцентрировался на кукле и попытался считать себя не стреляющим в беспомощный автомат или даже коррумпированного политика, но решающим проблему. Через пару часов он поражал пятисантиметровую зону в 95 процентах случаев.

— Теперь лучше прервись, — посоветовал Лекауф.

Бен проверил, свободны ли соседние полосы, и пошёл по полигону, чтобы посмотреть на гелевую форму. Чем больше раз он попадал в неё, тем медленнее становилось самовосстановление. Её внутреннее электропитание нуждалось в перезарядке. Фигура изо всех сил пыталась встать, и Бен обнаружил, что всё больше и больше тревожится, наблюдая за жалкой безымянной фигурой, которая дергалась, чтобы перевернуться на грудь и встать на четвереньки. Он заставил себя отвести взгляд.

Это было тем хуже, что не было никаких реальных последствий травмы, которые он видел слишком часто.

— Обед, — позвал Лекауф, на сей раз более настойчиво.

Бен не был уверен, что голоден.

МАНДАЛОР, 10 КИЛОМЕТРОВ ОТ КЕЛДАБЕ, ФЕРМА БЕВИЙНА И ВАСУРА

Горан Бевийн поднял голову от траншеи, с вилами в руке и грязной усмешкой на лице. Начинался дождь, и он был по лодыжки в экскрементах животных, но это, казалось, делало его совершенно счастливым.

— А ещё говорили, что быть исполняющим обязанности мандалора вскружит мне голову, — сказал он, вытирая нос рукавом. — Тогда, выходит, ты быстро вернулся домой.

Фетт держался на расстоянии.

— Нашёл то, что искал. А вы не ожидали моего возвращения.

— Я ожидал. Некоторые из вождей кланов — нет. У тебя есть привычка пропадать на несколько лет. — Бевийн выбрался из траншеи и вытер ладони о заднюю часть штанов. Он выглядел очень, очень довольным собой. — Если бы тебя не было ещё некоторое время, я бы позвонил тебе, но раз ты вернулся... Хочешь увидеть кое-что удивительное?

Фетт задумался, не пора ли сейчас рассказать Бевийну правду о своей болезни. Рано или поздно ему придётся узнать. Он мог формально объявить себя мандалором, пока Фетта не было, и, вероятно, нашёл бы большую поддержку среди кланов, но он этого не сделал; он продолжал выгребать навоз и управлять своей фермой. Он был доволен своей теперешней жизнью. Галактика работала бы лучше с ещё несколькими Бевийнами.

— Ладно, — сказал Фетт. — Порази меня.

Бевийн махнул ему и потащился по грязи к фермерским постройкам. Мелкая морось перешла в дождь, и земля выглядела голой — не в смысле послевоенного опустошения, разорившего большую часть планеты, а как если бы она заснула перед предстоявшей зимой. Несмотря на происхождение фамилии Фетта — от слова, означавшего «фермер» — и детство его отца на родительской ферме на Конкорд-Доуне, Фетт ничего не знал о сельском хозяйстве. Порой ему хотелось бы научиться, чтобы лучше понимать, кем когда-то был его отец.

— Мирта хорошо себя ведёт? — Бевийн не оглядывался через плечо. — Ну, по крайней мере, она не попыталась снова убить тебя. Это хороший знак. Дети могут быть просто наказанием.

Фетт чувствовал, как грязь всасывает его сапоги.

— Она — полезная пара кулаков в бою.

— Она подарит тебе потрясающие свирепых правнуков, Боб'ика. — Бевийн остановился на несколько секунд. Фетт попытался уловить слово «правнуки», и оно озадачило его. — Значит, что бы ты ни собирался сделать, это закончилось дракой, так?

— Просто пришлось *настойчиво* задать вопросы.

— Расскажешь мне об этом?

Это время казалось таким же удачным, как и любое другое, и Фетт не видел смысла приукрашивать его.

— Я неизлечимо болен. Два года, максимум. Восемь-девять месяцев, если буду продолжать в том же духе.

Бевийн всё ещё не оборачивался. Он прошёл ещё несколько метров, опустив голову от дождя, и затем замер и, наконец, повернулся к Фетту. Он выглядел действительно расстроенным. Фетт не помнил, чтобы раньше кто-то расстраивался из-за него, кроме отца. Отсутствие заботы работало в обоих направлениях.

Может быть, Синтас сочувствовала ему. Он не заметил.

— Ты же не собираешься расслабляться и пускать всё на самотёк, правда, Боб'ика? Наверняка мы можем *что-то* сделать.

Использование слишком фамильярной формы его имени теперь совершенно не беспокоило Фетта.

— Я нашёл клона, который выжил.

— Значит, они *действительно* получили от Ко Сай немного больше, чем месть и несколько сувениров.

— Данных по исследованиям нет. Только клон, Джайнг Скирата. Он не даст мне образец крови, но он говорит, что у него есть хорошие медицинские ресурсы. — Тем не менее, теперь, когда Фетт вернулся на Мандалор, а Джайнг был во многих световых годах от него, вся предпосылка казалась ему неосновательной. Человек даже не взял у него еду, что, по крайней мере, оставило бы полезные следы его генетического материала на посуде. У Фетта не было ничего, кроме истекающего времени и подозрения, что его суждения терпели неудачу точно так же, как его здоровье. — Я объясню позже.

— Почему ты *не говорил* мне? Я мог бы отследить для тебя нескольких клонов. Достаточно многие из них дезертировали и закончили жизнь здесь.

— Из тех, кому остановили ускоренное старение?

— Я не знаю, но я мог бы от этого оттолкнуться. Шаб, Боб'ика, разве ты не мог как-то выжить из него хоть маленький образец?

— Что сделано, то сделано. И никогда не было гарантии, что Тон Ви или Белуин смогут что-то с этим сотворить.

Секунду Бевийн казался разочарованным, как будто Фетт подвел своих, просто не взяв то, что ему было нужно. Но Джайнг был прав. Фетту было необходимо, чтобы Тон Ви расшифровала что бы там ни было в клетках того клона, что остановило вырождение, а Тон Ви передала бы то исследование своим новым боссам в «Арканиан Микро». Это было невыгодной сделкой для клона и невыгодной сделкой для Фетта, потому что если кто-то и собирался делать кредиты на тех данных, так это он, а Мандалору они нужны...

«Так, вот забавно. Теперь я думаю о долгосрочной перспективе».

Бевийн отвернулся и снова пошёл молча. Конечно, от новостей Фетта он сразу помрачнел, что бы ни делало его таким счастливым буквально только что.

Ферма была хаотичной группой зданий, рассеянных вокруг каменного дома с внушительными валами и защитными стенами. Другие сооружения — включая надворную постройку, где остановился Фетт — не были так хорошо защищены, в отличие от вариации на тему традиционного круглого вех'айма, устроенной в глубоких ямах и так густо покрытой соломой, что была хорошо замаскирована. Но в случае нападения сельский дом был последним оплотом.

Позади здания, соединенная с ним подземным туннелем, располагалась мастерская с кузницей. Фетт слышал разносившийся по всему участку ритмичный стук металла. Дым над крышей не вился. Его выпускали на приличном расстоянии, чтобы скрыть местоположение, и Фетт был уверен, что далеко в холмы на запад от фермы тянется сеть туннелей. Это был один из способов, которыми мандалорцы сражались с юужань-вонгами — и побеждали.

Бевийн спустился по ступеням, высеченным в плотно утоптанной земле и ведшим вниз ко входной двери. Она открылась, и появилась Динуа, его приемная дочь, держа руки на бёдрах.

— Ботинки, — угрожающе бросила она, указывая на комья навоза и грязи. За её ноги цеплялись два малыша. — Ты тоже, манд'алор. И заодно сними рабочий комбинезон, буир.

— Ладно, ладно. — Бевийна — шпиона, механика, старого коммандос — осадила решительная женщина. Но Динуа сражалась и убивала юужань-вонгов с четырнадцати лет, поэтому не стоило опрометчиво устраивать беспорядок на её чистом полу. — Мы пойдём длинным путем в обход.

Они пошли по периметру дома, следуя за звоном металла.

— Она — хорошая девочка, — сказал Бевийн. — Только немного раздражительная теперь, когда Джинтар сражается далеко. Она не из тех, кто остаётся дома. Но дети ещё слишком малы, чтобы остаться без обоих родителей.

Значит, некоторые уже взялись за наёмную работу. Фетт не считал, что на ферме Бевийна дела шли плохо, но, возможно, Джинтар был слишком горд, чтобы принять поддержку тестя.

— Но ты и Медрит хорошо справляешься с детьми.

— Да, но так один родитель остается в живых...

Такова была суровая реальность, с которой Фетт вырос. Она воспитывала сильных людей.

Когда дверь в мастерскую распахнулась, датчики Фетта зарегистрировали взрыв тёплого воздуха. Внутренняя обстановка купалась в красном свечении; дугообразными фонтанами разлетались искры. Как Бевийн выдерживал шум, Фетт не знал. Средства управления шлема сочли громкость выше опасного уровня и приглушили звук.

Огромный человек в майке, прожжённом кожаном переднике и защитных наушниках ковал полосу раскалённого металла. Каждый раз, когда он поднимал руку, с него летел пот и с шипением испарялся на горячих поверхностях. При этом он сворачивал полосу щипцами, укладывая металл слоями с устойчивым ритмом, что говорило о том, что он — оружейный мастер. Через некоторое время он понял, что Фетт и Бевийн наблюдают; он сделал нетерпеливый жест пальцем, показывая, что собирается закончить работу, прежде чем прервётся на разговор.

Это было на самом деле захватывающим. Судя по длине и появляющейся форме металлической полосы, оружейник делал бескад, традиционную саблю древних мандалорцев. У Бевийна была такая — старинный клинок, изготовленный из мандалорского уникального железа — бескара. Фетт видел, как однажды он настолько сильно ударил оружием юужань-вонгского офицера, что ему пришлось встать на труп, чтобы вытащить клинок.

— Вот. — Медрит Васур охладил грубую заготовку сабли в баке с шипящей жидкостью и повернул её туда-сюда, чтобы проверить ровность. Он снял наушники, и его лицо расплылось в блаженной улыбке удовлетворения, когда он предплечьем вытер с брови пот. — Это будет нечто прекрасное.

— Мед'ика, я ещё не сказал ему, — сказал Бевийн.

— Я что, проболтаюсь?

— Ты — metallurg...

— Манд'алор, — натянуто сказал Медрит, — ты смотришь на пробное изделие из новой жилы бескара.

Фетту потребовалась одна долгая секунда, чтобы ухватить важность того, что сказал Медрит.

— Но Империя ограбила шахты Мандалора. Они забрали всё железо.

— Они кое-что пропустили. Много «кое-чего».

— Как? И насколько много?

— Это большая планета с крошечным населением, и даже имперцы не исследовали её всю. Они обчистили мелкие жилы. Это же более глубокая залежь, и мы ни за что не нашли бы её, если бы вонгезе не оставили кратеры, в которых поместились бы маленькая луна. — Медрит взял тряпку и вытер лицо. Фетт не чувствовал полного воздействия температуры мастерской, но Бевийн явно начал потеть: у него на лбу осталось грязное пятно, когда он вытер его. — В сотне кликов к северу от Энцери команда всё ещё проводит изыскания, но это похоже на большую, очень большую жилу, которая оказалась на виду.

Энцери был отдалённым даже по стандартам Мандалора; неудивительно, что потребовались годы, чтобы наткнуться на жилу. Юужань-вонги использовали свою странную артиллерию без разбора, выбивая по всей планете огромные кратеры, потому что хотели уничтожить Мандалор, а не завоевать его.

Фетт насладился редким моментом удовольствия, представив, как выглядели бы их мерзкие высокомерные изуродованные рожи, узнай они, что помогли Мандалору найти новый источник металла, который когда-то сделал его могущественным.

Бескар был самым твёрдым металлом, известным науке. Его не брали даже световые мечи. Было время, когда каждая армия в галактике мечтала о его поставках.

Он всё ещё оставался самым ценным металлом на рынке, а вокруг них бушевала война.

— Я чувствую, что настает новая экономическая эра, — сказал Фетт.

Бевийн мигнул.

— Ойа мэндо.

— И он находится на ничьей земле. — Фетт осознал, что так и не понял, что на самом деле означает мандалорское правительство, потому что это было настолько туманно. — Это — ресурс для всего Мандалора.

— Если ты так говоришь, значит, так и есть. Это прерогатива мандалора.

— Да, я так говорю. Пора собрать вождей и провести небольшое перспективное планирование.

— Шаб, — бросил Медрит, не будучи в восторге от власти манд'алора реквизировать ресурсы. — Говоришь, как настоящий глава государства.

Обычно Фетт счёл бы семейный обед и долгое объяснение тонкостей металлургии хуже времени в утробе сарлакка. Было достаточно трудно привыкать к наличию внучки, даже не будучи осаждённым шумной, грязной, несдержанной семьёй Бевийна. Но тем вечером он это вытерпел.

— Дело не только в руде, — говорил Медрит, чертя ножкой нуны в воздухе воображаемый график. — Дело в *обработке*. Часть силы металла в том, что добавлено во время плавления и как это работает. То, что вы видели, было только испытательной партией.

— У нас есть средства на дальнейшую разработку? — Фетт не привык есть в присутствии кого-то. Сын и дочь Динуи, Шолк и Бриила — семи и пяти лет, предположил он, — равнодушно смотрели на него через стол. Взгляд маленьких детей нервировал. — Разве мы не можем воспользоваться нашей неожиданной удачей?

— В мелком масштабе — можем, — ответил Бевийн. — Я сделал несколько грубых вычислений. Если залежи дадут столько сырья, сколько мы думаем, нам понадобится помочь от добычи до переработки. «Мандал-Моторс» могут переработать часть, если они готовы переместить ресурсы с боевого производства. Но остальное... нам понадобятся дроиды.

— Но что вы собираетесь с этим делать? — спросила Динуа.

— Что?

— Продать за иностранную валюту или использовать, чтобы вооружиться?

Динуа, осиротевшая на поле боя, как и Фетт, была свирепо умной женщиной. Бевийн удочерил её, когда погибла её мать, но Фетт нашёл, что способность принять незнакомцев в семью — эта центральная часть мандалорской культуры — была превыше его. Даже Медрит — нетерпеливый, критичный, вспыльчивый — безропотно принял неожиданное прибавление в их доме. Принятие в семью было тем, что делали мандалорцы, причём всегда.

«Если он может это сделать, почему не могу я? С моей же собственной плотью и кровью».

— Мы сделаем *и то, и другое*, — сказал Фетт, стараясь не отвлекаться. — Некоторые промышленные товары для экспорта, некоторые — для нашего собственного перевооружения.

— Ты получишь большую поддержку, — сказал Бевийн. — Это по вкусу обоим лагерям.

«Что еще я могу сделать за то время, которое у меня в запасе, кроме как оставить Мандалор в приличной форме?»

— Если мы добудем железо, кто-то захочет взять его.

— Думаешь, кто-то окажется достаточно глуп, чтобы попытаться вторгнуться, как Империя? — усомнился Бевийн. — После того, как мы вот так напинали вонгам под шебс?

— Ба'буир ругается, — серьёзно заявил Шолк. — Мне тоже можно говорить «шебс»?

— Нет, нельзя. — Динуа щёлкнула зубами от досады. — Буир, пожалуйста, не перед детьми. Манд'алор, как ты собираешься объявлять о находке? Кроме старомодного пути мэндо, появившись на границе с армией вторжения?

— Мы должны объявить об этом?

— Если мы хотим инопланетный доход.

— У нас нет министра финансов, но можешь заняться.

— Я серьезно.

— Закажи несколько истребителей и посмотри, кто заметит, — сказал Фетт. — Возможно, этот Кэд'ика прав — что нам ни к чему принимать ту или другую сторону. Есть третья сторона, как... Горан говорит. — Обращаться к нему по имени в его собственном доме было всего лишь вежливостью. Фетт имел настолько ничтожный опыт невраждебного взаимодействия с другими, что элементарный этикет был для него как минное поле. — Наша собственная.

— Я мог бы удостовериться, что аруэтиизе заметят, — сказал Бевийн. — Но, быть может, сюрприз лучше.

— Какой сюрприз?

— Который заставляет тебя задирать голову и бежать в бомбоубежище, — ответил Бевийн. — С эмблемой «Мандал-Моторс» на фюзеляже.

— У нас нет территориальных амбиций за пределами сектора. У нас тут, по меньшей мере, дюжина планет, о которых стоит беспокоиться.

— Я знаю. Но если сложить планету с послевоенным восстановлением, продолжающейся гражданской войной, и недавнюю находку бескара, и у нас могли бы появиться посетители. Если не вооружённые, то, по крайней мере, пытающиеся заключить сделку.

— Без разницы. Я не лишусь сна, гадая, что...

Бевийн заполнил промежуток:

— Аруэтиизе.

— ... аруэтиизе подумают о нас. Утром я поговорю с Йомагетом. Посмотрим, что сможет выделить «Мандал-Моторс».

Медрит задумчиво жевал, глядя на Фетта.

— Ты мог бы заодно обзавестись приличным набором бескар'гам, чтобы заменить этот дюрастальную осик, который ты носишь. Он прослужит несколько сроков.

— Лишь бы хватило на год.

Медрит уставился на Фетта, не получил ответа и повернулся к Бевийну. Тот покачал головой: позже. Динуа тоже поняла намёк. Дети переводили взгляды с лица на лицо в поисках объяснения того, что заставило взрослых замолчать. Фетту уже было неважно, знает ли кто-то, что он умирает. Большинство всё равно бы не поверило. Было трудно представить смертность того, чьего лица ты не видишь.

— Нуны еще много, — внезапно сказал Бевийн, пододвигая блюдо лоснящегося, покрытого коркой специй мяса. — Домашние.

В любом случае, это уже не будет спокойным семейным обедом. Фетт просто был уверен в этом. Еда была более пряной, чем он привык, и порции были слишком большими, но он опустошил свою тарелку, потому что это были щедрые люди, которые дали ему здесь убежище и отказались от платы, даже при том, что он мог бы дважды купить всю планету. Именно так поступали друг с другом мэндо'аде, когда кто-то был в беде. То, что он — манд'алор, было неважно.

Он почти слышал, как Медрит позже будет говорить Бевийну, какой Фетт угрюмый шабуир, и поинтересуется, действительно ли Бевийн должен так часто приглашать его сюда.

— Вы не говорили мне, как были найдены залежи, — сказал Фетт. Это был его лучший вариант для светской беседы, учитывая, что они, похоже, не хотели говорить о его смерти. — Через десять лет? В глухом лесу?

— С орбиты. — Медрит остановился, разрезая на шесть кусков груду блестящего орехового пирога, и облизал пальцы. Его руки были в шрамах от ожогов. Фетт задумался, не найдёт ли он в пироге металлические стружки. — Некоторые мэндо'аде вернулись домой после нескольких поколений во Внешнем Кольце. Инженер-минералог и геолог провели несколько сканирований, сравнили их со старыми геологическими картами и решили взглянуть поближе. В результате — вайии!

— Как вовремя, — заметил Фетт.

— Многие умелые люди возвращаются домой, Боб'ика, — сказал Бевийн. — Ты сказал, что хочешь, чтобы мэндо'аде вернулись, и некоторые вернулись.

— Впечатляет. — Фетт был удивлён готовностью людей бросить всё, что они когда-либо знали, просто из-за его предложения. — Будем надеяться, что они столь же удачливы.

— Скорее изобретательны, чем удачливы.

Фетт думал о последнем, что сказал ему Фенн Шиса. «Если ты заботишься только о своей шкуре, ты не мужчина». Нет, Джайнг понятия не имел, что произошло между ними в те последние минуты. Люди вообще верили в то, во что хотели верить.

— Мне даже интересно, что ещё лежит неоткрытым на этой планете, — сказал Фетт.

Той ночью, слишком долго лежа без сна на шаткой кровати в надворной постройке, Фетт размышлял над фактом, что Мирта не выходила на связь с самого их возвращения, и задавался вопросом, что сделал бы его отец, если бы был теперь мандалором.

Усталость была лучшим снотворным, которое он знал. Прежде, чем он позволил ей охватить себя, его последняя мысль была о том, что бескар изменил всё, кроме его собственной смертности.

Глава 8

Как только Омас отзовёт свои войска, мы уговорим ботанов вести себя хорошо. Дайте ему месяц или два, пусть все успокоятся и привыкнут к перемирию, а мы воспользуемся этим заташьем, чтобы перегруппироваться вместе с Комменором, Фондором и Ботавуи, и нанесём по Корусанту такой удар, который он никогда не забудет.

— Премьер-министр Кореллии Дюр Геджен, обсуждая долгосрочные планы со штабом обороны Конфедерации

КОРУСАНТ, РАЗДЕВАЛКИ ШТАБ-КВАРТИРЫ ГГА: 2100 ЧАСОВ

Шеву бросил долгий взгляд на Бена и вручил ему небольшую бутылку, полную тёмно-коричневой жидкости.

— Ты выглядишь до смерти уставшим, — сказал Шеву. — Но прежде чем ты ляжешь спать, нужно кое-что уладить.

Бен, плюхнувшись на скамью и привалившись спиной к дверце своего шкафчика, был готов упасть. Он должен был встать в 0300, чтобы подготовиться к полёту на Вульптер, и он всё ещё не знал своего окончательного назначения и местоположения для выстрела. В этом не было ничего необычного. Хорошо, что он привык импровизировать.

— Я выбиваю девяносто семь процентов, сэр.

Судя по голосу Шеву, он подавил смех. От него исходило чувство жалости.

— Трудно придумать, что сказать.

— Я готов. Правда.

— Я имел в виду, удивительно, что мы можем за день довольно прилично обучить снайпера. Если он джедай, конечно. — Шеву сунул в руку Бена бутылку. Где-то в раздевалке медленно и равномерно капала вода, слабо пахло травяным мылом. — Вы с Лекауфом отправляетесь заранее, а я буду следить за полётом Омаса. Мы прибудем на Вульптер в космопорт города Чарби, потому что он встречается с Гедженом в одном из конференц-залов, которые снимают для деловых встреч по часам. Лично я считаю, что разведка ГА безумна, раз позволяет ему это. Ни стерильной зоны, ни проверки, ни охраны, за исключением двух парней, которые находятся рядом с ним. Но всё это анонимно, предварительное бронирование не прослеживается, Чарби — трущоба, и мы сможем разгуляться.

— Неужели его никто не узнает?

Шеву указал на бутылку с коричневой жидкостью.

— Вряд ли это помогло бы ему пройти через космопорт незамеченным. Сколько проверок проходит деловой пассажир, приземляясь на частном транспорте? Во-первых, в таможне и иммиграционной службе. И, во имя звёзд, это же Вульптер — тамошняя охрана вряд ли представляет из себя дюрастальное кольцо. *Он* мог бы даже воспользоваться комнатой рядом со службой контроля, и его вообще никто бы не увидел. По сути, всё это происходит со стороны взлетно-посадочной полосы.

Бен обдумывал это, мысленно представляя себе космопорт, добавляя к голограмическому изображению из красных и синих линий пермакрит и пассажиров. Он привыкал к подобным мыслям и отчасти наслаждался решением головоломки, тогда как другая половина задавалась вопросом, что с ним происходит.

— В некотором смысле, для нас лучше, если он встретится с Гедженом в конференц-зале на общественной стороне таможни, — сказал Бен. — Там больше толпа, в которой мы могли бы незаметно исчезнуть.

— Согласен. В конце концов, мы воспользуемся шансом.

Бен подержал бутылку на свету.

— Так что это?

— Краска для волос. Большинство рас слишком хорошо запоминают рыжеволосых людей. Ты — всё ещё генетическое меньшинство. И Омас знает тебя достаточно хорошо, чтобы посмотреть дважды, если заметит.

— Скажите, что мне не нужно делать грим, чтобы скрыть веснушки... — Мысли Бена были на пару часов впереди, он думал, что мог бы немного поспать во время полета. Он мог изучить расположение космопорта на своем планшете. Всё будет хорошо, сказал он себе. — Значит, второй корабль на тот случай, если он отвлечётся?

— Отчасти. И отчасти поэтому у нас есть кое-что компрометирующее, что мы оставим на Вульптере. Прочти инструкцию, покрась волосы и доложись на взлетно-посадочной полосе в двадцать два тридцать. Встретимся там.

Шеву собрался уходить. Бен вскочил на ноги.

— Сэр, что именно компрометирующее?

Капитан всегда казался Бену старым, но он был моложе Джейсена; может, лет двадцать восемь. Он смотрел на Бена с той смесью печали и терпения, которое Бен слишком часто видел на лице отца.

— Думаю, кто угодно поверит, что Геджена нейтрализовали кореллианцы, учитывая подходящий корабль, оставленный в порту. У тебя теперь... кореллианская регистрация, кореллианский след для криминалистов... ты можешь изобразить кореллианский акцент, правда? Если дойдет до драки и тебе придётся заговорить, как раз пригодится. Многие кореллианцы должны быть недовольны им, учитывая их политику.

Бен подумал об акценте дяди Хана, вернее, о том, что от него осталось. Сейчас его выговор звучал больше как корусантский.

— Да, могу. Но откуда нам знать, что мы ненаткнёмся на *настоящих* кореллианцев, пытающихся помешать Геджену заключить сделку с врагом?

— Это, — сказал Шеву, — было бы невероятно весело по всем неправильным причинам. Учитывая то, что его сделка в любом случае состоится.

«Я собираюсь убить человека, а через двадцать четыре часа я вернусь, как будто ничего не случилось».

— Есть причины, почему я не могу взять vibroknife? — Бен выудил его из кармана и протянул Шеву. — Мне его дала мама и... ну, вы понимаете.

— Ты можешь брать всё, что будет тебе полезно, если только это не оставляет доказательств, связывающих нападение с нами. — Шеву осмотрел клинок. — Да, я понимаю. — Он слегка отвернулся воротник рубашки и показал золотую цепочку. — Конечно, никаких удостоверений личности, но это подарила мне моя девушка, и я никогда не выходжу без неё в патруль.

Это помогло понять, что все нервничали перед операцией и нуждались в небольшом напоминании о своих любимых. Шеву был на полпути к дверям, потом обернулся и, казалось, собирался что-то сказать.

— Я понимаю, что твоему отцу может быть трудно принять то, что ты делаешь, Бен, но я горжусь тобой, — сказал он. — Однако будь у меня сын, я бы не позволил ему делать что-то подобное, пока он не вырастет. Не то, чтобы у нас не было достаточно обученных мужчин. Но... что ж, я уверен, что у полковника Соло есть свои причины.

Бен некоторое время сидел, обдумывая это заявление, и понял, что Шеву сказал «отцу», а не «родителям». Возможно, он считал, что его мать поймёт такую работу. Бен чувствовал, что держится за отношения с семьей кончиками пальцев, но ссор больше не было, и он не чувствовал себя таким сердитым из-за необходимости идти на компромисс. Может быть, именно в этом и заключается смысл взросления — в растущем отдалении от родителей, в осознании того, что завтрашний день наступит всегда и что ему не нужно получать то, что он хочет, прямо сейчас, и в понимании того, через что они прошли, когда были моложе.

«Я бы не позволил ему делать что-то подобное, пока он не вырастет».

Но его отец *сделал* что-то подобное, более или менее. Он был лишь немногим старше, вот и всё. Это не отличалось от взрыва Звезды Смерти, а ведь когда Люк Скайуокер взорвал её, погибло много простых людей, всего лишь выполнивших свою работу. Бен же уберёт одногодственного человека — и никаких случайных свидетелей. Он напомнит папе об этом, если это когда-нибудь всплынет и ему придется защищать своё решение. Папа, вероятно, скажет, что его заставил Джейсен.

Стоя в освежителе со взбитой в пену краской на голове, Бен поймал своё взгляд в зеркале. Он чувствовал себя смешным. Пена была сиреневой, и он задумался, не пошло ли что-то совсем не так. Впрочем, когда он смыл её, волосы стали каштановыми, просто каштановыми, и он казался себе незнакомцем.

«Хорошо».

Он должен был быть кем-то другим по разным причинам.

Когда волосы высохли, он вынул штатскую одежду, которую оставил ему Лекауф — всё в кореллианском стиле, с кореллианскими этикетками. «Это на случай, если меня схватят». Мысль охлаждала Бена, но это была стандартная процедура. Никто не говорил с ним о том, что произойдёт, если его поймают, и каким может оказаться допрос, но он догадывался. Они, наверное, не знали, что посоветовать джедаю насчёт сопротивления допросу. Может, они считали, что он легко способен подтолкнуть ум здесь и мысль там, чтобы выйти из камеры.

Может быть, и способен.

Бен несколько раз оглядел себя в зеркало, пытаясь смотреть на себя со стороны, и остался удовлетворён тем, что совсем не походил на Бена Скайуокера и пугающе напоминал кореллианского мальчика немного старше него, только блондина — Барита Сайи.

Он не видел Сайи с тех пор, как его окружили с другими кореллианцами. После этого Бен прекратил спрашивать, что произошло, но всё ещё задумывался.

Он сел на карточки и поставил ботинки в шкафчик. Потом он сосчитал различные части комплекта. Ежедневная пара обуви, потёртая рабочая пара на удачу — но лучшей парадной пары не было.

Он даже представить себе не мог, куда она подевалась. Нет, вообще-то мог: Лекауф. Бен нашёл бы их полными чего-нибудь неприличного как раз перед экипировочной инспекцией. Или раскрашенными в ярко-розовый цвет.

— Джори, а вот придумаю-ка я что-нибудь особенное для тебя, — сказал он вслух и усмехнулся, желая отвлечься.

Хорошо было быть одним из парней. Бен сунул планшет в карман, задумался, где ему придётся оставить его для сохранности, и пошёл забрать из оружейной части «Карпаки» и несколько обойм боеприпасов.

Это была просто работа, и он должен был её выполнить.

КОРУСАНТ, КВАРТИРА СКАЙУОКЕРОВ

Люк проснулся с бешено колотившимся в панике сердцем и потянулся к закутанной фигуре в ногах кровати, зная, что он спит, но неспособный помешать себе отреагировать на привидение, которое развеялось, стоило ему полностью пробудиться.

Уже некоторое время он не видел снов об угрожающей фигуре в плаще. Теперь они вернулись. Было четыре часа утра, и Мара всё ещё не вернулась домой.

Обычно сон Силы исчезал и лишь оставлял его с тем болезненным ударом, как будто он увидел аварию спидеров. Но этот был другим: когда он свесил ноги с кровати, он ощущал кого-то, всё ещё находящегося в комнате, и он был уверен, что не спит. Он проверил хроно, чтобы удостовериться, что не увяз в кошмаре.

«0410 часов».

Значит, нет.

Люк потянулся к световому мечу, который он в последнее время хранил на тумбочке, и осторожно осмотрел все комнаты. Он не ощущал нигде плоти и крови, но кое-что обнаружил. Теперь присутствие было настолько близко, что он почти чувствовал дыхание на затылке.

А потом он ощутил... *веселье*.

Присутствие — теперь у двери в квартиру, он был уверен, — напоминало в его разуме облако вздымающегося дыма. Он почти видел его. Когда он почувствовал, что оно стало более твёрдым, более реальным, более присутствовавшим здесь, оно внезапно вспыхнуло, как будто его уничтожил бесшумный взрыв в шаре вздымающегося пламени.

Люмия.

Люмия.

Люк помчался к входным дверям, при этом старательно концентрируясь на использовании Силы, чтобы зажать две двери в коридоре снаружи, между квартирой и лифтами. Он заманил её в ловушку. Она солгала. Мара была права. Вся эта ерунда на спутнике-курорте, всё это «я не желаю тебе никакого вреда» было лишь манёвром, дразнившим его нерешительность...

Двери со вздохом открылись, и Люк прыгнул в коридор с занесённым световым мечом. Одни двери были чем-то заклинены, неоднократно пытаясь закрыться и издавая тихие механические стоны каждый раз, когда внутренние края врезались в преграду и отскакивали на несколько сантиметров. Не было никаких признаков Люмии.

Но она была здесь несколько секунд назад. Люк почти чувствовал её в воздухе. Как будто она слишком щедро распылила духи и оставила стелющееся позади себя облако, разве что это был аромат Тьмы, а не редких масел. Расстроенный и разъярённый, он зашагал по коридору, чтобы посмотреть, что же разделяло двери.

Это была пара чёрных ботинок, армейских ботинок с сегментированными дюрастальными пластинами вокруг лодыжек, из тех, какие носил Бен. Он раздвинул двери толчком Силы и сел на корточки, чтобы забрать ботинки.

Они принадлежали Бену. Мало того, что Люк узнал их, он и почувствовал Бена в них, когда поднял. Люк редко делал поспешные выводы. Но он был уверен, кто оставил их здесь и что означало сообщение: если я могу добраться до личных вещей твоего сына, я могу добраться и до него самого.

Мысль поразила Люка, словно сильный удар в лицо. «Может быть, она похитила Бена». Он нашупал сына в Силе и не ощущал опасности: Бен, казалось, оставлял в Силе след крепко и благополучно спящего. Впрочем, Люк не был готов спорить, как долго это могло продолжаться.

Он вернулся в квартиру, чтобы взять куртку, одновременно вызывая по комлинку Джейсена. Ему не было дела до того, который сейчас час. Джейсен немедленно ответил. Похоже, он тоже почти не спал.

— Где Бен? — спросил Люк.

— Спит, Люк. — У Джейсена был тот ровный, насмешливо-успокаивающий тон, который делал что угодно, только не успокаивал. «Снисходительный маленький придурок». — Проблема?

— Сегодня вечером к вам в штаб ГГА никто не врывался?

Джейсен негромко хохотнул.

— Это мы врываемся в дома, Люк.

— Кто-то оставил мне ботинки Бена, как визитную карточку.

— Я не понимаю. Он оставлял их?

— Он не держит у нас ничего из своей униформы. Кто-то взял их в вашем штабе, и какой бы юношеской выходкой это никазалось... — Люк едва успел остановиться, чтобы не упомянуть Люмии, потому что он пока понятия не имел, насколько глубоко её проникновение в ГГА и даже не знал ли об этом Джейсен. Но он был сердит и испуган за сына, а это всегда искажало его суждения. — Это Люмия. Она насмехается надо мной. Показывает мне, что может добраться до Бена в любое время, когда пожелает.

Джейсен молчал. Люк ждал.

— Я не могу объяснить тебе это, правда не могу, — наконец, сказал Джейсен.

— Ну, Люмия водит меня за нос, как она, вероятно, делала и на Гилаттере. — Глупо, глупо, глупо. Как меня вообще могли так одурачить? — И у неё есть кто-то в вашей организации, поэтому я предлагаю, чтобы ты быстро разобрался в этом.

— Мы уже проводили расследование и ничего не нашли. Проведём одно, если это тебя утешит. — Голос Джейсена звучал и оскорблённо, и раздражённо, но Люк больше не мог принимать это за чистую монету. — Но я могу тебя уверить, что Бен в безопасности: прямо сейчас рядом с ним довольно хорошая защита. Лейтенант Лекауф.

— Приятно видеть, что парень продвигается. Он поражает меня своей *верностью* тебе.

— Как его дед был верен Вайдеру, Люк. Такую преданность не купишь. Бен в хороших руках. Давай поговорим снова утром.

Люк отключил связь. Нет, утро ничего *не решит*, и не было никакого смысла говорить с Джейсеном, который был явно связан и привязан во всём, что касалось влияния Люмии. Она была прямо у него под носом. Слишком для того, кто узнал так много о тайных методиках Силы во время своего пятилетнего творческого отпуска.

Люк побежал трусцой к посадочной площадке и помчался на спидере, возможно, немного быстрее, чем было безопасно. Люмия оставила очень чёткий след, призывая Люка следовать за ней. Ну, он на это не поведётся. Это должна быть диверсия — или засада.

«Я никогда не боялся засады, Люмия. Я с радостью войду в засаду, зная, что там мои враги. Хорошая попытка. Не волнуйся, я иду».

Он сопротивлялся импульсу отбросить всё и последовать за ней. Она была всё ещё рядом или, по крайней мере, всё ещё на Корусанте; он чувствовал это. Но сначала нужно поговорить с Марой, а она была в Командовании корпуса звёздных истребителей. Он открыл комлинк.

«Как я мог позволить этому так долго продолжаться? Мне всё равно, буду ли я старейшим государственным деятелем. Всё закончится, и закончится сейчас».

— Мара, у нас проблема, — сказал он. — Люмия.

— Я с Джейной, милый. Хочешь, чтобы я...

— Она была у нашей квартиры. — Теперь Люк более тщательно подбирал слова. Если он упомянёт ботинки Бена, Мара просто взорвётся. Это была зловещая, безмолвная угроза. — Оставайся на месте. Я прибуду через несколько минут.

— Пока след остывает?

— Или диверсия.

— Или след, который она хочет, чтобы ты *принял* за диверсию.

Да, и у Мары, и Люмии был тот многослойный образ мышления, как учил их Палпатин.

— Я знаю, чего она хочет, — сказал он и оборвал связь.

Люк раз десять нарушил правила движения. Он выскочил из отрегулированных воздушных трасс — всегда переполненных на Корусанте — и получил нестройное гудение сигналов машин, чьи носы он почти подрезал. Когда он действовал автоматически, его ум соскользнул в глубокое размышление, пока он следил знакомым маршрутом к Командованию звёздных истребителей.

«Я знаю, в чём моя беда».

Он мысленно перенёсся на сорок лет назад, когда был готов помчаться на помощь совершенно незнакомому человеку на основе сообщения в перехваченной голограмме. Просьба о спасении даже не была адресована ему, но он всё равно отозвался, не подумав, не спросив, потому что ему казалось, что он должен это сделать.

«А теперь я действую благоразумно и трезво, потому что я — глава Совета джедаев, и мне уже не девятнадцать лет».

Но это не было в его природе. *Не в этом* он был лучшим. То, что у него были дары, которые Сила дала ему более великодушно, чем другим джедаям, не означало, что он был создан для... управления. Да, управления: именно так. Он думал о ноющем расстройстве, которое он всегда

чувствовал, когда посыпал других джедаев на задания, и как он думал, что это просто нежелание признать, что настало время молодым джедаям проявлять отчаянную храбрость, пока он ведёт мудрые заседания в Палате.

«Сидя на заднице».

То, что он делал лучше всего, было решение, что правильно, а что нет, и если он не мог сделать «правильно» для своего единственного ребёнка, тогда кто он?

«Я забыл, кто я».

Он был простым человеком, который достаточно заботился о своих друзьях и семье, чтобы умереть за них, если именно это понадобится, чтобы спасти их. Он был, как говорила ему Мара, по крайней мере, раз в день, фермером.

Он был Люком Скайуокером. И если он мог сразиться с Империей без раздумий, он мог бы, конечно, покончить с одним из последних жалких остатков её правления — Люмией.

КОРУСАНТ, КОМАНДОВАНИЕ КОРПУСА ЗВЁЗДНЫХ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ ГА

— Знаешь, это всегда работает в криминальных головидео. — Мара добавила ещё одну светящуюся пометку на голокарту галактики и отстранилась, чтобы посмотреть, не появилась ли схема движений Люмии. Галактика велика, и Люмия, казалось, охватывала много пространства, которое теперь включало и собственные парадные двери Мары.

«Продолжай, киборг. Ты лишь лучше сосредотачиваешь меня».

— С таким же успехом можно продуктивно использовать время. — Джейна склонилась над столом и ввела ещё координаты. Теперь, когда она снова стала гражданским лицом, она применяла свои джедайские способности, работая на Люка Скайуокера и Совет, но быстро перешла к флотским манерам. — Поэтому давай добавим известные местонахождения Алимы...

— Ну, там тоже нет никакой схемы... Думаешь, это случайно, что Алима крадётся за Люмией, подбирая крохи с её стола? Почему кажется, что эти двое болтаются вместе?

— Обеим нужно много запчастей?

Мара подавила смех.

— Это нехорошо, Джейна...

— Серьезно, у них не хватает многих функциональных частей, чтобы даже сделать из них обеих одного приличного гуманоида.

— Они обе хороши в сокрытии, неважно, маскируя свое присутствие или стирая память о том, что их видели. — Мара ощущала Силу вокруг себя, просто ожидая, что Люмия выскочит из ниоткуда. Она чувствовала её, но не рядом. — Люмия сняла свою защиту, и она не глупа, значит, она хочет, чтобы её заметили.

Джейна продолжала проверять хроно на стене, а потом смотреть на собственное.

— Ты была у Джейсена?

— Да.

— И?

— Ты хочешь правду, Джейна?

— А что мне ещё нужно?

— Люмия как-то направляет его. Ладно, нет нужны говорить мне, что я — последний человек, который заметил это.

— Я и не собиралась. Ты... упоминала об этом?

— Да. Я решила, что настало время кому-то намекнуть, что мы заметили, как наш Джейсен превратился в монстра. — Мара сердилась, и её честный внутренний голос говорил ей, что единственный человек, который заслуживает этого гнева — это она сама, за то, что защищала Джейсена, хотя тот факт, что всё идет катастрофически неправильно, бросался ей в глаза. Но Мара была человеком и боялась за Бена, и это вылилось на Джейну. — Прости, что спрашиваю, но, будучи его близнецом, ты никогда не говорила с ним об этом?

— Я попыталась. Он ответил обвинением военного трибунала, помнишь?

— Я не могу не думать, что ты могла бы попытаться врезать ему.

— Он вдруг стал моей ответственностью? Это я сказала, что он становится тёмным, давно.

— Ладно, ладно, прости. — Мара подняла руки, изображая покорность. Она могла извиниться, но не могла взять назад свой язвительный тон и сожалела об этом. — Я просто... ладно, это не моё дело.

— Выкладывай, Мара.

— Я просто не понимаю, как ты можешь так волноваться, кого же тебе выбрать — Джага или Зекка, когда твой родной брат гибнет и тянет с собой других.

— Стоп...

— Прости. Я говорила, что это не мое дело.

— Ну, ты это сказала, поэтому... да, я хочу отвлечься на личные проблемы, потому что иначе я сойду с ума, пытаясь понять, почему Джейсен сделал то, что он сделал с нашими родителями.

— Может, настало время нам всем столкнуться с этим. Вместе.

Наступило неловкое молчание. Мара хотела сказать Джейне, что та теперь — взрослая женщина, и пора прекратить бездельничать, как подросток, и что Бен в четырнадцать взрослеет, чем она в тридцать один. Это было злобно, отчасти верно и отчасти питаемо непониманием Мары любого, кто не сосредотачивался всецело на задании, как она, исключая всё остальное.

Она держала свои мысли при себе. Это был признак усталости среднего возраста наряду с седыми волосами и исчезающими растяжками.

«Я потратила всю свою юность на службу Императору. У меня никогда не было свободы, которая всегда была у Джейны. И теперь часть меня... негодует на это».

Джейна не виновата. Она была упорной и вспыльчивой, как отец, но она ещё не вполне обрела молчаливую потаённую дюрасталь матери.

«Она примет вызов, когда он придёт. Но если это не вызов, то я не знаю, что».

Джейна опустила голову под тёмным занавесом волос, склонившись над столом и притворяясь, что занята диаграммой, но Мара чувствовала, что ей больно. За последние недели это был не первый раз.

Мара помирилась бы с ней, когда она успокоится. В семьях всегда случались ссоры. Бури проходили.

— Планы меняются, — сказал Люк, выходя из турболифта с взъерошенными волосами и сумкой в одной руке. Иногда у него бывал тот взгляд «не останавливай меня», и вот сейчас он у него как раз был. Это всегда пробуждало в Маре желание остановить его. — Я отправляюсь за Люмией. Хватит.

— Нет, не отправишься, — заявила Мара. — Ты слишком близко к этому. Она заманивает тебя.

Люк плюхнул сумку на столе, разбив голокарту. Джейна отстранилась.

— Ботинки Бена, — сказал Люк.

— В смысле...?

— Оставленные Люмией в нашей квартире.

Мара положила руку на ботинки и ощутила остатки тёмной энергии. Вот *теперь* она была в ярости: холодная, ясная, *ледяная* ярость.

— Она была в штабе ГГА. Или в квартире Джейсена. Не знаю, какая идея мне нравится меньше.

— Я должен разобраться с ней.

— Это, как когда-то говорил один адмирал, ловушка...

— Для *нее*. Откусывает больше, чем может прожевать.

Джейна поглядела на них обоих, всё ещё выглядя немного оскорблённой.

— Дядя Люк, я суну сюда нос и скажу, что *нам* лучше немедленно отправляться за Люмией, потому что она явно играет в игру, и... я никогда раньше не видела тебя таким сердитым.

— Люк, задай себе такой вопрос, — сказала Мара, надевая куртку и проверяя свое личное оружие. — Что ты сделаешь, когда поймаешь её?

Люк тяжело сглотнул.

— Я знаю, что я должен сделать.

— А о чём мы с тобой на днях беседовали — о том, чтобы быть пригодным для роли? Я — обученная убийца, ты — честный страж правды? — Световой меч, виброклинки, бластер, флешеттомёт и последний из моих транспондеров. На месте. — Вот план. Ты следишь за Джейсеном, пока я иду за ней.

— Я тоже иду, — вызвалась Джейна. — Не хотелось бы пропустить Алиму, если она появится.

Значит, всё становится нормальным. По дороге Мара извинится, а Люк удостоверится, что он в курсе всего, что затевает Джейсен — на случай, если Люмия организует тщательно продуманную диверсию, чтобы убрать их всех с Корусанта.

Люк смотрел на руки.

— Я знаю, что ты права. Это *кажется* неправильным, но я знаю, что не должен идти за ней, чтобы отомстить, и я не знаю, что заставит меня убить её. И сейчас ничего, кроме этого, не имеет смысла.

Мара кивнула и вызвала наземную команду ангара.

— Подготовьте «крестокрылья», пожалуйста. — Она натянула перчатки без пальцев, которые облегчали ей хватку, но всё ещё позволяли чувствовать оружие. — Я возвращаюсь, начинаю с квартиры и выслеживаю её оттуда. Она хочет оставить хороший след? Она как раз нашла подходящего человека, который последует за ним.

«Я уляжу это, потому что из-за меня всё зашло так далеко».

— Надо было мне сразу отправиться за ней, и тогда ты бы не отговорила меня, — сказал Люк.

— Джейна совершенно права. У тебя слишком много общего прошлого с Люмией, и ты слишком возбуждён. Убивать надо *хладнокровно*.

Секунду Люк казался убитым горем. Дело было не в разочаровании из-за проигранного спора, потому что никакого спора не было. Это был здравый смысл. То, что они семья, не означало, что лучшая военная практика вылетела в трубу. Но поразило его что-то, что ему не нравилось, нечто большее, чем постоянные угрозы Люмии Бену.

— Ненавижу, когда ты права, — сказал он и выдавил улыбку. — Джейсен говорит, что Бен спит, и, похоже, так и есть. Значит, он в порядке.

— Вот и всё, — ответила Мара. Она всё ещё не сказала Люку, что Бен умеет закрываться в Силе. Сперва она проведёт на эту тему небольшую беседу с сыном. — Мы закончили. Следи за Джейсеном. Если нужно, пойди и заинтересованно и заботливо побеседуй с ним за чашечкой кафа. Но будь наготове на случай, если твоя бывшая направится туда. — Она погладила Люка по щеке и подмигнула, желая сделать всё как можно проще, чтобы он не увидел, как сильно Люмия действует на неё. — Может, я и седею, фермер, и у меня нет её драматического чувства стиля в одежде, но, по крайней мере, у меня вся плоть и кровь свои...

Люк едва не рассмеялся. Мара стукнула указательным пальцем по брови в шутливом салюте и ушла с Джейной. Войдя в турболифт, она проверила свой планшет, чтобы посмотреть, куда добрался транспондер Бена.

«Если ты оставил клинок в своем шкафчике, Бен...»

Немногим ранее клинок обнаруживался на маленьком экране планшета как статическая вспышка в Галактическом городе, в штабе ГГА. Теперь его там не было. Мара никогда не паниковала, но оставляла за собой право на профессиональное осмысление. Она переключила масштаб схемы.

— Что случилось? — спросила Джейна.

— Ничего. — Где же ты? — Совсем ничего.

Мара просмотрела увеличивающиеся масштабы экрана, пока снова не поймала сигнал транспондера и координаты не приобрели смысла.

Бен, оказалось, был на Вульптере.

«Зачем тебя туда понесло, Бен? Вульптер не участвует в войне».

Если бы она рассказала Люку, с его-то горячей головой, то он бросился бы в бой со всеми орудиями.

Поэтому она просто улыбнулась Джейнэ, готовая позволить Люмии играть в свою игру в салки, прежде чем Мара наконец отделит её самодовольную голову от металлического тела, раз и навсегда закончив её вражду со Скайуокерами.

«Я иду, киборг. Время пришло».

Глава 9

Не хочу тревожить вас, сэр, но я только что услышал кое-что на рынке металлопродукции, что может нас заинтересовать. Кто-то говорит о предложении фьючерсов на мандалорское железо. А акции «Мандал-Моторс» впервые за последние годы скапуются.

— Инвестиционный аналитик, Казначейство Галактического Альянса

МАНДАЛОР, КЕЛДАБЕ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «МАНДАЛ-МОТОРС»

— Что ты теперь думаешь, Фетт? — Джир Йомагет был из тех людей, которых, вероятно, надо усыпить, чтобы одеть в деловой костюм. Он стоял, сложив руки, и восхищённо глядел на корпус, который Фетт раньше не видел — неуместно неряшливый и пугающе молодой человек в тёмно-зелёном комбинезоне и неполной броне.

— Опытный образец?

Йомагет кивнул.

— Начинался как «Кир'галаар». До трёх человек экипаж — или двух с дополнительным полезным грузом, атмосферный, конфигурируемый для чего угодно — от обстрела планеты до роли охотника-убийцы, и быстрый. Теперь скажи мне, что он не великолепен.

«Исследовательский центр» было лестным термином для скопления потрёпанных сараев и ангаров. Но ветхий внешний вид противоречил технологическому уровню того, что находилось внутри. «Мандал-Моторс» изо всех сил пыталась вновь встать на ноги под Галактическим Альянсом, который не раздавал Мандалору гранты на реконструкцию. Теперь у него было преимущество, которое он мог использовать.

— Насколько быстрый? — уточнил Фетт.

Наверное, Йомагет на жену и детей не смотрел с таким обожанием, каким он щедро одаривал штурмовой истребитель.

— Гипердвигатель класса 0.4. Абсолютное ударное оружие.

— И ты никогда не давал мне шанса купить такой. — Фетт модифицировал «Раба I» до класса 0.7. — Он бьёт «крестокрыл».

— Незаконченный опытный образец.

Опытный образец был примерно пятнадцати метров от носа до хвоста, с восьмиметровым размахом плоскостей — гранёный угольно-серый клиновидный корабль, лишённый инсектоидных обводов «Звёздной гадюки». Фетт обошёл его, отметив пустые стойки и гнёзда, и предположил, что корабль будет нести четыре лазерных пушки и, возможно, ещё кое-какое оружие. Хвост заканчивался плоской секцией с решётками и клапанами, похожими на разъёмы планшета.

Обшивка была совершенно гладкой, её угловатые поверхности были девственно чистыми, за исключением логотипа мифозавра, выделенного более светлым серым цветом на боковых люках: ни яркого лака, ни резких выточек, а тонированный транспаристальной купол, казалось, сливался с надстройкой. Фетт нырнул бы под него, чтобы посмотреть на бластерные отсеки и оружейные пилоны, но истребитель располагался слишком низко, чтобы ему было удобно это сделать. Он не мог допустить, чтобы его скрутило болью и ему пришлось бы выползать оттуда, как идиоту.

— Значит, он быстрый. И симпатичный.

— Отражательный невидимый корпус, охлаждающие вентиляционные отверстия, поглощающее сканерные лучи покрытие. — Йомагет махнул прикреплённой к предплечью пластиной, постучал по ней, и купол отскочил. Он разделился на два люка, и Йомагет забрался в кабину. — И скобы с нижнего края, на случай, если пилоту придётся вылететь. Теперь авионика... синтетическое зрение, панорамный дисплей кабины, переключение движениями глаз, наведение, управление.

— Звучит так, будто у вас было соревнование, чтобы посмотреть, сколько всяких штуковин вы могли бы напихать в один истребитель.

— Всё, что мы сумели сделать, начиная с окончания вонгской войны, — восстановили производство наших основных производственных моделей и обдумать кое-какие отличные идеи. — Йомагет перегнулся через борт истребителя. — Они все здесь.

— Так...

— Что ж, ты хотел узнать то, что мы могли бы произвести с новым бескарором. Лично я склонен включить его в корпус. Микронизированное бескарорное покрытие или многослойная бескарорая броня.

— Бевийн назвал бы это «переборщить».

— Считай это демонстрационным образцом.

— Это сделало бы его самым быстрым, наименее уязвимым истребителем на рынке. Оружейная нагрузка может быть компромиссная. — Фетт не был уверен, есть ли у него власть или право указывать «Мандал-Моторс», что делать с их продуктом. Это вам не Корусант, где национальная безопасность по закону превалирует над коммерческими интересами. — Добавь ещё первоклассное вооружение, и я бы не хотел, чтобы их кому-то продавали.

— Не волнуйся, мы понизим спецификации для экспорта. Помни, мы живем здесь. Все мы потеряли семьи из-за вонгов. — Йомагет выпрыгнул из кабины с проворством, которому Фетт позавидовал. Затем он нажал на пластину предплечья, и истребитель издал слабый скрежещущий звук, затем откинулся назад на хвостовой части и подняться на целых девяносто градусов, встав вертикально — механизм не отличался от «Раба I». — Он может приземлиться вертикально на площади чуть более тридцати двух квадратных метров

Фетт отошел на несколько метров, чтобы лучше разглядеть форму. Корабль не походил ни на какой другой транспорт, который он видел.

— Держу пари, что у него есть и всякие хитрости.

— Наши акции взлетели, а мы даже не представили его.

— Я купил несколько. Кто-то должен был удостовериться, что контрольный пакет акций остался в мандалорских руках.

— Хорошо, что у нас нет закона против инсайдерских сделок.

— Я не собираюсь продавать. Можно было бы переписать их на кого-то на условии, что их никогда не продадут... аруэтиз.

— Это отмашка для запуска производства?

— Полная спецификация для нас, урезанная — для них. — Фетт оживлённо зашагал, чувствуя, что его несвязанные проявления благородства сливаются в своего рода политику. — Удостоверьтесь, что экспортная спецификация гипердвигателя на порядок выше, чем у «крестокрыла», не больше.

Йомагет направился следом. Это была политика защиты на лету, и с кланами не консультировались. И, как знал Фетт, им не было бы дела.

— Значит, мы собираемся вооружить Конфедерацию, — сказал Йомагет.

— Мы вооружим кого угодно, включая ГА, лишь бы заплатили. — Фетт даже не подумал о следующем движении: оно пришло само. — Если полковник Джейсен Соло прилетит сюда лично, чтобы договориться о соглашении.

— Ты тонкий человек, Фетт.

— Меня никогда раньше так не называли.

— Пятьдесят процентов производства для нашей собственной обороны?

Оборона. Вот нужное слово.

— Согласен.

Мандалорцам нравился ощутимый компромисс. Лучшими сделками были те, где обе стороны довольны или где одна довольна, а другая мертвa. Фетт вдруг решил не просить поуправлять первым бескарорым истребителем, который сойдёт с поточной линии. Он хотел, чтобы эта привилегия перешла к Бевийну, который из всех людей, что он знал, больше всего напоминал ему друга.

Он желал увидеть реакцию, когда «Мандал-Моторс» откроет свой регистрационный журнал. У Джейсена Соло будет выбор между разрешением врагам ГА приобретать лучшие истребители, чем у него, и тем, чтобы заявиться сюда. Фетт не сомневался, что тот выберет, но было бы забавно смотреть, как ему придётся справляться с грязными презентационными вопросами на публике. Это можно устроить.

— Назовём его «Бес'улиик», — окликнул его Йомагет. — Василиск. Я всегда питал слабость к древним боевым дроидам. Хорошее старое имя мэндо и старомодное железо мэндо в самой современной упаковке.

Фетт кивнул сам себе. «Бес'улиик». Звучит неплохо. Имя из прошлого, имя, которое не исчезнет, как бы ни старалась остальная галактика.

«Бес'улиик».

Это были новости, которые других заставили бы уйти, насвистывая.

ГЛУБОКОЕ ЯДРО, ВУЛЬПТЕР, КОСМОПОРТ ЧАРБИ

Бен прижался к обзорному экрану так сильно, как только мог, чтобы всмотреться в пермакрит внизу. Снаружи разливался туманный дневной свет, но его тело твердило, что ещё вчерашний вечер и что ему нужно ещё поспать.

Насколько это касалось остальной части космопорта, исправный, но очень старый туристический корабль производства «Инком» не был кораблём Гвардии Галактического Альянса: он был тщательно загрязнён кореллианской пылью, кореллианскими пищевыми отходами, кореллианской тканью и множеством других штрихов, что было сделано, дабы показать команде судебной экспертизы, что транспорт определённо прибыл с Кореллии. А побитый межсистемный поставочный катер, выслеживавший челнок Кэла Омаса, не был шпионским кораблём с первоклассными средствами связи, навороченным оборудованием и сверхмощным гипердвигателем.

И Джори Лекауф не был убийцей из ГГА. Он был всего лишь обычным милым молодым кореллианцем, отправившимся в путешествие со своим младшим родственником в старом корабле, ради покупки которого он несколько лет экономил каждый лишний кредит. Проблема состояла в том, что Бен не мог поверить, что всё пройдёт слишком легко, пусть даже он видел дальнобойность оружия, которое Лекауф нёс под курткой.

— Если бы я оставил волосы рыжими, то фамильное сходствоказалось бы более убедительным, — заметил Бен. Он хотел ещё кафа для поддержки бдительности, но у него было предчувствие, что если он выпьет ещё, то в самый критический момент операции у него возникнет отчаянное желание посетить освежитель. — У тебя рыжеватые волосы, правда.

— Скорее, песочно-русые, — отозвался Лекауф. — Один рыжеволосый человек заметен, но два так и просят запомниться. Если у нас будут свидетели.

— Можно было одеться, как убезийцы... с масками.

— Думаю, так уже делали раньше.

— Я просто волнуюсь.

— Знаю.

Это было долгое ожидание. Шеву выйдет с ними на связь, когда приземлится. Согласно его последней передаче, он был в нескольких минутах позади челнока Омаса, что не вызовет подозрений: Чарби был оживлённым портом, местом перевалки дешёвых и дрянных товаров, и корабли приземлялись почти впритирку — слишком близко для безопасности и удобства. Никому не было дела, кто ты, если заплачены портовые взносы и налоги.

Говорили, что Вульптер когда-то был прекрасной планетой. Теперь он не выглядел прекрасным: небо было затянуто той грязной дымкой, которая означала, что здесь были замечательные красные закаты, и не за что было благодарить судьбу. И это после того, как местные попытались очистить окружающую среду. Обширная взлётно-посадочная полоса —

вернее, посадочная площадка — была усеяна десятками и десятками кораблей, находившихся в разной степени аварийного состояния: одни принимали на борт припасы и топливо, другие стояли рядом с грузовыми складами, где конвейерные ленты выгружали ящики в трюмы. Их очертания мерцали в горячей дымке от работавших вхолостую двигателей. И ещё были представители всевозможных рас, блуждавшие пешком между кораблями, вытягивая ноги — кажется, в любом количестве от одной пары до четырёх. Единственной уступкой безопасности на посадочной площадке был узор красных и белых линий, нарисованный на пермакрите и предупреждавших пешеходов «не пересекать эту линию» и «остерегаться наземного движения». Но все пересекали линии, как хотели, и видавшие виды спидеры с раскраской администрации порта Чарби обезжали их, раздражённо гудя.

Бен решил, что это было последнее место, которое можно было счесть местом проведения встречи высокого уровня двух глав государств.

— Готовься, — тихо сказал Лекауф, прижимая кончик пальца к уху. — Это капитан... да, сэр... вас понял. — Он поднял голову. — Примерно двенадцать минут до приземления Омаса. Шеву прямо позади него в очереди на приземление.

Бен приободрился. «Карпаки» была сложена пополам во внутреннем кармане куртки, прямо на пределе того, что он мог спрятать, а виброклинок он сунул в задний карман. Он мысленно повторял всё это непрерывной петлей «что если» и «если только»: винтовка, чтобы поразить Геджена, желательно с очень далёкого расстояния, и виброклинок, чтобы спастись в случае захвата.

Было бы лучше подстрелить Геджена во время высадки, когда он на несколько секунд окажется на посадочной площадке без слоняющихся вокруг свидетелей. Но Джейсен хотел запись встречи. Значит, надо проследить за Гедженом — или Омасом — до помещения, которое они сняли, затем просунуть камеру-полосу сквозь промежуток под дверьми. Строительные проекты показывали много мест, куда можно вставить устройство не толще флилси. Двери каждой комнаты были устроены в нишах, поэтому — на этот раз — оставалось просто присесть на корточки, как будто подбирая мусор, и просунуть камеру под дверь.

— Стоило подбросить жучок в пальто Омаса, или в документы, или ещё куда-нибудь, — пробормотал Лекауф. — Тогда мы сидели бы здесь, точно определили бы судно Геджена и подстрелили бы его на трапе, когда он собрался бы улетать.

Бен нервно поигрывал виброклинком, задумываясь, как бы его мать взялась за подобную работу.

— Нельзя подсадить человеку жучок так, чтобы он рано или поздно не узнал об этом.

— Да, вот бы повезло, если бы он переоделся. Знаешь, есть такая штука под названием отслеживающая пыль. Вроде порошка. Если цель вдохнёт её, ты сможешь потом улавливать сигналы целую вечность.

— Интересно, сколько же стоит эта штука, — сказал Бен. — Я имею в виду, мы очень дешевы, но мы должны оставить этот корабль.

— Это старое ведро. Сэкономит Министерству обороны расходы на утилизацию.

И брошенный корабль добавит вес подставе, что кореллианские диссиденты убили своего премьер-министра за уступки ГА. Таков, по крайней мере, был план.

Бен пересел на другое место в тесном салоне, чтобы выглянуть с правого борта. Согласно плану полёта, корабль Геджена уже должен был приземлиться: один пилот, три пассажира, максимум пятничасовая остановка в пути. Именно так было сказано в информационной базе данных дирекции порта Чарби, которую показывал его планшет и откуда было стёрто всё личное на случай захвата.

Бен старался не смотреть на хроно на переборке. Он лишь ждал сигнала от Лекауфа.

— Ну, и как тебе быть офицером? — спросил Бен.

— Странно. Но мой дедушка бы очень гордился. Если бы он был жив, чтобы увидеть это.

Лекауф никогда не упоминал своих родителей — только деда. Бена поражало то, что почти все, с кем он вырос или работал, либо не имели семьи, либо главные члены их семей были потеряны или вообще отсутствовали. Это было ненормально. Он думал о том, насколько *обычным* было убийство для всей его семьи, и знал, что большинство существ в галактике проживало всю жизнь, никогда никого не убивая, сознательно или случайно.

Странно, что семьи вроде его должны принимать действительно важные решения для целых планет нормальных, обычных, не смертоносных народов.

Бен сконцентрировался на сосредоточении, понемногу продвигаясь к тому состоянию, где он исчезал из Силы. Он встремился, как только почувствовал плавящее ощущение, которое могло быть исчезновением или дремотой.

— Подключайся, — шепнул Лекауф. — Получилось.

Бен активировал комлинк и наушник и отключил контроль окружающей среды, чтобы оставить корабль.

Когда Лекауф открыл люк, воздух и шум поразили Бена как твёрдая стена. Пахло фабриками и серой. Они спустились по трапу, усиленно стараясь выглядеть обычно, и направились к зданиям терминала, как будто они убивали время, а не политиков.

Лекауф почесал ухо, перемещая наушник.

— Вас понял, сэр. Позиция?

Бен четко расслышал голос Шеву:

— Он пройдёт в тридцати метрах слева от вас, если не отклонится. Направляется к зданию G. Берите его на себя, а я войду внутрь следом за вами.

— Цели пока не видно.

— Должно быть, он уже внутри.

«О, это реально. Это происходит».

Это был возврат к тому времени, когда Бен впервые начал безумно рисковать, но это задание имело дополнительную дозу риска: Омас знал его в лицо и даже встречал Шеву. Они не могли позволить, чтобы их заметили. Бен сутулился и шагал разболтанным шагом, как обычно делают четырнадцатилетние мальчишки, время от времени оборачиваясь, чтобы поболтать с Лекауфом о безопасных и бессмысленных пустяках — о бака-роке, спидерах, о чём угодно, а сам осторожно поглядывал через пермакрит в сторону Омаса. А вот и он: по бокам от него шло двое мужчин в рабочей одежде, и сам он выглядел основательно потрёпанным. Уверенная осанка выдавала в нём человека, привыкшего к повиновению, но только для того, кто знал, что ищет. А Бен знал.

— Порядок, — шепнул Лекауф, не глядя на троих людей.

Один из разведчиков ГА вошёл в двери здания G перед Омасом. Другой шёл следом так близко, что чуть ли не наступал ему на пятки. Они почти исчезли среди толпы входивших в здании терминала, но Бен держал их в поле зрения, хотя на несколько секунд даже упустил Лекауфа. Один из них, казалось, проверял по дороге номера на различных дверях и выходах и в конечном счете остановился у двери с меткой 53-L и вставил кредитный чип в разъём сбоку. Двери разошлись, и Бен заметил небольшую, ярко освещённую комнату, почти заполненную белым дюрапластовым столом, окружённым стульями. Внутри уже кто-то был.

Двери снова закрылись. Между Беном и дверьми текла непрерывная двухсторонняя река пассажиров, портовых рабочих, лётного экипажа и обычного временного населения космопорта.

— Ты справишься, — сказал Лекауф. — Сколько их там внутри? Я не смогу положить под двери камеру, если должен прийти кто-то ещё и снова открыть их.

Бен закрыл глаза и сконцентрировался на приливах и отливах Силы, узорах плотности, которые он одновременно чувствовал в нёбе и видел как пёстрые цвета за закрытыми веками.

— Шестеро, — сказал он. Это имело смысл: по два близких охранника у каждого, два государственных деятеля, которые не доверяли друг другу. — Да, шестеро. Сейчас они все внутри.

— А лотерейные номера ты видишь? — Лекауф небрежно пробился сквозь толпу и присел на карточки, чтобы поправить обувь. Бен увидел, как он вынул что-то похожее на маленькую полоску флимси, затем быстро и непринужденно просунул её в промежуток толщиной с волосок.

Камеры-полоски были очень маленькими, не больше корешка этикетки пальто. Они действительно были из флимси, и их можно было выбросить, как только они заканчивали передавать.

— Прекрасно, — послышался голос Шеву в ухе Бена. — Я вижу прямо нос Геджена. Хороший чёткий звук. Молодец, Джори.

Наконец Бен, поглядев вокруг, заметил Шеву, прислонившегося к автомату с напитками на другой стороне вестибюля. Он записывал данные камеры и передавал их в штаб ГГА. Как только он получит подтверждение, что данные переданы и сохранены, он вычистит свой планшет и пошлёт код на камеру, чтобы уничтожить её данные. Тогда она превратится в обычный мусор, который выметут уборщики, если когда-нибудь пройдут здесь. Но, похоже, вряд ли.

Бен и Лекауф слышали беседу в наушниках, отслеживая её вдвоём, поэтому знали, когда исчезнуть, дождаться появления Геджена и последовать за ним.

Это была захватывающая беседа. Бен начал разбираться в коде и инсинациях, которыми облечённые властью существа имели обыкновение говорить неприятные вещи — на другом языке, который позже позволил бы им отрицать, что они имели в виду какой-либо вред. Джейсен отлично умел это. Бен надеялся, что сам он никогда не научится такому, потому что это становилось привычкой, а Джейсен, казалось, любил играть в эту игру ради самого себя.

Он узнал голос Омаса. Геджен говорил более мягко, чем в сводках Голоновостей.

Странно было слушать человека, которого ты собираешься убить. Бен слушал последние слова, произнесённые Дюром Гедженом:

— Итак... мы можем договориться, как благородные существа, прекратить военные действия, пока не придём к компромиссу?

— До или после того, как я представлю это Сенату? — спросил Омас.

— Я не отсылаю это своему собранию — пока. Возможно, и вам не стоит отсылать это вашему, — ответил Геджен. — Мы отступим, если вы согласитесь с этой формой пересмотренной формулировки в обязательстве активов планетарной обороны перед ГА.

— Вы можете быть в состоянии обеспечить это в отношении кореллианских сил, но можете ли вы удержать ботанов?

— Вы уверены, что Ниаталь сделает то, что вы ей велите?

— Она — кадровый офицер. Сделает.

— Ботаны — прагматики. И они *сделают*.

— В качестве демонстрации доброжелательности вы используете войска, чтобы помочь нам восстановить порядок в местах вроде системы Сепан.

— Конечно. А вам нужно, чтобы мы вернулись в лоно ГА, чтобы не дать ему и дальше истекать кровью.

— Я не буду просить заявления, которое вызовет потерю лица. Я знаю, как... горды кореллианцы. Просто что-то вроде различий, которые можно преодолеть.

— Очень любезно, глава Омас. Однако, те различия будут преодолены только в том случае, если адмирал Ниаталь и полковник Соло лишатся своей нынешней военной значимости.

— Вы хотите, чтобы я отправил их в отставку.

— Думаю, что теперь вам придётся сделать нечто большее, чем просто уволить их, когда они привыкли делать всё по-своему.

— Думаю, что понял, о чём вы, и мне не нравится это решение.

— Ниаталь честолюбива. Опасна. Соло честолюбив, опасен и к тому же джедай. Мы можем окончательно решить вам эту проблему.

— Если так, я не должен знать об этом.

— Если так, мне бы хотелось, чтобы ваши службы безопасности смотрели в сторону. У Соло есть честолюбивые фавориты, которые, полагаю, временно станут слепыми и глухими в обмен на поощрение.

— Я вижу, вы знаете о капитане Джирдане...

И они засмеялись. Они оба действительно *засмеялись*. Бен услышал слабый звук, как будто Шеву откашлялся. Когда Бен повернул голову, Лекауф смотрел на него, и теперь это был не вечно веселый человек, который выглядел настолько моложе своих лет. Он казался старым и сердитым.

— Так вот чего мы стоим, — тихо сказал он. — Держу пари, тем парням внутри из разведки по душе идея о возвращении их человека назад в команду.

В животе у Бена внезапно потяжелело и похолодело. Это была грязная игра до самого верха. Пока он готовился убить Геджена, тот заключал сделку, чтобы нанести удар по Джейсену и Ниаталь, тогда как Омас готовился закрыть на это глаза. Можно купить кого угодно, если цена достаточно высока. Омас, очевидно, ставит мир превыше отдельных жизней. Может, в конечном счете это не так уж отличалось от обычных военных потерь, но это и близко не казалось чистым.

Бен переключил своё внимание. Он начал осматривать здания терминалов снаружи. Вдоль крыши был сделан проход — малоиспользуемая наблюдательная площадка, где любой мог посидеть и посмотреть на взлетавшие и приземлявшиеся корабли. Местечко не было популярным, зато было идеальным для снайпера. Как только встреча начнёт подходить к концу, Бен получит минуту-две, чтобы встать на той крыше и дождаться появления Геджена.

Было три набора дверей, через которые Геджен мог пройти, чтобы направиться к посадочной площадке и вернуться на свой корабль. Чтобы покрыть то расстояние — несколько сотен метров — Бен должен быть готов пробежать вдоль той платформы в любом направлении от центральной точки.

«Я готов».

Он прижал руку к боку и нашупал «Карпаки». Она была почти абсолютно бесшумна. А он будет стоять на пермакритовой платформе совершенно без прикрытия.

«Значит, мне придётся действовать быстро...»

Беседа между Омасом и Гедженом затягивалась, начались долгие паузы и более беспокойные хмыканья и вздохи. Дело приближалось к концу. Получив толчок локтем от Лекауфа, Бен двинулся к турболифту на крышу и даже не оглянулся. Он стоял в кабине турболифта с семьей трианий, искающих автомат с кафом, и задумывался, смогут ли они ощутить запах его намерений.

Одному из солдат ГГА нравилось свободное падение. Он говорил Бену, что для того, чтобы спрыгнуть со здания высотой в пять тысяч метров, есть такой момент, когда нужно просто перестать думать и шагнуть в пустоту. Бен сейчас и пребывал в этом моменте, когда шёл по террасе крыши и занимал позицию. Он отступил в тень одинокого кондиционера и разложил «Карпаки». Если её держать за штаниной свободных, мешковатых штанов, она не будет так уж очевидно вырисовываться. В любом случае, вокруг никого не было. Наблюдательная площадка потрескалась, и в щелях пышно росли сорняки. Он успокоился и стал ждать указаний Шеву и Лекауфа.

Джейсен просто разъярится, когда услышит, что о нём готовил Омас.

— Бен, внимание. — Это был Шеву. — Геджен пошёл. Он выходит через южные двери. Давай направо.

Бен огляделся и побежал трусцой к дальнему концу платформы, держась ближе к задней стене. Он надеялся, что узнает Геджена. Перед операцией он как следует изучил его лицо и походку, но теперь он мог смотреть ему в затылок, в зависимости от точного пути, которым он пойдёт к кораблю. Глупое, мелкое сомнение. Он недостаточно хорошо обдумывал это, прежде чем начать.

Но, когда он посмотрел сверху на пермакрит, хаос кораблей, дроидов-грузчиков и множества пешеходов разных рас, блуждавших повсюду, словно это был тематический парк,

аккуратная военная стрижка — угольно-чёрная, глянцевая, без единого выбившегося волоска — притянула его взгляд, как маяк.

Бен лежал ничком и целился. Оптика немедленно перенесла его на сто метров ближе к Дюру Геджену, и тогда не оставалось никаких сомнений, что у него на прицеле нужный человек. Пока Геджен шёл, два охранника в неброской повседневной одежде входили и выходили из прицела Бена.

Как только Геджен упадёт, по крайней мере один из них будет искать, откуда стреляли. Бену придется пригнуться и раствориться в толпе в зоне терминала, затем встретиться с Лекауфом у корабля Шеву.

«Я смогу это сделать. Я вошёл на "Балансир" и вышел оттуда, разве нет?»

Бен задержал дыхание, позволил интеллектуальной оптике «Карпаки» приспособиться к ветру и углу и ощутил, как его палец напрягся на спуске. Секунду аккуратная темная голова Геджена заполняла прицел, а в следующую Бен уставился на пустой пермакрит, а винтовка ударила его в плечо. Приглушённое сообщение, казалось, пришло откуда-то издалека. Казалось, всё вышло не так, как он ожидал: выстрел, отдача, падение. Он лёг плашмя.

«Что случилось? Я убил его?»

Он слышал крики, разносившиеся в воздухе с трёх нижних этажей. Его тело приняло решение за него, и он взобрался назад к задней стене, пока голос Шеву в его ухе продолжал твердить: «Уходи оттуда, Бен».

Он, скривившись, побежал к турболифту, увидел, что лифт стоял на цокольном этаже, и воспользовался пожарной лестницей. Всё шло по плану. Он мог слиться с толпой.

На первом этаже он скользнул в пожарные двери и приложил сознательное усилие, чтобы не выглядеть перепуганным. Может быть, профессиональные убийцы могли бы принять это спокойно, но он не мог. Он отбросил в сторону тот факт, что только что убил человека, и обнаружил, что полностью поглощен простым актом побега.

Когда Шеву положил ему сзади руку на плечо, Бена едва не хватил сердечный приступ.

— Продолжай идти, — прошептал Шеву. У транспаристальных дверей собирались любопытные толпы, чтобы поглязеть на драму, разворачивающуюся на посадочной полосе, а служба безопасности изо всех сил пыталась пробиться сквозь толпу. — Просто продолжай идти.

«Если они запечатали двери...»

Это был хаос. Никто, казалось, не знал, что же случилось. Это подарило Бену, Шеву и Лекауфу ещё несколько минут. Чарби, похоже, был из тех мест, где пассажиры и капитаны грузовиков просто прошли бы мимо трупа, лишь бы только вылететь вовремя.

На это они и рассчитывали.

— Я прямо за тобой, — раздался в наушнике голос Лекауфа. — Если мы спустимся к южным дверям, мы сможем просто пройти по периметру к челноку Шеву.

Бен боялся. Он был счастлив признать это. На «Балансире» он совсем не боялся, но теперь знал, что это не так. Он держал небольшое расстояние между собой и Шеву, не забывая достаточно часто останавливаться и смотреть на волнение, как будто ему было правда любопытно, что произошло, но он продолжал идти.

Голоэкран наверху, который обычно показывал прибытие и отъезды, был повернут к диспетчерской вышке, откуда открывался вид на посадочную полосу.

Да, он убил Геджена — точнёхонько в голову.

«Я не чувствую лица. Губы онемели».

Теперь всего лишь секунды отделяли Бена от тех дверей, и он шёл с устойчивым, но истончающимся потоком дроидов, репульсорных тележек и пассажиров, направлявшихся к кораблям.

«Почти дошёл».

Он был в нескольких метрах от транспаристальных дверей, когда увидел человека в знакомой неброской одежде, изо всех сил бегущего к ним. Двери разошлись, и Бен уставился в ствол бластера.

— Вооружённый офицер, служба безопасности порта! — рявкнул человек. — Всем оставаться на местах...

Бен балансировал на грани — сдаться или побежать.

Глава 10

Верпинский посредник Сасс Сикили, произнося сегодня речь при открытии «Баст-Экс», предупредил Меркану, что правительство Роше ответит "соответствующими мерами", если те продолжат нарушать торговые соглашения по технологическому экспорту. Меркана стремится войти в расширяющийся рынок малых защищённых комлинков — область, где преобладает верпинская продукция.

— Новостной выпуск ГНР*, с интересом отмеченный Бобой Феттом, Мандалор

КОРУСАНТ, ЗОНА РОТАНДА, ПАРК СПИДЕРОВ

Люмия оставила всё увеличивавшийся след в Силе, как водный спидер на озере. Это было великолепно с её стороны, но Мару это не удивило.

— Я не поглупела вдруг, — пробормотала она. — Не оскорбляй меня, консервная банка.

— А что ты говорила о Люке, что он слишком близок ко всему этому? — спросила Джейна. — Дыши глубже, тётя Мара. Дыши глубже.

— Я нервничаю. И, по мне, это помогает. Ты используешь Силу по-своему, а я буду по-своему.

— Ух ты, теперь я *тебя* успокаиваю? Это заголовок, который нужно сохранить для внуков.

Мара прошлась по десятиметровой площадке, чувствуя, как тёмные энергии пульсируют, словно ударные волны. Джейна отступила в сторону и смотрела.

— Она улетела отсюда, — заявила Мара.

— Она привела нас сюда, чтобы отвлечь от какого-то другого места на Корусанте?

— У неё узкий круг целей, Джейна. Бен или Джейсен — или даже Хан и Лея, если она объединилась с Алимой. Твоих родителей нет на Корусанте, а если ей нужен Джейсен, у неё должен был быть шанс разделаться с ним, когда она вошла в штаб ГГА, чтобы взять ботинки Бена. — Мара села на корточки и коснулась пермакрита. Она ожидала получить какой-то толчок, ощущение насмехающейся над ней Люмии, но в том впечатлении, которое оставила позади себя женщина-сит, было что-то обескураживающее безвредное. «Да, вот как ей удалось убедить Люка, что она не желает ему никакого зла». Люмия, казалось, обнаружила редкий талант к воздействию Силы. — Если ей нужен Люк, она упустила теперь уже две возможности.

— Значит, это Бен.

— Бен... далеко. Он не на Корусанте.

Джейна посмотрела на Мару с таким выражением, словно не могла понять, почему Мара тянется время. Но Мара не сдвинулась с места. Чем меньше семья знала о ситуации с Беном, тем лучше. Рано или поздно, станет известно, что она отслеживает его, и каким бы взрослым он ни был, когда это, наконец, произойдёт, она потеряет его доверие навсегда. Это ранит его.

— Дела ГГА, — сказала Мара, отвечая на незаданный вопрос. Она оглянулась вокруг в Силе, нащупывая какое-либо указание, что Люмия направляется на Вульптер, но у неё совсем не было такого ощущения. Единственное, что она уловила, был Бен, на секунду возбужденный, затем исчезнувший, как, должно быть, научил его Джейсен. Надо будет заняться этим, когда текущая чрезвычайная ситуация окажется под контролем. — Ладно, если она хочет, чтобы я следовала за ней, я так и сделаю.

— Давай вызовем Зекка и Джага, потому что, спорим, что Алима снова в городе, и...

— Без обид, Джейна, но, думаю, это я ей нужна. А ты иди ищи девочку-жучиху.

Судя по скривившимся губам Джейны, она решила проглотить ответ.

— Хорошо, — сказала она наконец.

* ГНР (в оригинале HNE, HoloNet News and Entertainment) — «Галактические новости и развлечения» (прим. *Sightsaber*)

— Это просто старая вражда Тёмной стороны. — Мара не хотела, чтобы Джейна чувствовала пренебрежение собой. Отношения между ними сейчас и так были достаточно остры.

— Не будем позволять ей отвлекать нас обеих.

Стало быть, Люмия насмехается над ней. «Я могу достать твоего мужа. Я могу достать твоего сына». Если она так настроилась на убийство Бена за смерть своей дочери, она всё ещё, казалось, упускала возможности. Так что же Люмии надо от неё?

Мара вернулась на базу, чтобы найти одного из сотрудников наземной команды, терпеливо ждавшего у отведённого ей ХJ7. Она забралась в кабину и начала проверку приборов.

— Люмия — действительно сит? — спросил техник.

— Последняя из своего вида, — ответила Мара, не спрашивая, где он это слышал и как вообще узнал это имя. Она почувствовала укол вины из-за своей небрежности, из-за того, что громко спорила и забыла, что вокруг есть другие сотрудники. Она запечатала люки ХJ7. — Я удостоверюсь в этом.

Мара проигнорировала инструкции, регулировавшие воздушное движение военного транспорта, и закружила над районом, где в последний раз уловила сильный след Люмии. Когда она сконцентрировалась, оказалось относительно легко следовать по следу, и она покинула орбиту Корусанта по направлению к одной из лун планеты Гесперидиуму.

— О да, Палпатин любил это место, — сказала она вслух. — Ты летишь туда, как в старые добрые времена?

Люмия определенно играла в игру. Но она не была столь глупа, чтобы решить, что сможет протянуть Маре руку и оставаться при этом невредимой, как в случае с Люком.

След привёл к главному курорту Гесперидиума, который уже не был столь роскошным, как помнила его Мара. Она задумалась, испытывает ли спутник экономию послевоенного восстановления и есть ли там достаточно безвкусные богатые люди. Служба портового транспортного контроля была удивлена — мягко говоря, — обнаружив на своих сканерах военный транспорт.

— Мне нужно ненадолго приземлиться, — сказала Мара, зная, что у них нет выбора. Едва ли они смогли бы помешать ей приземлиться. — У меня странные показания на приборах. Я должна это проверить.

— Сообщите нам, не нужна ли вам помощь, — ответил диспетчер контроля воздушного движения. — Мы гордимся тем, что делаем всё для всех наших посетителей.

— Режим секретности, — бросила Мара, закончив беседу так, как только она могла.

Когда она приземлилась и увидела набор кораблей, стоявших на частных полосах отелей, она поняла, что ХJ7, вероятно, похож на игрушку эксцентричного миллиардера, и к тому же маленькую. Некоторые из кораблей здесь были ошеломляющими по своим размерам и богатству: интересно, как им вообще удалось приземлиться. Очевидно, существовал процветающий класс сверхбогатых, прошедший последние десять лет практически без вреда, и жизнь для них теперь протекала без помех, несмотря на очередную войну. Кредиты, казалось, действовали как дефлекторные щиты: если у вас было достаточно того и другого, ничто не могло вас затронуть.

Она проверила всё вокруг — в Силе и визуально, — прежде, чем выбраться из кабины и спрыгнуть на землю. По крайней мере, она умудрилась одеться как эксцентричная богачка, и мало кто на неё посмотрит.

Да, здесь определенно имелись странные летающие дворцы...

А потом она почувствовала в сиянии утреннего света прикосновение тьмы к плечу. Оно было таким осозаемым, таким плотным, что она развернулась, держа руку на рукояти светового меча, ожидая обнаружить готовую броситься на неё Люнию. Но никого такого не было.

«Хочешь поиграть?»

Было рано. Мимо пробежала парочка постояльцев отеля в спортивных костюмах и, взглянув на неё, побежала дальше. Она бродила между кораблями на полосе, чувствуя, как тьма давит ей на грудину, словно сердечный приступ. Здесь было что-то тёмное — значит, это Люмия.

Сокрушительное ощущение в груди становилось настолько сильным, что она включила световой меч, готовая сражаться, лишь только обойдёт следующий корпус.

«Всё, Люмия. Довольно игр».

Она прыгнула в промежуток с гудящим световым мечом.

На неё смотрела не закутанная фигура со световым кнутом, а единственный, бестелесный, огненно-красный глаз шириной в десять метров. Инстинкт подсказал, что это живое, чужеродное существо, но это явно был своего рода корабль, и это означало только одно: Люмия внутри.

Это ловушка, Мара была уверена.

Прекрасно. Но иногда ловушки хватают слишком большую для себя добычу...

Она осмотрела корпус в поисках люка, но грубая шероховатая поверхность — неужели камень? — была цельной.

«Входи».

Интересно, почему она так подумала; и тут Мара поняла, что мысль на самом деле была голосом в её голове, в самой ткани Силы. Неодушевлённый, и всё же разумный; и это был не дроид.

Это был *корабль*.

Мара сильно сконцентрировалась на ощущении Люмии, но не смогла никого обнаружить в корабле. Внезапно в корпусе появилась щель, и вытянулся трап. Это было слишком заманчиво, а она была слишком опытна в этих играх, чтобы сразу входить, но она должна была узнатr, что происходит. След заканчивался здесь. Люмия пользовалась этим кораблем. Но...

«Я могу справиться с ней. Это всё мелкие игры. Я не поведусь на это».

Если Люмия ждёт внутри, каким-то образом скрываясь, то Мара убьёт её. Если нет, то Мара дождётся её и потом убьёт. Маре было всё равно. Сейчас у неё не было более срочных дел.

Она поставила ногу на трап и сделала несколько осторожных шагов, держа световой меч двумя руками. Если в отеле имелись камеры безопасности и было видно происходящее, хорошего мало.

Мара ощутила замешательство — не своё.

«Ты не тот, кого я ждал».

Это опять был корабль.

— То есть как — я не тот, кого ты ждал? — Нет, не надо было ей говорить: она поняла, что могла отвечать мысленно.

«Ты... очень похожа».

— Спасибо. Большое спасибо. — Возможно, корабль был высокого мнения о Люмии. Мара решила, что он — столь же хороший источник информации, как и любой другой. Она подумала свой следующий вопрос, даже не в словах, но в понятиях и ощущениях, которые она, по своему мнению, давным-давно оставила позади. Мысленная беседа оставила впечатление, словно она вновь стала Рукой.

«Где она, корабль?»

«Другая? Рядом».

«Ты — творение ситов, да?»

«Ты хорошо знаешь тьму. Лучше, чем другая, чьего возвращения я ожидал».

Мара не знала, как это понимать, но прямо сейчас была готова признать, что её намерения были гораздо более злобными, чем Люмия могла себе представить. Она желала разрушения. Она желала уничтожения.

«Последняя из своего рода, Люмия. И теперь самое время».

Мара заколебалась на пороге трапа. На минуту она подумала, что её могут заманить внутрь, а потом сферический транспорт запрёт её внутри и улетит. Она приняла меры предосторожности, высунув наружу руку и установив последний из своих крошечных транспондеров — единственное устройство, оставшееся от её прежней сущности — прямо снаружи люка. Он прикрепился к странной, похожей на камень поверхности, которую она ощущала. По крайней мере, если так

случится, кто-нибудь сможет отследить её. И если Люмия когда-нибудь вернётся к кораблю, то транспондер сообщит о её положении каждый раз, когда эмиттер Мары его уловит.

Мара осторожно вдохнула и нагнулась, чтобы заглянуть внутрь. Корабль действительно был пуст. Не только без команды. Внутри корпуса не было ничего: ни кабины, ни инструментов, ни индикаторов систем — ничего. Корабль был полым, освещённым красным сиянием, словно внутри переборок горело устойчивое пламя. Она не видела такого света снаружи.

И это было всё, что Мара смогла сказать. Она ощутила чьё-то приближение и поняла, чьё именно. Она спустилась по трапу на несколько шагов и стала ждать со всеми ещё включенным световым мечом.

В пространство между припаркованными кораблями ступила стройная фигура в тёмно-сером костюме и треугольном головном уборе с вуалью.

— Привет, маленькая домохозяйка... — сказала Люмия.

Сработал автопилот Мары, и она вновь стала Рукой Императора, молчаливой и сосредоточенной. Совершенно не было смысла что-то говорить. Это любители толкают речи, профессионалы продолжают работу.

Она прыгнула с помощью Силы на пять метров к Люмии, рубя обеими руками вниз справа налево. Удар — одна лишь мощь, никакого изящества — задел головной убор отпрыгнувшей противницы, отсекая от него кусок. Глаза Люмии распахнулись, зрачки расширились, но она уже разворачивала над головой свой кнут. Хвости затрещали и зашипели, упустив Мару только потому, что она бросила всю свою энергию в толчок Силы, чтобы на долю секунды замедлить их.

Мара относилась серьёзно к этому оружию. Это было худшее сочетание обоих миров: кожаные полосы, покрытые непроницаемыми фрагментами мандалорского железа, и усики чистой, сырой, убийственной тёмной энергии. Мара вытащила бластер и откатилась под корпус корабля рядом с ней. Световой кнут пробил дюрасталь с воплем рвущегося металла, заполнив воздух запахом гидравлической жидкости, и струя превратилась в поток, который начал растекаться в большую лужу. Когда Мара перекатилась по другую сторону от корабля, Люмия тяжело приземлилась на обе ноги и хлестнула кнутом так близко к голове Мары, что та почувствовала на правой щеке порыв воздуха, как дыхание. Треск был оглушительным.

Мара даже не поняла, когда успела нацелить бластер. Рука Люмии с кнутом была поднята, чтобы вложить в удар столько веса, сколько возможно. Из плеча Люмии вырвалось облачко белого пара, и она, шатаясь, отступила на несколько шагов.

«Металл. Возможно, я попала в металл».

Может быть, и так, потому что Люмия секунду шаталась, но вновь выпрямилась. Мара прыгнула горизонтально из наклона и врезалась в ноги Люмии со всей мощью, какую она могла собрать из Силы. Она ударила о твёрдую дюрасталь. Рот наполнился кровью, но она не чувствовала её — пока. Цепляясь одной рукой за колени Люмии, не давая ей пространства развернуть кнут, она повалила её, как срубленное дерево, прежде чем нанести удар головой в лицо женщины.

Повреждённое. О да, Мара почувствовала это. Она попала не в нос Люмии, а в кибернетическую челюсть, и та глубоко рассекла ей лоб. Сражаясь теперь на одних рефлексах, полуоглушённая, она на секунду отключила клинок светового меча и перехватила рукоять, как кинжал, нанося ею удар вниз в грудь Люмии, ещё до включения энергии. Люмия дёрнулась в сторону, когда клинок пробил плоть. Мара почуяла это. Она выключила клинок, чтобы отступить снова, торжествуя.

«Всё. Мертвa. Мертвa, ты...»

Но Люмия закричала, и это было совсем неправильно. Крик опалял кружашуюся голову Мары. Это был больше чем звук. Это был...

Мара поднялась на колени, чтобы посмотреть на то, что должно было быть мёртвой женщиной, и заглянула в зелёные глаза, которые были совершенно лишены любой эмоции, а потом мир померк, словно затмение.

«Возможно, это я мертва».

Что-то врезалось ей прямо в спину, бросая её вперед на Люмию. Мара изо всех сил пыталась перевернуться, чтобы не выпустить световой меч и бластер, но что-то обвилось вокруг её шеи и дернуло назад. Световой кнут по-прежнему был в кулаке Люмии: она видела её, она видела кнут, так что же тогда сжимало ей шею, душа её? Она почувствовала, как со страшной скоростью летит назад, а потом врезалась во что-то настолько сильно, что удар выбил весь воздух из её легких и оставил её задыхающейся.

На все ушла секунда или две. Мара лежала, пытаясь втянуть воздух болезненными, напряженными глотками, в глазах кололо, и она увидела сапоги Люмии, неуверенно пробежавшие мимо неё буквально в сантиметрах от её лица.

«Что у меня с глазами? Что колет?»

Она подняла руку, чтобы протереть их, и её суставы стали красными и влажными. Кровь. Последнее, что она увидела, когда оглянулась, была оранжевая сфера, тот невероятный ситский корабль, взлетавший вертикально в воздух и выпускающий перепончатые лопасти, как живые крылья.

Маре удалось подняться на локтях. Она внезапно ощутила тех двух бегунов, которых она видела до того, милых и опрятных в своём свежем белом спортивном снаряжении, в ужасе уставившихся на неё. Она собрала оставшиеся силы и с трудом сконцентрировалась.

— Вы только что видели, как две каскадёрши выступали для головидео, снятого скрытой камерой, — сказала она. — Вы не видели никакого боя.

— Мы не видели никакого боя, дорогой, — покорно сказала женщина.

Мужчина вытаращил глаза и затем усмехнулся.

— Ух ты, удивительно, как реально выглядит кровь!

— Ещё бы... — отозвалась Мара и кое-как встала на ноги, подобрала рукоять светового меча и бластер и ушла с таким изяществом, с каким только сумела.

«Я была уверена, что прикончила её. Как же я промахнулась?»

Она едва не рыдала в расстройстве и изо всех сил пыталась забраться в кабину XJ7, всё ещё пытаясь понять, что же схватило её сзади. Когда она осмотрела свои раны в зеркальной поверхности собственного планшета, её лицо оказалось перемазано кровью, правый глаз раздулся и уже закрывался, а на шее было что-то вроде следа от верёвки. Она видела углубления в коже, похожие на искривленный проводной кабель.

«Меня схватило что-то вроде дроида. Машина, так или иначе. Вот почему я не ощутила его».

Было безумием вести истребитель после травмы головы, она это понимала, но другого пути назад на Корусант не было. Она завела двигатели, ругаясь и проклиная всё вокруг. Она достала эту ведьму-киборга прямо здесь, всадила в неё световой меч — и всё ещё *не убила*.

«И я не чувствовала от неё никакого злобного намерения, Люк. Просто голова пробита».

Потребуется много бакты. Мара подняла XJ7 и установила его на автопилот до дома.

«Люк сойдёт с ума, когда увидит меня в таком состоянии».

Адреналин схлынул, и теперь появилась боль. Мара погрузилась в лёгкий медитативный транс, чтобы ускорить процесс исцеления.

«Почему она не убила меня? У неё был шанс. Я разбила себе голову о её крифтову металлическую челюсть».

Потом Мара вспомнила о транспондере. Она снова повозилась с планшетом и активировала эмиттер поиска. Появилась жёлтая вспышка — нет, две жёлтые вспышки.

Одна была по-прежнему на Вульптере: Бен. Другая двигалась сквозь сетку на её экране, удаляясь от Ядра.

Люмия.

Попалась, подумала она, улыбнувшись на секунду, прежде чем вспомнить о разбитой губе.
Попалась.

Люмия и её странный ситский корабль направлялись к узлу Хайдианского пути. Или она хотела, чтобы Мара следовала за ней, или не знала о транспондере.

Порядок. Теперь Мара сможет взять её в любое время. И они смогут сыграть в «приди и возьми меня».

Она откинулась назад в кресле и сосредоточилась на уменьшении опухоли вокруг своего подбитого глаза.

КОРУСАНТ, ШТАБ-КВАРТИРА ГГА, КАБИНЕТ ДЖЕЙСЕНА СОЛО - ДВЕРИ ЗАКРЫТЫ

Джейсен проиграл запись четыре или пять раз, прежде чем был удовлетворён. Это была искажённая, сделанная от уровня пола запись из тех, какие обычно захватывали эндоскопические камеры-полоски, но звук был чётким, и участники встречи ясно опознавались как глава ГА и премьер-министр Кореллии. Не будет никаких споров насчет того, что эти двое встретились, отбросили всю защитную политику ГА, договорились о частных сроках для перемирия независимо от верховного главнокомандующего или Сената и обсудили устранение путём убийства полковника Джейсена Соло и адмирала Ниаталь.

Всё, что ему нужно, чтобы оправдать следующий шаг.

Он склонился над столом и открыл канал внутренней связи. Дроидам было неважно, сколько раз их вызывали в кабинет.

— НМ, — сказал он. — Ты мне нужен, немедленно.

— Конечно, сэр, — ответил НМ-3.

Дроиду понадобилось десять минут, чтобы объявиться. Когда он вошёл, позывая, его руки были загружены планшетами и даже связками флимси. Он пришёл подготовленным к одной из джейсеновских сессий «объясни мне закон». Иногда было неприятно встретить дроида, который так хорошо умел предвидеть потребности. Джейсен удовлетворился впечатлением.

— Пришло время задействовать поправки, — сказал Джейсен.

Если дроид мог изобразить разочарование на неподвижном лице, то НМ-3 это сделал. Его голос не оставил сомнений. Он любил проходить через тонкости административного права с Джейсеном, вероятно, потому, что никто больше не хотел их слушать. Тот факт, что он носил документы с собой, а не просто подключался к сетевому архиву ГА, был признаком его подлинной... любви к закону. Для него это было сущностью, а не просто словами.

— Тогда позвольте мне резюмировать, сэр. — НМ-3 положил на стол охапку юридических справочных источников и вытащил свой рабочий планшет. — ...внести поправки в Акт о чрезвычайных мерах, чтобы включить в его сферу действия полномочия ГГА задерживать глав государств, политиков и любых других лиц, которые, как считается, представляют реальную угрозу безопасности Галактического Альянса, и конфисковывать их активы с помощью Акта о казначейских приказах.

— Именно, — сказал Джейсен. — Когда она может быть принята?

— Я могу распространить её прямо сейчас, сэр, и она вступит в силу в полночь. Вы очень последовательны в этих поправках.

— Я многому у тебя научился, НМ, о важности административной дисциплины.

— Спасибо, сэр. Мало кто это делает.

— И мои извинения за то, что затащил тебя сюда из-за такой мелочи.

Даже с дроидом смирение и благодарность могут сыграть свою роль. НМ-3 собрал свои исходные данные и направился к дверям.

— С удовольствием, сэр, — сказал он.

Джейсен дождался, когда двери закрылись, и выдохнул. Он заставил себя не думать о Тенел Ка и Аллане, потому что это была роскошь, которую он не мог позволить себе в этот момент, но он так скучал по ним — особенно по Аллане, — что порой ему было больно дышать, когда он думал о них. Люмия была занята в другом месте: невелики шансы, что она поймаёт его тянувшимся

в Силе к своей семье. Но он не собирался рисковать — не сейчас, когда так много вещей было в пределах его досягаемости.

«Теперь ты мой, Кэл Омас. Попался, идиот».

В полночь он получит законное право арестовать главу государства Кэла Омаса за действия, которые могут представлять угрозу безопасности Галактического Альянса. Он уведомит верховного главнокомандующего, которая была — до 0900 завтрашнего утра — действующим главой государства в отсутствие Омаса и которая заступит на его место, если по какой-то причине он не сможет исполнять свои обязанности.

«Например, если его арестуют за то, что он продал нас кореллианцам и запланировал убить меня и Ниаталь. Ей это понравится».

Теперь слишком поздно отступать от края пропасти. Это должно случиться. Ниаталь знала, что назревает, и обещание власти обеспечило её молчание. Она должна была предоставить улики сенатору Г'вли Г'Силу, председателю Совета безопасности, чтобы «оправдать свои поклоны», как она любила выражаться. Как только эта деликатность будет устранина, она сможет принять участие в перевороте с чистой военной совестью.

Следующий этап должен будет посадить её на номинальный пост главы государства при одновременном закреплении за кулисами собственной базы власти, потому что он не будет частью той структуры со смехотворным названием «демократия».

Это был хаос, чистый и простой. Это было великолепное слово для оправдания отречения от ответственности тех, кто мог, если бы они были готовы приложить усилия, создать лучшую галактику для подавляющего большинства. Это было слово для поиска виноватых.

«Демократия, свобода и мир». Всё это уловки, как слова, использовавшиеся для обучения вирмоков служить или нападать. Это звуки без реального значения, ничего определённого, просто спусковые механизмы, которые все привыкли считать желанными, осязаемыми вещами. Мир — ладно, Джейсен *мог* определить его. Но демократия? Свобода? Чья свобода и для чего? Свобода была довольно туманным понятием, когда всё, что нужно большинству существ — это отсутствие беспорядка, полный живот и немного надежды на то, что у их потомства будет жизнь лучше, чем у них.

Джейсен протёр глаза, чувствуя нехватку сна прошлой недели, но решил не дремать даже несколько минут. Шеву ещё не отзвонился. Половина работы была сделана, но Джейсен ещё не знал, что произошло с Гедженом. Что бы ни случилось, Бен или пристрелил его, или промахнулся. Джейсен включил голоновости, ожидая экстренного сообщения об убийстве, но там всё ещё показывали какую-то ерунду о звезде головидео с запутанной личной жизнью. Делать было нечего, разве что заполнить время ожидания продуктивной работой. Он открыл связь с Ниаталь.

— Я посыпаю вам кое-что по вашему защищённому каналу, — сказал он. — В одну минуту после полуночи я начну действовать. Тщательно рассчитайте время визита к Г'Силу.

— Думаю, что справлюсь, Джейсен...

— Подождите, пока не увидите то, что я вам посыпаю, — сказал он. — Это совсем другое — наблюдать, как они определяют наше будущее.

— Сообщите мне за пять минут до того, как... нанесёте свой визит.

Джейсен откинулся в кресле и ждал звонка от Шеву.

И он всё ещё чувствовал, что Бен жив, если не здоров.

ВУЛЬПТЕР, КОСМОПОРТ ЧАРБИ

Это была блокировка. Бен, как все остальные в толпе, стоял неподвижно, наблюдая за тем, как кореллианский офицер службы безопасности — министерская служба защиты, предположил он — держал бластер нацеленным на толпу.

— Никто никуда не уходит, — объявил он. — Порт закрыт властями Вульптера, и вас всех просканируют на баллистические следы.

— Зачем? — раздался из толпы мужской голос.

— Была стрельба, — сказал офицер. — Убийство. Я хочу, чтобы вы все тихо и спокойно ждали, потом мы проверим всех вас, и вы будете свободны.

— На это уйдут часы, — сказал кто-то.

— Значит, *уйдут* часы, — ответил офицер и проверил заряд в бластере, так, чтобы все услышали жужжание и увидели вспышку индикаторной полосы, что говорило о его готовности стрелять. — Мне бы очень хотелось вашего сотрудничества, ребята.

По собравшейся толпе прокатился гул шепота, вздохов, щелчков и других разнообразных выражений ужаса и нетерпения. Желудок Бена туго скрутило. Он не смел оглянуться и посмотреть, где Шеву и Лекауф. Он чувствовал их присутствие и хорошо представлял себе их положение, но этого было недостаточно. Ему нужно было их видеть.

Он осторожно обернулся и уловил взгляд Лекауфа. Он подошел к нему, замедляя шаг, чтобы не было заметно, что они вместе. Ему нужно держаться подальше и от Шеву. Что толку, если их всех арестуют.

Бен активировал наушник и заговорил, едва шевеля губами, максимально сдерживая шёпот.

— Я найду слабое место и выйду, — сказал он. Ему казалось, что все видят сложенную винтовку под его курткой, хотя все, казалось, гораздо больше интересовались тем, что происходило за транспаристальными дверьми в посадочной зоне. От стен отражались красные и синие огни, на поле устремились машины безопасности. — Помните: я могу где угодно прыгнуть, открыть любую дверь. Я сам вернусь домой.

— Да, — сказал голос Лекауфа в его ухе, — и они поймут, что это был джедай.

— Никакой ерунды с Силой, — приказал Шеву. — Расслабься. Мы обойдём это. План на случай непредвиденных обстоятельств, господа.

— Я замету следы, сэр.

— Джори, — сказал Шеву. Обычно он никогда не звал Лекауфа по имени. — Джори, я сейчас...

— Вряд ли это хорошее использование трудовых ресурсов, сэр. — Лекауф двигался к Бену. Он выглядел мрачным. — И вы слишком далеко от Бена, чтобы что-то сделать.

Лекауф теперь был прямо рядом с Беном. В толпе пассажиров и пилотов, суевившихся вокруг, мешающих друг другу, он мог незаметно прижаться к нему. Лейтенант потянулся под куртку Бена и схватил винтовку. Бен крепко прижал руку к боку, чтобы помешать ему взять её.

— Что вы *делаете*?

— План на случай непредвиденных обстоятельств. Отпусти, Бен.

— Вы собираетесь выбросить её?

— Да. Да, я собираюсь избавиться от неё.

— А как же баллистическое загрязнение? Его вы не сможете выбросить.

— Объяви об этом всем, почему ты не... — Лекауф внезапно снова стал мастером эффективности, как на тренировочном полигоне, его слегка глуповатое хорошее настроение исчезло. Он стоял грудь в грудь с Беном, и после двухсекундной, почти неподвижной драки, которую никто не увидел, он высвободил прижатый локоть Бена и сунул сложенную «Карпаки» под собственную одежду. — Теперь палочка у босса. Обещай мне, что сделаешь.

— Вы сбрендили, Джори.

— Ага, как дедушка.

Бен чувствовал себя совершенно бесполезным. Лекауф должен был выручать его из этого беспорядка. Он должен был суметь сделать всё сам. Немного джедай. Немного суперсолдат. Он задумывался, как он переживёт это, а ещё — почему он сейчас больше волнуется по этому поводу, чем из-за отнятой жизни, даже такой гнилой, как жизнь Геджена.

Лекауф двинулся назад по залу терминала к центральным дверям, которые вели к посадочной зоне. Бен было направился за ним, но Шеву небрежно преградил ему дорогу, словно грубый и небрежный незнакомец.

— Что бы ни случилось, — сказал он почти неслышно, губы едва шевелились, — ты должен держаться *меня* и следовать за мной, если меня не схватят — а если так, возвращайся на базу любым способом.

На брифингах они разыграли несколько сценариев, в том числе если разделятся или попадут в плен, но сейчас всё было по-другому.

Лекауф был у главных дверей и как будто пытался проверить, где стоит корабль. Вдруг, без предупреждения, он крепко схватил за шею какую-то женщину, вытащил бластер и приставил его к её виску.

— Откройте двери! — завопил он. — Живо откройте, или я разнесу ей голову!

Началось столпотворение. Люди бросились врассыпную, оставляя вокруг Лекауфа пустое пространство; сотрудники охраны и кореллианский полицейский боролись с потоком тел, пытаясь разобраться, высоко подняв бластеры. Лекауф сотворил настоящее чудо, внезапно превратившись в краснолицего, опасного человека.

«Как он собирается это провернуть? Мы окружены. Заперты».

Этого не было на брифингах. Лекауф импровизировал. Он был вынужден. Бен оторвался от Шеву и протиснулся сквозь толпу.

— Я сказал, *откройте криффовы двери*, или будете оттирать её с потолка. — Лекауф щёлкнул бластером, и женщина-заложница начала визжать, тонкий вопль перерос в полномасштабную придушенную серию криков и визгов. — Вы дадите мне сесть на корабль и улететь отсюда, и она останется в живых. Не связывайтесь со мной. Крифф, *не связывайтесь со мной*.

— Просто отпусти женщину, — сказал офицер. Он протолкнулся внутрь и стоял на краю пустого пространства. — Просто убери бластер. Отпусти её.

— Чтобы ты мог разбрзгать мои мозги по всему терминалу? Ага. Щас тебе.

— Парень, это тебе не поможет. Мы можем поговорить...

— Угу, ты типа мило поболтаешь со мной о Геджене. Я убил мешок с дермом, и горжусь этим. Он уступал ГА. Набивал свои карманы. Я — патриот. Слышиште? Я люблю Кореллию. Они должны дать мне медаль.

Офицер подал знак охраннику у выхода, и двери открылись. Бен в ужасе наблюдал, не в силах двигаться. Лекауф отступал из дверей, наполовину таша, наполовину неся перепуганную заложницу, и усердно пробирался к кораблю. Казалось, это длилось вечность. Это был долгий, долгий путь, борьба с женщиной в шейном захвате, отступление назад, сопровождавшееся медленно движущейся группой полицейских и охранников, ожидающих первого промаха, который дал бы им возможность выстрелить в него. Бен хотел побежать за ним и помочь, но понятия не имел, что сделать: даже если он устроит диверсию, они всё равно так или иначе окажутся в ловушке.

Лекауф активировал трап корабля и отступил на него. Женщина прекратила кричать и начала рыдать.

— Так, а *теперь* на выход. — Шеву стоял прямо позади Бена, наклонившись к его уху, и медленно стискивал и крутил его воротник, показывая, что он говорит серьезно. — Медленно и спокойно. Нельзя этого упустить. Он купил для нас время.

Бену хотелось завопить: «Но как же он?» Но он всё же промолчал. Он и так уже забыл слишком большую часть своего обучения, и это было совсем не по-солдатски. Ноги дрожали. Лекауф добрался до верха трапа и пихнул женщину вниз; за ним захлопнулся люк, оставив на пермакрите рыдавшую и вопившую заложницу. Полиция помчалась вперёд и подхватила её. Стрелки приблизились, чтобы занять позиции вокруг корабля.

Теперь все остальные в здании терминала были позабыты, и кореллианский офицер выбежал на поле, встретился со своим коллегой и побежал за кордоном.

— Бен, пора, идём... — Шеву дернул его за воротник, таша к дверям в южном конце терминала. Бен прикидывал, где они разместят войска и какова будет их тактика, чтобы помешать

Лекауфу взлететь. Если Лекауф двинется дальше, он сможет покинуть орбиту и перейти на скорость света прежде, чем то, что именовалось на Вульптере флотом, сможет подняться в воздух.

Но корабль оставался на месте, из его дюз не вырывалось никаких выхлопных струй. Бен видел это сквозь транспаристальные стены, двигаясь к выходу, и не чувствовал облегчения.

И тут Бена осенило, что Лекауф никуда не полетит.

Может быть, эта штука не завелась.

«О нет, нет, нет...»

Дело было не в двигателе. Теперь Бен чувствовал Лекауфа — испуганного, странно торжествующего и со странным умиротворением, несмотря на страх. Это была самая невероятная комбинация, которую Бен когда-либо ощущал в Силе.

— Что он делает, сэр? Как он уйдёт?

Шеву снова слготнул. Бен видел, как подпрыгивает комок у него в горле.

— Надо сделать.

— Что надо сделать?

— Хорошую легенду.

— Я не...

— Бен, вперёд. Пошли! — Шеву так стиснул его руку, что ему стало больно, и потащил его по пермакриту к членку. Туристический корабль был теперь окружён полицией и вооружёнными охранниками; ряды дроидов-охранников расчищали внешний кордон и отодвигали корабли, припаркованные слишком близко. — Не проваливай эту миссию. Дело сделано.

— Но ведь Джори сейчас арестуют. Он не может сидеть там вечно. Нельзя его бросать, и что случится, когда они допросят его, потому что они найдут...

— Бен, заткнись. И это приказ. Мы ничего не можем сделать.

Бен не мог поверить Шеву. Он мог бы вырваться и броситься на помощь Лекауфу, и... и что? Ему нельзя использовать свои способности Силы публично. Ему не одолеть маленькую армию полиции. Нельзя рисковать арестом и раскрытием.

Он всё ещё хотел помочь Лекауфу. Товарищей не бросают — это было правило как для солдат, так и для джедаев, и для каждой сплочённой группы, которая вместе сталкивалась с опасностью.

— Мы не можем оставить его, — всхлипнул Бен и уже решился передумать, и пусть ГА и Совет джедаев сами разбираются в своих проблемах, если его арестуют и выяснят, что он — сын Люка Скайуокера, выполняющий политические убийства. — Мы просто не можем бросить его.

В момент, когда он, убитый горем, посмотрел на помятый корабль, мощный взрыв разнёс транспорт на тысячу кусков, взметнув в воздух столб пламени и вихри дыма, и едва не сбив Бена с ног. Полиция разбежалась — те, кто могли бежать. Некоторых разбросало на несколько метров. Казалось, всё происходило в замедленной съёмке и в тишине, а затем звук вернулся, и ход времени возобновился.

Капитан всё ещё сжимал, словно в тисках, руку Бена. Губы мальчика шевельнулись, но он не слышал себя.

— Да, — мягко сказал Шеву и потащил Бена за собой, а тот вытягивал шею и смотрел на обломки и огонь, оцепенелый, потрясённый и потерянный. — Теперь можем.

Глава 11

Экстренное сообщение... мы только что получили отчёты, что премьер-министр Кореллии Дюр Геджен был застрелен в космопорту на Вульптере, Глубокое Ядро, кореллианским террористом. В первых сообщениях указывалось на то, что после выстрела последовал вооружённый штурм, но он, похоже, закончился, когда убийца взорвал себя в собственном корабле на посадочной полосе. Позже мы вернёмся к этой истории.

— Экстренное сообщение ГНР

МАНДАЛОР, «РАБ I», СТОЯЩИЙ НЕДАЛЕКО ОТ КЕЛДАБЕ

Этот день был *весьма* богат на интересные новости. Фетт настроил монитор кабины на канал новостей, глядя, как земля уходит из-под ног остальной части галактики. Он видел такое достаточно часто, чтобы заметить признаки надвигавшегося хаоса.

Обычно это означало время хороших взносов и богатого выбора для охотников за головами. Теперь его приоритеты должны были стать несколько иными, и он ждал звонка из кабинета Сасса Сикили, верпина, работа которого заключалась в общении с чужаками от имени Роше. Верпины начинали беспокоиться. Как могли беспокоиться представители расы, которая в большом количестве производила столько высококачественных безделушек, Фетт не понимал, но таковы были верпины. Инсектоиды могли занервничать, а когда нервничал один — роевое мышление заставляло нервничать *всех*.

Пока Фетт ждал, он размышлял над убийством. Он не мог сказать, что так уж сожалеет о гибели Дюра Геджена, но, по крайней мере, барв платил своевременно. Однако Фетт ставил на то, что он пробудет на своем посту больше нескольких месяцев, прежде чем получит неизбежный выстрел в голову. Это было неприлично преждевременно даже по стандартам кореллианской политики. Кто же на самом деле убил его? Разумеется, не какой-то кореллианский провинциальный ура-патриот. У Геджена имелся ряд потенциальных убийц, который протянулся бы отсюда и до Галактического Ядра.

— Мандалор Фетт... — раздался голос из коммуникатора. Он был тонким, немного выше тенора, и гудел со слабым резонансом. — Мы с восторгом отметили ваше возвращение.

— Нужно приволочь кого-то воящим в ваш улей, Сикили?

— Не сегодня, благодарим. Но у нас есть для вас деловое предложение.

— Я весь внимание.

— Ах... мы слышим удивительные слухи о залежах железа, которые, как мы предполагаем, правдивы...

— Да.

— ...а с помощью мандалорского железа можно сделать много замечательных вещей. Мы хотели бы приобрести немногого.

— Мы счастливы продать, когда у нас будет излишек для экспорта.

— В последние месяцы мы отмечаем нестабильный характер дел в галактике, который, как мы ожидаем, усугубится гибелью премьер-министра Геджена.

— Да. Хорошие времена для торговли оружием.

— Действительно. Но также и *тревожные* времена для нас, когда Мерканы бросает вызов нашим рынкам, а теперь Кем-Стор-Ай говорит о войне с Мерканой, которая, по мнению ульев, слишком близка.

— У вас достаточно техники, чтобы превратить Меркану и Кем-Стор-Ай в собственное астероидное поле, Сикили. Половина их снабжения поступает с Роше. Выскажите им это.

— Мы — буквальный народ, Фетт.

— Я тоже. Давайте вместе будем буквальными.

Секунду Сикили молчал. Фетт расслышал слабый щелчок его жвал.

— Теперь, когда у вас в изобилии бескара, вы перевооружитесь. Роше, может быть, и вне вашего сектора, но в последний раз, когда у мандалорцев было много бескара, сектор Мандалор стал намного, намного больше.

Верпину понадобилось немного времени, чтобы объяснить, к чему они ведут, тщательно продумывая каждый шаг последовательности, но, в конце концов, они добрались до цели.

— Вы беспокоитесь, что мы дотянемся и до вас, — сказал Фетт. — Вторгнемся к вам.

— Да. Такова особенность вашего вида.

— Теперь мы домоседы. Нам нравится задирать ноги и смотреть головиды.

— Когда вы отпускаете шутки, ульи ещё больше беспокоятся, потому что вы не шутник. Поэтому...

Это становилось болезненным, и он не желал слушать, как Сикили анализирует его характер. Фетт нашёл забавным, что он не угрожал и не намекнул на судьбу Роше — и даже не думал об этом, — но такое отношение всегда было частью его арсенала, как и мандалорцев в целом. У них была определённая репутация, которая сделала для них предварительную работу.

— Тогда подпишите соглашение с нами, — предложил он.

— Что-что, Фетт?

— Пакт о ненападении. Добрососедская взаимная помощь.

— У вас нет причин бояться нас, значит, вы пожелаете что-то в обмен, потому что вы — наёмник и...

— Охотник за головами по совместительству. То, чего я хочу, взаимно.

— Что мы можем сделать для вас, чтобы не оказаться в вашей коллекции?

— Снабдить нас первоклассной продукцией в обмен на наш первоклассный металл. Мы даём вам наши особые навыки — военную силу, а вы даёте нам ваши в защитных технологиях и контроле качества. Возможно, даже объединить силы в разработке новых проектов.

— Ах, вы, мандалорцы, всегда... заимствовали технологии у других. Сейчас вы могли бы насильственно позаимствовать наши.

— Соглашение на столе. Вы заставили меня заметить вас. Плохая идея.

Сикили снова помолчал. Верпины умели общаться одновременно со всеми членами улья через некий орган в груди. Фетт предположил, что Сикили консультируется с ульем.

— Соглашение принято. Нам нужны детали.

— Я поручу своим коллегам связаться с вашими. — Фетт мог вообразить реакцию на это на Корусанте — и на Кореллии. — Мы с нетерпением ждём долгого и производительного союза с Роше.

— Мы объявили эти радостные и утешительные новости. Доброго дня, Фетт.

Что было хорошо в инсектоидах, понимающих всё буквально, так это то, что они были прозрачны в своих деловых связях: никаких игр, никакого блефа и — обычно — никаких упущений в соглашениях. Фетт задумался, не поговорить ли ему сначала с кланами, но это была его прерогатива — выбирать Мандалору союзников, и объединение с лучшими технологиями в галактике вряд ли кого-то расстроит — и уж точно не на Мандалоре. Зато это наверняка как следует попортит кровь остальным.

«Значит, все думают, что мы перевооружаемся. Да, но не по тем причинам, по которым они думают. Это может быть... интересным».

Он запер «Раб I», скорее по привычке, чем из недоверия к собственному народу, и отправился на гравицикл в лес, где он перезахоронил останки отца после того, как выкопал их на Дженоизисе.

Айлин тоже была похоронена там, но Мирта явно всё ещё беспокоилась из-за того, что мать не вернули на Киффу. Она, казалось, считала погребение временной остановкой в пути. Он отметил могилы простыми камнями, потому что для него было важно суметь найти их снова, хотя он никогда не стремился посещать могилы.

«Даже твою, папа».

Теперь он собирался это исправить. У него не было оправдания. Он не находился где-то далеко в галактике.

«Столько времени я путешествовал от мира к миру, столько световых лет оставил позади, и я ни разу не прилетел на Дженоносис, чтобы проявить уважение».

Фетт ухватился было за свои мандалорские корни в качестве оправдания. Бевийн всегда говорил ему, что для мандалорцев имеет значение именно броня, а не разложившаяся оболочка, покинутая духом.

«Я ведь это сделал, не так ли? Я вернул броню отца и оставил его тело. По крайней мере, это я сделал».

У кочевых наёмников не могло быть кладбищ, и они не могли таскать с собой трупы. Это, вероятно, основывалось на прагматизме, но у мандалорцев — за редким исключением, вроде мандалоров — даже здесь всё ещё не было тщательно возведённых святынь и могил.

Прогалина в лесах было мирным, неиспорченным местом, которое не удалось разрушить южань-вонгам. Высокие столетние деревья галек с серебряными листьями окаймляли участок губчатого мха и короткой жёлтой травы, создавая впечатление постоянно освещённого солнцем спокойствия даже в пасмурный день. Ещё до того, как Фетт посадил гравицикл, он увидел Мирту на коленях у могилы матери, глядевшую на камень, а Гес Орад, сын Новока Вевута, глядел на неё. Их шлемы стояли рядом.

У неё было странное представление о романтике, у этой девушки, но Орад казался почти одурманенным, так что, возможно, ему было всё равно, куда идти за ней. Они оба оглянулись и увидели приближавшегося Фетта. Тот старался избежать ломких порослей хрупких янтарных папоротников.

— Скажи, если я помешал, — сказал Фетт. Орад поглядел на него и поднялся на ноги. — Давай договоримся. Разобьёшь ей сердце, и я переломаю тебе ноги.

— Договорились, — сказал Орад. У него было бледное лицо с заострёнными чертами и клочками ярко-жёлтой бороды. — Увидимся, Мирта.

Мирта смотрела мимо Фетта на уходившего Орада, а потом впилась в деда взглядом.

— Полагаю, это и есть твои представления о заботе и защите, ба'буир.

— Я серьёзно, — сказал Фетт. — Эмоциональная ты для меня бесполезна.

— Ладно... для чего я тебе понадобилась?

— Не для чего. Просто пришёл навестить могилу папы.

Её способный поджарить нерфа взгляд смягчился, вероятно, от смущения. Совместный плач по Айлин, хотя бы один раз, не открыл эмоциональные шлюзы и не связал их родственными отношениями, скреплёнными общим горем. Он был, и, вероятно, всегда будет осторожным и сдержаным.

— Я вернусь позже, — сказал Фетт.

— Нет, я в любом случае уже уходила.

— Хорошо, давай вместе немного постоим здесь в неловком молчании, и я отвезу тебя обратно в город.

По каким-то причинам единственным, что никогда не смущало Фетта, было признание своей любви к отцу. Ему не было дела, казался ли он от этого мягким. Люди говорили, что нет, особенно если им была дорога жизнь. Он засунул большие пальцы за пояс и рассматривал небольшую ложбинку в мягкой мшистой земле, понимая, что надо было заполнить могилу большим количеством почвы, чтобы учесть оседание.

«Я неплохоправляюсь, папа. Тебе приходилось когда-нибудь заниматься внутренней политикой, когда ты был мандалором, или ты только сражался? Полагаю, ты знаешь, что я умираю».

Последняя мысль поймала его неожиданно. Фетт верил в разложение и вечное забвение: он столько раз имел с ними дело и знал, что ждало его. Это всё Бевийн и его разговоры о мэнда, из-за которых он скатился в эти глупые мысли о вечности.

— Я знала, что с тобой в целом всё хорошо, когда ты расколол «сердце огня», чтобы похоронить половину с мамой, — тихо сказала Мирта.

— Я не сентиментален.

— Настоящий подонок сохранил бы камень в целости и продал бы его.

Фетт возмутился прерыванием его односторонней беседы с отцом.

— Возможно, если бы я оставил его целым, кто-то мог бы прочесть в нём информацию. — Он выпрямился, держа руки по бокам. — Ты закончила здесь?

Мирта пожала плечами, забрала свой шлем и зашагала к спидеру. Это был своего рода ответ. Они направились к Келдабе. Прямых дорог не было; это значительно облегчало заманивание в засаду и блокирование потенциальных захватчиков.

— Что все остальные делают с телами? — спросил Фетт.

— Поверни налево, когда мы доберемся до реки, и я тебе покажу.

Мирта, казалось, серьезно отнеслась к этой идеи возрождения мэндо. Фетт ожидал, что она отбросит эти пути и сделается всецело киффаркой, как её мать, но она переметнулась в другую крайность. Если бы он не знал, что она не была заинтересована в богатстве, он подумал бы, что она заняла такую позицию, чтобы унаследовать его состояние. Так было бы легче. Прямо сейчас он понятия не имел, каковы её мотивы были.

— Между прочим, Геджен убит, — сказал он, накреняя спидер, чтобы повернуться вдоль течения реки Келиты. — Слышал это в новостях.

— Вот и хорошо, — сказала Мирта. Она определенно была его внучкой. — Слизистый шабуир!

— Я поместил полную плату за Сал-Соло в фонде доверия для тебя.

— Спасибо. Но ты не должен был.

— Да. Не должен.

— Вот она.

— Что?

— Могила.

Фетт ничего не видел — только пышные заливные луга между богатым пастбищем, ярко-зелёным даже после уборки урожая. Говорили, что эта местность преодолела юужань-вонгские попытки уничтожения окружающей среды, потому что быстрые воды на лугу и река унесли яды вниз по течению. Даже для городского и несельскохозяйственного глаза Фетта это напоминало богатую почву.

— Где?

— Воспользуйся своим терагерцевым ГР.

Фетт включил георадар. Теперь, когда он смотрел на землю, он видел изменения в плотности и участки менее уплотнённой почвы. Ещё он видел скопления рядов и обломков, настолько переплетённых между собой, что он не мог разобрать, что это.

— Это братская могила, — пояснила Мирта.

Фетт остановил спидер, и они сошли, чтобы посмотреть. Его ботинки хлюпали по промокшей траве, и, хотя это был далеко не первый раз, когда он шагал по ковру из мёртвых, ему было странно неловко.

— Погибло много людей, — сказал он. Больше миллиона. Практически каждый третий мандалорец пал, защищая планету. Мирта, казалось, ожидала какого-то государственного поведения, поэтому он попытался: — А мемориала нет.

— Это не военная могила, — сказала Мирта. — В любом случае, мэндо'аде обычно хоронят в братских могилах. Все мы становимся частью мэнда. Нам не нужен надгробный камень.

Исключительное изобилие почвы внезапно обрело смысл. Было бы неразумно тратить впустую органический материал.

— Мэнда.

— Коллективное сознание. Сверхдуша. Мы не попадаем в рай.

Фетт вздрогнул.

— Я знаю, что это.

— И оно возвращается к живым. У тебя, конечно, будет отмеченная могила, ты же манд'алор. Если сам не откажешься.

— Наверное, только чтобы удостовериться, что старый мандалор не объявитя снова, чтобы исправить надпись.

— Возможно, чтобы просто проявить *уважение*.

— Тебе не приходило в голову, — спросил Фетт, — что всё это объясняется тем фактом, что мандалорцы всегда были в движении, не могли ухаживать за могилами и должны были избавляться от большого количества трупов? И что они — бесплатное удобрение?

Мирта сняла шлем — вероятно, чтобы он увидел грозовую тучу её неодобрения.

— Неужели нет ничего глубокого, что ты не смог бы уменьшить до банальности, а?

— Я — практичный человек.

— Мы — практичный народ. — *Мы*. Киффу прекратил для неё свое существование. — Но нет ничего дурного в видении большей картины.

— А я могу устраниться от мэнда? Я не хочу потратить вечность с Монтрессом или Визслой. Или мы приглашаем в гости другие виды? Если мы принимаем их в жизни, имеет смысл и принятие их позже, так как же насчёт остальной галактики?

Мирта, казалось, собиралась выплюнуть ему что-нибудь ядовитое, но вместо этого вздохнула, вновь надела шлем и вернулась к спидеру. Фетт обдумывал, как это было бы скучно, если бы действительно было некое существование после смерти, особенно если бы оно не было только по билетам. Единственным человеком, которого он хотел увидеть снова, был отец. Остальные мертвцы — любимые и ненавистные, но в основном только нелюбимые и безразличные — могут *оставаться мёртвыми*.

На будущее он решил держать рот на замке. В прошлом это всегда была лучшая политика, и многозначительная беседа была одной из тех немногих вещей, с которыми он, похоже, неправлялся. Он повёз внучку в центр Келдабе, следуя за извилистым течением Келиты, скользя над её изгибами и речными утёсами. Древняя река постепенно пробивалась наружу, терпеливо подтачивая берега и прокладывая себе новый путь, и казалось, что одно хорошее наводнение разобьёт узкие перешейки и снова выровняет русло. Быстрый осмотр с помощью георадара показал высохшие старицы, вдавленные в землю с обеих сторон, как следы копыт. Пока не объявились парни в крабовой броне, большая часть Мандалора оставалась такой, какой была до прибытия людей: первобытной, дикой и всё ещё полный неоткрытого. Фетт вновь возненавидел юужань-вонгов за уничтожение всего этого.

Новок Вевут, отец Орада, делал и ремонтировал оружие. Он был во дворе мастерской, которая также служила ему домом, и обрабатывал детали бластеров. Фетт заглушил спидер у входа, и Мирта соскользнула с сидения.

Вевут сдвинул прозрачный защитный щиток на макушку и одарил их обоих широкой усмешкой.

— О, приятно видеть вас двоих, делающих что-то вместе, — сказал он. — Оси'кир, Фетт, мы собираемся породниться?

Мирта смотрела на него с теплотой, которой не испытывала к собственному деду. Похоже, Фетт не понимал, как далеко зашли отношения с сыном Вевута.

— Если бескар — такая хорошая защита, откуда у тебя тогда столько шрамов, буир? — Поддразнила она. — Забывал надевать шлем?

Она назвала его *папой*. Вевут усмехнулся.

— Я порезался при бритье.

— Трандошаном.

— Выходи за Геса, и я сделаю тебе бластер, который сможет одним выстрелом снести головы дюжине трандошанов.

— Ты знаешь, как вскружить девушки голову, — ответила она и сняла шлем и обувь, прежде чем исчезнуть в доме.

Вевут стряхнул со шлифовального стола блестящие кольца стружек. Пока он работал, его длинные чёрные косы были стянуты сзади бечёвкой, и золотые зажимы, нанизанные на них, как трофеи, гремели и позвякивали, когда он двигался. В сочетании с поразительными шрамами на коже цвета чёрного дерева они придавали ему вид невероятно закалённого в боях. Бевийн рассказал, что золото он добывал за долгие годы убийств, а потом переплавил его, чтобы сделать декоративные зажимы. По сравнению с ними тесьма Фетта со скальпами выглядела скромно.

— Когда я усыновил Геса, — сказал Вевут, не поднимая глаз от рабочего места, — нам тоже сперва было нелегко принять друг друга. — Он сострогал блестящую стружку с куска металла, который обрабатывал, и поднял его, чтобы проверить край. — И я знал его всю его жизнь. Его родители были моими соседями. Только то, что Мирта — твоя собственная кровь, не означает, что это случится автоматически.

— Я приму это во внимание.

— Тебе не по нраву Орад?

— Мирте уже далеко не тринадцать. Она может сама выбирать.

— Он — хороший парень.

— Я знаю. — Собственная неспособность Фетта общаться с противоположным полом не давала ему повода составлять мнение о жизни внучки. Но он был серёзен, когда грозил переломать ноги Ораду. Это был отеческий рефлекс, который появился откуда ни возьмись. — Сегодня я заключил сделку с верпинским правительством. У нас теперь пакт о ненападении с Роше, если они поделятся с нами технологиями.

Вевут прекратил строгать острые грани.

— Эй, я даже не слышал, чтобы мы стреляли...

— Зато они услышали слово «бескар».

— Я верю, что вновь грядут хорошие времена, манд'алор.

— Если ты хочешь поучаствовать, когда мы будем говорить с ними об оружии, твой взгляд будут полезен.

— Ладно. Оставлю свой инсектицид дома в знак уважения.

— Я должен поговорить с кланами. На случай, если кто-то подумывает подписаться на Кем-Стор-Ай. Это расстроило бы верпинов.

Это был хороший спокойный способ управлять страной. Фетт послал сообщение через свой планшет и ждал возражений, не ожидая их. Помимо вопросов, вроде скидки на заказ верпинского оружия, которые сейчас могли бы появиться, вожди восприняли новость спокойно. Было похоже, будто мандалорцы берегли все свои страсти для двух вещей: семей и войн. Фетт вернулся на ферму Бевийна через реку и остановился, чтобы снова посмотреть на обширную братскую могилу.

Большинство видов считало слова «неотмеченная братская могила» настоящим ужасом, худшим концом жизни. И всё же мандалорцы *выбрали* это. Фетт, находясь на грани между мэндо и аруэтии, несмотря на его титул, пытался взглянуть на свой народ так, как его видели аруэтии, чтобы полностью понять тот страх, который всего несколько миллионов мандалорцев вызывали одним своим существованием. Отстранившись, он видел армию вторжения, уничтожающую целые расы, сражающуюся в галактических войнах, сметающую всё на своем пути; он видел наёмников и охотников за головами, бесстрастных торговцев смертью в масках. Образ, выжженный в коллективном восприятии галактики, представлял собой жестоких дикарей, воров и мародёров, чья временная преданность кому угодно, кроме себя, могла быть куплена, но никогда не гарантирована.

Это оказывалось почти абсолютно верным — разве что насчёт верности ошибались. Большинство просто не понимало природу контракта.

И они никогда не оказывались достаточно близко, чтобы видеть мандалорцев в мире. Если уж на то пошло, это видел и мало кто из мандалорцев. Это была беспокойная галактика.

Фетт смирился с тем, что будет жить на ничейной земле — слишком мэндо для чужаков, но недостаточно мэндо для некоторых кланов — и направился назад к «Рабу I», который всё ещё был тем приютом, где он предпочел спать. Он надеялся, что Бевийн не оскорбится. Беспокойство по поводу чьих-то чувств было новинкой, и Фетт знал, что Бевийн скажет о психологии сна в космическом корабле, когда доступен идеально удобный дом — сколько угодно домов.

Когда Фетт добрался до корабля и отпер люк дистанционным управлением, он обнаружил ожидавшее его сообщение. Его можно было передать прямо на его внутришлемный дисплей, но Джайнг Скирата делал всё по-своему и по-особому.

Я ВИЖУ, ТЫ ПРАВИЛЬНО ПОСТУПИЛ С МАНДАЛОРОМ. Я ПОСТУПЛЮ ПРАВИЛЬНО С ТОБОЙ.

Значит, Фетт не ошибся. Он вытряхнул на ладонь порцию капсул и запил смесью воды и коктейля жидкых лекарств, которые прописал Белуин. Это лишь замедляло его конец, не останавливая его.

Джайнг не сказал, что он добился успеха.

«Смерть — это фактор мотивации, а не угроза. Тебе ещё многое предстоит сделать, прежде чем ты станешь удобренiem. Тебе просто придётся сделать это раньше, а не позже».

Фетт включил монитор в своем тесном обиталище и расслабился с пакетом сухпайков, чтобы посмотреть новости, как Кореллия оказалась в кризисе, а вергинское правительство Роше объявило о переговорах с Мандалором, на которых согласилось на взаимную помощь и торговое соглашение.

Потом он вынул чёрный список, оставленный ему отцом. Он прослушал каждое записанное там сообщение больше сотни раз и изучил изображение отца. Когда он боялся, что начинает забывать, на кого когда-то походил Джанго Фетт, он включал его и вновь просматривал сообщения.

Он не забыл: ни поры, ни волоска, ни морщинки. Но он всё-таки снова включил его и решил, что завтра может быть очень хороший день, чтобы обнародовать «Бес'улиик».

КОРУСАНТ, ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА ДЖЕДАЕВ: ЭКСТРЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ

— Оная, — сказала мастер Саба Себатайн, — хотела бы *удозтовориться*, что Альянз не имел никакого отношения к змерти Геджена. В этом не было необходимости.

Люк не мог обвинить её в поспешных выводах. Такова была и его первая мысль, а вторая — что к этому приложили руку агенты ГА — или даже сам Джейсен. Но убийца, похоже, заперся в своем корабле и взорвал его, корабль был с кореллианской регистрацией, полностью рассеив этим кореллианские доказательства. Люк видел и более безумные вещи. Это был поступок фанатика, и весьма распространённый.

— У многих кореллианцев были причины желать смерти Геджену, — сказал он. Куда подевалась Мара? Он отчасти ожидал, что она войдёт в двери зала, торжествующе неся голову Люмии. — Но я проведу свои собственные исследования.

Корран Хорн поднял взгляд от своих сжатых рук, которые он изучал с неестественной концентрацией. Возможно, нелегко было наблюдать, как его родной мир погружается во взаимное обвинение и тыканье пальцами.

— Дело не столько в том, кто на самом деле это сделал, сколько в том, кто это сделал, по мнению различных сторон, и это не будет зависеть от чего-то столь не относящегося к делу, как реальные факты.

— Ну, я должен знать, и я не хочу, чтобы меня информировали голоновости, — ответил Люк. — Кип, ты можешь отслеживать заголовки, пока идёт наша встреча?

— Было время, — сказал Кип Дюррон, — когда текущее правительство имело обыкновение держать Совет джедаев в курсе, и нам не нужно было полагаться на СМИ.

Да, Люк заметил, что Совет больше не был в курсе событий. Он вернулся к главному вопросу.

— Так что, если это *мы*? — До сих пор всем удавалось избежать упоминания Джейсена.

Присоединился Кайл Катарн:

— А убийство глав государств законно?

— Во время войны, думаю, да.

— Прекрасное время нашёл Омас, чтобы отлучаться, — сказал Катарн. — Будь я параноиком, я бы сказал, что это странно, что он отлучился в неизвестном направлении в то же самое время, когда Геджена застрелили. Лучше проверьте его на баллистические остатки, когда он вернётся в кабинет.

— Это не шутка, — заметил Кип.

— Ладно, простите. Но выбор времени паршивый.

Люк подумал, что Ниаталь проделала похвальную работу, выглядя спокойно и уверенно для СМИ. Прошло уже несколько часов с тех пор, как появилась новость, и новостные каналы обошли каждого аналитика, политика и пилота воздушного такси, который когда-либо имел своё мнение о Дюре Геджене. Ниаталь, великолепная в своей белой униформе, была внушительна. Казалось, что быть главой государства — просто очередная работа, за которую она бралась, когда все остальные были слишком заняты. Она заработала много очков.

И у Люка не было шанса позвонить Хану или Лею. Это будет его следующей задачей, как только он покинет эту встречу. Они знали бы то, что действительно происходило — если кто-то вообще знал.

«Давай же, Мара. Где ты?»

— Так как это всё изменит? — спросил Кайл. — Кто теперь возглавит Конфедерацию? Это останется кореллианским вопросом?

— Если это ботаны, — сказал Корран, — сохрани нас Сила.

Люк всё ещё ждал слова Ниаталь. Совет джедаев не был частью правительства, и пока Омас отсутствовал, не получал мгновенные ответы. Люк понял, насколько хрупкими и неофициальными могли быть отношения между правительством и Советом, когда бразды правления держат разные люди.

— Как раз чтобы подбросить остренького в суп, мандалорцы объединяют силы с верпинами. — Похоже, Кип слушал новости через наушник, судя по его застывшему и расфокусированному взгляду. — И как это вам?

Люк подумал о погибшей дочери Фетта, вине Джейсена и служебном списке Фетта. Он был ужасно тихим, и это беспокоило.

— Они перевооружаются, — сказал Люк.

— Говорили, что они остаются нейтральными, — добавил Дюррон.

Кайл медленно покачал головой, рассеянно стряхивая пылинки с колен.

— О да, если бы мою давно потерянную дочь замучила до смерти тайная полиция ГА, я оставил бы нейтрален. Первое, что я бы сделал. Ушёл и был очень, очень *нейтральным*.

— Тебе бы не пришлось быть на одной из двух сторон, чтобы перевооружиться, или даже принять участие в войне, — сказал Люк.

Тем не менее, никто не произнёс слово на «Дж». Но Люк слышал имя в глубине каждого ума.

— Ну, мы знаем несколько фактов. — Кайл стал считать на пальцах. — Раз: мандалорцы не очень-то широко представлены в социальных службах и уходе за немощными. Два: у них есть совершенно новая партия этого их железа для их военной машины. Три: союз с верпинами делает

их единственным наиболее мощным производителем передового вооружения. Четыре: я слышал, что они всё ещё злятся из-за того, что не получили никакой помощи для послевоенного восстановления, когда они рисковали ради Новой Республики.

— Нехорошо, правда? — подал голос Корран.

— Держу пари, что они направятся на Кореллию в течение нескольких дней.

— Говорят, Фетт убил Сал-Соло, или, по крайней мере, один из его головорезов-мэндо. Куда это ведёт их?

Люк слышал подлинную историю от Хана. Никогда он так не скучал по добрым старым ясным дням борьбы Восстания против Империи, добра против доказанного зла, как в этот момент. Проблема с исчезновением определенности в зле состояла в том, что его вакуум заполнялся всеми видами более туманных угроз, конкуренции и вражды. Становилось всё труднее и труднее судить, откуда исходит угроза. Если бы это не было столь укоренено в природе большинства рас, Люк счёл бы это ситским заговором. С этим жить было бы настолько проще.

— Думаю, нам следует предложить посредничество джедаев и ГА, и Кореллии в том, что касается убийства, — сказал он. — Я знаю, это покажется странным в разгар войны, но есть война по правилам и есть война без ограничений, и нам нужно...

Двери открылись, и вошла Мара.

— Извините за опоздание, — сказала она. — Столкнулась с парой проблем.

Ей удалось прервать встречу. Люк в ужасе уставился на её лицо. Под глазом синяк, губа разбита; держалась она так, словно у неё повреждены рёбра. Она уселась на своё место в кругу с медленной осторожностью.

— Скорее, столкнулась с вооруженной дивизией, — заметил Кип, глядя на неё. — Что с тобой случилось, и куда нам послать цветы для другого парня?

— И это *после* целительного транса. — Она улыбнулась, и улыбка была искренней, но с долей определённого беспокойства. Люк ощущал его. Всё, что он смог сделать — не останавливало встречу тут же, чтобы подойти к ней. Как он не почувствовал того, что с нею случилось?

— Простите, что прерываю, — продолжала она. — Полагаю, что мы волнуемся о последствиях смерти Геджена.

— И перевооружении мандалорцев.

— Забудьте об этом на секунду, — сказал Люк. — Мара, я должен знать, что с тобой случилось.

— Что ж, милый, *спасибо*, что спросил! Я в порядке. Просто поверхностная рана. — Она покачала головой с недоверием, но, казалось, обращённым к себе самой. — Слушай, я поймала Люмиию. Она в худшем состоянии, чем я — поверь мне.

— И?

— Ситуация под контролем.

— Где она?

— Я слежу за ней до её базы.

Все одиннадцать членов Совета в полной тишине ждали следующих слов Мары. Она посмотрела на других джедаев вокруг себя, мягко выбросила из своего ума невысказанный вопрос Люка и беспокойство с твёрдым «позже», и вновь устроилась в кресле. Люк не мог понять, в чём дело, но под этим фасадом скрывалось смятение.

— Не надо на меня так смотреть, — сказала она. — Я не обсуждаю это, я не делюсь этой операцией, и я не собираюсь успокаиваться, что, держу пари, кто-то собирается предложить. Да?

— Мара высказалась, — сказал Кип. — Но это не помешает мне спросить, где Люмия и что она затевает.

— Хорошая попытка, но лучше найди себе собственного чокнутого тёмного и играйся с ним, потому что Люмия моя.

Корран понимающе улыбнулся Люку.

— Она в порядке.

Мара была определенно удовлетворена чем-то, но не настолько довольна чем-то другим. Люк выяснит это позже. Он продолжил встречу.

— Может мы действительно как-то разрешить ситуацию с Гедженом здесь и сейчас? — В круге раздалось неохотное «нет». — Ладно, тогда всё, что мы можем сделать — это следить за ситуацией, и я сделал запрос секретарю Омаса, чтобы увидеться с главой, как только он вернётся.

— Все знают, что происходит, когда главы государств отсутствуют во время кризиса, — указал Кип. — Они получают тумаки в опросах общественного мнения, и это — начало конца. Давайте максимально использовать Омаса, пока мы можем.

— Кто дружен с Ниаталь?

Все повернулись и впились взглядами в Силгал. Она слегка наклонила голову, чтобы посмотреть на Люка одним глазом — вечная дезориентирующая привычка мон-каламари.

— То, что мы обе — мон-каламари, Люк, не означает, что у нас гармония во взаимопонимании. Мы происходим из различных философских школ.

— Ты — племянница Акбара, и я держу пари, что это имеет большое значение для адмирала мон-кала...

— Тогда я приложу все усилия.

Совещание закончилось, Мара осталась сидеть. Проходя, Корран похлопал её по голове, как снисходительный дядюшка, а потом молча обозначил пальцем: фингал заметный. Люк дождался, пока все не оказались вне пределов слышимости, и тогда подошёл, сел перед Марой на корточки и положил руки ей на колени.

— Ты не сможешь скрыть это от меня.

— Я ударила её головой, вот и всё. Челюсть металлическая, голова — нет.

— Если ты подобралась так близко, как она ушла? — О, плохой вопрос: Люк вновь приготовился к атаке по поводу рукопожатия. — Я имею в виду...

— Думаю, у неё есть дроид. Что-то схватило меня сзади, и оно не было органическим. — Мара показала ему бледную отметину на горле вроде следа от вёревки. — Что бы это ни было, оно может выбрасывать металлический трос. И у неё есть этот странный сферический корабль, похожий на оранжевый глаз.

— Тебе не кажется, что всё это — хороший повод *не* охотиться на неё в одиночку?

— Она хочет, чтобы я догнала её. В следующий раз я буду сверх-готовой — и следующий раз *будет*.

Он обещал ей. Если кто-то и мог взять Люмию, то это Мара, и он знал, что должен выбросить из ума свою собственную сосредоточенность на Люмии, не позволяя омрачать своё суждение. Он дал бы Маре ещё времени, но задумался, как он будет себя чувствовать, если она снова вернётся домой такая израненная и избитая.

Преследование отдельного тёмного джедая оказалось гораздо более трудным и длительным, чем он ожидал. Иногда он задавался вопросом, почему охотиться на Люмию и Алиму и иметь с ними дело настолько труднее, чем с целой Империей, но ответ был прост: Империя, благодаря самим своим размерам и протяжённости, была повсюду. Её трудно было не найти, но два джедая с навыками маскировки могли очень эффективно исчезнуть где угодно в галактике. Всегда нужно было заставить их прийти самим к нему — или к Маре.

— Но сегодня вечером ты же будешь обедать дома, — сказал Люк. — Не проводи снова всю ночь, работая.

— Поверь, я буду дома, — сказала она. — Туда я сейчас и направляюсь.

— Хорошо бы узнать, что скажут о Геджene Хан и Лея, пока я буду бродить вокруг Сената и дожидаться Омаса.

— Если в полночь я всё ещё буду сидеть дома с тарелкой остывающей нерфятины...

— Хорошо. Обед в восемь. Обещаю твёрдо, как пермакрит.

Люк молча прошёл с нею по коридору, и когда двери турболифта закрылись, она заговорщики усмехнулась. Он включил безопасный комлинк и вызвал Хана.

— Я не в трауре, — сказал Хан, совершенно бессердечный в этом своём очаровательном стиле. Люк знал, что Хан не любил Геджена, да и не должен был: трудно оплакивать человека, который предлагал тебе убить твоего собственного двоюродного брата, даже если он был первосортным подонком. — Не трудись щадить мои чувства. Он сам напросился на то, чтобы ему прострелили голову.

— Что у вас с общественным настроением?

— В траур никто не рядится, но люди возбуждены.

— И кто теперь у руля в Коронете?

— Идёт драка за власть. А пока что это будет коллегиальная работа.

— Как ты думаешь, кто убил его?

— Крупнейшая задача Корбеза — решить, как справиться с рядами подозреваемых. Не то, чтобы им нужно было их разыскивать — две различные террористические группировки здесь уже взяли на себя ответственность за это. Да, у нас они тоже есть.

— Я никогда не понимал, насколько вы все разделены.

— Мы никогда не делимся в вопросах Кореллии. Только в том, кто лучший кандидат для управления ею.

— У вас с Леей всё хорошо?

— Да, мы в порядке, и нет, я не говорю тебе, чем мы сейчас заняты. Перестань волноваться.

Люк едва не коснулся темы ширмы ГА. Это было довольно распространено — нанести удар и подстроить всё так, чтобы это напоминало другую сторону, для провоцирования максимальных разногласий. Но он передумал, потому что это было в стиле Джейсена, а Хану ни к чему было слышать, что его лучший друг считает его сына — хотя он и был теперь чужим — причастным к этому. С некоторыми вещами лучше разбираться друзьям, прояснить и улаживать. Когда с Люмией, наконец, будет покончено, Люк займётся возвращением Джейсена на путь истинный. Это было меньшее, что он мог сделать для Хана.

Омас не мог выбрать худший день для посещения врача, но для него было необычно быть настолько сдержаным в обычных приготовлениях. Люк надеялся, что ничего серьезного нет.

Потеря Геджена была достаточно неприятна, потому что, по крайней мере, он был известной личностью, и Люк привык к его образу мыслей. Если будущее Омаса тоже под сомнением — что ж, это уже слишком много.

КОРУСАНТСКИЙ ВОЕННЫЙ КОСМОПОРТ

Бен ещё долго сидел в грузовом отсеке корабля после того, как наземная команда установила посадочные амортизаторы, и двигатели полностью остывли.

Ему было почти уютно таращиться на переборку напротив, в том смысле, что он боялся отвести от неё взгляд. Если бы он это сделал, та оцепенелая медитация, в которую он соскользнул, разлетелась бы, и ему пришлось бы думать.

Джори Лекауф погиб. Это был один из тех фактов, которые он не мог принять, пусть даже видел, как это случилось. Ещё прошлой ночью, даже несколько часов назад человек был жив и здоров, а теперь его не было. Бен просто не мог чувствовать смерть.

Это были больше чем биологические факты, и он слишком хорошо знал это. Бывшие офицеры КСБ в ГГА потчевали его захватывающими историями из полицейских лабораторий судебной экспертизы, но знание того, как причинять смерть и на что она похожа, и возможность ощущать, как гасла в Силе жизнь, не сделали ничего, чтобы донести до него тот факт, что его друг ушёл навсегда и что он больше его не увидит, и всё то, что сделало Джори Лекауфа, того, кто был для него *важен*, частью ткани вселенной, до сих пор было вне его досягаемости.

И всё по вине Бена. Лекауф погиб, чтобы защитить его.

— Идём, Бен. Техникам нужно разбирать этот ящик.

Капитан Шеву стоял в люке, вцепившись пальцами в верхний край комингса. Бен чувствовал, что, если он пошевелится, рухнет весь мир.

— Я приду через минуту.

Шеву помедлил на мгновение, а потом подошёл и сел рядом с ним. Бен подозревал, что, будь он взрослым мужчиной, Шеву обошелся бы с ним резче, но капитан считал Бена всё ещё ребенком, слишком юным для подобного рода заданий, джедай он или нет. Во многом Шеву был прав. Но никто и никогда не был достаточно взрослым, чтобы потерять друга и не чувствовать, что это поразило его прямо в сердце. Если Бен когда-нибудь станет настолько взрослым, он не хотел продолжать взросльть.

— Мы в спецназе теряем мало солдат. И поэтому, думаю, нам тяжелее их терять. Так или иначе, мне тяжело.

Бен гадал, говорить ему или нет. Он вздохнул и ждал, когда почувствует, как всё вокруг него рушится.

— Он не должен был *погибнуть*, сэр. — Едва услышав собственный голос, Бен ощутил, что не просто может дышать, ему никогда не было хуже. — Он мог взлететь. Мы могли бы убежать или даже попасться, и работа всё равно была бы сделана.

— Бен... наши приказы состояли в том, чтобы придать всему этому вид кореллианской смути, а не быть пойманными или оставить след. Нельзя выставлять джедая убийцей, особенно тебя. Мы должны были спасти тебя оттуда.

— Это не *должен* был быть я. Работу мог выполнить любой солдат. Я хотел исполнить свой долг, но будь это не я, если бы Джори не чувствовал, что должен защитить мою личность, он был бы жив.

— Бен, а что, по-твоему, произошло бы с ним, если бы его забрали на Кореллию? — Шеву понизил голос. — Ты видел, что мы здесь делаем с заключенными. Ты думаешь, в Коронете не могло произойти чего-то худшего?

— Так что если бы меня схватили? Мой пapa бы оскорбился? *Что же получается?* Жизнь Джори против *расстройства* папы?

— Я мог бы привести тебе список причин, почему то, что Кореллия считает виновными в убийстве своих же, помогает ГА. Но прямо сейчас ты не хочешь это слушать. — Шеву встал и махнул Бену следовать за собой. Он был вполне серьёзен. — Несколько анти-гедженовских организаций взяли на себя ответственность, значит, операция сработала стратегически верно. Теперь отправляйся домой и можешь быть свободен несколько дней. Если не сможешь быть рядом с родителями или... или с полковником Соло, приезжай ко мне. Моя подруга не будет возражать.

Это был первый раз, когда Бен услышал намёк Шеву, что быть рядом с Джейсеном — не обязательно лучшее для него. Теперь Бену не было дела до Джейсена, но рациональная часть его ума, не утонувшая в потрясении и горе, отметила это.

— Спасибо.

— Теперь я должен сообщить его родителям. Мне придётся придумать действительно хорошую легенду и благодарить провидение, что прямо сейчас его нет в новостях, потому что это было бы действительно паршивым способом узнать, что твой сын мёртв.

Шеву казался разбитым. Он был, вероятно, достаточно близок с Лекауфом, но никогда этого не говорил. Сегодня Бен извлёк урок о том, каково было быть офицером, и заключался он в том, что в преследовании цели должны быть потрачены жизни: это могло показаться очевидным, но, когда ты работаешь рядом с людьми, которые могли бы потерять своих любимых из-за твоих решений, это приобретало совершенно новое значение.

— Вряд ли я когда-нибудь перестану чувствовать себя виноватым в этом, — сказал Бен, успокоенный тем, что ему до сих пор удалось не разрыдаться.

— Как и я, — сказал Шеву. — Потому что это я, как предполагалось, должен был взрывать корабль, если что-то пойдёт не так.

— Мы никогда не планировали такого...

— Ты — нет. *Мы* — да. Нужно знать и всё такое. — Шеву остановил проезжавший мимо спидер наземной команды и велел водителю отвезти Бена в штаб. — Смой эту дрянь с волос иди домой.

Через час Бен смотрел на своё знакомое отражение в штабном освежителе, вытирая полотенцем волосы и размышлял, не подставил ли его Джейсен.

«Я не должен был этого делать. Любой из нас мог бы пройти в космопорт незамеченным».

Но это была непредусмотрительность. Джейсен поручил ему это задание до того, как стало известно, где пройдёт встреча. Бен всё ещё чувствовал, что что-то не так, но не мог определить, что.

Он только что потерял приятеля. Может, поэтому в голову лезут всякие сумасшедшие вещи. Когда Бен покинул здание штаба и вышел на предвечернее солнце, полностью дезориентированный изменениями в планетарном времени за последние сорок восемь часов, он опустил голову и просто бесцельно брёл, держа руки в карманах.

Внезапно он почувствовал на плече чью-то руку. Он едва не закричал. Он полностью закрылся от всего вокруг. Потом он обнаружил, что смотрит в лицо матери, и что-то было ужасно неправильным.

— Мама! Кто тебя ударил?

— Забудь об этом, Бен. — Она прижала его к себе в действительно отчаянном и сокрушительном объятии. — У меня есть несколько вопросов, и на сей раз меня *не обманешь*. — Она держала его за плечи, не сводя глаз с его лица, словно искала рану. — Это только между нами, клянусь, отец ни при чём.

Они остановились в закусочной в осарианском квартале. Стол был жирным, и локти куртки Бена прилипали к нему каждый раз, когда он опирался на них, но здесь их никто не знал. Хотя еда была аппетитной и не обжигающе горячей, Бен не был голоден.

Мара понизила голос:

— Я хочу знать, зачем ты летал на Вульптер.

Бен был ошеломлен. Как она смогла узнать? Кто сказал? Это было совершенно секретно. Большой части ГГА даже не сообщили об этом.

— Я не летал.

— Можешь прекращать игру. Я знаю, где ты были, и у меня ужасное чувство, что я знаю, зачем. Вся планета видела новости.

Мара просто смотрела на него, не мигая, словно вдруг перестав быть его матерью. Бен должен был всё отрицать. Он молча вернулся взгляду.

— Я могу спросить Джейсена, милый, но я не уверена, что поверила бы ему, если бы он сказал мне, который час.

— Ты же знаешь, мама, что я не могу говорить о своей работе.

— О, я знаю. Я никогда не скрывала от тебя своё прошлое, поэтому я *точно* знаю, что влечёт за собой твоя работа. Я могу говорить с тобой как со взрослым, Бен, потому что когда ты делаешь ту работу, которую ты делаешь, ты уже не ребёнок. Мы понимаем друг друга?

Бен подумал о Джори Лекауфе и почувствовал, как его желудок начинает сжиматься и дрожать. Он отчаянно хотел выпалить, что его приятель погиб и что он хочет повернуть время вспять, до того, как он попал в эту передрягу, и что... что...

— Мама... — Он не мог это произнести. Она положила свою руку на его и сжала. — Мама, если я скажу тебе, ты скажешь мне, кто тебя ударил?

— Хорошо: это Люмия. Я поймала её, но она ушла. Я устроила ей хорошую трёпку, и в следующий раз она не уйдет. Теперь твоя очередь.

Бен глубоко вздохнул. Это или всё исправит, или станет началом чего-то катастрофического. Он не мог сказать наверняка: все впечатления Силы покинули его.

— Я убил его, мама.

— Участвовал... или убил?

Рот Бена проговорил сам:

— Складная «Карпаки», разрывная пуля.

Мара откинулась на спинку стула, и её левая рука дёрнулась, как будто она собиралась поднести её ко рту. Её правая рука по-прежнему крепко сжимала его.

— Ясно, — сказала она.

— Лекауф погиб, мама. — Бен не помнил, знала ли она Лекауфа или нет. Это не имело значения. Он должен был произнести его имя и рассказать кому-то. — Джори погиб — погиб, чтобы спасти мою шкуру.

Мара принялась потягивать из стоявшей перед ней чашки. Осарианцам нравились очень сильно пахнущие травы, и Бен знал, что никогда не сможет снова ощутить этот аромат, не вернувшись к этому ужасному моменту.

— Зачем ты это сделал, Бен?

— Приказы. Я был самым подходящим для этого человеком.

— У вас вдруг наступил дефицит снайперов? Чьи приказы?

— Джейсена.

Мара старалась не реагировать, но Бена это не обмануло. Она была в ярости. Он видел это по белизне её кожи, и контраст с желтеющим синяком вокруг глаза делал это ещё более заметным.

— Ладно, милый, — сказала она. — Давай не будем говорить папе, иначе в своём нынешнем настроении он оторвёт Джейсену голову. Ты сможешь вернуться домой?

— Вряд ли я смогу сидеть, обедать и не говорить ему об этом.

— Хорошо, тогда куда ты собираешься отправиться?

— Домой. В квартиру Джейсена. — Бен понял, что она не в восторге от этой идеи. — Или к капитану Шеву.

— Куда угодно, где ты чувствуешь себя наиболее безопасно, Бен. Я не буду заставлять тебя возвращаться со мной, если ты не поклянешься, что придёшь ко мне, как только у тебя возникнут проблемы, хорошо?

— Хорошо.

— Я сожалею о твоем друге. Правда.

— Никто никогда не узнает, каким он был храбрым.

— Знаю.

— Ты сердишься на меня? Глупый вопрос. Ты должна сердиться.

— Как я могу сердиться после того, что я сама творила? — Она схватила обе его руки, как будто боялась, что он убежит. — Это то, чем мы тебя сделали, не так ли? Мы хотели, чтобы ты походил на нас. Мы хотели, чтобы ты был джедаем и исполнял свой долг...

Некоторое время Мара молчала, пристально глядя из окна на линии воздушного движения и явно усердно размышляя.

— Ты всё ещё не сказала мне, как ты узнала, мама.

Она вернулась к беседе, мигнув.

— Да, не сказала. Но я знаю, и я — единственная, кто знает. А ещё я знаю, что ты умеешь скрываться в Силе, как Джейсен, и это меня пугает, потому что когда я в первый раз ощутила это, я решила, что ты убит. Пожалуйста, Бен, не скрывайся от меня. Никогда.

— Я не скрывался, мама. Я просто пробовал.

— Ясно.

— Мне должно быть плохо из-за... ну, того, другого? Потому что прямо сейчас мне всё равно.

— Мне не было, — ответила она, похоже, понимая, что он имел в виду Геджена. — До недавнего времени, и тогда это не было чувством вины. Просто... не совсем понимание, зачем я это сделала, потому что то, кем я была, не объясняло всё это мне.

— Мне пора.

— Всё будет хорошо. Я всегда буду рядом, помни. Звони мне.

Бен наклонился вперед, чтобы поцеловать её в щёку. Прямо сейчас он так любил её; какая другая мама могла узнать подобные новости, ужасающие новости, и всё ещё оставаться с ним? Он наклонился ближе и шепнул ей на ухо:

— У него была секретная встреча с Омасом в порту. Для обсуждения перемирия.

Когда Бен выпрямился, она улыбнулась, но настоящий блеск в её глазах говорил о том, что она отнюдь не довольна.

— Спасибо, — сказала она. — Я люблю тебя, Бен. Звони мне, хорошо?

— Я тоже люблю тебя, мама.

Больше Бен не мог этого выносить. Он вышел из закусочной и провёл следующие несколько часов, блуждая поблизости, таращась на витрины и не видя ничего, прежде, чем взять воздушное такси до квартиры Джейсена и закрыться в своей комнате.

Потребуется много времени, чтобы разобраться в этом. Он сунул виброклинок под подушку, не желая, чтобы он был так далеко, как его стол, и задумался, что же капитан Шеву говорит семье Джори Лекауфа.

Глава 12

*Ори'бушией, ки'ковид.
Один шлем, а головы нет.*

— Мандалорское оскорбление кого-то с чрезмерно развитым чувством власти

КОРУСАНТ, ДОМ «РЕСПУБЛИКА»:
0001 ЧАСОВ ПО ГАЛАКТИЧЕСКОМУ СТАНДАРТНОМУ ВРЕМЕНИ

Джейсен Соло в официальной униформе полковника гвардии Галактического Альянса стоял снаружи вестибюля здания «Республика» между сержантом Вирутом и бойцом Лимм.

Лекауфа было в самом деле жаль. Большая потеря. Бен справился, но ему следовало сразу вернуться на работу. Джейсен запланировал поговорить позднее с Шеву, почему тот предоставил Бену отпуск, не обсудив это сперва с ним.

— Вы уверены, что этого достаточно, сэр? — спросил Вирут. — Только нас троих?

Джейсен разгладил на пальцах чёрные перчатки. Была одна минута после полуночи, и таким образом то, что он собирался сделать, становилось полностью законным, оправданным и назревшим.

— Вряд ли у главы Омаса там взвод или что-то вроде такого.

Вирут не ответил. Джейсен был готов признать, что арестовывать избранного главу самой могущественной в галактике организации с парой солдат было не очень-то разумно, но он не видел смысла наводнить район войсками. Омас не станет сопротивляться. А даже если бы и стал, одного джедая и двух вооружённых солдат вполне достаточно, чтобы справиться с этим.

Джейсен открыл канал связи с Ниаталь.

— Мы на позиции, — сказал он. — Мы входим.

— Через десять минут у меня срочная встреча с сенатором Г'Силом, — ответила Ниаталь. — Он не в восторге, но я сказала ему, что это не может ждать.

— У него нет подозрений, что происходит?

— Если и есть, он не выказал ни малейшего признака ответных действий.

— Хорошо. Теперь назад пути нет. Мы обязаны идти до конца.

— Тогда за дело...

Охранник на стойке регистрации привык видеть всевозможные униформы на входивших и выходивших из дома «Республика». Роскошная башня служила местом проживания элиты Галактического Альянса, а у каждого сенатора, казалось, имелось собственная армия телохранителей, как и посещавших его военных. К настоящему времени большинство жителей Корусанта так или иначе знало, как выглядит униформа ГГА — Джейсен позаботился о том, чтобы его тайная полиция вовсе не была тайной, по крайней мере, с точки зрения их существования, — но он без вопросов предъявил охраннику удостоверение личности. Не было смысла быть грубым или подавлять авторитетом. Человек всего лишь выполнял свою работу.

— Не нужно докладывать обо мне, — сказал Джейсен.

Охранник проверил свой планшет.

— Вы в любом случае включены в его список. Проходите.

Через несколько минут турболифт достиг этажа Омаса. Пока кабина поднималось, двое солдат просто смотрели на стену перед собой. Джейсен чувствовал их нежелание и хотел знать, было ли это из-за любви к Омасу или отвращения к военным переворотам, но не стал спрашивать. Не стоило иметь армию, которой *нравилась* идея военного переворота. Это должно быть последним средством.

— Живут же люди... — сказал Вирут, когда двери турболифта открылись в вестибюль невероятной роскоши. Воздух был напоён приятным, нейтральным древесным ароматом, а вдоль

широкого коридора тянулись ниши, заполненные редкими кристаллами с Набу — Омас питал к ним слабость — и переливающейся керамикой Шалуи. — Я мог бы впихнуть сюда свою квартиру и десяток соседских впридачу.

— Если поставить такую причудливую керамику в коридорах моего дома, она не пробудет бы там долго, — заметила Лимм. Она бросила завистливый взгляд на мерцающую красную вазу, которая постепенно становилась зелёной и бирюзовой, когда менялся угол наблюдения. — Однако его страховые платежи должны быть болезненными.

— Имущество — это бремя, — улыбнулся Джейсен. — То, что ты имеешь, всегда можно отнять, поэтому богатство порождает страх.

— Я охотно столкнусь с таким страхом, сэр, — пробормотал Вирут. — И с хорошей большой соро-субобовской яхтой. Это очень приятно бы напугало меня.

Великолепные двери в квартиру Омаса были покрыты бронзиевой гравировкой — абстрактный дизайн одного из ведущих художников Корусанта. Джейсен не мог вспомнить имя. Это казалось тратой таланта, ведь двери видят только Омас, его правящие круги, обслуживающий персонал и ремонтные дроиды. Дом «Республика» имел архитектуру и дизайн, которые оправдывали общественные экскурсии.

Джейсен помедлил, собираясь с мыслями, прежде чем нажать звонок. Солдаты отступили и опустили щитки — стандартная процедура при входе в здание. На мгновение Джейсен подумал, что они собираются встать по обе стороны двери, но те просто отступили на шаг назад, а Лимм в качестве обычной меры предосторожности не спускала глаз с коридора.

Омас сам открыл дверь. Джейсен знал, что в последнее время у него не было круглосуточной личной охраны, но он отчего-то ожидал, что гостей примет дроид или даже настоящий дворецкий. Глава государства хмуро и озадаченно посмотрел на него, затем на двоих солдат.

— Добрый вечер, Джейсен. — Он отступил и пригласил их войти. — Неприятное дело — эта стрельба. Не могу сказать, что мне так уж нравился Геджен, но это показывает, насколько осторожны мы должны быть в нашей работе.

Он зашагал по длинной прихожей, по сравнению с которой коридор снаружи напоминал трущобу низших уровней. Картины на стенах захватывали дух, и большинство из них, казалось, были старше юужань-вонгского вторжения. Похоже, у какого-то куратора галереи было очень надежное хранилище. В конце прихожей Омас обернулся.

— Могу я предложить хорошим людям что-нибудь выпить, прежде чем мы сядем?

Почему-то было бы намного проще, будь Омас настроен враждебно.

— Сэр, — заговорил Джейсен. — Я арестовываю вас именем Галактического Альянса за деятельность, ставящую под угрозу безопасность государства.

Омас слегка нахмурился, как будто неверно рассышал. Он сделал несколько шагов назад по коридору, где светильники отбрасывали лучи света на бархатный рубиновый ковёр.

— Прошу прощения?

— Вы под арестом, сэр. Позже мы позволим вам вызвать своего адвоката, но прямо сейчас было бы неплохо, если бы вы пошли с нами.

Омас насмешливо фыркнул.

— Джейсен, дорогой мой мальчик, вы говорите с Кэлом Омасом. Не будьте дураком... арестовать меня? *Арестовать* меня?

Джейсен вынул из кармана униформы планшет.

— В соответствии с Актом о чрезвычайных мерах, любой, включая глав государств, политиков и любых других существ, которые предположительно представляют подлинную угрозу для безопасности Галактического Альянса, может теперь быть задержан. Это цитата, сэр. В полночь вошла в силу поправка к закону о включении глав государств, а вы — *действующий* глава государства...

Омас выглядел скорее ошеломленным, а не встревоженным. Джейсен привык к страху от визитов ГГА, но изумление приводило в замешательство.

— Я видел, что вчера эта поправка прошла через циркуляр уведомлений, — сказал Омас, по-прежнему небрежно разговорчивый. — Силы небесные. Вам действительно это удалось, не так ли? Вы фактически изменили закон и *спланировали* это.

— Сэр...

— Мне позволено знать, какой риск я, как предполагается, представляю для моего собственного государства?

— Я могу показать вам, сэр, — ответил Джейсен и переключил планшет на запись встречи с Гедженом. Он включил запись с камеры-полосы, а потом держал планшет так, чтобы Омас мог видеть экран. — Пожалуйста, не стесняйтесь смотреть всё это, а потом скажите мне, что это *не вы* находитесь в этой комнате с двумя офицерами разведки Альянса, бывшим премьер-министром и двумя его офицерами из Корбеза.

Выражение лица Омаса было бесценным. Джейсен почувствовал прилив облегчения, что он *наконец-то* заставил Омаса понять, что теперь он — человек без будущего. Омас уставился на планшет и действительно просмотрел всю встречу. Рядом терпеливо ждали Джейсен, Вирут и Лимм.

— Что ж, — сказал Омас. — Что я могу сказать?

— Сержант Вирут сопроводит вас, чтобы упаковать сумку, — сказал Джейсен. — Мы выведем вас настолько осторожно, насколько возможно.

— Тайно? О, понимаю...

— Нет, сэр, вам не предстоит исчезнуть и потом быть найденным плавающим лицом вниз в каком-нибудь коллекторе. Всё будет проведено законно и открыто.

Омас спокойно смотрел в лицо Джейсену, потом поглядел мимо него на двух солдат. Джейсен ощущал его страх даже при том, что он держался совершенно непринужденно.

— Сержант, я действительно держу собранную сумку на всякий случай, — сказал Омас, почти улыбаясь. — Если вы не верите, что я не вышибу себе мозги в спальне, пожалуйста, пройдите к пятой двери слева и принесите мне её. Она в первом шкафчике от входа в комнату. Коричневая кожаная сумка.

Не было ничего хуже, чем достойный задержанный. Джейсен знал, что в течение двадцати четырех часов казармы и бар КСБ будут полны сплетен о том, как великолепно храбр был Омас. Вирут исчез в спальне, тогда как Лимм стояла на страже.

Омас шагнул чуть поближе к Джейсену, так, что его лицо оказалось в считанных сантиметрах, настолько близко, что его дыхание коснулось кожи Джейсена, как рука.

— Ты мерзкий, помешанный на власти, *смехотворный* сопляк, — ласково сказал он с улыбкой снисходительного дедушки. — Ты и Геджена убил, правда?

Джейсен ожидал, что он плюнет ему в лицо и улыбнётся, но Омас, уходя, повел себя безупречно. Вирут шел позади него, держа бластер на виду, но не тыкал им в спину Главы государства, а Джейсен шествовал впереди. Это был самый долгий, самый неуклюжий спуск на турболифте, который Джейсен мог вообразить. Когда они вышли в вестибюль, охранник застыл на мгновение, опустил голожурнал и встал.

— Сэр? Что происходит?

— Не могли бы вы поливать растения во время моего отсутствия? — любезно сказал Омас. — Боюсь, что я под арестом.

Снаружи ждал второй транспорт ГГА. Вирут и Лимм сопроводили Омаса внутрь, затем наблюдали, как он умчался к штабу ГГА. Джейсен понял, что у него дрожат руки. Вынуть комлинк оказалось нелегко.

— Адмирал, дело сделано, — сказал он. — Пора объявить публично.

Вирут поднял щиток и вытер лицо перчаткой.

— Это, — заявил он, — было самым трудным из всего, что я когда-либо делал. Могу я, сэр, в следующий раз добровольно вызваться для захвата тяжеловооружённых чокнутых вуки? Это было бы намного легче для моих нервов.

Вирут и Лимм шутили, но во время ареста они пересекли эмоциональную черту, и это было видно. Джейсен забрался в спидер рядом с ними и последовал длинным маршрутом через каньоны зданий, выискивая признаки того, что Корусант, сердце галактической демократии, подвергся тихому, бескровному и полностью цивилизованному военному перевороту.

У правительственные зданий и штаба банка стояли на страже небольшие отряды наземных войск ГА. Это напоминало не более чем обычные меры предосторожности в плане охраны общественного порядка для праздничных ночей, разве что униформы не были синими, как у КСБ.

— Странно, — сказала Лимм.

— Бедный старина Джори, — вздохнул Вирут. — Бедняга. Он так стремился походить на своего дедушку.

Джейсен протёр глаза и понял, что ему предстоит ещё один очень долгий день. А солнце ещё даже не взошло.

— Я этого не забуду, — сказал он. — Никогда.

Глава 13

Сегодня ранним утром торговля на бирже ПСИ* была приостановлена, когда исполняющая обязанности главы государства адмирал Чайна Ниаталь объявила временное военное положение после шокирующей новости об аресте Кэла Омаса. Заявление Сената ожидается в течение часа. Тем временем, другие галактические финансовые центры сообщают об оживлённой торговле. Вчера акции «А» «Верфей Куата» на момент закрытия достигли отметки в пятьдесят целых три десятых кредита, а «Мандал-Моторс» и «Роше Индастриз» закончили день с повышением более чем на тридцать кредитов.

— «Новости рынка»: деловые заголовки

ЗДАНИЕ СЕНАТА

Сенатор Г'Сил глядел на голокамеры, которые передавали дебаты Сената в каждый офис, ресторан и общественное место в здании Сената, затем покачал головой, прикрыв на мгновение глаза.

— Полный аншлаг, — сказал он. — У вас должна быть наготове хорошая речь, Чайна. Действительно хорошая.

Ниаталь привела в порядок форму и приготовилась выйти на трибуну главы государства, чтобы обратиться к Сенату. События развивались не совсем так, как она себе представляла, но ведь то же самое касалось и сражений, а политическая арена была так же подвержена туману войны, как и любое флотское столкновение. Джейсен Соло, которого она ожидала увидеть важно расхаживающим по Сенату, держался незаметно. Но она проследит за этим. Если её выставят вперёд, чтобы отбивать чечетку в честь его переворота, она сделает всё возможное, чтобы он тоже поучаствовал в их парном номере. Она не возьмёт на себя безраздельную ответственность.

— Это временно, на время войны, и никто из обычных граждан не заметит неблагоприятного воздействия на свои жизни, — сказала она, репетируя ключевые пункты доклада. — Поиграем немного записью тайной встречи Омаса, помашем новостями о Мандалоре и Роше, и все будут кивать и говорить: «Да, действительно, адмирал, мы живём в опасные времена, пожалуйста, позаботьтесь о нас, как временное правительство, пока в отношении главы государства проводится щательное расследование».

— Мне нравится Джейсен, — сказал вдруг притихший Г'Сил. — Но действительно ли он сейчас надёжен?

— Надёжен для чего?

— Я никогда не позволил бы так поступить с Гедженом. Это было... чересчур.

— Это уже сделано. Кореллия слегка пошатнулась, потому что их разношёрстные экстремисты сделали нам хорошее одолжение, заявив, что это они его убили. Ботави пришлось задуматься, потому что они, вероятно, думают, что это сделали мы, но не могут поверить, что у нас хватило смелости, и... ну, я никогда не думала, что доживу до того, чтобы сказать такое, но эти противные мелкие мандалорские дикари были удивительно полезны.

— Чайна, не хочу волновать вас, но вы заметили, что они перевооружаются? С верпинскими технологиями?

— Конечно, заметила. Лучшая новость за неделю.

— Должно быть, вас научили в штабном колледже чему-то такому, что недоступно нам, простым смертным.

Ниаталь проверила хроно. У неё было десять минут, чтобы заставить себя выглядеть надёжной парой рук, не желающих принимать бразды правления государством и стремящихся

* ПСИ (в оригинале ISE, Industrial and Systems Engineering) — промышленная и системная инженерия (прим. Apolra3529)

вернуть их, как только это неприятное дело закончится. Да она именно этого и хотела. Она желала должности главы государства, но она желала подлинного мандата на неё; и не было лучшего способа достичнуть этого, чем показать себя ответственным лидером в этой чрезвычайнейшей из ситуаций. Когда она, наконец, станет баллотироваться на должность, избиратели будут знать её по её делам.

«Пока я смогу держать Джейсена на привязи, конечно, и он не испортит все мои начинания. Если же он выйдет из-под контроля... что ж, всегда есть Фетт».

— Вы когда-нибудь держали нун? — спросила она.

— Не в квартире...

— Мне говорили, что им свойственно формировать конкурирующие группы в пределах стаи, и они могут проявлять выраженное территориальное поведение. Вспыхивают ссоры. Теперь пустите в птичник диких бурс, и он превращается в бедлам: их охватывает смертельное неистовство, они хватают столько нун, сколько могут, чтобы съесть позже, и убегают. Им неважно, какую группу они едят. Таковы и ваши мандалорцы.

— Прекрасная аналогия, но я её не понял.

— Забудьте о стратегии. Мандалорцам нет дела до того, кто победит. Они хотят только есть, пить, сражаться и поддерживать ими же созданный собственный облик.

Г'Сил долго, настороженно смотрел на неё.

— Вы — верховный главнокомандующий. Полагаю, что вы можете оценить военный риск.

— Хотите мою оценку? У Фетта нет намерений расширять свою маленькую сферу влияния. Мандалорцы могли быть могущественной империей несколько тысячелетий назад, но они не могут справиться с трудным делом управления современной комплексной демократией. Они знают это, поэтому хотят лишь жить своими примитивными боевыми фантазиями и упиваться своей репутацией.

— Которая заслужена.

— Я признаю, что они — феноменальные солдаты.

— Они выгнали Империю и юужань-вонгов без малейшей помощи от нас.

— Это всё ещё не означает, что они хотят доминировать над галактикой. На Мандалоре их сейчас меньше трёх миллионов, и у них нет никакой правительской структуры, которая могла бы организовать их достаточно хорошо, чтобы победить ГА или Конфедерацию. Они всегда будут бурсы, резвящейся среди нун. Они всеядны.

— Но Фетт умный, очень умный человек. Забудьте о скальпах вуки.

— Он хочет увидеть долгое падение Джейсена Соло, — сказала Ниаталь.

— Я не верю, что можно спровоцировать галактический хаос, чтобы отомстить одному человеку, даже если это Джейсен.

— Нет, мы создали свой собственный хаос. Фетт — всего лишь акт отвлечения. — Две минуты до выхода: Ниаталь пригубила воды из стакана и покрутила головой, чтобы расслабить шею. Нет ничего хуже, чем голос, напряжённый из-за зажатых мышц. Она должна казаться не слишком строгой, опечаленной, но авторитетной. — Пока он изображает пугало, ГА сплачивается, потому что слабые планеты боятся возвращения мандалорцев и ухватятся за нас ради защиты.

— Или кинутся к Конфедерации...

— Нет, если Конфедерация покупает оружие Фетта, а мы нет. Мы можем отнять у него нейтралитет или, по крайней мере, видимость его.

Г'Сил продолжал смотреть на неё, как будто она прибыла из Внешнего Кольца. Он принял этот переворот — а она была счастлива называть его так в частном порядке — на удивление хорошо. Учитывая его положение, она ожидала, что он захочет поучаствовать.

— Г'вли, вы будете должным образом баллотироваться на должность главы государства?

— А пост главы государства будет?

— Я намереваюсь полностью вернуться к выборам и гражданскому правлению, как только война закончится.

— Тогда нет, не буду. Не хочу оказаться там, где был Омас. Если что-то однажды имело место, это может произойти и второй раз. — Г'Сил проводил её к выходу на репульсорную платформу. — Будьте осторожны с Джейсеном.

— Я знаю, — ответила она. — Значит, я нейтрализую его сейчас. Нужно твёрдо идти к цели. — У слова «нейтрализую» имелось несколько неудачных значений, и, судя по лицу Г'Сила, он подумал о худшем. — Нет, только тактически. Где он, кстати?

— Вероятно, нашлись пальцы, которые ему нужно переломать. Позвольте мне позже заняться его поисками. — Г'Сил проследовал за нею на платформу. — Идёмте.

Ниаталь смотрела под ноги, вступая на платформу, и, когда подняла голову, реальный масштаб Сенатской палаты на долю секунды смутил её. Это было благословение: она понимала, что её подлинная тревога произведет впечатление скромного нежелания. Для нового военного диктатора нет ничего хуже, чем выглядеть слишком сильным.

Для палаты с тысячами делегатов — даже с учётом недавних расколов и отступничеств — здесь было удивительно тихо. Её платформа ровно плыла в центр огромной палаты. Она изучала огни и тени, совершенно не видя лиц. Это была во многих отношениях театральная сцена с ослепляющими рампами.

— Джентльсущества, — начала она. Официально: строгая официальность будет лучшим выбором, решила она. — Я никогда не ожидала, что мне придётся обращаться к вам таким образом, и считаю, что едва ли готова к этому. Я очень сожалею о необходимости стоять на этой платформе. Но необходимость возникла, она продлится максимально кратчайшие сроки, и кроме временного лидерства ГА, ничего больше не изменится. Я подчеркиваю это. Никакого комендантского часа, никакой цензуры и прочих атрибутов военного положения. Если бы глава Омас был нездоров, я бы так или иначе стояла здесь, и никто бы не паниковал. То, что произошло ночью, имеет не большее конституционное значение, чем это. Я просто осуществила свои обязанности верховного главнокомандующего заместить главу государства по совету служб безопасности ГА. Как только общая ситуация с Конфедерацией будет решена, а я ожидаю этого в пределах короткого срока, я уйду, и мы проведём выборы на должность главы.

В этих словах не было ни крупицы лжи. Лгать не было необходимости. Каждое слово она говорила всерьёз. Просто имелась информация, которой Сенат не располагал, и каждый в любом случае шёл по жизни с неполной картиной галактики.

Один из представителей Куата попросил слова:

— Когда вы упоминаете службы безопасности, адмирал, вы имеете в виду разведку Альянса или ГГА?

Ниаталь задумалась, не Г'Сил ли придумал вопрос, потому что он прозвучал идеально по сигналу.

— Я хотела бы поделиться с вами неким материалом, — сказала она. — Так, чтобы вы поняли, откуда возникла потребность действовать.

Возможное, это было неуважение к суду — показывать изображения встречи Омаса с Гедженом; подобные доказательства нанесли бы ущерб его шансу на справедливый суд, но она догадывалась, что Омас не будет оправдан присяжными, не вернётся к работе, не сохранит свою репутацию и не подаст в суд на генерального прокурора за незаконный арест. В его случае арест был одновременно вердиктом и приговором. Она указала на изображения, которые нужно было спроектировать на экраны платформ всех делегатов.

Было приятно слышать слабые восклицания удивления во время воспроизведения сцены, дополненной офицерами разведки Альянса. Ниаталь с достоинством изобразила немного боли в момент предательства, когда Дюр Геджен обсуждал, как удалить их с Джейсеном с их должностей. Последовавшая затем тишина была идеальной.

— Итак, вы должны понять, почему я чувствовала, что должна была попросить совета у ГГА, потому что объективность разведки Альянса могла быть поставлена под угрозу присутствием на той встрече, — продолжила она. — И, хотя для двух глав государств в состоянии

войны отнюдь не незаконно вести диалог, для них недопустимо планировать удаление верховного главнокомандующего, не консультируясь с Советом по безопасности и разведке.

Она надеялась, что они отметили, что председатель этого совета сидит по правую руку от неё. Пришла пора ему сыграть свою часть партии, поэтому она села и предоставила слово Г'Силу.

— Я мало что могу добавить, — сказал Г'Сил. — Разве что отметить, что я опечален тем, что дошло до такого. Теперь по поводу присутствия войск ГА на улицах рядом с офицерами КСБ. Это просто предосторожность на случай, если анархические элементы на Корусанте попытаются воспользоваться ситуацией в своих интересах. Как и в любой демократии, у них есть право на существование и высказывание, но если кто-то из них попытается извлечь выгоду из ситуации, то верховенство закона будет превалировать.

— Ну, теперь анархистам нет потребности свергать правительство, не так ли? — заявил делегат от Харуун-Кэла. — Вы оказались первыми...

— С учётом этого, — продолжала Ниаталь, — я намереваюсь попросить полковника Джейсена Соло разделить со мной пост главы государства. Это вопрос сдержек и противовесов, так что временная власть не будет сосредоточена в руках одного человека, и один может проверять другого.

Она пропустила комментарий от Харуун-Кэла. Никто больше внимания на этом не заострял. Не прибегая ко всем чрезвычайным ограничениям, которые она теперь имела право вводить, она ясно дала понять, что на самом деле речь идёт о смущённом и не желающем того военном, которого уговорили последить за лавкой, потому что гражданский глава государства оказался непослушным мальчиком. Это, казалось, сработало. Или Сенат был коллективно напуган, или в нём было 90 процентов убеждённых и 10 процентов осторожных. Она согласилась бы на любой вариант.

Г'Сил проследовал за ней в её кабинет. Она села и почувствовала нахлынувшее облегчение.

— Что дальше? — спросил Г'Сил и наполнил две чашки кафом из автомата. — У нас есть передышка, пока сенаторы паникуют из-за цен своих акций, а кореллианская правительство барахтается, как выброшенные на берег даггерты.

— Вновь откройте фондовую биржу, — сказала она. — Мне нужно встретиться сегодня с министром финансов, чтобы договориться о вмешательстве казначейства, если рынок снова запаникует. Я перевожу разведку Альянса под командование ГГА и назначаю капитана Джирдана на эту...

— О, специалист...

— ...и я хочу, чтобы кабинет Омаса опечатали до дальнейших распоряжений.

Г'Сил казался слегка удивлённым.

— Вы не переедете туда?

— Нет, как и Джейсен. Это пахнет скорее желанием власти, чем необходимым долгом. Мы запечатываем его как есть, что является наилучшей практикой: так делают в КСБ для сохранения потенциального места преступления неприкосновенным. — Она отстучала на настольной клавиатуре внутренний код Службы материально-технического обеспечения здания Сената. — И никто не станет драться за то, чьё это кресло.

Г'Сил, наконец, уступил улыбке, которая всё просилась на его лицо.

— И какой изящный способ нейтрализовать Джейсена, буде он возжаждет власти. Дать ему это для начала.

«Вам ни к чему знать, что мы заключили сделку».

— Мне не по душе, когда противостоящие силы приближаются сзади, Г'вли. Мне нравится, когда они у меня на виду.

— Я впервые слышу, что вы называете Джейсена... противостоящим.

— Мы хотим одних и тех же результатов, — осторожно произнесла она, зная, какие эфемерные союзы задействованы в этой игре. — Порядка, стабильности и мира. Мне нет дела до

его методов, вот и всё. Как только я научу его, что сажать граждан в лагеря и убивать заключенных — это *не то*, что надо делать, мы поладим.

— Вам надо встретиться и с Советом джедаев.

— Я встречусь потом со Скайуокером, но не с прочими вооруженными мистиками...

Ниаталь замолчала и послала сообщение Люку, что она хотела бы продолжить добрые рабочие отношения, которые у него были с Омасом, и что его будут рады видеть для неофициальной беседы. Тем не менее, она оставалась бы осторожной, потому что джедаи, казалось, представляли собой третью и неизбранную власть — ни гражданские лица, ни вооруженные силы, и каждый раз, когда она смотрела на Джейсена Соло, она видела лишь то, во что мог превратиться джедай.

— Это было удивительно цивилизованно, — сказал Г'Сил. — Работа палаты продолжается, как обычно. Никаких беспорядков, никаких протестов, никакой контрреволюции.

— Ещё не вечер.

— Однако, всё идёт замечательно.

— И у нас военное продолжение. Даже если кореллианцы сейчас топчутся на месте, Ботавуи — нет. У меня там войска на линии фронта.

Это было просто объявление факта. Она всё ещё носила форму, и, несмотря на амбиции, этика службы теперь почти что запечатлелась в её генах. У неё действительно шла война, которую надо было выиграть, и подчинённые, которых нужно вернуть домой живыми.

— О, вы хороши, — сказал Г'Сил, совершенно неправильно считав её намерения. — Вы очень хороши. Станг, я мог бы даже голосовать за вас на основании сегодняшнего впечатления.

Для Ниаталь это был единственный желательный способ остаться на этом посту — выборы; так было бы намного легче держаться за него, чем будучи диктатором. Она также была офицером, которому нравились свои моральные принципы, свои правила ведения боя, совершенно ясные.

Но, тем не менее, она верила в то, что сражение нужно вести с врагом и использовать в нём все преимущества.

— Я с нетерпением жду этого, — сказала она.

ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА ДЖЕДАЕВ

Это была долгая ночь, и утренние новости заставили Люка пошатнуться. Он смотрел на Мару через весь зал, отметив, что её раны в значительной степени исцелились, и задумывался, когда же она соберётся поговорить с ним о том, что заставило её скрипеть зубами во сне.

На неё что-то нашло, и тот факт, что она молчала и не злилась из-за этого, взволновал его. Выходит, это нечто большее, чем Люмия или Алима.

— Заставляет задуматься, что же может принести завтрашний день, — устало сказал Кип, царапая обеими руками голову, как будто промывал волосы. — Бомба в каждом новостном бюллетене.

— Я не всегда сходился с Омасом во взглядах, но я не верю, что он — угроза безопасности. — Люк никогда не умелправляться с расстройством, и с возрастом это не изменилось. Он видел, что происходит; он знал историю и не питал любви к военному правительству. Это касалось всех из его поколения, выросших под Империей. — Итак, теперь у нас две угрозы: внешняя война и внутренний переворот. На чём мы сконцентрируем наши усилия?

— Ну, Ниаталь имеет полное право принять власть в данных обстоятельствах, — сказал Корран. — Поэтому это не просто переворот, и как бы мы ни относились к нему, будучи гражданами с правом голоса, как джедаи мы не имеем права вмешиваться в это.

— Можно, я скажу? — спросил Кип. — Потому что это просто бросается нам в глаза, и никто об этом не упоминает.

— Продолжай...

— Джейсен. Вот, я говорю это. Джейсен, Джейсен, *Джейсен*. Что, во имя Силы, здесь затевается? Ладно, может быть, надо было наказать его, когда он начал вышибать двери с ГГА. Теперь он вдруг арестовал главу государства и взял власть. Чрезвычайно? Неконтролируемо, друзья мои.

— Он действительно объявил себя со-главой государства? Лично?

Силгал подняла голову.

— Об этом объявила адмирал Ниаталь. От Джейсена мы ничего не слышали.

— Тогда, быть может, это не его идея. — Люк смотрел на Мару, чтобы перехватить её взгляд, но она, казалось, пребывала в своем мире. — Мара?

— Простите. — Она встряхнулась, мигая. — В любом случае, я не вижу, чтобы Джейсена, пинающегося и кричащего, тащили на высокую должность. Независимо от того, кому принадлежит идея, он вряд ли принял бы отказываться от такой чести.

— Он затаился, — сказал Кип. — Мы просматрели сводки новостей за двадцать четыре часа, но так и не увидели его. Должно быть, его посадили где-нибудь на цепь, чтобы держать подальше от репортёров.

— Откуда нам знать? — спросил Корран. — Он никогда не говорит с нами и скрывается в своём уютном бункере ГГА, когда не отправляется, чтобы попортить жизнь кореллианцам.

— Пора мне навестить его, — сказал Люк. — Я имею в виду, *действительно* повидаться с ним. Ниаталь прислала сообщение о том, что она хочет поддерживать хорошие отношения между Советом джедаев и кабинетом главы государства. Я займусь этим, как только у неё появится окно в графике.

Мара, казалось, вновь сконцентрировалась на слушаниях.

— Если бы я не знала, что Кореллия в отчаянном положении из-за смерти Геджена, я бы сказала, что это внешняя попытка дестабилизировать ГА. Будь он всё ещё жив, они сейчас уже двинулись бы на нас.

Это была интересная мысль, которая внезапно стала ещё более интересной в уме Люка, когда он осознал её. Мара всегда умела определять проблему. Эти два события могли быть случайно совпавшими или нет, но убийство было *связано* с отстранением Омаса, и не только потому, что он встречался с кореллианцем незадолго до того, как тот погиб. Безумные программы новостей строили дикие предположения, что Омас сам был вовлечён в убийство, но Люк чувствовал, что происходит что-то более замысловатое, и, судя по выражению напряжённого размышления на лице Мары, она чувствовала то же. Она говорила не совсем сама с собой, но губы её время от времени непроизвольно шевелились, когда она смотрела куда-то вдали.

«Ты всегда обсуждала со мной всё, Мара. Что произошло?»

— Знаете, что? — сказал Кип. — Мы упускаем важный момент. Будучи джедаями, мы либо игроки в политике ГА, либо очередной инструмент избранного лидера, вроде флота. Если мы — последнее, то мы можем иметь собственное мнение, но поступаем так, как велит нам законный лидер. Если нет — то у нас не больше прав начать вмешиваться в статус-кво, чем у монстра, бредящего анархистской партией. Джейсен может быть сейчас совершенно не в себе, но он действует *не как* джедай. Он — офицер сил безопасности, который *оказался* джедаем.

— Когда мои двери вылетят, выбитые сапогом ГГА, — заметил Корран, — мне будет от этого *гораздо* легче.

Кип извернулся в кресле и ткнул пальцем в сторону Коррана.

— Я не говорю, что мы не должны действовать. Только то, что мы должны определиться, где мы. А Ниаталь и Джейсен не нарушают свои права.

— Есть права, — сказала Мара, — а есть правильное.

Кип поднял бровь.

— А мысль о семантике в течение дня принесли тебе наши спонсоры...

— Я встречусь с Ниаталь, — сказал Люк, хлопнув ладонью по подлокотнику кресла. «Мне давно надо было довериться своему чутью. Я действительно отвлёкся, пытаясь соответствовать

этой роли». — И прежде, чем мы начнем жаловаться на отсутствие действий, подумайте вот о чём. Когда речь шла о вашем неодобрении участия Бена в делах ГГА, это был выбор: или позволить ему продолжать, или уволочь мальчишку-подростка домой. Теперь мы говорим о действии против... чего именно? Организовать наш собственный переворот? Свергнуть Ниаталь? Конфисковать световой меч Джейсена? Признаюсь, я готов ко многому, но мы должны продумать это, потому что мы можем оставить всё в худшем состоянии, чем было до того, как мы начали.

— Ну, попытаться уговорить его — это отпадает, — сказала Мара. — Поэтому я придерживаюсь того, чтобы отправиться за раздражителем — Люмией. Но не стоит забывать, что Омас вёл себя не совсем разумно, а Ниаталь не порабощена Люмией. У неё своя собственная повестка дня, и я не ощущаю здесь какого-то воздействия Тёмной стороны.

Люк знал, что она права. Движущие силы были сложны. Лучшее, что могли сделать джедаи, — это заняться тем, чего не могли не-адепты Силы. Вновь и вновь он скучал по ясности абсолютно злых противников или, по крайней мере, таких, кого он считал злыми.

Тяжело обращаться против своих же союзников. Так же тяжело, как обращаться против собственной семьи. Теперь они стали одним и тем же.

КОРУСАНТ, ШТАБ ГГА

Самым ужасным в пробуждении тем утром были несколько секунд чистого комфорта до воспоминания о том, что случилось, и потом мир снова рухнул. Бен не мог перестать видеть Джори Лекауфа повсюду, куда бы он ни смотрел. Он не мог оставаться дома: он нуждался в компании друзей, людей, которые тоже скучали по Лекауфу. Когда он вошёл в бокс безопасности ГГА и система распознала его удостоверение и открыла взрывозащитные двери, каждое лицо в коридоре было лицом Лекауфа. Когда Бен вошёл в раздевалку, он слышал его голос. Это был непрекращавшийся кошмар, вызванный в воображении комбинацией его ощущений в Силе и простой человеческой реакции на недавнюю тяжёлую утрату. Он хотел, чтобы это прекратилось, но чувствовал, что словно предает погибшего друга тем, что *не* желает повсюду его видеть.

Завирк по-прежнему сидел в комнате прослушивания. Он посмотрел на Бена и выключил звук в своем наушнике.

— Ты как?

— Нормально.

— Я не буду ничего говорить.

— Ладно.

— И ты не виноват, ага? Это мог быть любой из нас. — Завирк снова нажал кнопку и придвинул соседний стул ближе к Бену, чтобы тот сел. — Ты слышал, что босс... ну, теперь *по-настоящему* босс?

— Да.

— Пожалуй, это хорошие для нас новости.

Бен знал, что скажет его отец: что это вовсе не хорошие новости. Он немного посидел в комнате прослушивания, благодарный за то, что он среди солдат, а потом побрёл прочь, чтобы найти тихое место. Если он не мог справиться с такой чепухой без того, чтобы оказаться опустошённым, он бесполезен в ГГА. Любой солдат здесь справился бы. У Шеву, вероятно, была ужасная беседа с родителями Лекауфа, но когда Бен проходил мимо его кабинета, тот был поглощён работой, отмечая список обязанностей на стене и продолжая заниматься делами.

«Ладно, мне четырнадцать. Я мог бы сказать: "Ну, я всего лишь ребенок, и я не обязан быть стойким, когда гибнут мои приятели". Но я не могу привередничать, когда я действую как взрослый. Я должен продолжать или идти в школу, как любой мой сверстник».

И он пугал мать. Ей и так было достаточно проблем с её собственной охотой на Люмию.

По расписанию Джейсен должен был быть на посту. Судя по кодам времени, он был в штабе с часу ночи. Бен не чувствовал его присутствия, но теперь это не удивляло его. Было время, когда

Джейсен скрывался в Силе, когда должен был; теперь же он показывался, только когда, казалось, чувствовал, что это необходимо.

Не думая об этом, Бен тоже закрылся. Пока он шёл по коридору, плитки которого ещё мерцали пятнами воды, потому что дроиды-уборщики были всего в нескольких метрах перед ним, он позволял себе слиться с материей и энергией вокруг. Чем больше он это делал, тем меньше он ощущал, что находится в трансе, отключившись от действительности, и тем больше чувствовал, что наблюдает мир таким, каков он на самом деле, частицы внутри частиц. Это дало ему мимолётное чувство безмятежной ясности. Это было в некотором роде облегчение.

Пара дверей в конце коридора вела к камерам для задержанных. Та зона всегда была закрытой, но сегодня на стене рядом со входом было прикреплено уведомление, гласившее: «только высший уровень допуска». Там держали главу Омаса. Это казалось нереальным. Бен двинулся к кабинету Джейсена и увидел, когда завернул за угол, что двери открыты.

Как обычно, он не ощущал присутствия Джейсена, но услышал, что тот с кем-то говорит.

«Кто это? Странно. Я никого больше не чувствую».

Джейсен мог говорить по комлинку, но тон его голоса не был тем слегка неестественным, застенчивым, который он был склонен принимать, когда не видел собеседника. На самом деле он говорил так, как будто пытался сдержать себя.

— Ты перегнула палку, — сказал Джейсен.

— Ты слишком волнуешься, — ответил женский голос.

И тут Бен понял, что что-то совсем не так. Только джедай мог находиться там и не быть ощущён — или юужань-вонг, а они уж точно не были постоянными посетителями штаба ГГА. И голос был отчего-то знакомым, пусть даже он не мог определить его.

Нечестно было подкрадываться к старшему офицеру — к двоюродному брату, к наставнику — но это, похоже, было самым разумным вариантом. Оставаясь скрытым в Силе, Бен тихо двинулся вдоль коридора и встал так близко к открытым дверям, как мог.

Это крыло здания штаба было безлюдно, и Джейсен, вероятно, полагался на ощущение приходящих и уходящих людей. Он считал, что он и его гостья одни.

— Ты слишком коротко постриглась, — говорил Джейсен. — Можно быть приманкой, а можно перемудрить, и ты пересекла эту черту. Ты уже восстановилась?

— Да, — сказал женский голос. У него был лёгкий хрипловатый призвук, как будто она слишком увлекалась «палочками смерти». — Но это сработало. Это дало тебе время действовать так, чтобы она не влезала повсюду в твои операции. Она действительно думает, что я жажду мести за какую-то дочь...

— Иногда мне кажется, что твои легенды слишком сложны.

— А стирание памяти Бена о Нелани — нет?

Бен отряпнул. Это было всё, что он мог сделать, чтобы не влететь внутрь, как ураган.

«Джейсен. Это был ты?»

— Он не понял бы, зачем мне пришлось это сделать, — сказал Джейсен.

— И именно поэтому он никогда не сможет стать твоим учеником. Избавься от него, найди другого и прекрати впустую тратить свое время.

— Так, теперь о моей настоящей проблеме...

— Здесь я не могу тебе помочь. Кто бы это ни оказался, это решение Силы. Ты очень скоро узнаешь.

— Ну, я же справился с Омасом. Без труда.

— Ты собираешься держать его здесь?

— Я думал, что домашний арест был бы более разумным в долгосрочной перспективе. Здание «Республика» легко охранять, и это пойдёт на пользу нашей репутации. Люди всё ещё любят Омаса.

— И вот, пожалуйста, со-глава государства...

— Ниаталь считает, что так она сможет заставить меня молчать.

— Или держать под контролем.

— Она слишком умна.

— С ней приятно играть. Она нужна тебе, чтобы держать вооруженные силы на твоей стороне.

— Ты — такой стратег, Люмия...

Люмия. Люмия?

Бен подумал, что ослышался или что его настроение заставило его услышать то, что он хотел услышать, как голос Лекауфа. Но он понял, что услышал, и его первой реакцией был не страх или ужас, но мучительное замешательство.

Он доверял Джейсену, а Джейсен *лгал* ему.

Он стёр его память.

И они говорили о нём, как будто он был помехой.

Факт, что Джейсен сознательно говорил с ситом, как будто они были старыми друзьями,казалось, был уже на втором месте. Вопреки своим отрицаниям, Джейсен знал Люмию. И она могла входить в штаб ГГА и запросто разговаривать с ним. Джейсен не управлялся ею; он небрежно болтал с ней о том, что будет делать следующим.

Бен понял, что отчаянно ищет оправдания, которые объяснят, зачем Джейсену встречаться с Люмией и всё ещё оставаться тем, кому можно доверять, с совершенно серьёзным основанием для всего этого.

«Джейсен — джедай. Он не может быть с ней в союзе. Она сделала что-то с ним. Воздействовала на его разум или что-то в этом роде».

Эта женщина оставила его мать с разбитым лицом. Эта женщина была всем, чего его учили бояться и избегать, а Джейсен разговаривал с ней в своём кабинете как ни в чём не бывало.

Бен знал, что должен сказать кому-то, но у него не осталось людей, которым можно доверять. Если на Джейсена можно было вот так влиять, значит, можно на кого угодно — кроме мамы. Мама не была в сетях Люмии, иначе она не сражалась бы с ней.

Бен должен был найти её. Он должен был предупредить её.

Этим утром он чувствовал, что всё просто не может стать ещё хуже, а теперь он понял, что может.

Глава 14

Если ты думаешь, что отпугнёшь нас, подлизываясь к мандалорцам, жучок, тебе придётся подумать ещё раз.

— Хебан Дель Далье, Министерство торговли и промышленности Мерканы, послу Роши во время обсуждения разногласий по вопросам прав на интеллектуальную собственность

МАНДАЛОР, КЕЛДАБЕ, ФЕРМА БЕВИЙНА И ВАСУРА

— Переизбыток голоновостей плохо на тебя влияет, — сказал человек, стоявший в дверном проёме надворной постройки. Фетт заметил его прибытие — его было трудно не заметить. Его броня была удивительной. У Фетта не было реальной необходимости быть бдительным на Мандалоре, но и Джастер Мерил тоже когда-то думал, что он в полном порядке среди собственных подчинённых. Безопасность всегда лучше сожаления. Фетт продолжал чистить шлем, положив ноги на стул.

— Это увлекательно, — сказал он, кивая в сторону монитора, который он поставил на стол. Ведущие новостей и комментаторы впадали в неистовство насчет бескровного переворота. — Джейсен Соло, мальчик, который хочет стать Вейдером, когда подрастет. Он, наконец, сделал это.

— Наверное, он смотрит в зеркало, когда чистит зубы, и говорит себе, что это его судьба.

— А ты?..

— Венку.

У него не было надлежащего келдабского акцента. Скорее казалось, что он пробыл на Куате и, возможно, ещё и на Муунилинсте. Это не было чем-то необычным для мандалорцев, а сейчас это всё больше распространялось, когда столь многие хлынули назад к тому, что Бевийн называл «Мэндо'айм».

Это, а не «Мандалор», было традиционное название планеты. Фетт никогда не понимал этого. Каждый день преподавал ему урок, который говорил, как далёк он от своего собственного народа.

— Садись, Венку. — Фетт указал на последний оставшийся в комнате стул. Он попытался думать как лидер, а не охотник за головами. — Что бы это ни было, сними это с груди.

У Венку была самая эклектичная броня, которую Фетт когда-либо видел. Существовал обычай носить детали брони, принадлежавшие мёртвому родственнику или другу, но у Венку не было даже двух одинаковых пластин. Каждая часть была разного цвета. Палитра колебалась от синего, белого и чёрного до золотого, сливочного, серого и красного.

— Что случилось с твоим чувством стиля? Кто-то подстрелил его?

Венку по-прежнему стоял, игнорируя стул. Он мельком глянул на свою броню, как будто впервые заметил её.

— Нагрудник, бу'шей и наплечники достались мне от дядей. Наручи принадлежали отцу, набедренные пластины — двоюродному брату, а пояс — тёте. Вот и...

— Хорошо. Большая семья.

— Те, кто таб'эчааж'ла, и те, кто всё ещё живы, да.

Фетт перестал просить переводы. В общих чертах он понял.

— Я почти закончил с чисткой моего ведра.

— А говорили, что очарование не является твоей сильной стороной. Ладно, я пришёл сказать тебе, что я рад, что ты решил быть нормальным манд'алором. Мэндо'аде возвращаются домой. Ты, вероятно, мало что замечаешь за пределами своего собственного существования, но это твоя цель.

Фетт никогда не считал себя добродушным, но обычно не мог разозлиться достаточно, чтобы прихлопнуть дураков, если ему за это не заплатят. Этот человек не казался ему дураком, но он задел его за живое, и Фетт не мог понять, почему.

— Рад, что могу быть полезнее, чем дверной стопор.

— И вот ещё почему я рад отдать тебе это. — Венку открыл мешочек на своем поясе со снаряжением — тётином поясе, как он сказал, значит, она, должно быть, была типичной женщиной мэндо — и положил на стол маленький тёмно-синий прямоугольный контейнер. — И не принимай это за лесть или сентиментальность. Ты должен своему народу. Скоро появится тот, кто будет управлять им.

Венку повернулся к двери, когда слово «управлять» вонзилось в череп Фетта.

— Эй, ты!

Венку обернулся через своё разноцветное плечо.

— Не пытайся сам это сделать. Его нужно вводить в костный мозг, и это будет так больно, как ты не можешь вообразить. Пусть это сделает кто-нибудь квалифицированный. Больно всё равно будет, но зато его вставят правильно.

Значит, это один из приспешников Джайнга. У него, конечно, не было элегантного стиля его босса, хотя имелись дорогие тёмно-зелёные кожаные перчатки, и Фетт не мог предположить, что или кто послужил им основой.

— Скажи ему, что мы квиты, — сказал Фетт. — И... поблагодари его.

Венку хотел что-то сказать, затем остановился, словно получал сообщение через шлем. Фетт наклонил на коленях собственный шлем и таким образом мог видеть внутришлемный дисплей, настроенный на внешнюю камеру безопасности «Раба I». Мимо корабля проковылял человек, очевидно, очень старый, судя по походке, но всё ещё облачённый в полную сияющую броню, и остановился, разглядывая корабль. Потом он вышел из поля зрения камеры в направлении здания.

Фетт никогда не сбросил бы со счетов даже престарелого мандалорца, как возможную угрозу: если старик дожил до такого возраста, он или необычайно удачлив, или серьёзный боец. Но Фетт остался сидеть, закинув ноги на стул, протирая красную подкладку шлема из мерцающего шёлка сапоновой тряпкой, снедаемый любопытством, но отлично это скрывающий. Старик появился в дверном проёме, протиснулся мимо Венку и уставился на Фетта.

— По крайней мере, я дожил до этого дня, — сказал он. — Су'куэ, манд'алор, гар шабуир.

Это было не самое вежливое приветствие, которое когда-либо получал Фетт, но, конечно, наиболее уместное для неизлечимо больного человека. Это был единственный возможный способ, которым могли приветствовать друг друга воины и наёмники. «Значит, ты всё ещё жив». Он догадался, что означает «шабуир», но предпочел принять это за грубую привязанность, а не оскорблениe.

Старый мандо вышел с подагрическим достоинством, снова остановился у двери, чтобы посмотреть на Фетта, и продолжил свой путь.

— Ты его осчастливили, — сказал Венку.

— Мне не стоит спрашивать.

— Тогда не спрашивай. — Венку вздохнул, затем потянулся к шлему, чтобы расстегнуть герметичный стык. Шелест ткани приглушил его голос, когда он снял бу'шей. — Ну, тогда ладно.

Боба Фетт изучал лицо человека, возможно, лет на десять или пятнадцать моложе него: тёмные волосы с щедрой проседью, сильные скулы и очень тёмные карие глаза. Двадцать лет назад он и сам выглядел почти так же. Нос был остree, и рот был чужим, но в остальном это было лицо Фетта.

Он смотрел в свои глаза и в глаза своего давно погибшего отца.

— Я — Венку, — сказал мэндо в разноцветной броне. — Но тебе я, наверное, лучше известен, как Кэд'ика. Интересно наконец-то познакомиться с тобой... дядя Боба.

КОРУСАНТ, ОСАРИАНСКАЯ ЗАКУСОЧНАЯ

— Я не знал, кому ещё сказать, — сказал Бен. — Или кто ещё выслушал бы меня, если бы я рассказал.

Мара задумалась, плакал ли он о Лекауфе или ошеломляющем предательстве Джейсена. И всё-таки он о чём-то плакал и проделал разумную работу, чтобы это скрыть.

— Я верю тебе, Бен.

— Может, мне *правда* показалось.

— Не показалось. — Нет, конечно же, ему не могло показаться, как Люмия по-дружески беседует с Джейсеном, анализируя чреду их триумфов и решая, когда Ниаталь больше не будет полезной.

И обсуждая свою ложь. Никакой мести за несуществующую дочь — и стирание памяти Бена о том, что случилось с Нелани.

У Бена была полезная способность вспоминать всё, что он видел или слышал, с почти абсолютной точностью. Кожа на голове Мары напряглась, пока она слушала сына, своего драгоценного ребёнка, произносившего точные слова этой сита-киборга и её сообщника, словно невинный, одержимый демоном.

«Сообщник».

Мара поняла, что с этими словами она поменяла свою позицию на несколько парсеков. Не пустая, тщеславная, *наивная* жертва сита-манипулятора: *сообщник*. Джейсен не был настолько слабоумным, чтобы пасть так далеко и так быстро, если бы он не хотел.

— Я не никому больше сказал и не хочу говорить, — прошептал Бен. — И папе тоже. Я имею в виду, ты можешь ему сказать, если правда считаешь, что ему стоит знать, мама, но я не хочу видеть его лицо, когда он узнает, каким я был идиотом.

«Но я защищала Джейсена. Когда я стала глупой?»

— Не большим идиотом, чем мы все, милый.

— Что нам делать?

— Я не буду просить тебя что-то делать. — Напиток Мары остывал. В любом случае, она не смогла бы его проглотить, даже если он не напоминал на вкус гидравлическую смазку «Тысячелетнего сокола», потому что её горло сжалось от гнева. — Бен, у тебя есть выбор. Я говорила Джейсену, что Люмия пытается тебя убить, и он был сама невинность.

— Выходит, ты знала о Зиосте...

— Нет, я ничего не знаю о Зиосте. Но ты же расскажешь мне.

Лицо Бена вытянулось. Она должна была собрать все сведения, какие могла, но Бену заодно было полезно научиться, что выдать информацию случайно слишком просто. Одно только слово «Зиост» заставило все части складываться в ужасную картину.

— Джейсен послал меня на задание на Алманию, чтобы вернуть амулет, в котором заключена какая-то мощь Тёмной стороны. Я оказался на Зиосте, и на меня напал корабль, но я нашел реально странный транспорт и улетел.

— Вот так просто.

— И это была не Люмия. Это был ботан.

— Ну и как ты нашёл этот корабль? — Мара пыталась разобраться с обманом. Она знала, что она сделала с кораблём Люмии и что маяк теперь показывал, что он постоянно находился на Корусанте. Если бы последние тридцать шесть часов не были сплошным хаосом, она сейчас уже нанесла бы ей ещё один визит. — Только что припаркованный, люк открыт, ключ в замке?

— Он... слушай, я не сумасшедший, но он *говорил* со мной.

— О-о... — У Мары теперь было достаточно кусочков головоломки, чтобы увидеть грубое очертание появляющейся картины. — Сферический. Оранжевый. Похожий на большой глаз.

С лица Бена исчезли все краски.

— Да.

— Расскажи мне о нём.

Он явно боролся с чем-то. Мара предположила, что он поклялся хранить всё в тайне. Но было слишком поздно для всей этой чепухи о преданности.

— Я видела этот корабль, Бен. Он тоже говорил со мной. Он сказал, что принял меня за «другого», как я, и я решила, что он принял меня за Люмию, но он имел в виду тебя, да? Так или иначе, он уловил наше сходство.

Бен сглотнул, как будто облегчение возможности разделить ужасный опыт спасало его от потопления.

— Я сообразил, как им управлять. Он общается через Силу.

— И пропитан тёмными энергиями. Я знаю. Продолжай.

— Я не знаю, как он работает, но если ты представляешь то, чего хочешь от него, он это делает. Он вытаскивает свои части и формирует их в пушки или в любое оружие.

Прекрасно. Прекрасно. Мара моментально получила более чёткую картину. Люмия могла мысленно приказать кораблю, и он бросился выполнять её приказание — может быть, даже выпустить кабель, захлестнуть им Мару, оттащить её и почти задушить.

«Это был не дроид. На меня напал живой корабль — ситский корабль».

Тело Мары наполнилось той старой холодной ясностью и безжалостной целеустремлённостью, и вместо того, чтобы заставить её сердце рухнуть в пятки, как у любой матери, слушающей, какой опасности подвергся её сын, это привело её в спокойное и рациональное состояние, близкое к запредельности. Она вновь стала Рукой, планировавшей свои действия.

— Так что же произошло с кораблём за время между тем, как ты его нашёл, и когда я столкнулась с ним на днях?

— Где ты его видела?

— На Гесперидиуме. Когда я догнала Люмию.

Плечи Бена поникли. Он сложил руки на столе и опустил на них голову. Мара ждала, поглаживая его волосы, предполагая, что он снова плачет.

Он выпрямился, лицо его было потрясенным, но глаза — сухими.

— Я привёл его на «Энакин Соло» и передал Джейсену.

Всё вставало на свои места. Единственное, что сейчас отсутствовало — то, как она положит этому конец, но такова была её специальность, и можно было немного подождать, пока она не удостоверится, что Бен в безопасности.

— Ладно, думаю, ты понимаешь, насколько это серьезно, — сказала она. Их головы почти соприкасались над столом. Осарианцам, которые приходили в ресторан и едва говорили на основном, они, вероятно, казались матерью и сыном, ведущими слезную дискуссию насчёт домашней работы и плохих отметок. Они ни за что бы не догадались, что речь шла о судьбе галактики.

«Нет, не о галактике. Хватит уже о галактике. Галактика может некоторое время сама позаботиться о своих проблемах. Речь идёт о моём ребенке, моём единственном ребенке, и какой-то ситской мерзавке, пытающейся его убить, пока его собственный двоюродный брат, мой племянник, который должен заботиться о нём, помогает ей в этом».

С этого момента всё стало очень ясным и простым.

— Бен, ты примешь предложение от меня?

— Что угодно, мама. Мне жаль, мне так жаль...

— Эй, это я должна сожалеть. — Я доверяла чудовищу. Я спорила с мужем. Я игнорировала каждый новый знак, что Джейсен стал проблемой. — Но ты действительно в опасности, и она становится больше, чем ты способен преодолеть, поэтому я хочу, чтобы ты был очень осторожен. Я хочу, чтобы ты для разнообразия вёл себя, как мужчина. Не рискуй. На самом деле я хотела бы, чтобы ты сказался больным и убрался как можно дальше от Джейсена, пока я не разберусь с этим.

Бен мрачно кивнул — очень старые глаза на ужасно юном лице. Он действительно был всего лишь ребенком, даже если вёл себя теперь, как мужчина. Мара сразу же почувствовала такую гордость за него и в то же время такое яростное желание защищать, что единственным

убедительным чувством, которое она смогла распознать, был инстинкт отыскать и убить того, кто ему угрожал.

Она могла сделать это. Это было её призвание.

— Я сделаю это осторожно, — сказал он. — Таким образом, Джейсен не поймёт, что я узнал, что им руководит Люмия.

«О, конечно, руководит».

— Правильно, милый.

— Я обещаю, что не буду скрываться от тебя в Силе, но... Мне, возможно, придётся сделать это, чтобы скрыться от неё. Или даже от Джейсена, если он настолько под её контролем, что... захватил власть.

Иногда, чтобы поверить во что-то, нужно было услышать это от кого-то другого.

— Знаешь, что, — сказала Мара, улыбаясь, — почему бы тебе не показать мне, как это делается? Тогда, может быть, я получу лучшее представление о том, когда ты просто прячешься, а когда стоит волноваться.

Бен кивнул, опустив глаза.

Теперь не будет никаких препятствий. Мара использует любое имеющееся в её распоряжении средство и оружие, и этому настанет конец.

Они провели остаток дня, занимаясь тем, что они не делали уже очень давно: просто блуждали по ботаническим садам Небесного купола, разговаривали и развлекались — насколько это было возможно при шедшей галактической гражданской войне и военной хунте, управлявшей ГА. Единственным доказательством тотального переворота было то, что в ногу с офицером КСБ, патрулировавшим площадь, шёл сержант Сил безопасности Галактического Альянса.

Кроме того, никто не казался обеспокоенным. Мара задумалась: неужели все катастрофические события в истории замечает лишь горстка. Как сказал Бен пророчески за обедом всего несколько дней назад, возможно, точно так же было во времена Империи, и жизнь большинства людей была при Палпатине такой же, как и при Республике. Она не хотела думать, что это правда. Люк бы точно не стал.

— Пошли, мама, — сказал Бен. — Давай найдём хорошее место на лужайках, и я научу тебя исчезать.

Говорили, что верный признак неизбежной старости — это когда твои дети могут чему-то тебя научить. Это же просто — скрываться в Силе, как, впрочем, и диета, но мало кто мог решительно взяться за дело и чего-то достичь. Бен был удивительно терпеливым учителем. После нескольких часов она могла продержаться минуту или две, не хватаясь за что-то твёрдое.

— Я сожалею о Лекауфе, — сказала она, обнимая его, когда они шли. — Жаль, что я была не очень добра к нему. Похоже, он был одним из лучших.

— Он отдал жизнь, чтобы удостовериться, что я спасся. Как мне жить с такой жертвой, мама?

— Думаю, делая свою жизнь значимой, чтобы его жизнь не оказалась потрачена впустую.

Это было самое близкое, что она когда-либо чувствовала к Бену, и, вероятно, первый раз, когда они действительно общались как взрослые. От этого она чувствовала себя глубоко счастливой. От неё не ускользнула ирония, что это происходило в разгар самых худших событий и величайших угроз, с которыми они когда-либо сталкивались. В такие моменты болезненно осознаешь, что действительно важно.

— Бен, ты, наверное, скоро увидишь во мне ту сторону, которая не похожа на старую добрую маму. — От него исходил чудесный запах: тот неопределенный его запах, которым она наслаждалась, когда он был крошечным, и он всё ещё оставался под запахом армейского мыла и оружейной смазки. — Но я хочу, чтобы ты знал: что бы я ни делала, какой бы чужой, как тебе кажется, я ни становилась, я люблю тебя, и ты в моём сердце, в каждой его фибре. Ничто не значит для меня больше, чем ты.

Она остановилась, чтобы обнять его, и он обнял её в ответ, а не просто подчинился унижению, как делал обычно. Это продолжалось некоторое время.

— Знаешь, мама, почему я тебе верю? Потому что ты не говоришь мне доверять тебе. Все остальные говорят мне доверять им, и обычно это намек на то, что этого делать не следует.

Мара ещё раз увидела мужчину, которым станет её сын, и мать, которой она была до сих пор. В конце концов, всё получилось не так уж плохо.

Она слишком хорошо знала, что теперь поставлено на карту и что она должна сделать.

КОРУСАНТ, КВАРТИРА ДЖЕЙСЕНА СОЛО

— Бен? — Джейсен осмотрел квартиру, но никаких признаков его юного двоюродного брата не было. Наверное, он вернулся повидаться с родителями. Он всё ещё нуждался в подтверждении тёмной необходимости в жизни, проходя через эту стадию между забвением последствий с беспечной жестокостью ребенка и более чувствительным, но ответственным принятием того, что многим в жизни выпадает суровая и неизбежная судьба. В данный момент Бен чувствовал слишком много и имел слишком мало жизненного опыта, чтобы справиться с болью.

Джейсен осмотрел содержимое холодильника и решил лучше заказать доставку из ресторана. Теперь он понял, что в этом есть некая закономерность, и она всё меньше зависит от него; он поставил части на место, Сила ответила, и теперь его очередь делать выбор, когда она предложит. Это был диалог.

Лекауф тоже был частью закономерности. Но Джейсен всё ещё раздумывал, почему погиб не Бен. Он был почти уверен, что именно так всё и закончится.

«А я думал, что моя судьба освободит меня от него. Нет».

Джейсен заказал тайдалианский низкокалорийный обед из трёх блюд и наполнил ванну горячей пенящейся водой. На зеркальной стене сконденсировался пар, и он написал кончиком пальца:

ОН УВЕКОВЕЧИТ СВОЮ ЛЮБОВЬ.

Это всё ещё не имело смысла. Если это означает убить человека, которого он больше всего любит, как сказала Люмия, то об этом не может быть и речи: он отдал бы жизнь ради Алланы. Но в последние несколько месяцев он на каждом шагу защищал её. «Ты узнаешь, когда это случится». Люмия была уверена в этом, и Джейсен тоже поверил.

«Увековечит. Сделает бессмертной. Запишет в истории. Сделает постоянной. Почему не просто убьёт? Может, я неправильно перевёл кисточку».

Чтобы расслабиться, люди читают в ванне голожурналы, но Джейсен обнаружил, что ведёт себя, как холостяк-неряха и ест свой доставленный обед. Он был измотан. У него было чувство, что он приближается к вершине волны, взираясь вверх по склону, и когда он достигнет вершины — того последнего препятствия к его ситской судьбе — всё станет легко и понятно.

Джейсен положил вилку на край ванны и снова написал на конденсате пророчество.

ОН УВЕКОВЕЧИТ СВОЮ ЛЮБОВЬ.

Убийство того, кого ты любишь — это окончательный акт повиновения и подчинения высшему долгу. Он читал в голоканалах статью о племени — уже не помнил, каком, где и когда — в котором обучали элитных солдат, давая им щенка нусито, когда они начинали курсантскую программу. Их поощряли сближаться с щенками, соревноваться с нусито других кадетов и вообще учиться их любить. Потом, прежде чем кадет мог закончить образование, ему приказывали задушить своего щенка. Если он не мог или не хотел, его выгоняли. Он должен был уметь ставить обязанность превыше эмоций.

«Это я. Это то, что я должен сделать».

Переевший тойдарианских яств, усталый и убаюканный горячей водой, Джейсен позволил своему уму блуждать и потянулся в Силе, чтобы коснуться Алланы и Тенел Ка. Теперь он рисковал этим всё реже. Последнее покушение на их жизнь было суровым предупреждением о том, насколько шатко положение его семьи. Он никогда не слышал, как Аллана зовёт его *папой*. И, наверное, никогда не услышит.

«Моя семья. Да, вот кто моя семья. Не Джейна, не мама, не папа; моя маленькая девочка и её мать. Вот каково это — влюбиться в женщину, чьи обычай не позволяют ей назвать отца своего ребёнка».

Он мог бы поклясться, что Аллана отозвалась. Он был столь взволнован, что распахнул глаза, и затем понял, что это ещё один шанс для кого-то найти и повредить ей. Люмия бы не побрезговала этим. Таков путь ситов. Заставляя кого-то страдать и ненавидеть, они лишь усиливали свою ситскую мощь.

Он навестит Тенел Ка, как только убедится, что они с Ниаталь окончательно завершили захват власти и что война будет вестись более логично и с меньшим вниманием к тому, чтобы осчастливить незначительные миры.

Теперь надо разобраться с ботанами. Люмия снова сможет заработать себе на пропитание.

Но он не мог быть внимательным. Он не дремал, но видения Силы не оставляли его в покое. Как будто Сила трясла его за плечи и говорила ему обращать внимание и продолжать своё дело, потому что время истекает. Каждый раз, когда он закрывал глаза, он видел оказанное ему Беном доверие, и ложь, которую он сказал мальчику, и опасности, которым подверг его. А Бен всё возвращался снова и снова. Он отчаянно хотел поступить правильно. Теперь Джейсен ясно видел, как он, обхватив голову руками, всхлипывает: «Это слишком высокая цена».

Что именно? Лекауф? Нет. Лекауфов будет ещё очень много. На войне их хватает. Вот одна причина, почему Джейсен должен был положить конец сражениям — любым возможным способом.

Может быть... это не Бен, но как-то *связано* с ним.

«Почему я столько раз думал об этом? Почему эта мысль преследует меня? Потому что я её отрицаю. Потому что не могу признать, что это он. Потому что это *должен* быть он».

Убить Бена было бы легко, потому что Бен доверял ему. Джейсен понимал, как плохо ему от этого будет. Задушить щенка нусито.

«Ты не желаешь видеть неизбежного. Правда?»

Джейсен вытерся и провёл остаток вечера, собирая личное оружие. Он осмотрел световой меч и бластер, понимая, что их всё же будет недостаточно, когда Люк и Мара придут мстить за Бена. Он достал коробку с различными ядами и патогенами, которые можно было нанести на дротик или пулью — ещё одно оружие, способное обойти защиту его самых стойких врагов. Все принципы задействованы: химические, биологические, механические.

Он просто хотел, чтобы всё закончилось.

И кто же будет его учеником, когда Бен погибнет? Прямо перед тем, как Джейсен уснул, ему пришло в голову, что адмирал Ча Ниаталь продемонстрировала превосходное схватывание правила двух.

Хорошо, что она не адепт Силы.

Глава 15

Это должно быть больше, чем просто борьба с хаосом и беспорядком. Мне следует сурово бороться с причинами хаоса и беспорядка — жадностью, коррупцией и амбициями.

— Джейсен Соло, со-глава Галактического Альянса, выступая на обеде для глав корусантской промышленности

МАНДАЛОР, ФЕРМА БЕВИЙНА И ВАСУРА

Мирта прижала палец к губам, и четыре фигуры рассредоточились у двери, словно собираясь штурмовать цитадель Фетта.

— Я проверю, — сказала она Ораду. Бевийн подмигнул в ответ. Медрит просто продолжал смотреть на свой хронограф, как будто у него не было времени на разговоры. — Можете спрятаться за мной, если хотите.

Орад нервно облизнул губы.

— Кэр'ика, когда Фетт говорит, что сломает мне ноги, он просто ищет предлог.

— Он — старик, Гес, и если ты кому-нибудь это скажешь, ноги тебе сломаю я.

Гес Орад предпочёл бы столкнуться с готовым к бою флотом числов, вооружённым только острой палкой, и посмеялся бы над своими шансами на выживание, но он ужасно боялся её деда. Мирта задавалась вопросом, обречена ли она теперь на то, что все её романы будут угасать в ледяном потоке отчуждения, потому что теперь все знали, что она — Фетт. Она оперлась на дверь сарая — здание служило сушилкой, — и два возмущённых лица обернулись к ней.

— Что вы с ним делаете? — требовательно спросила она. — У него был рецидив или что-то в этом роде?

Фетт тяжело дышал, как будто испытывал сильную боль, его руки были прижаты к груди, лицо было белым, будто отлитое из воска. Неизвестная женщина стояла над ним, повернув к свету большой шприц с иглой на конце и изучая содержимое его резервуара. Другой мужчина, одетый в пёструю смесь из фрагментов брони различных типов, стоял спиной к двери. Он не обернулся.

— Джайнг сдержал обещание, — сказал Фетт с заметной одышкой. — Ну, или он решил посмеяться последним и травит меня. Посмотрим.

— Есть более медленный и менее болезненный способ доставить это туда, куда нужно, — сказала женщина, щелкая пальцем по шприцу, чтобы удалить пузырьки воздуха. — Но нет смысла тянуть, учитывая состояние, в котором ты находишься, манд'алор. Прямо в костный мозг. Осталось ещё две инъекции.

— Просто сделай это, — Фетт убрал руки с груди и расстегнул рубашку. Мирта удивилась, насколько он костлявый: в полной экипировке он выглядел подтянутым, сильным человеком. Она поняла, что не хочет, чтобы кто-то ещё видел его таким. — Это лучшее, что Мандалор может мне предложить? Ветеринар, которая проводит свой рабочий день с руками в...

— Поверь, я предпочитаю лечить нерфов. Сиди спокойно. Или я промахнусь и проткну лёгкое. Или что похуже.

— Сколько времени это займёт?

— Манд'алор, знаешь ли ты, какое место для такого лечения можно использовать вместо грудины?

— Удиви меня.

— Кости таза.

Выражение лица Фетта осталось предсказуемо непроницаемым, и он не сказал ни слова. Он отвернулся, и любой другой мог подумать, что это было случайным раздражением из-за того, что кто-то нарушил его режим, но Мирта уже знала его достаточно хорошо, чтобы видеть, что он испытывает мучительную боль. Она рискнула сделать шаг вперед и сжать руку деда. Тот ответил на пожатие. Мирта уже думала, что он переломает ей каждую косточку в пальцах, когда ветеринар наставила иглу — такую большую, что Мирта могла видеть отверстие на её кончике — и сильным движением вколола её в грудину, как если бы готовила нуну для жарки. Раздался хлюпающий звук. Орад громко сглотнул.

— Если собираешься падать в обморок или блевать, сынок, выйди на улицу, — раздражённо посоветовала ветеринар. — В противном случае поищите анальгетики. Где вы их храните?

— Забудь, — бросил Фетт. — Мне нужно знать, не причиняешь ли ты мне вред.

— Всё хорошо, ба’буир, — прошептала Мирта. — Ты будешь в норме.

— Если уж сарлакк не прикончил меня, ей это тоже не удастся.

Ветеринар с угрожающей улыбкой вставила шприц в стеклянный флакон, чтобы наполнить его.

— Последний. Закрой глаза и думай о Мандалоре.

Мирта через плечо бросила взгляд на мужчину в разноцветной броне. Тот снял шлем.

— Просто хочу удостовериться, что он не умрёт, прежде чем сделает что-нибудь полезное для Мэнда’айами, — сказал мужчина. — Если это сработает, а сработать должно, через несколько дней он начнёт подавать признаки выздоровления».

Он был очень похож на Фетта и Джайнга, и это сходство вызывало тревогу. Киффарская часть Мирты, для которой родословная была важна, сказала ей, что это её родственник. Клоны немало порезвись во время войны. Вероятно, у неё было намного больше генетических родственников, чем она думала сначала.

Фетт вновь стиснул пальцы Мирте и не издал ни звука. Ветеринар выпрямилась и открыла бутылку с едко пахнущей жидкостью, чтобы вымыть руки.

— Обычно в этом месте я хлопаю своих пациентов по крупу и отпускаю их на пастище. Но, поскольку это ты, я пропущу этот пункт и предложу немного расслабиться день или около того. Будет большой синяк.

Фетт кивнул уходившей в знак признательности и застегнул майку. Затем он взглянул на Мирту.

— Поздоровайся со своим дядей Венку, — он указал на человека в разноцветных доспехах, который всё ещё не узнавал её. — Известен также как Кэд’ика.

Теперь всё обрело смысл. Кэд’ика, должно быть, был сыном солдата-克она. Таких как он, должно быть, было много, и она задалась вопросом: многие ли из них обладали какими-либо умениями встраиваться в общество или чувством юмора, или же все они последовали по стопам ба’буира.

— Просто вношу свою лепту в мандалорское единство, — сказал Венку, надевая шлем, как будто её внимательный взгляд заставлял его чувствовать себя некомфортно. — Не годится для мандалора дать дуба как раз тогда, когда мы снова на подъёме.

Он наклонился над Феттом и двумя пальцами пощупал пульс на его шее. Мирта ожидала, что дед порвёт Венку за то, что тот посмел дотронуться до него, но Фетт просто смотрел на разнокалиберные пластины бескар’гама с праздным любопытством и терпел осмотр.

— У тебя учащается пульс, — сказал Венку. — Отдохни.

— Полевой медик.

— Ага; говорят, у меня целебное прикосновение. — Мирте трудно было в это поверить. Венку выпрямился. — Возникнут любые проблемы — расскажи об этом парням в кафе Цикартана в городе. Они будут знать, как со мной связаться.

Венку направился к двери. Проходя мимо Мирты, он остановился и коснулся пальцем «сердца огня», свисавшего с её шеи. Он явно совсем не боялся получить удар по лицу.

— Любопытно, — проговорил он.

Он был ловкачом, человеком, который мог добывать вещи — и, очевидно, также и информацию. Стоило попробовать.

— Это «сердце огня», — ответила она. — Он принадлежал моей бабушке. Мне нужен чистокровный киффар, который поможет мне прочитать запечатлённые в нём воспоминания.

Венку замер на несколько мгновений.

— Мэндо’аде приходят из самых разных мест. Если я найду кого-нибудь, кто сможет прочитать камень, я дам тебе знать.

Затем он ушёл. Орад толкнул Бевийна.

— Давай, — сказал Орад. — Скажи ему. Это сделает его счастливым — ладно, чуть счастливее. Счастливые люди выздоравливают быстрее.

Фетт надевал назад броневые пластины.

— Что сделает меня счастливым?

На лице Бевийна расплылась блаженная улыбка человека, который закончил собирать запасы на зиму и просто наслаждается плотной трапезой.

— Йомагет хочет кое-что тебе показать.

Фетт хмыкнул. Он, несомненно, был наименее выразительным человеком из всех, кого знала Мирта, но в этот момент он казался слегка разочарованным.

— У него есть «Бес'улиик», пригодный для космических полётов, так?

— Сюрприз накрылся.

— Нетрудно было догадаться, — он встал и мгновенно превратился из больного ба'буира в Бобу Фетта, безжалостного и непреклонного. Но за дверь он вышел не сразу. Мирта решила, что он чувствовал эффект от лечения и не сбирался признавать этого, даже перед людьми, которые точно знали, что произошло. — Где он?

Мирта указала на потолок и предложила деду руку. Она всё ещё искала причину, чтобы не ненавидеть Фетта, и была готова заглянуть ему в душу достаточно глубоко. Наёмница решила, что может начать с приязни к нему за его бесстрашие. Его ничто не волновало, ничто не останавливало и ничто не заставляло жалеть себя. Они стояли у сарая, выглядевшего как маленькая хижина рядом со стоявшим в горизонтальном положении «Рабом I», и молча ждали.

Низкий грохот нарушил сельский покой. Фетт взглянул вверх, когда тусклый чёрный клин пронёсся по небу и исчез за поросшим лесом холмом. Мирта потеряла корабль из виду, но затем тот повернулся назад, замер в воздухе примерно в двухстах метрах над ними и плавно опустился, сверкая посадочными двигателями. Машина приземлилась на тупую хвостовую часть, а затем выдвинула стойки, наклонилась на девяносто градусов и замерла горизонтально, как обычный истребитель. Колпак кабины поднялся, и Йомагет вылез из машины, соскользнул на землю и поцеловал матовый фюзеляж.

— Кэр'ика, — проговорил он кораблю, нежно проводя рукой по обшивке. — Думаю, я влюбился.

— Мило, — бросил Фетт.

— У «Бес'улиика» внутри душа улиика.

— Да, я вижу, что это зверь. Что изменилось?

— Мы нанесли микронизированное бескарковое покрытие, манд'алор. Теперь машина — ещё более крутая шабуир. Хочешь показать её верпинам?

— Их это определённо заинтересует.

— Если они поделятся с нами своей ультрасеточной технологией, мы сможем облегчить планёр и улучшить её атмосферные показатели. Если же мы полностью закуём её в бескар, она станет неуязвимой, но тяжёлой.

— Остановимся на тяжёлом варианте. Может, верпины предложат лучшее топливо.

— Что ж, если ты не собираешься пригласить её на прогулку, это сделаю я, — сказал Медрит. Он вскарабкался на крыло и залез в кабину; со стороны выглядело, как будто тело кузнеца заполнило её без остатка. — Шаб, мандалорско-верпинский штурмовик. Это вызовет бессонные ночи на Корусанте.

— Если мы сможем достаточно быстро добывать и обрабатывать руду.

Йомагет выдал обнадёживающий взгляд.

— Мы могли бы попросить этих полезных насекомых одолжить нам одну-две орбитальные установки».

— Я загляну к ним, — сказал Фетт. — Нужно думать о долгосрочных перспективах. Нет смысла давать Роше слишком много в начале игры.

Весь следующий час Медрит гонял прототип «Бес'улиика» над пригородами Келдабе, а остальные наблюдали за этим с земли. Йомагет с довольным видом записывал фигуры высшего пилотажа на свой голорекордер.

— Может, стоит слить эту голозапись паре моих контактов, — сказал он. — Мы ведь не скромные люди?

— Напомните им, что большая часть нашего взрослого населения тоже умеет летать на истребителях, — ответил Фетт. — Для начала.

Он вошёл назад в сарай. На лице мандалора не было и намёка на улыбку, но Бевийн, обернувшись к Мирте, кивнул головой. — Хочешь верь, хочешь нет, но это счастливый человек.

Вероятно, он лучше разбирался в настроении людей, чем она. Мирта почувствовала облегчение от того, что услышала, как Фетт сказал слово «долгосрочные».

Времена менялись. Остальная часть галактики могла разваливаться на части, но сектор Мандалор, который теперь неофициально контролировал Роше, если учитывать соглашение о протекторате, был райским убежищем для оптимистов после более чем десяти лет мрачного существования.

Той ночью Мирта обнаружила, что кафе «Ойю'баат» набит новыми лицами, а его стены сотрясались от хриплых песен. Если бы на открытом очаге в центре кафе медленно жарилась не туша нерфа, а убийца её матери Джейсен Соло, Мирта бы даже присоединилась к ним.

КОРУСАНТ, ЗДАНИЕ СЕНАТА

Служебный аэроспидер доставил Джейсена к главному входу в здание Сената. Он мог войти в здание через любую из частных платформ, но не собирался красться через задние двери; публичность значила многое, а ему всё ещё нужно было защищать свой героический образ.

Толпа граждан ждала у дверей, через которые представителей общественности допускали в смотровые галереи. Некоторые просто хотели понаблюдать за сегодняшними заседаниями, но небольшая группа явно была протестующими. Троє из них держали растяжку с надписью «СВОБОДУ ОМАСУ». В Силе ощущался вкус гнева, яркий, несмотря на постоянный фон страха и неуверенности.

— Высадите меня здесь, — сказал Джейсен. — Я пройдусь.

— Они будут донимать вас, сэр, — сказал шофёр-гран. — Мне стоит отвезти вас прямо на нужный этаж.

— У них есть право видеть, кто ими управляет, — не то чтобы они могли причинить ему какой-то вред. — Я полагаю, общение с людьми обычно устраивает недопонимание.

Джейсен ожидал по крайней мере одного массового протesta или бунта, который пришлось бы подавлять водомётами и газами. Разведка ГГА сообщала, что кореллианские агенты, всё ещё действовавшие на Корусанте, изо всех сил старались, чтобы это произошло. Но общая готовность населения принять смену режима его удивила. Фондовая биржа приостановила торговлю на несколько часов, и некоторые акции начало резко лихорадить; но транспортные потоки по-прежнему заполняли небо, магазины были полны еды, программы Голонета продолжали выходить, и все получали зарплату. Если вы не были Кэлом Омасом или адвокатом по гражданским делам, военная хунта казалась вам временной и мягкой. В конце концов, шла война. Следовало ожидать чего-то такого.

«Мне стоит написать исследование по этому поводу. Как захватить бразды правления государством: улыбайся, демонстрируй нежелание власти и поддерживай транспортное движение».

И это был всего лишь Корусант. Остальные миры Галактического Альянса продолжали вести свои планетарные дела так, как они считали нужным, без каких-либо препятствий, и это означало, что не было необходимости растягивать флот и силы обороны, развертывая их для поддержания порядка на тысячах других миров — во многих случаях их собственные войска. Всё, о чём Джейсену и Ниаталь приходилось беспокоиться, — это Корусант, потому что политическая и стратегическая реальность заключалась в том, что Корусант... был Галактическим Альянсом... был Корусантом.

«Всё остальное в Альянсе — это детали. В моих руках его сердце и разум».

— Доброе утро, — громко сказал Джейсен. Группа протестующих уставилась на него с одинаковыми выражениями лиц, на которых медленно проступало: «Ох, это правда он». Даже

столъ часто появлявшееся в «Новостях голонета» лицо, как его, вне контекста непросто было узнать сразу. Он протянул им руку, и один мужчина действительно пожал её. Представители большинства рас хорошо откликались на умиротворяющую вежливость. — Я просто хотел заверить вас, что дело бывшего главы Омаса будет расследовано тщательно и беспристрастно. Кроме того, мы отпустили его домой.

Когда протестующие исходят криком, почти желая, чтобы им заломали руки тяжело бронированные сотрудники КСБ, они оказываются абсолютно дезориентированы тем, что объект их ярости выслушивает их. Терпеливая улыбка Джейсена была встречена с растерянным удивлением. Пара сотрудников КСБ приблизилась, вероятно, ожидая неприятностей, но Джейсен разубедил их приближаться при помощи небольшого воздействия Силой, и они остановились в нескольких метрах от них, наблюдая за происходившим.

Однако ещё более важным было то, что по Сенатской площади курсировал новостной дроид ГНР. Здесь всегда находился хотя бы один новостник, который обычно просто делал голосники для архива; но теперь для него появилась настоящая работа. Джейсен наблюдал за приближающимся дроидом боковым зрением.

— Неважно, как вы это выставляете, — проговорила молодая женщина, державшая один конец плаката «СВОБОДУ ОМАСУ». — Галактический Альянс сейчас в руках Верховного главнокомандующего и главы тайной полиции, а за вас никто не голосовал.

Джейсен сумел изобразить лёгкую невинность.

— Вы правы, я не баллотировался на пост главы государства, поэтому я не останусь на этом посту дольше, чем это необходимо. Хотите что-нибудь увидеть? Внутри здания?

Женщина с подозрением поглядела на него.

— Тут наверняка какой-то подвох.

Новостной дроид находился прямо позади них. Иногда Сила сама двигала событиями вместо него. Внезапно Джейсен понял, что *всё* достаётся ему на блюдечке, ему нужно лишь отреагировать, как говорила ему Люмия, а не пытаться охватить всё анализом.

— Выбор за вами, — бросил Джейсен. — Я просто хочу показать вам кабинет главы государства. Кто-нибудь другой желает пойти?

Сотрудники службы безопасности будут недовольны, но Джейсен получил то, что хотел. Он провёл разношёрстную группу протестующих, дневных посетителей и дроида ГНР через сверкающий вестибюль и поднялся вместе с ними на турболифте на служебный этаж, куда публику почти никогда не допускали, — к резиденции, в которой заседало само галактическое правительство.

Несколько государственных служащих в коридорах оглянулись в недоумении, но продолжали заниматься своими делами. Вероятно, Ниаталь видела приход Джейсена через голокамеры наблюдения, потому что она прохаживалась по холлу, держа в руках несколько инфопланшетов. Джейсен с улыбкой встретил её и направился к резным двойным дверям кабинета главы государства.

Двери были опечатаны. Ярко-жёлтая лента с логотипом КСБ и надписью «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ» была чисто косметической, но она привлекала внимание гораздо больше, чем неприступный, но невидимый электронный замок.

— Это кабинет главы Омаса, — сказал Джейсен через голову дроида ГНР. Он небрежно отступил, чтобы лучше было видно, как серьёзно он относится к объяснениям для этой случайной выборки избирателей. — Он предназначен для избранного главы государства. Кабинет остается запечатанным до тех пор, пока кто-нибудь не будет избран, чтобы занять его. Ни я, ни адмирал Ниаталь сюда не въезжали. Это очень важно для нас.

Одной из особенностей мон-каламари было то, что нельзя было понять, закатывают они глаза или просто смотрят на что-то. Хотя Ниаталь, вероятно, глаза всё же закатила. Джейсен почувствовал как её развеселила его фраза.

Маленькая толпа бормотала, охала и ахала. Это был идеальный момент для СМИ. Протестующие, казалось, не могли подобрать слов, но Джейсен побеспокоился, чтобы они не выглядели униженными.

— Надеюсь, мы вас успокоили, — Вы тоже по уши в этом, адмирал. — И я рад, что вы почувствовали, что можете обсудить этот вопрос вместе с нами, потому что нет смысла вести войну, если мы не можем вести себя демократично, даже когда ситуация осложняется.

Расторопные охранники, вошедшие следом, проводили толпу наружу. Ушедшие были либо удолетворены, либо, по крайней мере, обезврежены. Джейсен почувствовал, как Ниаталь буравит его взглядом.

— Последний раз я видела что-то настолько липкое и маслянистое, — сказала она, — когда целый резервуар со смазкой вылился на кормовую орудийную платформу «Океана».

— Согласен, но вы были абсолютно правы, опечатав этот кабинет. *Никто* из нас не должен находиться в нём.

— Уверена, мы с вами разделим *всё*.

— Я тоже, — ответил Джейсен.

— Итак, нам стоит совместно обратиться к средствам массовой информации, не так ли? Нет смысла злоупотреблять саморекламой, Джейсен. Граждане могут неправильно понять ваши мотивы.

— Я здесь, чтобы служить галактике, — возразил Джейсен, отчеканивая каждое слово. — Никогда не недооценивайте важность того, чтобы производить приятное впечатление.

— На Корусанте это сработает, но ваше обаяние плохо распространяется, — Ниаталь поманила его за собой. — У меня в кабинете сенатор Г'Сил и сенатор от Мурханы Нав Эхат. Мы столкнулись с небольшой проблемой в нашей новой политике.

Эхат не была похожа на женщину, спокойно спавшую этой ночью. Не дожидаясь, пока Джейсен сядет, она разразилась тирадой, которая, очевидно, набирала обороты задолго до того, как он и Ниаталь вошли в кабинет.

— Насколько я понимаю, вы концентрируете силы в кореллианском и ботанском секторах, — выпалила она, ткнув пальцем в голокарту в центре стола для совещаний. — А что остается *нас*?

— Поясните, что вас беспокоит, — сказал Джейсен.

— Новый договор между Роше и Мандалором.

— И вы видите в этом угрозу.

— Учитывая состояние наших отношений с Роше, да. Вы в курсе, что у нас возникли разногласия по поводу экспортных рынков?

Г'Сил наклонился вперед.

— Другими словами, верпины обвиняют Мурхану в обратном инжиниринге некоторых из их самых прибыльных систем управления оружием, нарушении их патентов и продаже дешёвых подделок с целью подрыва их рынков.

— *Иными словами*, верпины не любят здоровой конкуренции, — добавила Эхат. — И сейчас они подписали соглашение с Мандалором о взаимопомощи и техническом сотрудничестве. Жуки и головорезы демонстрируют единство.

Джейсен видел, как Ниаталь заёрзала на своём стуле, и почувствовал её раздражение. Любой, кто считает верпинов *жуками*, скорее всего, также считает и мон каламари *рыбами*.

— Вы ожидаете, что этот альянс будет напрямую угрожать вашей безопасности? — спросил Джейсен. — Потому что если верпины серьёзно рассердятся, у них имеется достаточно военной техники, чтобы доказать свою точку зрения, не обращаясь к Келдабе.

— Верпины могут быть во всеоружии, — сказала Эхат, — но они редко используют его в гневе. С другой стороны, мандалорцы считают войну национальным видом спорта.

— Но речь идёт о мандалорском железе. — Ниаталь была готова сказать Эхат, что Мурхана окажется сама по себе. Возможно, она даже сделала бы это с удовольствием после комментария о жуках. — Верпины хотят производить улучшенное вооружение и корабли по лицензии.

— Нет, им тоже нужна мандалорская *защита*.

— Зачем? — Джейсен не мог представить Мурхану, нападающую на Роше.

— Они боятся, что боевые действия на Кем-Стор-Ай перекинутся на их задний двор, а сами они покажутся богатой добычей, слишком заманчивой для системы, находящейся в состоянии войны.

— Я не улавливаю связи.

— Мандалорская защита имеет тенденцию перерастать в нечто большее, полковник. От этого остаётся лишь шаг до того, чтобы отбросить кемийцев и нанести... *дисциплинирующий* визит к нам.

Ниаталь встала и обошла вокруг стола, глядя на голокарту с разных сторон.

— А вы нарушаете патенты верпинов?

— Мы так не считаем, — ответила сенатор. — Но продукция очень... *похожа*.

— Видите ли, я не уверена, что мы должны использовать войска для разрешения торговых споров. Эта война сопряжена с обязанностью планет-членов Альянса направить военные ресурсы на общую оборону. В этом одна из причин того, почему бывший глава государства является *бывшим* — потому что он был готов частично поступиться этим принципом.

— Как член Галактического Альянса, мы ожидаем поддержки в случае нападения.

— Роше — нейтральный мир, — отметил Джейсен. — Если бы на вас напали, нам пришлось бы вмешаться в ситуацию, но я считаю, что сперва нужно попытаться решить вопрос в межпланетных гражданских судах.

— Выходит, вы говорите, что мы останемся сами по себе.

Сегодня Джейсен мог играть хорошего полицейского: Ниаталь прекрасноправлялась с ролью плохого.

— Я говорю, что вы должны попытаться разрешить этот спор другими способами, а не переводить его непосредственно в фазу бряцания оружием. Но... — он вспомнил о разговоре про новый мандалорский штурмовик. Само по себе это было достаточно интересно, но если он был плодом сотрудничества с верпинами, Галактическому Альянсу нужно было знать, на что он способен. Джейсен решил не согласиться с Ниаталь. — Но, возможно, присутствие эскадрильи истребителей и фрегата ГА могло бы побудить Роше с большей готовностью сесть за стол переговоров и обсудить этот вопрос ещё раз.

Ниаталь очень медленно повернула голову и посмотрела на Джейсена. Но он знал, на какой риск идёт.

— Если у нас будут свободные ресурсы, то мы это *рассмотрим*, — сказала она.

— Роше предупредило нас, что предпримет меры прямого действия, если мы не прекратим производство спорной продукции. — Эхат многозначительно посмотрела на всех троих по очереди, как бы бросая им вызов сказать вслух слово «нет». Затем она встала и взяла свою папку для документов. — Так что, пожалуйста, имейте в виду: лучше раньше, чем позже, иначе вы потеряете ещё один мир Кольца. И я не имею в виду заявление о выходе.

Г'Сил посмотрел, как вышла Эхат, затем пожал плечами.

— Вот вам и мандалорская угроза, заставляющая маленькие планеты устремиться под наши защищающие крылья, Чা.

— Они *действительно* поспешили, — сказала Ниаталь. — И в этом проблема. Если мы будем использовать звёздный разрушитель каждый раз, когда у какого-то государства-члена ГА возникают разногласия на местном уровне, мы откроем шлюзы, если только они уже не начинают открываться. Политика заключается в концентрировании на том, чтобы наказать больших мальчиков, которые не хотят играть по правилам ГА, иначе мы будем ещё десятки лет тушить пожары по всей галактике. — Джейсен приготовился к удару. — И, полковник Соло, вы *не станете* использовать ресурсы флота подобным образом, не обсудив этот вопрос со мной.

— Я не давал никаких поручений. Я просто высказал очевидное.

— И с этим я тоже не согласна.

— Разве не было бы полезно найти повод отправиться в Кольцо и взглянуть на эти новые мандалорские истребители?

— Если они уже что-то построили.

— Я предлагаю провести пару вылетов, если мы не можем выделить на это целую эскадрилью. Если мы выведем один из фрегатов из Пространства ботанов, он сразу окажется в пределах досягаемости Мурханы.

— Вы уверены, что хотите спровоцировать Мандалор? — спросил Г'Сил. — Теперь у него есть дополнительная личная мотивация, и последнее, что нам нужно, — это Фетт, превращающий

её в вендетту против всего Галактического Альянса. Если честно, его нейтралитет был бы весьма кстати.

— Я прекрасно понимаю, что Фетт не исчез и не забыл свою дочь, — сказал Джейсен. — Но он слишком умён, чтобы тратить свои войска на личную вражду.

Мандалор всегда был проблемой: всегда был и всегда будет. Он не был достаточно силён, чтобы представлять галактическую угрозу, но и недостаточно слаб, чтобы игнорировать или устраниć опасность.

«Жестокая борьба с хаосом и его причинами».

Это был третий фактор в бинарной вселенной, что делало мандалорцев разрушительной силой. Вселенная была бинарной, биполярной, управляемой равновесием противоположностей, будь то тьма и свет или действие и противодействие. Она не могла вместить эту дополнительную опору и сохранять внутренний порядок. Мандалорцы по своей сути оказывали дестабилизирующее влияние.

— Вы ещё с нами, Джейсен? — спросил Г'Сил. — Вы выглядите рассеянным.

— Просто жалею, что мандалорцы не могут просто исчезнуть.

— Заплатите им, чтобы они остались дома, — сказала Ниаталь, собирая свои инфопланшеты, готовясь уйти. — Это окончательное решение. Пока они время от времени проводят терапевтические драки, чтобы избавиться от агрессии, они счастливы. С женщинами в этом плане, к сожалению, сложнее. — Она направилась к двери. — Мне нужно проинформировать командиров флотов. Жаль, что у нас нет подходов к Фетту, чтобы узнать, не передумал ли он оставаться вне схватки.

— Разве плата за то, чтобы они не дрались, не равносильна оскорблению их чести? — спросил Джейсен.

— Думаю, вы путаете их с другими воинственными дикарями. Они будут рассматривать это как инвестицию в оборону. Они прагматики.

— Если бы только у всех войн были такие простые экономические решения.

Г'Сил печально улыбнулся.

— Ну, причины у них в основном экономические.

— Не в этом случае, — возразил Джейсен. — Речь идёт о порядке. Об ответственности.

— Ниаталь и Г'Сил одновременно попытались скрыть свои реакции на эти слова и ничего не сказали. Джейсен чувствовал, что они подумали, будто он становится эксцентричным, или, возможно, что он не совсем разбирался в политике высокого уровня. В любом случае их реакция говорила о том, что он не играет в ту же игру, что и они, и они были правы.

Но всё шло слишком гладко. Никаких беспорядков, никаких протестов, за исключением некоторых маловлиятельных СМИ и обычных смутьянов из числа юристов и поборников свобод, но помимо муссировавшихся в СМИ бесконечных обсуждений времени пребывания Омаса у власти — почти как если бы он умер — подавляющее большинство корусканцев рассматривали случившееся как грехопадение, а не как военный переворот. Наличие среди путчистов джедая, похоже, сделало смену режима гораздо более благоприятной для общественного мнения.

— Я ожидал на этой неделе штурмов баррикад, — сказал Джейсен. — Что мы такого сделали?

— Мы ни в чём не нарушили обычный ход вещей, — ответил Г'Сил, с любопытством отметив про себя местоимение «мы». — Все остальные политики остались на своих местах. Изменились только люди, которые управляют ими на высшем уровне.

«Порядок. Все дело в порядке. Это микрокосм всей галактики; пробный прогон того, как мои принципы будут воплощаться со временем. Спокойная нормальность для большинства».

Но Джейсен беспокоился, что это может оказаться затаище перед бурей. Он подумал о Тенел Ка и Аллане и почувствовал непреодолимое желание посетить их, пока он ещё мог сделать это. Люмия сказал, что он должен прислушиваться к этим голосам, а не думать о разумных вещах, как это делают заурядные существа.

— Мне нужно отлучиться на сорок восемь часов, — вымолвил он. — Нужно наверстать упущенное. Могу ли я доверять вам обоим, что вы не обойдёте меня в моё отсутствие?

Ниаталь, похоже, не обрадовалась сказанному.

— Вернувшись, вы найдёте Бобу Фетта в своём кабинете, но если нужно улететь... что ж.

— Я безоговорочно верю вам, — сказал Джейсен. По крайней мере, он верил, что она не глупа. Люмия может внимательно проследить за ситуацией, пока он летает на Хейпс.

Боба Фетт. Это был топор, который по-прежнему ждал секунды, чтобы рухнуть ему на голову, и хоть он и не заставлял его просыпаться по ночам, Джейсен определённо понимал, что постоянное отсутствие попыток Фетта совершить кровную месть было тревожным знаком. Джейсен внёс мандалорцев в список вещей, для которых он найдёт решение, когда станет лордом ситов. Вейдер знал в своё время, как держать их в узде: узнает и Джейсен.

Это тоже было частью его судьбы.

СПА «СВЕТЛЫЕ САДЫ», ДРОЛЛ, КОРЕЛЛИАНСКАЯ СИСТЕМА

— Итак... нового премьер-министра всё ещё нет? — поинтересовалась Мара.

— Ты сильно рискуешь, прилетев сюда, — сказала Лея. — Нет, триумвират лидеров трёх главных партий будет управлять Кореллией, пока не найдёт новую цель — прости, я имела в виду нового кандидата. Гибель двоих претендентов в течение пары месяцев вполне закономерно ослабила поток желающих.

— Что ж, у нас система работает более эффективно. По крайней мере, правят Галактическим Альянсом всего двое.

— Как это по-ситски.

Мара чуть не задохнулась. Прозвучала фраза совсем не смешно. Лея что-то знала?

— Мара, у тебя всё хорошо?

— Похоже, после встречи с Люмией у меня появилась аллергия на это слово.

С шарфом на волосах Мара выглядела обычной женщиной средних лет, которая наслаждается отдыхом со своей подругой. Они с Леей прогуливались вдоль рядов эксклюзивных магазинов и салонов красоты, и Мара не могла отделаться от смущения, что кто-то может вести нормальную жизнь, когда она сама — как и многие другие — были полностью охвачены войной. Нормальность казалась чем-то непристойным.

— Я должна была поговорить с тобой с глазу на глаз. Вам ведь не нужно, чтобы Джейсен арестовал вас за то, что выступили на Корусант, и вы знаете, что он это сделает. Где Хан?

— Он отправился с Лэндо по делам. Где Люк? Между нами девочками, я чувствую кое-какую деликатную проблему.

Не было смысла ходить вокруг да около. Доказательств у Мары было больше чем достаточно, но речь шла о сыне Леи. Лея уже потеряла Энакина. Мара должна была быть абсолютно уверена. Уверенности на девяносто девять процентов было недостаточно.

— Дело в Джейсене, — проговорила она.

— Как обычно.

— Не знаю, как тебе и сказать...

— Выкладывай как есть.

— Он вышел из-под контроля. Я имею в виду, очень скверно вышел из-под контроля.

— Угу. Да, признаю, сложно следить за поведением своего единственного сына, наблюдая за новостями о его недавнем захвате власти.

— Как отреагировал Хан?

— Не очень хорошо, мягко говоря. Он колеблется между желанием снова отречься от него и разговорами о том, что нам нужно собраться вместе, чтобы поговорить с ним. Знаешь, иногда мне кажется, что это его убьёт.

Мара поняла, что прежде она не искала подтверждений того, что виноват во всём именно Джейсен; она искала любые оправдания, чтобы сказать себе, будто всем этим управляла Люмия и что, избавившись от неё, Джейсен сможет вернуться к своему прежнему состоянию. Что бы ни случилось с Джейсеном за эти годы — а события пятилетнего «творческого отпуска» всё ещё оставались для неё в основном чистым листом, — всё больше казалось, что от этого старого «я» уже не осталось ничего, что могло бы способствовать «выздоровлению».

«Если бы это был не мой племянник и не сын Леи, я бы всё еще пыталась найти причину, чтобы не начать действовать?»

Ответ был отрицательный, поняла она.

— Ты уверена, что с тобой всё в порядке, Мара?

Лея была одним из немногих людей, которыми Мара когда-либо искренне восхищалась. Она была единственным человеком, кроме Люка, про кого Мара точно знала, что он никогда не развалится, что бы плохого с ними ни случилось. Но она всё ещё не могла заставить себя усадить Лею и выложить ей полный список преступлений Джейсена.

Да, именно *преступлений*. Другого слова для этого не было.

— Мне нужно у тебя кое-что спросить, Лея, и если ты после этого никогда не захочешь со мной разговаривать, я пойму.

— Ты это говоришь не для красного словца, верно? Ты серьезно.

— Даже не представляешь, насколько серьёзно.

— Тогда перестань тянуть время.

— Хорошо. Как ты думаешь, Джейсен достаточно податлив, чтобы им управляла Люмия?

«Нужно было сначала рассказать ей обо всём. Надо было рассказать ей и о Нелани, и о том, что он заставил Бена убить Геджена, и о его милых беседах со своей ситской подружкой, и о том факте, что он, похоже, думает, что мой сын — расходный материал».

И ещё слово «ученик»: какого ученика имела в виду Люмия? Мара столкнулась с неизбежным и ненавидела себя за то, что отказывалась увидеть это раньше.

— Нет, — наконец ответила Лея. — Он упрямый и слушает только себя. Она могла сыграть на разнице между его действиями и колебаниями, но никогда не смогла бы заставить его действовать против его воли. Мне пришлось смириться с этим, но он всё ещё мой сын, и я всё ещё люблю его.

Это было худшее из того, что хотела услышать Мара. Она желала получить ответ, что Джейсен был ребёнком, который пошёл на поводу, попал в плохую компанию, но в душе оставался хорошим мальчиком. Ей нужен был повод, чтобы преследовать злую Люмию и спасать обманутого Джейсена, потому что так было легко, мир был бы чёрно-белым, это было бы приемлемо.

«Я ошибалась».

Если бы это не происходило в её собственной семье, она бы ни минуты не колебалась. На мгновение она задалась вопросом, делала ли она *это* — у «этого» ещё не было названия, но она знала, что *это* было, — потому что это её собственный сын подвергался наибольшему риску. «Мой сын или твой». Это могло быть эгоистичным материнским приоритетом, просто использованием недавних действий Джейсена, чтобы оправдать гневом на него желание спасти своего ребёнка.

Она попыталась представить, будто Бен умер, и какие чувства она испытала бы тогда. Она могла остановить Палпатина, но не сделала этого. История преподала ей урок задним числом, и у неё не было второго шанса; то, что происходило с Беном, могло случиться и с сыновьями других.

— Мара, мне кажется, тебе стоило провести несколько дней в постели после боя с Люмией, — сказала Лея и взяла её за руку. — Ты сама не своя. Давай найдём самый дорогой ресторан и наедимся прекрасной жирной еды. Расслабься на несколько часов. Потому что я не могу питаться адреналином и тревогами двадцать четыре часа в сутки, как ты.

«Лея, прости меня. Мне придётся остановить Джейсена. Я должна. Мне придётся убить твоего сына, потому что теперь это единственный способ его остановить».

— Хорошо, но тогда угощаю я.

— Согласна.

Часть Мары была возмущена тем, что она могла даже подумать о таком, а другая часть говорила ей, что именно это и солучилось, когда она забыла, что взлёты и падения служителей Силы были не просто семейными ссорами, а династическими битвами, которые могли сотрясти всю галактику. У них не было такой роскоши, как маленькие ставки.

— Мне нравится «Фонтан», — обрадованно сказала Лея. — Они делают десерт под названием «Фруктовая гора». Чтобы справиться с таким, нужны две голодные женщины.

— Звучит отлично.

Это было сюрреалистично. Они сидели по разные стороны стола из сине-белой древесины дуба, украшенного переливающейся прозрачной посудой, а между ними возвышалась пирамида из разноцветных фруктов, скреплённая золотистым сахарным волокном и присыпанная настоящим снегом с цитрусовым вкусом. Когда женщины атаковали десерт своими ложками, был момент, когда Мара встретилась взглядом с Леей, и эта секунда навсегда осталась застывшим моментом ужаса её в сознании: Лея улыбнулась, её глаза выражали лишь чистое сострадание, и Мара знала, что она не могла увидеть правду в душе подруги. Она чувствовала себя наполненной грязью. Она ненавидела себя.

«Ты должна быть уверена, что нет больше ничего, *абсолютно ничего*, что ты можешь сделать, чтобы спасти Джейсена».

Мара должна была сразиться с ним в последний раз. Если кто-то и мог остановить его на краю пропасти — пусть и последней в жизни, — то только она, потому что лишь она пришла с другой стороны. Она не думала, что это сработает, но это был её долг перед Леей и Ханом.

Она планировала забрать у них Джейсена, а ведь они уже потеряли Энакина. Впереди ждало столько боли, сколько вряд ли могла вынести хоть какая-то семья.

Глава 16

Правительство Ботавуи готово платить двадцать миллионов кредитов в месяц за эксклюзивные услуги мандалорского штурмового флота и пехоты. Мы также были бы очень заинтересованы в приобретении эскадрильи штурмовых истребителей «Бес'улиик» и были бы готовы заплатить дополнительно, чтобы получить эксклюзивные права на покупку этого корабля.

— Официальное предложение правительству Мандалора

ХОЛЛ ЗДАНИЯ СЕНАТА, КОРУСАНТ

— Вот ты где, — сказала Мара, подловив Джейсена, когда тот выходил из турболифта. — Рада, что сумела поймать тебя.

Её племянник выразил искреннее удивление, и это доставило Маре больше удовольствия, чем она ожидала. Нет, он не мог чувствовать её присутствия, когда она того не желала. «Спасибо, Бен. Хороший трюк».

— Привет, тётя Мара. Чем могу помочь? — Джейсен попытался изобразить минутное смущение: тщательно рассчитанный язык тела говорил, что он действительно хотел остаться и поговорить, но долг уводил его прочь. «Какой актёр». Она тоже могла включиться в эту игру, но в данный момент на это не было времени. — Я бы с удовольствием выпил с тобой что-нибудь, — продолжил он, — но уже поздно, а завтра утром у меня назначена встреча. Может, мы договоримся на время, когда я буду свободен? Скажем, через пару дней?

— Это не займет много времени, Джейсен. Поговорим сейчас.

Теперь настала её очередь проявлять чудеса хореографии: она встала у него на пути, так, что если бы он захотел пройти мимо, ему пришлось бы преднамеренно отступить в сторону. А Джейсен не мог поступить с ней таким вопиющим образом: это не могло бы не вызвать у неё неизбежных подозрений.

«Слишком поздно. Ты уже сделал это, Джейсен. Но ради Леи, ради Хана, я должна попытаться».

— Ну что ж, — сказал он.

Было что-то глубоко тревожащее в использующем Силу — в любом, на самом деле — кто не проявлял своего присутствия в Силе. Это было всё равно, что стоять рядом с кем-то, кто не дышит и не имеет пульса, что, по мнению Мары, было чересчур близко к смерти. Также этот факт давил на все возможные параноидальные и защитные кнопки, как будто кто-то шептал на ухо о чужом присутствии. Он говорил о *виновности, неестественности и секретах*. Если бы юужань-вонги были самыми добрыми и милыми существами во вселенной, Мара бы знала, что всё равно не смогла бы доверять им, потому что они не проявлялись в Силе как живые и присутствующие в реальности существа.

Мара потеснила Джейсена к нише. Психологически он мог чувствовать себя более уязвимым, вынужденный противодействовать ей в центре вестибюля, где каждый мог слышать и видеть их. С другой стороны, ниша могла заставить его почувствовать себя загнанным в угол, если она сможет заставить его встать спиной к стене. В любом случае, она сможет добиться от него реакции. Она не могла превзойти его в Силе, но уловки существ из плоти и крови позволили ей играть с ним более-менее на равных.

— Ты меня не обманешь, — начала она. — Во всяком случае, больше не обманешь.

Джейсен попытался ухмыльнуться, как озадаченный мальчишка.

— Что я должен был, по-твоему, сделать?

— Ты помнишь, кем я была?

— Я теряю нить разговора, тётя Мара...

— Всё дело в Люмии. Это прекратится здесь и сейчас. Ты превратился во что-то мерзкое, и ты слишком умён, чтобы даже она смогла тебя обмануть. За твоей спиной тьма. Видишь, я была на обеих сторонах, и я знаю что к чему.

— Слушай, я не понимаю, что ты имеешь в виду. Я *действительно* не понимаю.

— Ответ неверный. Я разберусь с Люмией в своё время, но я знаю, чем ты занимался, и я не куплюсь на оправдания, которые твои бедные родители каждый криффов день выдумывают для тебя. Так что я устрою тебе испытание.

— Мара, у тебя всё в порядке? Тебе нехорошо, да?

— Даже не *думай* пробовать это. Если ты признаешь те ужасные поступки, что совершил, и если от сына Лей хоть что-то осталось, тогда пойдем со мной прямо сейчас в Храм. Мы соберем весь Совет и распрограммируем тебя.

Джейсен засунул руки в карманы, глядя в пол. Его рот ещё искривляла глупая ухмылка, но её следы стали исчезать вокруг глаз.

— Мара, — проговорил он с такой преувеличенной мягкостью, что ей захотелось ударить его. — Мара, я думаю, ты забываешь, что я теперь — глава государства, и у меня нет времени на это эмоциональное излияние, потому что, что бы Бен тебе ни сказал...

Он закапывал себя всё глубже. Она действительно надеялась, что он отступит, и знала также, что она столь же глупа в своей надежде, если ожидала иного, закрывая глаза на тьму в нём.

— Бен тут ни при чём, Джейсен, — она остановила свой палец, едва не ткнув его в грудь. — Не вмешивай сюда Бена. Если ты хоть раз даже *посмотришь* на него, я спущу с тебя кожу живьём, и это не эвфемизм. У тебя последний шанс. Отбрось этот ситский мусор сейчас же или прими то, что нас ждёт.

Вот оно. Она сказала это. *Сит.* Улыбка Джейсена исчезла полностью, и он выглядел совершенно чужим. Мара вспомнила, что у Императора были жёлтые глаза; говорили, что в прежние времена у него было доброе лицо с нормальными синими глазами, но даже если бы взгляд Джейсена пожелтел, он не мог бы выглядеть для неё более чуждым, чем в этот момент. В его честолюбии, бессердечии и высокомерии не было ничего сверхъестественного.

— Спокойной ночи, тётя Мара, — сказал он и ушёл.

Она не посмотрела вслед племяннику. В этом не было необходимости.

«Это всё твоя вина, дорогая. Тебе следовало послушать Люка. Его никогда не обманывала вся эта софистика, и ты мешала ему разобраться с этим, потому что не могла разобраться с мальчишкой-подростком, как заурядная мамаша. По крайней мере, ты ещё можешь прочистить этот засор своими руками».

— Ладно, приятель, — выдавила она, не заботясь о том, что двое сенаторов с удивлением смотрят на неё. — Ладно.

Были вещи, от которых она не могла уйти, даже если они разорвут её семью на части. Уж лучше разорвать, чем обратить всё в пепел, потому что со временем куски срастутся вновь. Джейсен умрёт.

ЖИЛОЙ ДОМ ДЖЕЙСЕНА СОЛО, КОРУСАНТ

У Люмии никогда не было проблем с ожиданием, но Джейсен слишком увлекался административной рутиной своей новой игрушки — Галактическим Альянсом, — что выводило её из себя. И её инстинкты подсказывали ей, что Сила требует перемен. Было уже поздно, далеко за полночь, а он всё ещё не вернулся.

«Он всего лишь кусок плоти. Есть что-то в мысли о том, что существа полностью из плоти и крови всегда имеют что-то, отвлекающее их от основной задачи, и чем больше плоти вы приносите в жертву, тем меньше вы становитесь наследником её ограничений. Но я не могу добиться того, что может он. Идеальный баланс: сила, движимая страстью, но не ограниченная сентиментальностью».

Люмия ждала возле дома Джейсена, наслаждаясь сияющей ночью экуменополиса и ощущая неизбежность потрясений, как душный воздух перед сильной бурей. Его посвящение в ранг лорда ситов должно случиться очень скоро. Импульс событий и легкость, с которой всё встало на свои места, указывало на нарастающий темп исполнения древних пророчеств.

«Он увековечит свою любовь».

Люмия больше не тратила утомительные часы, обдумывая смыслы происходящего. Это произойдёт, и всё станет ясно.

Джейсен не появился, как она того ожидала. Его было трудно почувствовать, поскольку он был мастером укрываться в Силе, поэтому Люмия поднялась в квартиру, обошла все его системы безопасности и уселась ждать. Было важно, чтобы Джейсен сосредоточился на духовной стороне своего развития, а материальный аспект оставил Ниаталь. Когда он достигнет своего предназначения, тогда сможет вернуться на военную арену с умениями, далеко превосходящими возможности Ниаталь, и изменить ход войны.

«Для начала».

Она почти ожидала увидеть Бена Скайуокера, входящего в дверь. Часть его одежды и вещей всё ещё находились в квартире, но он уехал. Бен был слишком мягок, чтобы придерживаться нужного курса, как она всегда и говорила; если ему нужно время, чтобы плакать и приходить в себя каждый раз, когда он выполняет необходимую и неприятную задачу, он доказал, что годен лишь на жертву, которую принесёт Джейсен, и слишком опасно слаб, чтобы стать его учеником. Лорд ситов мог работать только с сильным учеником. Подобно хорошему правительству, ситу нужна была сильная оппозиция, чтобы держать его в тонусе.

Наконец двери открылись, и Джейсен вошёл в коридор с таким видом, будто был совершенно не рад найти её тут. Под мышкой у него был обёрнутый бумагой сверток, и внутри его заполняло какое-то беспокойство, как будто он попал в драку или в аварию.

— Что-нибудь случилось? — спросила Люмия.

— О, поспорил с Марой по поводу... Бена. Ох уж эти чрезмерно опекающие матери.

— Что ж, она, может быть, и права. Время настаёт.

— Ты все время это говоришь, — Джейсен шагнул мимо неё и вошёл в свою спальню. Она слышала, как он открывает там дверцы и ящики, как будто очень спешит. — Я жду событий как сумасшедший и везде ищу знаки. И ничего не происходит, если не считать избавления и от Гайджена, и от Омаса. Я думаю, этого достаточно для одной недели, не находишь?

— Политическая суета.

— Может быть. Послушай, за последние несколько недель я прошёл большой путь и хватался за каждую возможность, которая у меня была, чтобы добиться результатов. — Перестуки и хлопанье дверей шкафов сменилось шорохом ткани, и когда Джейсен вышел из спальни, в руках у него была небольшая сумка. — Хочу немного уединения, чтобы подумать. Следи за Ниаталь, пока меня не будет.

Джейсену не нужно было одиночество. Он был вполне способен, когда хотел, закрыться от мира на любое время. Он даже мог бы медитировать посреди урагана. Джейсен не убегал: он шёл за чем-то.

— Надолго? — спросила Люмия, готовая немедленно рассчитать максимальное расстояние, которое он может покрыть за отведённое время.

— На двадцать четыре часа, возможно, на сорок восемь. Если я задержусь дольше, не думаю, что Ниаталь поведёт себя нехорошо, но опасаюсь, что сенатору Г'Силу могут прийти в голову подобные идеи. Знаешь, третий элемент в системе, в которой могут существовать только два.

— Я понимаю, — ответила Люмия.

Джейсен уже делал это раньше. Он исчезал на короткое время, никому не доверяя и возвращаясь с чувством меланхолии, а его тёмная энергия после этого немного уменьшалась. Люмия объяснила это естественным опасением по поводу масштабов стоящей перед ним задачи, и она терпела это, но он не мог позволить себе снова сбежать на этом критическом этапе.

А если бы у Джейсена были проблемы, он бы никогда не попросил о помощи. Это было для его же блага, а также для блага всей галактики. Но на этот раз для неё было важно выяснить, что его отталкивает, когда он был на грани того, чтобы все получилось. Она должна следовать за ним. Теперь ей нужно было расчистить его путь и убрать все отвлекающие факторы.

— Будет ли там, куда ты собираешься, доступ к Голонету, или ты хочешь, чтобы я проинформировала тебя обо всём по возвращении?

— Я не хочу, чтобы со мной связывались, — ответил Джейсен. — Если случится что-то серьёзное, я буду знать. Просто присматривай здесь.

Двери за Джейсеном закрылись. Люмия зашла в спальню посмотреть, не оставил ли он свёрток, который держал под мышкой. На кровати ничего не было, и когда она остановилась, чтобы почувствовать слабые знаки, которые показали бы ей, где могли быть спрятаны предметы, то не смогла обнаружить и следа чего-либо, кроме взятых вещей: просто смена одежды и мелкие предметы первой необходимости, необходимые мужчинам. Оказалось, Джейсен любил простое антисептическое мыло — открытие, которое она нашла одновременно трогательным и забавным; Джейсен всё больше приближался к самоотречению. Ему не нужно было отказываться от этой мерзкой джедайской привычки. Ей придётся помочь ему быть немного добре к себе, когда он совершил переход.

Квартира была более аскетичной, чем несколько месяцев назад. Каждый раз, когда она приходила сюда, она видела всё меньше комфорта и личных вещей, чем в предыдущее посещение. Теперь исчезли голоизображения семьи и друзей. Он даже не засунул их в шкаф, чтобы избежать их обвиняющих взглядов, которые спрашивали, что случилось со старым добрым Джейсеном.

Но в целом это был неплохой знак. Возможно, он вычищает из себя старого Джейсена и готовится к принятию того, кем он станет. Так что, если ему нужно было сделать это, надев рубища и почистив зубы солью, это было нормально. Она выключила свет, проверила охранные системы квартиры и вышла из дома на пешеходные тротуары Корусанта.

Она скользнула через переулок и попала в заброшенный склад, где прятала ситскую сферу медитации. От Бена Скайуокера действительно нашлась польза: даже насекомые играли жизненно важную роль в экологии. Теперь «Корабль» в полной мере реализует свой потенциал.

Возможно, сама Люмия не смогла бы найти Джейсена, когда он исчез в Силе, но древняя красная сфера каким-то образом сумела сделать это. Она чувствовала её любопытство и даже небольшое волнение. «Кораблю» хотелось снова быть полезным, служить. Даже без приказа он выдвинул посадочный трап.

«Следуй за Джейсеном Соло», — подумала она и представила его в своей голове, чтобы сфера не отвлекалась на Бена. Похоже было, «Корабль» был очарован мальчиком. — «Следуй за будущим лордом ситов».

«Корабль» собирался успешно выполнить задание.

ФЕРМА БЕВИЙНА И ВАСУРА, МАНДАЛОР

Твёрдая красная почва спеклась, как обожжённая глина, и треснула от первого удара его выбролопаты. Фетт смотрел на совершенно белый узор из костей внизу, освещённый резким солнцем.

«Почему ты оставил меня здесь, сынок?», — спросил Джанго Фетт. Откуда? Лица не было, не было вообще ничего. Но голос звучал именно *оттуда*. — «Я ждал так долго».

«Где ты, папа? Я не могу найти тебя».

«Я ждал...»

«Где ты?» — Фетт звал отца, но голос его был детским, а руки, которые он видел сжимающими лопату, были старыми, с прожилками и пятнами. Паника и отчаяние чуть не задушили его. «Папа, я тебя не вижу». Он начал сдирать твердую грязь, и песчинки болезненно врезались ему под ногти. Он продолжал копать, рыдая. «Где ты?»

Вздрогнув, Фетт проснулся. Его сердце колотилось; на спине выступил пот. Потом всё прошло, и он посмотрел на хронограф на дальней стене. За несколько недель, прошедших с тех пор, как он привёз останки отца на Мандалор, ему слишком часто снился этот кошмар. Он перекинул ноги через край кровати и ощутил ими собственный вес, ожидая, когда боль начнёт грызть суставы. Всё оказалось не так уж плохо. Фактически, он просто чувствовал некоторую скованность в пояснице, как будто много копал накануне. Может, во сне он разыгрывал этот кошмар.

Фетт несколько раз подпрыгнул на пятках, чтобы посмотреть, как отреагирует организм. Боли не было. Он даже не чувствовал тошноту, которая стала такой обыденной; он забыл, каково

это — просыпаться без неё. Не считая повышенной температуры, Боба чувствовал себя лучше, чем когда-либо за последние несколько дней, а точнее, месяцев. Он был жив. Фетт предпочитал не верить, что избежал опасности, до возвращения нерфячего доктора с результатами анализов, но он знал, что произошли какие-то фундаментальные изменения.

«Итак, ты не отравил меня, Джайнг».

Боба отправился в освежитель, чтобы принять душ, если можно так назвать поток холодной воды из бачка на крыше, и побрился старинным неподвижным лезвием, которое порезало ему подбородок. Там, где кислота сарлакка не оставила гладких, глянцевых рубцов, всё ещё оставалась щетина, которую нужно было обработать, и сейчас большая её часть была снежно-белой, так что её трудно было увидеть. И всё равно он брёлся дважды в день. Это были моменты беззащитности, обнажённости, когда он позволял себе думать об Айлин и других болезненных вещах, потому что ему приходилось смотреть себе в глаза, а он не был лжецом. Лгать было не просто плохо; это было глупо. Лгать самому себе было самым глупым занятием.

И теперь, когда он не был так озабочен собственной смертью, он мог думать о смерти других. Оставалось много незавершенных дел. Он начнёт с Айлин.

«Она была такой чужой, когда я открыл тот мешок для трупов. Женщина среднего возраста. Не такая красавица, как её мать. Постаревшая до срока, измотанная, мёртвая. И всё равно она моя дочь, моя малышка. Мне всё равно, что ты пыталась убить меня. На самом деле всё равно».

Убийство было его профессией. Он не наслаждался убийствами, но и не боялся их. Единственный человек, смерть которого, как он знал, принесёт ему удовольствие, а не просто профессиональную гордость, был Джейсен Соло.

«Лучше уж гнить, чем умереть. Я могу подождать. Спасибо за мотивацию к выживанию. Я возвращаюсь».

Фетт посмотрел на своё отражение в зеркале, не пропустил ли он где бороду, дважды проверил подбородок кончиками пальцев, затем надел на голову шлем. Мир снова стал ясным и полностью понятным, со всеми дополнительными чувствами, встроенными в его доспехи. В то время как другие имели лишь слабое зрение и ненадежный слух, Фетт мог видеть сквозь сплошные стены и подслушивать за километры. О его умной технике можно было сказать многое. Он сжал пальцы в перчатках, наконец почувствовав себя завершённым и готовым к сражению против всего мира.

«Да, я действительно вернулся».

На гравицикле Фетт добрался до Келдабе и постучал в двери ветеринарной клиники. Имя врача было написано на дюрастальной пластине: «Хайка Меккет».

Из открытого верхнего окна высунулся мужчина с затуманными глазами и уставился на Фетта, затем снова исчез. «Конфетка», — проревел он. — «Твой особенный пациент».

В окне появилась ветеринарша.

— Полагаю, мне стоит открыться пораньше, особенно для тебя.

— Почему не подписываешь ничего, кроме имени?

— Нерфы читать не умеют. Зачем утруждаться?

— Мои анализы готовы?

— Ага.

— И?

— Клеточная дегенерация остановлена. Но лаборантка на Конкорд-Доуне сказала, что не стоит использовать тебя для разведения. — Почему-то с ней было легче иметь дело, чем с Белуином. — Знал, что игла предназначалась для бант?

— Прочувствовал.

— Ты крутой человек, Фетт. Я рада, что ты не умер.

— Сколько я тебе должен?

— Одеяло. Хорошее, толстое и красное.

Фетт вернулся на «Раба I» и просмотрел новости. Мурхана и Роше готовились к решающей схватке: это была хорошая возможность показать, на что способен один-единственный «Бес'алик», если верпины захотят сослаться на договор.

«Файрфек, я снова это сделал. Я буду жить».

Если что-то опять не пойдёт не так, у него впереди было ещё лет тридцать, может, больше. Большинство людей были бы в восторге от такой отсрочки. Но Фетт обнаружил, что на самом деле он рад тому, что снова так близко подошёл к смерти, потому что это был способ сделать себя острее и заставить задуматься. Ему нравился риск; ему нравилось преодолевать трудности.

«Думаю, мне следует поговорить с Миртой».

Теперь Боба чувствовал, что мог спросить её, чему Айлин научила её за эти годы и что заставило её так сильно его ненавидеть. Но больше всего он хотел знать, где Эйлин научилась ненависти. Большинство детей после развода родителей не устраивают кровавую вендетту на полгалаактики.

Но это может подождать час или около того, пока он плотно позавтракает. Сегодня он сделает это с удовольствием. Он собирался жить.

Глава 17

Мне кажется интересным, что Тон Ви никогда не держала зла на Фетта за нападение на Камино. Либо он её любимый незавершённый проект, либо есть ещё что-то, чего мы не знаем.

— Джайнг Скирата, размышая о мотивах каминоанцев

КВАРТИРА ЛОНА ШЕВУ, ПОРТОВЫЙ КВАРТАЛ, КОРУСАНТ

— Очень любезно с вашей стороны принять меня, сэр. — Бен попытался занять как можно меньше места на диване капитана Шеву. Это было не просто неудобство из-за вторжения в чью-то личную жизнь: Бен обнаружил, что пытается спрятаться — не *в* Силе, а *от* неё. В идеале он пошёл бы домой с мамой, но это означало и встречу с папой, а он пока просто не мог смотреть ему в глаза.

— Ты ведь в действительности не боишься своего отца? — Шеву протянул ему тарелку хлебных палочек, наполненных фруктовым джемом, что было странным сочетанием, но, похоже, приготовление пищи он оставил на свою девушку. — Он кажется таким хорошим парнем.

— Так и есть, — ответил Бен. — Но вы когда-нибудь могли представить, что ваши родители знают всё, что вы думаете, и всё, что вы сделали неправильно, просто глядя на вас?

— Постоянно.

— А родители-джедаи действительно так могут… ну, почти всегда.

Теперь, когда Шеву был вне службы, его мнение о Джейсене отражалось на его лице.

— Я думаю, мастер Скайуокер рассердится на человека, который заставил тебя сделать такое, а не на тебя.

— О, он уже достаточно зол на Джейсена.

— Извини, я не должен доставать тебя из-за семейных проблем. Это нечестно. Забудь, что я сказал.

— Я думаю, что поступил правильно по неправильным мотивам.

— Что ж, обычно оправдываются, что лучше поступать неправильно по правильным причинам. Я был копом. Я знаю…

— Вы хотите продолжить служить в ГГА?

— На самом деле я скучаю по КСБ. Мне нравилось ловить настоящих преступников и показывать туристам дорогу к Ротонде. — Шеву вышел на кухню, и оттуда раздался стук и грохот посуды. Вернувшись со стаканом сока, он выпил его парой глотков. — Ты уверен, что с тобой всё в порядке?

— Ага. Слушайте, я перестану путаться под ногами так быстро, как только смогу.

— Никакой спешки. Шула сказала, что будет здорово, если ты займёшься мытьём посуды.

— Подруга Шеву говорила, что Бен был хорошим вежливым мальчиком. Бен думал, что предоставление ему безопасного убежища, по крайней мере, стоило помочи по хозяйству.

— А ещё я могу сушить её Силой.

Шеву засмеялся и протянул ему пульт управления светом. У Бена возникло ощущение, что Шеву был рад присматривать за ним после убийства, потому что не одобрял привычку джедаев разрешать «детям» носить оружие и сражаться. На его взгляд, Бен не должен был воевать на передовой, пока ему не исполнилось восемнадцать. Он был слишком вежлив, чтобы сказать то, что, по его мнению, из джедаев получаются плохие родители.

«Бедная мама».

Бен спал. Ему приснилось несколько странных снов о Лекауфе, которые разбудили его, и когда он как следует проснулся и вспомнил, что его товарищ мертв, захлестнувшее горе было мучительно. Он лежал, размышая о людях Лекауфа и о том, как они справляются с этим, а потом ему показалось, что он снова начал засыпать, потому что он мог слышать… нет, он мог чувствовать голос в своей голове, спрашивающий, где он.

Бен сел на кровати. Он знал, что полностью проснулся, потому что отчётливо видел световой индикатор на стене, мигающий слабым красным светом каждые десять секунд. Ему потребовалось время, чтобы понять, почему он знал этот голос, но он не мог представить лица его владельца, когда снова закрыл глаза.

Это был корабль ситов. Бен не знал, где тот находился, но он звал его. Корабль хотел знать, где он.

«Сфера ситов, цвет — оранжевый, порядковый номер отсутствует, последний известный зарегистрированный владелец — Люмия».

Бен решил относиться к нему как к украденному спидеру, как поступил бы Шеву. «Я в долгУ перед Джейсеном. Он никогда бы не сделал этого, если бы Люмия не задурила ему голову. Значит, он не так умён, как думает».

Мама, наверное, попытается отговорить его от этого. Но теперь родители пришли к пониманию, что он должен делать всё по-своему, потому что она не могла ожидать от него ничего другого, учитывая его родословную.

Бен натянул одежду, нацарапал флимси-записку для Шеву и отправился в комплекс ГГА, чтобы освободить безымянный спидер дальнего действия.

В секретной полиции было хорошо то, что если вы расписываетесь за оборудование, никто не спросит вас, что вы собираетесь с ним делать. А ловить преступников было законным делом полиции.

И только когда он порылся в кармане в поисках удостоверения личности, он понял, что оставил свой виброклинок у Шеву. Он понадеялся, что сегодня ему не понадобится мамина удача.

КВАРТИРА СКАЙУОКЕРОВ, КОРУСАНТ

Когда Мара вернулась, Люк спал, и она почувствовала облегчение. Это избавило её от множества неудобных вопросов. Она заглянула в дверь, подсчитала секунды между похрапываниями и решила, что муж не проснулся.

«Хорошо».

Мара проскользнула мимо кровати и забрала свою любимую рабочую одежду: тёмно-серый полевой комплект с множеством карманов для хранения стрелкового оружия и боеприпасов. Она понятия не имела, сколько времени потребуется, чтобы привести Джейсена в чувство, поэтому решила собрать полный комплект оборудования — столько, сколько смогла втиснуть в свой рюкзак.

«Я должна теперь сесть ему на хвост. Я должна нанести удар, как только смогу».

Она могла выследить Люмиию, а он всё ещё был с ней на связи. Если она будет ждать рядом с Люмиеей, то в конечном итоге встретит Джейсена там, где хочет — подальше от благопристойного, законопослушного Корусанта. А ещё Джейсен сказал, что у него назначена встреча, и хотя это могло быть ещё одной его ложью, велика вероятность, что он захочет сказать Люмиию, что Мара их раскрыла.

«Я избавлю вас обоих от лишних хлопот».

Она сделала мысленное усилие, чтобы не видеть перед собой лицо Леи; каким-то образом образ бедного Хана сумела полностью стереться из её сознания. Дело не в том, что отцовские чувства не имели значения, но она лучше представляла себе боль, которую перенесёт Лея; как бы взрослые ни были дети, память о них как о новорождённых не угасала никогда. Это может быть верно и для пап. Но Мара знала только то, что чувствует мать, и от этого ей уже было достаточно плохо.

Она проверила свой инфопланшет, изучая сигнал транспондера. Бен показал, что он всё ещё у Шеву, и поэтому был фактором, о котором ей не нужно было беспокоиться. Транспондер Люмии показал, что она направлялась к Перлемианскому узлу недалеко от Корусанта. Если Джейсен не с ней, подумала Мара, она вполне могла бы найти зацепку для поиска одного из убежищ Люмии; в деле убийцы ценностью обладал каждый клочок данных о привычках и передвижениях жертвы. Путешествие в любом случае стоило того, а техник на базе привык к тому, что джедаи резервируют полётное время на «Невидимках». Ей не нужно было заполнять какие-либо формы, в

которых нужно было указывать, что её задание заключалась в том, чтобы убить одного из глав государства.

Мара закрыла внутренние двери, чтобы свет в коридоре не разбудил Люка, и остановилась у входной двери. «Хорошо, рискну. А если он проснётся... это будет ещё одним аргументом».

Она отложила рюкзак и на цыпочках вернулась в спальню, наклонилась к Люку, который всё еще хранил, как турбопила, и поцеловала его в лоб так легко, как только могла. Тот что-то пробормотал.

— Извини, что чуть не забыла, — сказала Мара одними губами. — Но лучше поздно, чем никогда.

Люк снова забормотал, его веки дрогнули. Мара размышляла, стоит ли слегка коснуться через Силу глубоко в его сознание и посмотреть, сможет ли она заставить его улыбнуться во сне, но решила, что испытывает удачу, а Джейсен, вероятно, уже опережает её. Люмия определенно опережала.

Мара остановилась у дверей и прикрепила к ним листок флимси с запиской: «Ушла на охоту на несколько дней. Не сердись на меня, мальчик с фермы...»

Писать, кто был добычей, не было необходимости. Ей будет трудно объяснить это, даже когда она вернётся.

СФЕРА МЕДИТАЦИИ СИТОВ, ПЕРЛЕМИАНСКИЙ ТОРГОВЫЙ МАРШРУТ

— Тише, — громко сказала Люмия. — Понятия не имею, слышит ли он тебя.

Сфера медитации завела раздражающую привычку задавать ей вопросы. Она хотела знать, почему их так *мало*. Люмия не знала, с чего начать, получив такой неопределенный вопрос. Корабль был спрятан на Зиосте дальше, чем он хотел вспомнить, как он ей сказал, и теперь ему было любопытно узнать, куда делись «все тёмные».

— Это долгая история, — ответила, наконец, Люмия. — Мы уже давно не находимся на подъёме. Но Джейсен Соло это изменит.

«А что насчет остальных?»

— А, ты про Алиму.

«Она появляется и пропадает, сломленная, но иногда очень счастливая».

Это было хорошее описание почти биполярного состояния Алимы — кровавой, горькой одержимости, перемежающейся приступами... убийственно-торжествующей одержимости. Похоже, сфера была настроена на чувства. Может быть, корабль мог ощущать тьму где угодно, как маяк слежения, способный помочь ситу в трудной ситуации.

— Я велела ей выследить Джейсена, но мне бы следовало знать, а не полагаться на психиатрические диагнозы. Но кого ты чувствуешь ещё? Не считая меня.

«Множество *маленьких* ощущений тьмы. Та, вторая, пламенеющая, как и я».

Люмия повторила услышанное про себя. «Пламя».

— Э-э... рыжие волосы? Мара Джейд Скайуокер. Она была Рукой Императора, агентом Тёмной стороны, как и я. Мальчик — её сын.

«Вы, кто во Тьме, никогда не должны сражаться. Так мало вас. Я остановил её бой».

— Ну конечно, остановил.

Было удивительно, что корабль всё ещё ощущал тёмную сторону Мары, даже несмотря на то, что она отказалась от своих корней. Но это даже в Бене так же... возможно, это было в его генах, или, возможно, корабль отреагировал на его новую профессию государственного убийцы. Какова мать, таков и сын; Люмия была близка к мысли, что слишком рано списала со счетов Бена.

— Чувствуешь ли ты Тьму рядом?

«Сломанная ищет Будущего лорда».

— Если будет похоже, что она собирается помешать, устрани её — неважно, тёмная она или нет. — Люмия велела Алиме выследить Джейсена, но сейчас было не лучшее время для Алимы вмешиваться. — Наш приоритет — Джейсен Соло.

Корабль затих. Было невозможно получить точное ощущение скорости на находившемся в гиперпространстве транспорте, не имевшем приборов, но она могла измерить продолжительность

путешествия своим хронографом, а корабль мог сказать ей его эквивалентное местоположение в реальном пространстве.

«Прошли Арканию. Прошли Чазву».

Куда же направился Джейсен? Не на Зиост, если только он не выбрал необычный маршрут. Если бы он вышел из гиперпространства, он оказался бы на краю сектора Роше. На мгновение Люмия подумала, что он просто запаниковал из-за возможности того, что оружейная сделка между Роше Мандалором повернёт войну в пользу Конфедерации, и решил нанести визит к верпинам, чтобы помешать подписанию договора. Но это была рутинная работа для подчинённых, его адмиралов и агентов, и она была бы разочарована, если бы он решил потратить *на такое* свою энергию.

«Он покидает гиперпространство», — сказал, наконец, корабль.

— И где он?

«В скоплении Хейпс».

— Следуй за ним.

Возможно, Джейсен собрался заручиться помощью королевы-матери. Похоже верпины действительно беспокоили его; это означало, что Люмия не знала всей картины, касавшейся оружейной сделки.

— Это ниже тебя, Джейсен, — вздохнула Люмия. — *Приоритеты*. Ты правда не можешь делегировать свои полномочия? Это единственное, что твой дед *умел делать хорошо*.

Джейсен направлялся на сам Хейпс. Люмия велела сфере ситов увеличить дистанцию между ними, представив шнур, растянувшийся до толщины волоса. Наконец Джейсен добрался до границы зоны безопасности хейпандев и проскользнул внутрь.

«Он приземляется. У него есть код допуска».

Люмия подумала, не следует ли ей использовать код, чтобы более внимательно следить за ним, но отказалась от этого. Она не была уверена, не привлечёт ли это внимание.

— Сохраняйте позицию, пока он не взлетит.

Она решила подождать, надеясь, что не ошиблась в оценке ситуации и что Ниаталь и Г'Сил в это время время не провозглашают Славную Третью Республику или что-то в этом роде. Проблема с маленькими личностями заключалась в том, что они часто оставляли слишком малый след в Силе, чтобы она могла чувствовать их на таком расстоянии, а жители Корусанта были настолько пассивны и уступчивы, что Люмия не заметила бы большого беспокойства, даже если бы Ниаталь объявил военное положение в отсутствие Джейсена. Подобное нельзя было исправить после её возвращения, но ей нужно было объяснить, почему она решила *прошвырнуться*, как сказал бы Бен, а Джейсен мог разозлиться и отказаться от сотрудничества.

«Джейсен сейчас похож на капризного подростка. Когда он станет лордом ситов, он быстро успокоится».

И тогда она будет для него бесполезна, как только найдёт для него замену Бену Скайуокеру. Люмия допускала, что дни её сочтены.

Она погрузилась в медитацию, гадая, кто может стать учеником Джейсена, когда взрыв чувств потряс её, как будто её схватил за плечи и поцеловал совершенно незнакомый человек. Сфера ситов также отреагировала, и огромное возбуждение, казалось, пульсировало между ней и переборками корабля.

— Что происходит? Корабль? Что это?

Но она уже поняла сама: это был Джейсен, который выскользнул из своего постоянно подавляемого Силой состояния и впервые за долгое время позволил себе сильные, непреодолимые эмоции. Корабль породил в сознание Люмии образ ледяного стакана воды после нескольких недель в раскалённой пустыне. Ощущение было таким сильным, что Люмия чуть не задохнулась.

«У него есть любовь, — сказал корабль. — Здесь находятся те, кого он любит».

Итак, у Джейсена Соло была возлюбленная.

«Какой дурак».

У него могло быть сколь угодно любовниц — после того, как он достиг полноты власти. Страсть была прекрасна, привязанность могла увеличивать силу, но носиться по галактике на

тайное любовное свидание — это было слишком похоже на подростковое следование на поводу своего гормонального кризиса.

«Джейсен, тебе тридцать один, тридцать два года, взрослому мужчине не пристало улетать за световые годы за романтикой, даже обличённому твоей нынешней властью».

Если только...

Теперь Люмия могла думать как Джейсен, даже после того, как его уязвимая человеческая сторона направила её на ложный путь.

Хейпс. Это же Хейпс. И он был связан с тем, что он держал в секрете *даже от неё*.

Его возлюбленная принадлежала к Королевскому двору, эпицентру паранойи, когда дело доходило до союзов любого рода, потому что неблагоразумие здесь часто означало клинок между рёбрами или каплю яда в вине. Это объясняло спорадические тайные броски через гиперпространство.

А королева-мать Тенел Ка была джедаем, с которой Джейсен был близок много лет. Это было лишь предположение, но Джейсен не стал бы общаться с дворцовой горничной. Он сознавал свое высокое положение в жизни; его привлекла бы только королева-джедайка.

Люмия рискнула исследовать Силу более внимательно, чтобы попытаться получить представление о том, где именно находился Джейсен. Сфера говорила, что он был в самом дворце, и, хотя волна эмоций, вырвавшаяся от него, улеглась, её след всё ещё был достаточно мощным, чтобы на нём можно было сосредоточиться. Люмия блокировала всё лишнее — даже свою постоянную одержимость судьбой Джейсена — и просто открыла свой разум самым элементарным впечатлениям. Его присутствие Силы было достаточно сильным, чтобы заглушить всех остальных вокруг него. Теперь, когда Джейсен думал, что его никто не видит и не может обнаружить, его присутствие было оглушительным, как крик. Люмия даже перестала чувствовать корабль вокруг себя.

Ощущение, которым она была охвачена, было не вкусом, зрением или звуком, а... *прикосновением*. В её руках — руках Джейсена — было что-то мягкое, шелковистое и пушистое, и оно подалось, когда он сомкнул пальцы. Для неё это не значило ничего, а *потом...* потом она поняла.

— Корабль, ты сказал «любимые».

«Две, — ответил корабль. — Да, их две».

Корабль мог обнаруживать использующих Силу, и он чувствовал, что на Хейпсе есть ещё два таких существа, ещё двое тех, чья связь с Джейсеном Соло должна была храниться в секрете любой ценой и которые эмоционально переполнили Джейсена, скимающего что-то мягкое и покрытое шелковистым мехом...

Игрушка. *Мягкая игрушка.* Джейсен вернулся в квартиру с простым свёртком, крепко зажатым под мышкой, и с ним же ушёл. Он купил мягкую игрушку ребёнку, которого любил всем своим существом.

Люмия разорвала связь в Силе и с трудом удержалась от желания стукнуть кулаками по ярко-красной палубе сферы в глубоком отчаянии. Корабль мог понять это превратным образом.

«О, Джейсен, у тебя и Тенел Ка есть ребёнок».

Теперь Люмия понимала его страх и отчаяние. Она вспомнила обо всех разговорах, которые вела с ним об *увековечении его любви*, и внезапно поняла, что именно было у него в голове, когда он выглядел таким измученным и отчаянным, когда она объяснила, что он должен уничтожить то, что он любит больше всего.

Это всё объяснило. Люмия не могла и подумать, что сможет снова пожалеть кого-то настолько, чтобы заплакать, но её зрение затуманилось слезами, которые были готовы пролиться по её щекам. Она приготовилась к долгому ожиданию в состоянии мысленного молчания, не желая даже развлечь себя общением с необычным кораблём. После такого она просто обязана быть рядом с Джейсеном. Казалось оскорбительно банальным убивать время тогда, когда он собирается принести жертву, которую почти ни одно обычное существо — или джедай — не поймёт и не простит.

Да, это действительно была очень высокая цена.

Глава 18

Правительство Роше дало Мурхане двадцать четыре часа на то, чтобы прекратить производство систем управления оружием, которые предположительно нарушают патенты, или ей предстоит столкнуться с тем, что оно описывает как «незамедлительное принуждение». Сегодня вечером начальник штаба ГА Ниаталь предостерегла Роше от военных действий и заявила, что бойцы ГА будут патрулировать систему в качестве миротворческих сил.

— Срочная новость ГНР

ХЕЙПС

Мара покинула гиперпространства, всё ещё составляя сценарии, которые объяснили бы, почему Люмия направилась по Перлемианскому маршруту к кластеру Хейпс вскоре после того, как полковник Джейсен Соло вывел из ангара флота гвардии Галактического Альянса «Невидимку».

Следы «Невидимки» не фиксировались. Если бы Джейсен не обнаружил себя в Силе, Мара не смогла бы обнаружить истребитель-невидимку лучше, чем это мог сделать враг. Но в её голове зарождались новые идеи.

Либо Люмия собиралась организовать новые беспорядки, чтобы разрушить Альянс, и в этом случае полёт на Хейпс оказался напрасным путешествием, либо она встречалась здесь с кем-то вроде Алимы — извини, Джайна, я постараюсь вернуть её живой для тебя, но никаких обещаний не даю, не в таком настроении, — либо… она преследовала Джейсена.

Или… может быть, Люмия нашла маячок и вновь поиграть с ней в пятнашки.

«Это могло бы легко убить меня. Но этого не произошло».

Мара терпеть не могла рассуждать в информационном вакууме. Она не вполне доверяла тем безумным вещам, которые приходили ей в голову в последнее время. Но, возможно, корабль всё ещё видел в ней Тёмную сторону. Возможно, это был чисто академический вопрос, но мысль о том, что от неё всё ещё мог исходить запах Тьмы, вызвала смешанные эмоции.

«Ну да, я собираюсь убить сына своей невестки. По тёмной десятичной шкале это тянет на двенадцать баллов».

Теперь, когда её гнев улёгся, Мара начала задаваться вопросом, что она делает здесь. Хейпандцы бы тоже этому удивились, если бы им удалось обнаружить «Невидимку», висевшую в их системе без всякого уведомления. Маяк Люмии показал, что её корабль находился в скоплении астероидов, но сканирование ничего не показало.

Чего же она ждёт?

Мара осторожно протестировала свои инструменты. Если бы она использовала активные сенсоры, то выдала бы своё местоположение, так что могла полагаться только на системы пассивного обнаружения.

Она наблюдала, ждала, и могла только догадываться, почему хейпандцы не проявили нездоровий интерес к сфере; впрочем, у Люмии был талант выходить сухой из неприятностей.

«Следи за карманами. В данном случае, следи за ситом».

Мара отключила столько систем, сколько могла себе позволить, и стала ждать. Ей пришлось побороть искушение запустить в сторону кластера астероидов серию протонных торпед, но пока Мара не выяснила, чего ждала Люмия, казнь сита стоило отложить.

Похоже, Люмия следовала за Джейсеном, хотя как ей это удалось, Мара ещё не знала. Может быть, его вызвала Тенел Ка, чтобы заступиться за его родителей и заставить его отменить этот глупый ордер на их арест. Однако это не объясняло, почему Люмия летела за ним в эскорте или почему она следила за ним целых восемнадцать часов.

Разгадка была у Мары перед самым носом, что бы это ни было. Она знала это. Ей снова не хватало маленького кусочка головоломки. Но сейчас всё, что ей было нужно, это найти Джейсена, а не заботиться о его пенсионном фонде.

«Я могу просто связаться с Тенел Ка и спросить…»

Как бы жёстко хейпанды ни контролировали доступ к своему пространству, тринадцатиметровый образчик стелс-технологии, дрейфовавший между планетами, был всего лишь пылинкой. Мара была эффективно спрятана, как и Джейсен. Если бы он был на поверхности, она могла бы — в принципе могла — обнаружить его в момент взлёта, но для этого нужно было действовать активно и привлечь к себе внимание.

«Думай, думай».

Она могла подождать, пока Джейсен снова не вернётся на Перлемианский торговый маршрут, но это предполагало, что он будет возвращаться на Корусант тем же путем, которым и прилетел.

«Хотя бесконечного запаса кислорода у меня на борту нет...»

Простое решение имелось, но оно поставит крест на её маскировке. Спустя час она решилась на его использование. Она открыла шифрованный канал связи и подготовилась к небольшой социальной инженерии.

— Штабу хейпандского флота, говорит «Невидимка» Пять-Альфа Галактического Альянса. Прошу помощи.

Это могло вызвать проблемы, но делать что-то было нужно.

— Пять-Альфа, это Штаб хейпандского флота. Мы не любим сюрпризов даже от союзников.

Ой. Это действительно было государство парапоников.

— Наши извинения, флот. Я бы хотела оставаться вне протокола, но можете ли вы подтвердить, что глава государства Соло невредим и его корабль не повреждён?

Последовало короткое молчание. Судя по методам работы, принятым в хейпандском флоте, сейчас они проверяли её, чтобы убедиться, что она действительно была пилотом ГА и что сигнал её транспондера — теперь услужливо включённого — соответствовал их списку кодов безопасности.

— Пять-Альфа, идентификацию подтверждаем. Его корабль без происшествий приземлился на территории Дворца Фонтанов. Следует ли нам знать о каких-либо особых проблемах с безопасностью?

Ага... определённо, он навещает Тенел Ка. Вероятно, решил оправдаться: «Поверьте, ваше королевское величество, у меня не было выбора, мне пришлось свергнуть Омаса...»

— Флот, он не в курсе, что у нас есть опасения за его безопасность и что мы обеспечиваем ему строгую охрану в пути. Он думает, что справится сам. В случае благоразумных действий с вашей стороны он не попытается меня стряхнуть. Я обнаружила, что за ним следует корабль, но потеряла его в вашем пространстве. Это неизвестного происхождения десятиметровая красная сфера с характерным похожим на глаз передним обзорным экраном, крестообразными мачтами и лопастями.

В кабине у Мары загорались предупреждающие индикаторы: теперь, когда хейпанды запеленговали её передачу, они проверяли «Невидимку» своими сенсорами, пока у них была такая возможность. Она могла бы заблокировать их, но позволила им закончить исследование, чтобы сбить подозрительность хейпандцев.

— Пять-Альфа, вас поняли. Мы предупредим вас, когда ваш подопечный что-либо предпримет. Если мы обнаружим сферу, хотите ли вы, чтобы мы её задержали илинейтрализовали?

— Ваше пространство, ваши правила, — ответила Мара. — «Всего тебе наилучшего, Люмия». — У меня нет приказа задерживать. Если понадобится нейтрализация, не стесняйтесь.

Хейпанды оказались такими милыми, отзывчивыми людьми, даже если и были парапониками. И они понимали толк в заговорах, убийцах и молчании. Мара отключила все некритичные системы и в темной кабине погрузилась в медитацию, в который раз удивляясь тому, насколько яркими и изысканно красивыми были звездные пейзажи без прозрачного фильтра атмосферы. Позволив себе беглый взгляд на инфопланшет, она убедилась, что по крайней мере за одну вещь ей беспокоиться не нужно. Маяк Бена указывал, что он всё ещё был в безопасности на Корусанте.

Бен многое почерпнул у своих товарищ из ГГА о том, как незаметно выслеживать подозреваемых, и одна из основных уловок заключалась в том, чтобы пролететь мимо и затем вернуться назад. Он вышел из гиперпространства и направился обратно в Ядро, к Таанабу, а не к Хейпсу, хотя был уверен, что сфера ситов находилась в хейпанском пространстве. Он чувствовал сферический корабль, но не мог обнаружить его обычным образом; он мог бы поговорить с ним, но оставался закрытым в Силе, чтобы избежать внимания Люмии. Бен попытался понять, почему она заинтересовалась Хейпсом, но так ничего не придумал. Но он не мог ощутить никаких признаков Джейсена, только след его собственной матери. Чем ближе Бен приближался к хейпанскому пространству, тем сильнее становилось её присутствие.

«Только не говори мне, что мы оба следим за Люмией».

Ему нужны были кое-какие ответы. Но это не имело значения: Бен с радостью согласился бы, чтобы его посадили на год и даже отправили на Оссус, если бы за это мог присматривать за своей мамой прямо сейчас. Он взял курс на грузовой коридор и снова вышел в реальное пространство, слившись с колонной транспортных кораблей, а затем с группой транспортировщиков руды. Окружной путь служил и другой цели: почти как прислушиваясь к источнику звука, Бен составил мысленную карту безмолвного голоса сферы ситов и получил хорошее представление о том, где она находится в физическом пространстве. Это место было рядом с самим Хейпсом.

А ещё — теперь он это чувствовал — его мать находилась там же. Значит, она нашла Люмию. Она вывела его к цели.

Бен с наслаждением представил, как разрядит орудие шаттла в сферу, почувствовав странное сожаление о том, что придётся уничтожил корабль для того, чтобы прикончить Люмию, и задался вопросом: все ли сыновья проходят стадию агрессивной защиты своих матерей. Может быть, это произошло из-за того, что ему стало так трудно иметь дело с отцами, когда он рос. Это был вопрос самцовского доминирования.

«Брось. Скольким парням твоего возраста — или любого другого — приходится беспокоиться о том, что их семья подвергнется нападению ситов или безумных тёмных джедаев? Это никак не нормальная жизнь. Тут другие правила».

Бен подвёл членок к сфере ситов так близко, как только осмелился. Несколько он мог судить, корабль выдерживал позицию, но когда он двинется — Бен уничтожит его. Тогда его мама узнает, что где он, вне зависимости от того, обнаружил он себя в Силе или нет, потому что шаттл ГГА обладал незаметностью строительного блока.

Если бы он мог избежать убийства корабля ситов, он бы это сделал. По какой-то причине это беспокоило его больше, чем убийство настоящего человека — последнее он делал уже слишком много раз.

ХЕЙПС, ДВОРЕЦ ФОНТАНОВ

Джейсен попрощался с Алланой, обнаружив, что невозможность назвать её своей маленькой девочкой сильно ранит его.

— Хороший пущистик, — сказала она. Она отказалась расставаться с игрушечным таунтауном и прижала его к себе обеими руками. — Как его зовут?

Джейсен присел рядом с ней на корточки. Девочка была чувствительна к Силе и умна, но если она и поняла, кто он был на самом деле, она была слишком хорошо обучена выживанию, чтобы сказать об этом вслух. Ему нравилось думать, что они оба разделяли это знание и что она понимала, почему он не может быть ей папой — по крайней мере, пока. Это была бы слишком трезвая мысль для такой маленькой девочки.

— А как ты хочешь его называть?

— Джейсен.

— Прекрасно. А почему Джейсен, милая?

— Потому что когда ты не сможешь прийти к нам, я могу вместо этого поговорить с ним.

Внутри у отца всё перевернулось. Когда Джейсен попрощался с дочерью и Тенел Ка, он был близок к тому, чтобы просто развернуться и убежать, чтобы избежать тяжести расставания шаг за шагом, оглядываясь снова и снов, повторяя про себя: «Что, если это было последний раз в жизни, когда я вижу их?» Он *действительно* так думал. Это было болезненно, но эта боль была мерой того, насколько они были важны для него, так он проверял, насколько опустошённым он будет себя чувствовать без них. По крайней мере, на посту главы государства у него было гораздо больше причин для более частых контактов с союзным монархом.

И вот эта встреча окончена, и его судьба не вмешалась и не создала момент, который показал бы ему, что он должен их убить. Он прислушивался к этому шёпоту судьбы, боясь его, но слышал только тишину.

Убийство лишь причинило бы ему боль, и не более того. Пути ситов были логичными; в них не было места бессмысленной жестокости. Какую бы жертву ему ни пришлось принести, это будет иметь продуктивный смысл, как бы тяжела она ни была.

Хотя память о таунтауне Джейсене, который был рядом с Алланой, когда его не было рядом, всегда будет немножко отдаваться болью.

Тенел Ка молча шла рядом с Джейсеном к «Невидимке», стоявшей на территории жилого комплекса.

— Тебе не нравится ситуация с Омасом? — спросил он.

Королева-мать грациозно кивнула головой — должно быть, именно за этим жестом она научилась скрывать свою настоящую реакцию, когда ей до бессмыслицы надоедали гости на дипломатическом приёме.

— Это совсем другое дело — оказаться в фокусе правительской власти, если раньше пользовался относительной свободой того, кто эту власть делегирует другим, — промолвила она.

— Надеюсь, это не окажется твоей ошибкой.

— Я всегда могу привлечь внимание к Ниаталь.

— Убедись, что у вас обоих разные устремления. Это намного безопаснее, чем если вы оба желаете одного и того же.

— Это похоже на совет, от которого я буду просыпаться в поту в предрассветные часы.

— Я имею в виду фразу «наверху одиноко», Джейсен Соло. — Она указала на бластер, световой меч, виброклинок и ядовитые дротики на его поясе. — Вижу, ты привыкаешь к хейпанскому уровню недоверия...

— Как ты и сказала, впереди ждёт одиночество.

На этот раз он не оглядывался. Теперь, когда его краткая передышка закончилась, свежие воспоминания о Маре, пытавшейся заболтать его — справился ли он с этим правильно, было ли у неё достаточно компромата на него, чтобы уничтожить всё, ради чего он работал? — снова нахлынули на него; одновременно перед глазами всплыло лицо Бена.

«Я хочу покончить с этим. Я могу с этим справиться. Мне просто невыносимо не знать, где, когда и как».

«Невидимка» поднялась в воздух, и Хейпс снова превратился в роскошное одеяло из садов и каналов. Теперь он особенно хорошо стал понимать, с чем он столкнётся, когда Бена не станет: впереди была Мара, животное, лишившаяся детёнышей, со всей присущей ему первобытной раненой яростью, и Люк — он понятия не имел, как отреагирует Люк, знал лишь то, что человека, способного сокрушить Империю, и чья кровь была ближе к крови Вейдера, чем даже его собственная, горе не парализует.

Джейсен теперь больше боялся того, что о происхождении Алланы узнают Скайуокеры, чем хейпанская знать. Он, вероятно, мог бы в случае необходимости защитить её от хейпанцев, но было бы гораздо труднее защитить её от мести Люка или Мары. Аллана была его слабым местом.

Но о ней никто не знал, и так останется и дальше, пока он не будет уверен, что устранил все угрозы, с которыми она может столкнуться. Он не был намерен рисковать. Он собирался заполучить двух самых смертоносных врагов, которые только могли быть у любого существа.

— Штаб хейпанского флота — «Невидимка» Один-Один, безопасного возвращения, — прозвучал голос из коммуникатора. Они никогда не говорили такого раньше: присутствие главы государства и так повысило их уровень опасности до трёхкратного или как там у них. Но здесь он

был в полной безопасности. Он всё ещё был виден в Силе, всё ещё был согрет горько-сладкими чувствами, и какое-то время мог позволить себе не беспокоиться.

Когда Джейсен ускорился к точке гиперпрыжка, он мог поклясться, что поблизости от него находился корабль. На мгновение он почувствовал что-то в Силе, но это чувство быстро исчезло. Он проверил свои приборы: ничего. Если бы скопление Хейпс не было таким лабиринтом опасностей, он бы прыгнула в тот момент, когда миновал верхние слои атмосферы планеты.

«Должно быть, что-то в хейпанской воде. Ты никогда не был таким нервным».

Но что-то *определен*но там было, и хотя он ненавидел неточность фразы «что-то тёмное», это было лучшее, что он мог придумать: что-то враждебное, изо всех сил старающееся скрыть себя. Он надеялся, что это были хейпанцы и что они просто тщетно пытались следить за тем, как он покидает их пространство. Однако если бы это был обычный корабль, управлявшийся обычными людьми, он должен был ощущать это гораздо яснее.

Это было необычно. Он решил готовиться к худшему.

Если бы он повернул «Невидимку» вправо и выключил суперпозиционный дисплей, он смог бы увидеть панорамный вид сзади, отражённый на фонаре кабины. Иногда ему нужно было увидеть глазами, чтобы быть уверенным. Он выключил дисплей и сместил фокус внимания, и на мгновение увидел лишь бархатную пустоту.

Затем звёзды погасли.

— Люмия?

Молчание.

Она тоже умела прятаться в Силе. Она думала, что он позволил себе рассеянность внимания. Вероятно, она не смогла удержаться от того, чтобы узнать, куда он собирается. Если она выследила его здесь, значит, она *знала* о Тенел Ка. И она воспользуется этим.

— Ладно, Люмия, я знаю, что это ты.

Но ответа по-прежнему не было. Это было не похоже на Люмию.

— Люмия, ты понимаешь, что теперь я не могу позволить тебе жить?

На мгновение, даже в такой критической ситуации, он обнаружил, что сверяет её смерть со своим пророчеством. В конце концов, может быть, это была Люмия? Могла ли *она* быть жертвой? Что могло такого быть в её смерти, что убило бы то, что он любил?

— Люмия, это твой последний шанс...

Затем ослепляющий белый луч залил кабину Джейсена и на секунду ослепил его; он инстинктивно ударил по тормозам и внезапно понял, что это всего лишь посадочный фонарь, находившийся так близко к хвосту его истребителя, что преследовавший корабль почти столкнулось с ним. Как это пропустили датчики сближения? Как он это пропустил?

Его чувства к Силе мгновенно наполнились чьим-то ледяным гневом. В комме раздался треск.

— Игра окончена, Люмия, — бросил Джейсен, наводя кормовую пушку.

— Уверена, так и есть, — ответила Мара.

Глава 19

Она вылетела на истребителе Пять-Альфа в 0036, сэр, и не представила план полёта.

— Техник, обслуживавший «Невидимки» ГА (Корусант), Люку Скайуокеру

СКОПЛЕНИЕ ХЕЙПС

Джейсен не мог выстрелить.

Дело было не в Маре, потому что его первым побуждением было захватить цель и нажать на спуск; но она была так близко, что взрыв уничтожил бы и его самого. Создатели «Невидимки» пожертвовали защитой в пользу сенсорных подавителей. Только в такие вот моменты — моменты, которых никогда не случалось, никогда *не должно было* случиться — это становилось проблемой.

Джейсен вильнул влево, но корабль Мары как приkleенный последовал за ним, и вправо, и вновь влево; и всё же она была так близко к его хвосту, что он рефлекторно приготовился к удару, стиснув руки на штурвале.

У него не было никакого технического преимущества: у противницы был тот же истребитель. Никакого преимущества в мастерстве: она была пилотом не хуже. Никакого убежища: они были в открытом космосе. Всё зависело от того, кто кого больше ненавидел и кто был более готов погибнуть, чтобы убить другого.

Всё, о чём мог теперь думать Джейсен, это то, что именно Мара последовала за ним сюда и узнала о Тенел Ка. Её угрозы насчёт Бена казались теперь незначащими: у него появилась совершенно новая проблема.

Комм снова затрещал. Джейсен приготовился к потоку язвительностей от тёти, но раздавшийся голос был не её.

— Джейсен, она у меня на мушке.

«Люмия».

Может быть, его спасительница, но и её здесь не должно было быть. Итак, Люмия и Мара, вероятно, знали о Тенел Ка и Аллане; и Люмия определенно знал, что Джейсен не может позволить ни одной из двух женщин жить с этим знанием. Теперь у него на хвосте были два убийцы, и он не мог допустить, что хоть одна из них не убьёт или не предаст его.

Лазерные пушки вспыхнули по левому борту, и Джейсен почувствовал, что выстрелы задели планёр, но истребитель всё ещё не развалился на части. Он почувствовал запах дыма. Яркий белый свет заливал кабину. У Люмии — если она целилась в Мару, если только она не пыталась убить его в каком-нибудь странном ситском испытании — была та же проблема: Мара летела так близко, что сбей она её, Джейсен неизбежно попадал бы в радиус взрыва её истребителя или был бы на таком расстоянии изрешечён обломками сквозь щиты.

Джейсен сделал то, что делал раньше много раз: он просто нырнул, сделав петлю на девяносто градусов. Ему нужен был секундный зазор между ними, а также ему нужно было получить тактическое преимущество в конце разворота.

К этому моменту Мара могла уже послать Люку сообщение и рассказать в нём всё. Ей нужен был максимальный ущерб, а его секрет был ничуть не менее смертоносен для него, чем любая ракета.

Входя в петлю, Джейсен глянул сквозь фонарь, отчаянно желая обнаружить хоть какое-то отражение или намек на движение. «Невидимки» не были созданы для борьбы друг с другом. Почти полное отсутствие сенсорного следа сделало отслеживание Мары невозможным. Вот почему она так близко прилипла у него на хвосте: они оба не могли использовать для обнаружения друг друга что-то иное, кроме как Силу или силуэты на фоне звёздного узора.

И Мара, похоже, могла по желанию окунаться в Силу и выходить из неё, как и он сам. «Прямо как Бен».

Ему ни в коем случае не следовало учить Бена этому.

То, что Мара сказала ему всего четыре слова, больше всего сбивало с толку. Теперь ему нужно было заставить её оказаться в том месте, которое выбрал он. Он чувствовал Люмию где-то с правого борта, движущуюся на высокой скорости, и понятия не имел, на что способна сфера

ситов в её руках. Он знал лишь, что она устарела, а старые технологии и грубая сила часто могли одержать верх над более сложными системами.

— Кабина! — крикнул Джейсен. В отчёте Бена говорилось, что он использовал магнитный ускоритель во время полёта на сфере ситов. — Люмия, расколоти ей колпак! Щиты слабые!

Подобных объяснений не потребовалось. Внезапно он увидел оранжевый шар, сближающийся с ним на встречном курсе, и развернул истребитель на девяносто градусов как раз вовремя, чтобы пропустить его под собой. Следующее, что он услышал, был голос Люмии:

— Брешь в корпусе, она теряет атмосферу.

Когда Джейсен вновь сделал круг, восстанавливая ориентацию, он снова почувствовал Мару в Силе и увидел тонкий белый след, движущийся на высокой скорости к центру скопления. Истребитель Мары был подбит, воздух медленно выходил либо через прозрачный колпак, либо прямо через обшивку кабины, и она пыталась приземлиться до того, как трещина распространится и вызовет взрывную декомпрессию. Даже в лётном комбинезоне её шансы на выживания в этом случае были бы невелики.

Мара держала курс на Каван. Это вполне устраивало Джейсена. Как только он прижмёт её к земле, он сможет схватить её, потому что даже если она позовёт на помощь, кто поможет тому, кто ведёт бой с Джейсеном Соло? Только не хейпандцы. Кто ей мог поверить? Все, кто мог бы, находились за много часов полёта.

Он совершенно не чувствовал жажды насилия или злобы, но так он всегда чувствовал себя в бою. Он просто испытывал непреодолимое желание победить и выжить, а все остальные эмоции отошли на второй план.

Он вспомнил о Люмии.

— Всё в порядке, Джейсен, — сказала та. — Я знаю, что ты был вынужден хранить в тайне. Я прослежу, чтобы так оно и оставалось...

— Разумеется, — ответил он и нацелил все восемь протонных торпед на сферу ситов. — Это то, чему ты меня научила. Нажав на спуск, Джейсен не почувствовал ни торжества, ни стыда, только лишь временное облегчение.

Но он не увидел ни взрыва, ни раскалённого добела шара, ни сверкающего облака медленно парящих обломков. Его бортовые датчики не зафиксировали ничего.

Где она была? Он попал или нет?

Позже ему придется вернуться и найти обломки. Прямо сейчас его приоритетом было заставить замолчать Мару Джейд Скайуокер.

ХЕЙПАНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Бен не мог почувствовать свою мать, но знал, что она не мертва. Она пряталась, как он её и научил. Однако Люмия был здесь, на корабле ситов, уносясь прочь по правому борту, и теперь он не собирался прекращать погоню. Она была ключом о всему. Она будет ключом к жизни или смерти. Бен знал, что он способен на то и другое.

Корабль говорил в его голове, как и раньше. Возможно, он разговаривал сам с собой или обращался и к нему, и к Люмии, но он был глубоко несчастен.

«Он пытался нанести непоправимый ущерб».

— Корабль, заткнись, — приказала Люмия. Бен тоже мог её слышать, как будто мыслительные процессы корабля стали разомкнутой цепью. — Он должен выжить, мы — нет.

«Древние правила гласят, что на меня нельзя нападать».

Сфера явно решила, что с ней достаточно, и развернулась в том направлении, откуда летела. Бен мог видеть это на своих передних экранах и на сенсорах, но также он мог видеть это в своей голове. Общее чувство было такое, будто корабль закатывает рукава и возвращается, чтобы выбить душу из того, кто стрелял по нему.

— Корабль, тормози.

«Я делаю то, что должен».

— Корабль!

Двигатели корабля Бена выли, пытаясь угнаться за сферой. В космосе не было реальных взлётов и падений, но это было очень похоже на бросок хищника с ветки.

— Корабль, там моя мама, — взмолился Бен. — Она не стреляла в тебя.

«Мастера могут использовать свои корабли для сражения, но это не касается учеников».

— Корабль, Джейсен совершил ошибку. Сделай это для меня, чтобы я снова смог найти свою маму. Пожалуйста, не стреляй.

Сфера резко замедлилась.

«Кто враг? — спросил корабль. — Пока я не знаю, я ничего не могу сделать, кроме как уклоняться и защищаться».

— Всё верно, — ответил Бен. Шеву говорил ему, что умение *подладиться* к психу, как он это называл, является важным навыком полицейского. Всё дело в том, чтобы заставить их разговориться — а если Бен убедит корабль, у него в руках будет Люмия. — Корабль, каково твоё задание?

«Когда-то я сражался. Теперь я обучаю и защищаю учеников».

— Как ты думаешь, что я?

«Ученик».

— Кто сейчас внутри тебя?

«Тоже ученик».

Бен начал понимать картину того, как сфера видит мир. Корабль веками был спрятан на Зиосте, а возможно, и тысячелетиями. Он отреагировал на то, что в него стали стрелять с орбиты и он был вынужден спасаться бегством с испуганной маленькой девочкой на борту.

— Корабль, что ты понимаешь под словом «учить»?

«Я обучаю учеников летать».

Бен чувствовал, как Люмия общается со сферой. Корабль давал громкие ответы в его голове, но второй поток беззвучных слов шёл примерно как помехи в комлинке из-за перекрывающихся частот. Она убеждала сферу выстрелить в Бена, протаранить его членок, убить его.

«Да. Сейчас я принадлежу ученикам, чтобы они учились и не могли причинить вреда. Раньше я принадлежал мастерам на войне».

Бен внезапно понял смысл этих слов.

— Ты — учебный корабль ситов. — Сфера должна была рассматривать его как ученика, потому что он в некотором роде и был им, но его смущала Люмия. — Как ты думаешь, почему женщина внутри тебя сейчас ученица?

«Потому что она так мало знает обо мне. Как и ты».

Бен согласился, что он не был таким интеллектуалом, как Джейсен, но он мог перебирать варианты, устранивая проблемы по ходу дела, как делала его мама. Он мог решить *что угодно*, просто задавая вопрос за вопросом.

— Когда мы улетали с Зиоста, женщина-ученица внутри тебя хотела, чтобы нас сбили.

«Мы отбились».

Корабль узнал его и решил, что и он, и Люмия — новички, которым нужен его совет и забота. Он помешал его матери убить Люмию на Гесперидиуме, потому что это была его работа — учить учеников сражаться. Бен задался вопросом, как много шансов он давал ученикам ситов, прежде чем решал, что они слабаки, которые заслуживают то, что получат.

Он никаким способом не мог уговорить корабль убить Люмию — он задался вопросом, как именно он мог это сделать — но и ей тоже не удалось заставить его напасть на Бена. Бену не грозила реальная опасность. Но грозила его матери, и не со стороны сферы ситов. Кто-то ещё хотел её смерти. Бену нужно было её найти. Он направил членок к Ребоаму, и сфера ситов с обессиленной Люмией внутри последовала за ним.

Бен поймал сита. И теперь он понятия не имел, как использовать его в своих интересах.

СКОПЛЕНИЕ ХЕЙПС, КАВАН

Посадив «Невидимку» в какой-то глухи, Мара напомнила себе, что лишь состояние духа определяет, являешься ты целью или убийцей. Без сомнения, Джейсен думает, что заставил её

приземлиться, чтобы затем прикончить. Она же считала, что сумела заманить его туда, где имеет возможность использовать свои боевые навыки с наибольшей пользой. Вопрос был лишь в том, кто кого найдёт первым.

«Я могу остановить это в любое время, когда захочу».

Даже после всего, что она увидела и услышала, внутри Мара всё ещё до конца не могла поверить, что её племянник стал опасным и неисправимым злом.

«Если этого не сделаешь ты, кто это сделает? И кто будет винить тебя в том, что ты бездействовала, пока его можно было остановить? Палпатин, Палпатин, Палпатин... твой урок срабатывает на все сто процентов».

Итак, она говорила себе, что ей предстоит пережить очень тяжёлые времена после того, как она убьёт его, но это нужно было сделать. И Джейсен, вероятно, думал о том же. Они были одинаковы. Никакого чувства морального превосходства: просто выведенное уравнение, которое говорило, что при прочих равных условиях Мара предпочитала видеть мёртвым Джейсена, а не Бена, Люка или себя. Это лишь вопрос выживания: в выживании нет ничего плохого.

Теперь Люк не переставая тянулся к ней в Силе, все более тревожась, пытаясь найти её, но она не осмеливалась ответить. Невозможно было сказать, что мог почувствовать Джейсен. Когда она захочет, чтобы Джейсен её нашел, Люк всё узнает об этом.

Мара схватила из кабинки свою сумку и всё, что смогла найти из того, что можно было использовать в качестве оружия, затем нашла какое-то укрытие, где вынула инфопланшет и попыталась найти карты и обзоры Кавана. Планета была заполнена разрушенными монументами и туннелями. «Отлично. Если встречу его в замкнутом пространстве, он не сможет использовать все свои навыки в Силе, зато я смогу максимально использовать то, что есть у меня». Она решила пробраться в лабиринт подземных ходов и заставить Джейсена следовать за ней. Поблизости не было населенных пунктов, поэтому на какую-либо помощь надежды не было. В любом случае она не собиралась никого просить. Пока не придёт время уносить тело.

Спрятав всё своё оружие в куртку, на пояс и в ботинки, Мара помчалась к первому туннелю, который увидела. С каждой минутой становилось всё легче исчезать в Силе на столько, сколько ей нужно. Но теперь ей нужно было быть видимой, маяком для Джейсена, чтобы заманить его в камни.

«Приди и достань меня, полковник Соло».

Глава 20

*От кого: Сасс Сикили, переговорщик Роше
Кому: Бобе Фетту, манд'алору*

Мурхана не дала ответа. Поскольку они не дали ответа, и мы опасаемся, что это побудит других игнорировать наши патенты, мы просим вашей поддержки, чтобы иметь возможность показать, что мы серьезно относимся к нашим патентам. Мне бы очень хотелось увидеть «Бес'улук» в действии; наши металлурги заняты поиском способов производить более легкие бескарбовые конструкции, поэтому, когда вы превратите фабрики на Мурхане в пыль, мы получим большее вдохновение для новых изобретений. Это очень хорошо для бизнеса.

КОРУСАНТ, ХРАМ ДЖЕДАЕВ

Люк встретил Джейну на ступенях Храма джедаев: он выходил быстрым шагом, когда она побегала внутрь. Люк схватил племянницу за руку и повёл обратно по тропинке.

— Куда она отправилась, Джейна?

— Дядя Люк, клянусь, я её не прикрываю. Я понятия не имею, и она не ответила ни по одному из каналов. Почему ты беспокоишься?

Люк сжал в кулаке смятый лист флимси. «Ушла на охоту на несколько дней». Мара расписалась за «Невидимку» сразу после полуночи двумя днями ранее. Люк сунул записку в карман. Его охватило чувство страха.

— Пойдём, — сказал он. — Я должен найти её. Что-то не так. И Бена тоже нет. У меня очень нехорошее чувство, как будто она попала в ловушку.

Бен не просто пропал: Люк больше не мог чувствовать его в Силе. А теперь он не чувствовал ещё и Мару. Он обзвонил всех, в том числе Хана и Лею, и его ни криффа не волновало, задержит ли ГГА его за связи с кореллианскими агентами, на арест которых выписан ордер.

Он ожидал, что появится Джейсен и сделает предупреждение, но Ниаталь сказала, что Джейсен улетел «по делам». И «Невидимка» ГГА снова пропала. Похоже, этот человек приходил и уходил тогда, когда ему было угодно.

«Могу себе представить». Джейсен теперь мог навсегда оставаться невидимым в Силе, это точно. Люк поймал воздушное такси, и они с племянницей направились в штаб командования Корпуса звёздных истребителей.

— Я уже провела там больше времени после того, как ушла из армии, чем когда носила форму, — поморщилась Джейна.

— Ты чувствуешь ее, Джейна? Ты чувствуешь Мару?

Джейна уставилась мимо Люка, расфокусировав взор, и медленно покачала головой. — Ничего такого.

— Я не чувствую её уже несколько часов.

Добравшись до штаба, они направились в штурманский зал. Люк обнаружил, что может смотреть на диаграммы и улавливать устойчивые корреляции в Силе — иногда Бен на это тоже оказывался способен. Он стоял перед банками голокарт и пытался достаточно расслабиться, чтобы позволить Силе направить его внимание. Он попытался выбросить из головы свои представления о том, куда она могла направиться.

Спустя некоторое время, когда светящиеся линии и группы точек начали размываться и терять перспективу, он обнаружил, что его тянет к одному-единственному сектору.

— Я уверен, она в скоплении Хейпс, — проговорил он наконец.

Когда Люк впервые почувствовал, что Мара выпала из Силы, это было настолько внезапно и неконтролируемо, что он подумал, что её убили. Это заставило его в панике проснуться. Три секунды мучительного паралича прошли до тех пор, пока она не исчезла снов, затем ещё раз, и он понял, что она делала это намеренно.

— По иронии судьбы, было бы лучше, если бы она взяла обычный «крестокрыл», — сказала Джейна. — Техники говорят, что найти «Невидимку» обычными методами поиска практически невозможно.

Она была права. Если кто-то случайно не увидит Пять-Альфу или Мара не оставил активным транспондер или комлинк, истребитель мог просто исчезнуть. Все, что им оставалось — это визуальный поиск, ну или поиск самой Мары. Люк направился к ангарам, и Джейна последовала следом.

— Как же предполагается искать «Невидимки» в экстренных ситуациях? — поинтересовался Люк, стараясь не изливать своё разочарование на трудолюбивую команду наземной службы. Техник сделал шаг от истребителя, с которым работал.

— Спасательный маяк или «шлейф дыма и пламени, модель один», сэр, — осторожно ответил он. — ГА попросил «Инком» сделать их максимально трудными для обнаружения, и компания с этим успешно справилась.

— Ладно, стоит заканчивать приставать к занятым делом людям и слетать туда самому. — Люк напомнил себе, что Мара охотилась на Люмию, и поэтому он должен был ожидать, что она пользовалась всеми известными ей уловками. Хотя переживаний от этого меньше не стало. — В конце концов, это я пожал Люмию руку, а не сжал горло...

В эту секунду он внезапно ощутил Мару: она не просто снова возникла в Силе, но и усилила свое присутствие, как будто хотела, чтобы её нашли. В Силе она чувствовалась дерзкой, бесстрашной и рвавшейся в бой. Похоже, она всё-таки нашла Люмию.

— Но почему она это делает? — У Джейны была своя охота, за Алимой. Теперь ей очень хотелось помочь найти Мару. — Как будто она издевается над ней.

— Или она в опасности и хочет, чтобы я её нашёл.

— Нет, — Джейна на секунду закрыла глаза, сосредотачиваясь. — Не похоже на просьбу о помощи. Похоже на... драку.

Люк решил предупредить Тенел Ка, что летит в её владения — чисто в качестве меры предосторожности. Восемнадцать стандартных часов в пути. Учитывая количество планет в скоплении Хейпс, вероятно, даже хейпанцам потребовалось бы потратить намного больше времени, чтобы найти «Невидимку», но чем больше глаз ищут Мару, тем лучше.

Забираясь в кабину, Люк попытался сделать непринуждённый вид. Джейна стояла и не отрываясь глядела на него.

— Я знаю, что официально вышла в отставку, — сказала она, — но если кто-то выдаст мне разрешение, я с радостью присоединюсь. Пожалуйста.

Люк указал на наземную команду.

— Спасибо.

— Нам следует беспокоиться о здоровье Люмии, — попыталась успокоить его Джейна. — Я смотрю, тетя Мара решила разжиться заплетёнными в косички скальпами, как Фетт. Красными. Как думаешь, Люмия красит волосы? У трофея будут неприглядные седые корни?

Люк знал, что она пытается рассмешить его, и постарался сделать вид, что ей это удалось. Но просто высказанное вслух имя Фетта напомнило ему, что почти каждый член его семьи, и Соло, и Скайуокеры, находятся в первых строчках чьего-то активного списка на убийство. Люк и не ожидал, что его будут любить все. Он просто хотел проснуться однажды утром и обнаружить, что его близких оставили в покое, позволив им спокойно жить своей жизнью.

Когда Мара вернётся домой — со скальпами или без таковых, будет ли вокруг война или нет — он обязательно организует отпуск для них двоих, что-нибудь успокаивающее, без происшествий. Он сккатал в шарик записку, которую жена оставила ему, и засунул её в щель в панели кабины. Двигатели «Невидимки» загудели.

Но лучше, чтобы всё не было так, как на Гесперидиуме.

КАВАН

Джейсен ожидал, что ему придется иметь дело с рассерженной Марой после того, как он убьёт Бена, не раньше. Он всё ещё искал знаки и закономерности в происходящих вокруг него

событиях, и теперь видел в себе нарастающее желание испытать всё, что ждало его на пути, чтобы увидеть, принесёт ли это результат и укрепит ли его как сита.

«Увижу ли я? На что это похоже? Как я узнаю?»

Должно быть что-то, что изменит ткань галактики — какой-то переломный момент. А тем временем Мара вздумала бросить ему вызов, обнаружив себя в туннелях, которые уходили глубоко под сельскую местность Кавана; она думала, что всё ещё остаётся элитной убийцей и что может справится с тем, кто полностью овладел мастерством Силы. Что ж, она *действительно* была превосходным убийцей, но её навыки Силы были грубы по сравнению с его умениями. Как только Джейсен убьёт её, с Беном будет справиться легче. А Люк... о нём он будет беспокоиться, когда придёт время.

Джейсен проверил пояс, карманы и кобуру, решив у служить Маре. Люмия и Бен, казалось, были где-то далеко, и у них шла собственная битва. Всё складывалось отлично. Люмию нужно заставить замолчать после того, что она узнала, и это сделает Бен. Как всё идёт аккуратно. Прямо как в пищевой цепочке.

Джейсен зарядил четыре отравленных дротика в модернизированный бластер, а остальные вставил в фиксаторы на пояссе, удивившись мимоходом, как спокойно он мог думать о таких вещах. Он медленно подошёл ко входу в туннель. Пока он ощупывал Силой топографию местности, Мара снова исчезла из Силы. Осторожно двинувшись по центральному туннелю, потолок которого находился в метре над головой, Джейсен увидел примерно на высоте бедра уходившие в стены горизонтальные шурфы. Они были проделаны для отвода ливневой воды; когда-то в суровые зимыaborигены-кавани использовали пещеры как аварийные жилища.

Джейсен остановился и прислушался.

— Ладно, — громко сказал он, — я знаю, что ты меня слышишь, Мара. Ты всё ещё можешь отказаться от всего этого.

Эхо его голоса разнеслось по туннелям. Как Джейсен и ожидал, ответа не последовало, поэтому он начал углубляться в лабиринт водостоков, держа в правой руке световой меч, а в левой — бластер. Единственным источником света вокруг него теперь была зелёные отблески от светящегося клинка энергии.

— Я мог бы, — тихо проговорил он, — вернуться, заблокировать вход в комплекс легковоспламеняющимся материалом и поджечь его. — Точно, она слышала *его*; он слышал, как глубоко в туннелях медленно капает вода. Звук был усилен, даже если было трудно определить его происхождение. — А то, что в туннелях есть вентиляционные отверстия, означает, что возникнет тяга, которая нагонит сюда дыма, и ты либо задохнёшься или поджаришься.

Тишина. Джейсен затаил дыхание, прислушиваясь.

Хрясть! Его правое колено взорвалось ослепляющей болью, когда Мара, вытолкнув себя Силой, в длинном прыжке вылетела из бокового канала и зацепила его за коленный сустав своими ботинками, разорвав сухожилия. Когда Джейсен с криком потерял равновесие в узком проходе, он обнаружил, что зажат и пытается найти опору. Он ударил световым мечом, сбив рыхлую кирпичную кладку со стены. Мара упала на грязный пол, чтобы увернуться от светового меча, затем вскочила и помчалась вниз по туннелю.

Начало оказалось плохим. Джейсен выругался и заставил себя побежать за ней, надеясь, что эндорфины уменьшат боль в ноге, и говоря себе, что он знал заранее, что она устраивает ловушку. Она хотела поймать его в тесноте, пригвоздить, лишить возможности двигаться. Если она думает, что туннели уравняют шансы, она ошибается. Он сделает так, что пещеры станут для неё могилой.

Мара нашла идеальную ловушку в конце одной из дренажных труб. Она слышала шаги бегущего Джейсена и опережала его на добрых пятьдесят метров. С этого места сводчатый потолок становился ниже, и даже Маре пришлось бежать на корточках. Здесь не было места размахивать стандартным световым мечом. Тоннели были в плохом состоянии, кирпичные своды местами начали проседать и обваливаться.

Итак, он не хотел помогать ей, раскрывая своё физическое положение в Силе. Прекрасно. Она заметила ржавый металлический лист шириной около полуметра и осторожно положила его на пол туннеля, прислонив к камням так, чтобы он наступил на него и этим дал знать, когда

достигнет этой точки. Мощным толчком в Силе она ослабила кирпичную кладку и арки перед и после металлического листа, а затем придержала их от разрушения давлением Силы.

«Держать. Ждать, пока он не коснётся пластины...»

Ни в коем случае нельзя преследовать Джейсена. Ему никак нельзя позволить играть по своим правилам. Он должен идти за *ней*.

«Поймать в ловушку, лишить манёвра, убить».

Это выглядело некрасиво и не могло захватить воображение публики так, как демонстрация приёмов светового меча в академии, но её обучали быть прежде всего смертоносной. Джейсен шёл в ловушку.

Она слышала его дыхание и нерегулярное гудение его светового меча, когда он, преследуя её, прыгал и разворачивался, чтобы убедиться, что она не позади него. Потом она услышала, как взмахи лезвия стали короче; короткое стаккато гудений и жужжаний сказали ей, что он выбегает из комнаты.

Конечно, Мара тоже оказалась в ловушке, если только не считать вентиляционных шахт каждые пятьдесят метров. Но когда она сказала себе, что выйдет отсюда, перешагнув через его мёртвое тело, она имела в виду это дословно. Она почувствовала, что в ней стало рождаться чувство сострадания Лее, и тут же выбросила её из головы. Это лишь ослабит её.

Сапоги Джейсена хрустели по кирпичам. Он был нетерпелив. Она стояла у него на пути, была для него препятствием к тому, к чему он так стремился.

Скрип... скрип... скрип...

Если она правильно рассчитала время, он вот-вот наступит на ржавый лист.

Лязг...

Раздался грохот. Мара обрушила оба участка туннеля, спереди и сзади Джейсена, с таким огромным напряжением Силы, что у неё перехватило дыхание. Она не слышала его крика. Даже несмотря на влажность облако мелкого мусора заполнило воздух и заставили её задохнуться. Мара ждала, закрыв одной рукой рот и нос, приготовив шото и прислушиваясь в Силе.

Послышался скрип и грохот последних падающих кирпичей. Она не ожидала, что падение обломков с низкого потолка сможет нанести Джейсену серьёзную травму, но кирпичи должны засыпать его и обездвижить. Вряд ли он мёртв — пока.

Она молча ждала, полностью скрыв своё присутствие, пока звуки движения окончательно не стихли.

«Хорошо. Посмотрим, что мне осталось сделать, чтобы покончить с этим».

Из-под обломков торчала лишь рука. Через щель размером с кулак Мара могла видеть влажный, мерцающий блеск глаза и окровавленное лицо. К ней протянулась рука с растопыренными, окровавленными и дрожащими пальцами. Другие люди, возможно, почувствовали побуждение взять эту руку, самый естественный человеческий жест, но это был старый как мир трюк ситов, она и сама много раз прибегала к нему.

Одной рукой она вынула бластер и направила его в глаз, положив указательный палец на спусковой крючок. На случай, если потребовался бы решающий удар, неё было готово шото. Она чувствовала себя такой же отстранённой и увереной в себе, какой была в бытность Рукой Императора.

— Скажи маме, мне жаль, что я подвел её, — прошептал Джейсен.

— Она и так знает, — ответила Мара и нажала на спусковой крючок.

Глава 21

*Ну кир'адик, иши тааб'эчааж'ла.
Не умер, просто далеко ушёл.*

— Мандалорская фраза прощания с усопшим

КАВАН

Говорят, человеческое тело в случае крайней нужды способно развивать невероятную силу. Для джедая всё было совсем иначе.

Джейсен Соло не был готов умереть, только не сейчас, так близко к своему восхождению, не в этой вонючей канализации, как какой-то паразит.

Он отразил энергетический разряд одним всплеском Силы, и обломки разлетелись от его раздавленного и истекающего кровью тела, как отброшенные взрывом. Кирпичи били по стенам и рассыпались осколками, сбивали Мару с ног, как осколки бомбы. Она испустила звериный вой, в котором было больше гнева, чем боли, и дёрнулась, пытаясь встать.

Это усилие заморозило Джейсена на две жизненно важные секунды. Но он знал, что если он не встанет сейчас и не будет сопротивляться, Мара будет приходить, чтобы убивать, снова и снова, пока он не измотается и не станет слишком слабым, чтобы отбиваться от неё.

Сделанное усилие обездвижило Джейсена на две драгоценные секунды. Но он знал, что если не встанет сейчас и не окажет сопротивление, Мара придёт в себя, чтобы убивать, снова и снова, пока он не измотается и не станет слишком слабым, чтобы отбиваться от неё. Он с трудом поднялся на ноги, сильно шатаясь, и внезапно всё понял.

Это *Мара* должна была умереть, чтобы исполнить своё предназначение. Это её убийство было испытанием: слова пророчества были бессмысленными, но на интуитивном уровне он *понял*, что именно её смерть была решающим действием. Он не знал, почему именно, и сейчас не было времени останавливаться и думать об этом. Впервые за долгое время он полностью подчинился инстинкту. Что бы ни направляло руку сита, теперь оно вело его.

Но он был ранен, и очень серьёзно.

Бен... он не знал, какое место во всём этом занимает Бен, но теперь он точно знал, что делать, так же наверняка, как и всё остальное. Джейсену было всё равно, потому что он знал, что должен убить Мару *сейчас*, и ничто другое не имело смысла, пока он не сделает этого.

Он нашупал свой световой меч и снова зажёг его. Мара уже поднялась на ноги и приближалась к нему с шото и виброклинком, вся в кирпичной пыли, и чёрно-красная кровь струились по её лбу от раны на скальпе. Она прыгнула на него, удерживая шото левой рукой, как на уроках фехтования; клинок обжёг край его скулы, а вибролинок чиркнул по кончику подбородка, когда он дёрнулся назад.

Ей не следовало приближаться к нему. У него было абсолютное мастерство, а она была всего лишь спортивной и быстрой. Он оттолкнул её в Силе, заставив с громким стоном впечататься в стену, но она продолжала нападать на него, раз-два, раз-два, шото-клинов, она оттеснила его, его силы таяли. Ему нужно пространство для борьбы.

Джейсен вынул заряженное дротиками оружие и дважды выстрелил, но Мара рассекла все четыре иглы росчерком синего света. Они упали на землю. Он повернулся и вскарабкался через груду обрушившегося кирпича и использовал Силу, чтобы швырять в неё обломки с пола коридора, пока она прыгала от блока к валуну и куску кирпичной кладки, пока при помощи Силы не прыгнула ему на спину и не сбила с ног.

Они покатились. Это была не дуэль, а драка. Мара сунула виброклинок Джейсену под подбородок, и он мотнул головой, чувствуя, как кончик конька скользит от его челюсти к линии волос, минуя ярёмную вену. Он не мог вытащить необходимое ему оружие. Он истекал кровью, терял силу, угасал, размахивая своим световым мечом, чтобы отбиваться от неё. Это было почти бесполезно в таком ближнем бою. Мара, тяжело дыша от напряжения, отмахивалась шото, противодействуя каждому его отчаянному колющему удару.

— Бен... сначала я увижу тебя мертвым... прежде чем... ты получишь... Бена.

Джейсен балансировал на грани смерти и убийства. Они сцепились, толкали друг друга Силу, давили Силой: он снова отбросил Мару назад, пытаясь при помощи Силы сломать её позвоночник и парализовать её, но каким-то образом она отразила атаку, и кирпичи вылетели из стены, как будто кто-то пробил кладку насквозь с другой стороны. Она почти сумела выхватить световой меч из его руки, но даже несмотря на травмы, он держался за него изо всех сил. Он *не должен* умереть. Он *не может*, не сейчас.

— Ты не сможешь победить меня, — выдохнул он. — Этому не предрешено случиться.

— В самом деле? — прорычала Мара. — А я говорю, что смогу.

Затем она бросилась на него — не рассуждающая дикая женщина с развевающимися волосами, — и он толкнул её Силой посреди прыжка, ударив о столб. Но полученные побои и свирепость её безжалостной атаки ослепили его, скрыв опасность с другой стороны. Когда он отшатнулся от Мары, его ноги потеряли опору, и он рухнул в зияющую трещину, образовавшуюся из-за проседания. Он упал тяжело: боль огнём пронзила ногу от щиколотки до колена. Его световой улетел. Боль можно было игнорировать, но того момента, что он поднимался на ноги, оказалось достаточно, чтобы Мара выпрямилась, оказалась рядом с ним и погрузила шото в мягкие ткани прямо под окончанием его ключицы.

Раны от светового меча причиняли гораздо больше боли, чем он мог себе представить. Джейсен закричал. Он призвал своё собственное оружие обратно в руку, но Мара врезалась в него, снова сбив с ног и придавив. Её виброклинок остановился на расстоянии вытянутой руки от его горла, когда он сумел схватить её за волосы и став подтягивать её лицо всё ближе и ближе к своему световому мечу. Она изо всех сил пыталась отступить, нанося ему удары шото, но каждый раз натыкалась на блок его убывающей Силы.

Её виброклинок задел его шею. Джейсен нашупал за поясом дротик. Мара с огромным усилием вырвалась назад, оставив в его стиснутой руке прядь рыжих волос, и единственное, что пришло ей в голову, когда она выгнула спину и высоко подняла руки, чтобы вонзить шото и виброклинок в его грудь, было то, что она никогда больше не сможет причинить вред Бену.

Джейсен посмотрел ей в глаза и мгновенно создал иллюзию лица Бена под ней. Мара моргнула. Это дало ему преимущество, всего на долю мгновения. Этого оказалось достаточно, чтобы ядовитый дротик, маленькая игла длиной в десять сантиметров, врезался ей в ногу. Его защитный пластоидный колпачок всё ещё оставался на месте, но Джейсен ударили дротиком так сильно, что острый конец пробил предохранительный конус и ткань её штанов.

Мара охнула и посмотрела на свою ногу, как будто озадаченная, а не раненая. Дротик задрожал, когда она дёрнулась, а затем упал на пол.

— О... готово ... — проговорил Джейсен. Шото выпало из руки Мары, и она сделала слабое и неконтролируемое движение виброклинком. Он попал ей в бицепс, но за ударом не было силы, а затем она уронила оружие. — Мне очень жаль, Мара. Это должна была быть ты. Думал, это должен был стать Бен. Но теперь всё кончено, кончено...

— Что ты сделал? Станг, что ты со мной *сделал*? — Но она уже теряла равновесие, яд парализовал её, и когда он поднялся на ноги, она резко упала набок, глядя на него больше с шоком, чем с яростью или страхом.

— Исполнил пророчество. — Теперь это не имело значения: токсин, сложный, относительно безболезненный, циркулировал по её телу. — Не сопротивляйся. Никакой целительный транс не поможет. Просто отпусти...

Мара попыталась встать, но опрокинулась назад и села на пятки с таким выражением лица, как будто что-то забыла и пыталась вспомнить. Затем она рухнула на стену. Джейсен никогда в жизни не чувствовал такого облегчения. Это не обязательно должна была быть Аллан, или Тенел Ка, или даже Бен. Всё было кончено, всё *кончено*.

— Что? — проговорила Мара. Вся дрожа, она попыталась приложить пальцы к губам, но рука упала на колени. Она посмотрела на них так, будто ожидала увидеть кровь.

Джейсен подавил инстинктивное желание помочь ей.

— Моя судьба, Мара — быть лордом ситов и навести порядок и справедливость. Мне пришлось убить тебя, чтобы это сделать. Ты спасешь столько людей, Мара. Ты спасла Бена. А ещё ты спасла Аллану. Поверь, это не пустая траты времени.

— Ты... такой же мерзкий, каким был он.

Джейсен с трудом понимал, о чём она говорила.

— Кто?

— Палпатин.

— Это не так, — ответил он. Он должен был показать ей, что происходит. Это было важно. Он был обязан поделиться с ней этим откровением. Она принесла жертву, хотя теперь он начал задаваться вопросом, что это значит для той любви, от которой ему пришлось отказаться. — Дело не в амбициях. Речь идёт о галактике, о мире. Речь идёт о строительстве другого мира.

Мара посмотрела на него в ответ, и теперь он мог видеть — и чувствовать — её отвращение. Он не был уверен, было ли нацелено оно на него или на неё саму.

Джейсену было больно. Он начал в полной мере ощущать все свои травмы и нуждался в самоисцелении. А ещё ему нужно было выбраться из этого туннеля.

Мара теперь дышала тяжело, одна рука расслабленно покоялась на коленях, но другая всё ещё сжимала и разжимала, как будто пытаясь сжать кулак, чтобы нанести ему последний удар. Её ярко-зелёные глаза по-прежнему светились неумолимой решимостью. Он знал, что теперь будет пытаться забыть этот взгляд каждый день своей жизни.

— Думаешь... ты победил, — выговорила она невнятно, но совершенно ясно и бесстрашно.

— Но Люк раздавит тебя... а я отказываюсь... позволить тебе... разрушить будущее... моего Бена.

Джейсен сидел и ждал, почти ожидая от неё пророчества, которое поможет ему разобраться в том, что же он сделал. Но через несколько мгновений он почувствовал последний разряд элементальной энергии, который умел замечать и понимать каждый, кто был близок к Силе.

«Бен» было последним словом, которое Мара произнесла в жизни.

КАВАН

Люмия почувствовала лёгкое смещение Силы, похожее на движение тектонических плит. Она не представляла, что решающий момент будет ощущаться так.

— Корабль, — сказала она, — я нужна новому тёмному лорду. Следуй за ним.

Затем она стала готовиться к смерти, намереваясь умереть правильно.

КАВАН

Бен внезапно перестал слышать голос сферы ситов. Его собственное имя — *Бен, Бен, Бен* — заглушило все остальные звуки, хотя в глубине его головы оно звучало тише шепота, скорбной вестью и прощанием с ним одним. Он забыл о Люмии и, ослеплённый слезами, дёрнулся навстречу источнику голоса.

— Мама! — закричал он. — *Mama!*

ПЕРЛЕМИАНСКИЙ ТОРГОВЫЙ МАРШРУТ

В кабине своей «Невидимки», направлявшейся в сторону Хейпса, Люк Скайуокер почувствовал, как чья-то рука коснулась его волос, и в момент, когда он непроизвольно потянулся, чтобы коснуться её в ответ, он понял, что его миру пришёл конец.

Глава 22

Я не знаю, что происходит, манд'алор, но в настоящее время количество защищённых переговоров ГА вокруг Хейтанского скопления таково, что нужно увидеть список перехватов, чтобы в это поверить. Паника продолжается. Ожидая в готовности.

— Горан Бевийн, эксперт по развединформации, отчёт с расположенного неподалёку астероидного поля Роше перед запуском «Бес'улика»

«НЕВИДИМКА» ГГА, СПРЯТАННАЯ НА ПОВЕРХНОСТИ ЗИОСТА

Джайсен действительно не знал, куда идти дальше. Он сидел, уставившись на приборную панель перед собой, зная, что ему следовало вернуться на Корсант, по крайней мере, двадцать часов назад, и что Ниаталь будет проклинать его последними словами. Он был один, в измятой чёрной одежде, страдая от мучительной боли и... голода.

Он не ожидал, что его вознесение в ранг лорда ситов окажется таким. Джайсен задавался вопросом, что думают обычные люди, когда ход истории меняется в результате одного решающего действия. Скорее всего, они и предположить не могли, что их будущее оказалось в руках усталого, вспотевшего человека, который думал над тем, что ему следует поборться, и почти не мог поверить, что он...

«...убил Мару Джейд Скайуокер».

Убивать не становилось легче. Он лишь становился более умелым в этом деле.

Но в случившемся всё равно не было смысла. Он потёр щеку, и щетина отчёлтико заскрипела под пальцами. Мара *не была* самым дорогим в его жизни. За последние недели она превратилась из его единственного друга в кого-то, кто ему не доверял и мешал.

Она была его тётий. Она была частью *семьи*. Когда станет известно то, что её смерть на его руках — это обязательно должно было произойти когда, но не сейчас и не в ближайшее время, — шок и ненависть разорвут на части то, что осталось от семей Скайуокеров и Соло. Может быть, даже Ниаталь и все остальные, понимавшие, что обеспечение мира — грязное дело, испытывают отвращение.

«Я только что убил свою тётию. Я вырос с ней. Она всегда была рядом со мной. Мы вместе воевали. Я должен встретиться с её сыном. Я должен встретиться с Беном. Что же я сделал?»

В животе у Джайсена заурчало. Как он мог испытывать голод в такое время?

«Он увековечит свою любовь».

Дурацкие завязанные кисточки, все эти древние пророчества ситов, которые сбудутся, когда новый тёмный лорд будет готов надеть свою мантию и возвестить золотой век справедливости, порядка и мира. Ключ был повёрнут, и именно это должно было означать пророчество — когда Джайсен убил то, что он *больше всего любил*.

Он убил Мару, Нелани и дочь Фетта, и ещё убил хаотическую несправедливую демократию, и он не любил ничего и никого из этого. Он не раз пытался убить Люмии. Похоже, она считала, что это было частью обязанностей сита-служителя.

Так что Джайсен не верил им. И если бы Мара не пыталась убить его с самого начала, он бы увидел в этом даже большее, чем безжалостно оборванную жизнь.

Ткань бытия, похоже, изменилась недостаточно. Этот сдвиг должен был стать катастрофическим, и хотя Джайсен был слишком прагматичен, чтобы думать, что может поднять кулаки к небу и призвать молнию, чтобы зарядить энергией свою могучую душу, он ожидал, что сможет вкусить духовную и экзистенциальную трансформацию.

Он боялся. Как бы он ни был уверен несколько часов назад в том, что Маре суждено умереть, это не имело смысла в контексте пророчества. А ешё Джайсен не чувствовал себя иначе. Означает ли это, что ему всё ещё нужно убить кого-то ещё? Он был так уверен, что теперь всё будет кончено. Чувство разочарования было так сильно, что он едва не всхлипнул.

Затем Джайсен почувствовал чьё-то присутствие. Он прислонился головой к краю фонаря кабинки, и увидел, как с кошмарной планеты, окружавшей его истребитель, на него смотрела Люмия.

Джейсен первым нарушил молчание.

— Я удивлён, что после того, что случилось, ты потрудилась прилететь сюда и найти меня.

— Сейчас тебе нужно, чтобы за тобой присмотрели. — В Люмии появилась безмятежность, которой раньше не было. Но, как и всегда, она, казалось, не обижалась на него за новую попытку убить её. — Твоё новое существование началось, тёмный лорд.

— В самом деле? — Боль в плече грызла его, как животное, рвущее его плоть. — Я не чувствую себя таким уж лордом.

— Уверяю тебя, всё свершилось. Я почувствовала это.

Возможно, Люмия подшучивала над ним. Джейсен поёрзal на кресле, чтобы уменьшить количество контактирующих с ним синяков. — Я поищу дополнительные доказательства.

— Прекрати спорить с Силой и обрати внимание на то, что тебе нужно сделать дальше. Люк Скайуокер прибыл на Хейпс пару часов назад, и они ищут улики. А Ниаталь горько переживает по поводу твоей самоволки.

— Меня они не найдут.

— Я не о том. Твоё посещение Королевского двора — факт которого я, кстати, унесу с собой в могилу — должно быть подрихтовано с точки зрения правдоподобия. Рано или поздно выяснится, что ты был в скоплении Хейпс, и Мара это знала.

— Как?

— Могу ли я побеспокоить тебя?

— Ты хочешь побеспокоить меня ещё больше? Это вообще возможно?

— Во время своего пребывания в пространстве Хейпса Мара разговаривала со штабом флота о твоём присутствии на Хейпсе. Я перехватила разговор, и это одна из причин, почему я смогла прийти к тебе на помощь.

— Прелестно.

— И она даже дала им описание сферы ситов как потенциальной угрозы. Я думаю, это соответствует сценарию, требующему правдоподобного объяснения.

Люмия была права. Джейсену нужна была история для прикрытия, хотя бы для Тенел Ка.

— Это серьёзный вызов даже для моей креативности, — буркнул Джейсен. — Насколько это широко известно?

— В галактике нет секретов, Джейсен, только рассылочные списки разных размеров. Информация окажется у ботанов, у мандалорцев... и у разведки Альянса, а они тебя в последние дни недолюбливают.

— Что ж, если бы я не был бы свежевылупившимся лордом ситов, я бы запаниковал.

— Не шути. *Никогда* не шути на эту тему.

— Я мог бы сказать, что я вполне законно посещал Тенел Ка в качестве главы государства из-за продолжающихся смущений, связанных с моими родителями.

— А как насчёт твоего плачевного физического состояния?

— Ой, я просто ускорю исцеляющий транс, насколько смогу.

— Что насчёт тела Мары?

— Я оставил его там, где она умерла.

— Она не растворилась в воздухе? Тело осталось после сметри?

— Полагаю, да. Тебя это удивляет?

Казалось, Люмия что-то обдумывала, её пристальный взгляд затуманился.

— Я всегда думала, что она каким-то образом станет единой с Силой.

— Ну, кто знает. Что я точно знаю, это то, что они никогда не смогут связать яд со мной, хотя какое это имеет значение? Однажды они все узнают об этом.

— К тому времени будет уже слишком поздно, чтобы они могли что-нибудь с тобой сделать.

— Люмия повернулась, словно собираясь уйти, но потом,казалось, передумала. — Мой корабль заметили, Бен не видел тебя на Каване, и я почти наверняка главная подозреваемая в смерти Мары. Всё это позволяет мне оказать тебе последнюю услугу.

— Какую...

Наибольшие опасения Люмия вызывала, когда начинала проявлять милосердие. Это говорило Джейсену, что она знала что-то, чего не знал он.

— Чтобы выиграть время, чтобы укрепить твою власть над галактикой, — сказала она. — Заставив Люка поверить, что это всё моих рук дело.

— Разве ты не думаешь, что тебе стоит прятаться от него?

— Нет. Можно сказать, это *моя судьба*.

— Это попахивает желанием смерти.

— Моя работа и моя жизнь окончены, Джейсен. Я действительно желаю отдохнуть.

В последнее время смерть стала вполне заурядным явлением. Джейсену это не нравилось. У него возникло внезапное желание насладиться жизнью. Глубоко внутри него тот мальчик, который всё ещё ожидал, что удар молнии означает его переход к ситской зрелости, желал чувства оптимизма, зелени и свежести. Это застало его врасплох.

— Кстати, Алима всё ещё идёт по следу, — напомнила Люмия. — Если ты встретишь её, она, скорее всего, захочет заполучить корабль ситов, чтобы отомстить твоим родителям. Я не сомневаюсь, что вы увидитесь.

Джейсену стало интересно, оставляют ли ситы завещания; Люмия своё определённо обдумала. Некоторое время она изучала его, склонив голову набок и глядя тревожно-зелёными глазами, почти не отличавшимися от глаз Мары, а затем скрылась в ледяном тумане.

Около часа Джейсен медитировал, чтобы ускорить процесс заживления, а затем отправился на Корусант через Хейпс.

ХЕЙПС, ДВОРЕЦ ФОНТАНОВ

— Люк... Люк? *Люк*.

Тенел Ка пришлось трижды повторить его имя, прежде чем Люк смог поднять голову и посмотреть на неё. Элегантный парчовый диван словно поглотил его целиком, и, возможно, это было бы к лучшему.

Люка окутывала плотная ткань оцепенения, и потребовалось тройное повторение, чтобы слова проникли сквозь неё: первое — чтобы он смог не думать, что даже не попрощался с Марой и спал, когда она ушла; второе — чтобы он перестал ломать голову над теми последними словами, которые он сказал ей и которые теперь не мог вспомнить; и третий — чтобы он не видел перед мысленным взором нацарапанную ею записку, которую он скомкал и использовал, чтобы заткнуть дыру в панели своей кабинки, и которую теперь он с любовью разгладил и собирался хранить всю оставшуюся жизнь.

«Ушла на охоту на несколько дней. Не сердись на меня, мальчик с фермы...»

— Люк, прилетела Джейна.

— Спасибо, Тенел Ка... — Хотя он и сидел неподвижно, Люк чувствовал, что вскоре начнёт действовать. Он должен собраться с мыслями, увидеть, как справляется оставшаяся семья, а затем начать действовать — когда узнает, что делать. — Я не могу тебя достаточно отблагодарить.

— Люк, я послала всю свою охрану, они обыскивают скопление.

Быстрым шагом вошла Джейна, с мрачным лицом и немного опухшими глазами. Она упала на колени и прижалась к ногам Люка, молча обнимая его. Ему действительно не было нужды вызывать её: они все почувствовали это.

— От Бена по-прежнему нет вестей, — сказал Люк, поглаживая Джейну по волосам. — И я даже не догадываюсь, где он.

Джейна поднялась с колен.

— Я тоже не чувствую его, дядя Люк.

— С ним всё будет в порядке, милая. Я бы знал, если бы...

Люк не закончил фразу. Теперь он точно знал, как смерть Бена будет ощущаться в Силе. Бен не умер.

Люк ждал ответного вызова от Леи и Хана. Он знал, что Лея почувствовала уход Мары: после того, как он почувствовал легчайшее прикосновение к своим волосам и повернул голову, он ощутил, будто встретился глазами с Леей. Она позвонит. Он бы позвонил в любом случае.

Царственное самообладание Тенел Ка на мгновение дрогнуло.

— Джейсен был здесь недавно.

— Что? — В голос Джейны внезапно вернулась резкость. — Ты имеешь в виду, *здесь*?

— Он нанёс визит вчера, — ответила Тенел Ка. — Я не знаю, где он сейчас, но...

— Штаб Хейпансского флота регистрировал перемещение его корабля? — спросила Джейна.

— Любая информация сможет помочь.

Джейсен должен был почувствовать смерть, как и все остальные, и была большая вероятность, что он действительно был здесь, когда Мара преследовала Люмию в этой самой системе. Но он был «занят» делами ГГА. Люк молча закипал.

Тенел Ка кивнула, вновь преисполненная милостивого спокойствия.

— Я попрошу капитана получить для вас всю доступную информацию.

Тенел Ка вышла. Выражение лица Джейны было убийственным.

— Можешь не говорить.

— Он абсолютный чужак, — с отвращением сказала Джейна. — Он там. Мне лучше уйти, иначе у меня разовьется аневризма от попыток подавить желание ударить его, когда он, наконец, соизволит заявиться.

Люк обнял Джейну, чувствуя себя карликом в сравнении с гигантским парадным залом. Зажужжал комлинк. Это была Лея.

— Привет, — сказала она. Лея не просто прикоснулась к нему в Силе, она окутала его. — Мы вернёмся так быстро, как только сможем. Мне очень жаль. Мне так, так жаль!

Раздались звуки, будто Хан рвал у неё комлинк из рук.

— Малыш, ты просто держись там. Не делай ничего. Оставь всё нам. Как Бен?

— Опять пропал.

— С ним всё будет в порядке. Не волнуйся. Мы уже летим.

Хану больше нечего было сказать, и он ни разу не упомянул Джейсена. Люк сунул комлинк обратно в карман.

Тишина ощущалась как давление на барабанные перепонки. Дыхание Люка, казалось, наполняло комнату.

«Что я ей сказал в последний раз?»

— Знаешь, о чём мы с Марой говорили в последний раз? — внезапно сказала Джейна. Она делала точно то же, что и он — воспроизводила в уме последние разговоры. На её глаза навернулись слезы. — Ничего важного: например, как сильно я её любила, и что она для меня сделала. Сколько энергии я трачу на дурацкие игры с Зекком и Джагом, как глупый обиженный подросток.

— Не мучь себя.

— Требуется... *такое*, чтобы оно заставило меня вырасти. — Похоже, Джейна не могла сказать вслух о смерти Мары. — Теперь всё изменилось.

— Я знаю, знаю.

— Это Люмия.

— Мы этого не знаем.

— Хочешь оставаться разумным до последнего, да, дядя Люк?

— В настоящий момент никто из нас не может мыслить трезво. — Ему не нужно было, чтобы Джейна под воздействием импульса отправилась мстить. Ему нужно было как-то сосредоточиться. — Почему бы тебе не позвонить... Зекку? Джагу? — Он понятия не имел, с кем из двух мужчин она хотела бы поговорить сейчас. — Им тоже нужно знать.

Джейна осторожно погладила кончик носа тыльной стороной запястья и, казалось, очень пристально стала изучать декоративную резьбу на ножке соседнего стула. — Я *сообщу* им, но я покончила со всеми этими личными вещами. Я собираюсь сосредоточиться на одном — на том, чтобы заставить Люмию заплатить. Если я должна быть Мечом джедая, то пора мне отнести к этому серьезно, и нет *ничего*, что стоило бы моего времени больше, чем это.

Вскоре вошёл дежурный капитан стражи с инфопланшетом на бронзовом блюде и протянул его Люку. Когда тот заколебался, Джейна взяла прибор и внимательно посмотрела на него. Выражение «а я вам говорила» на её лице сказали Люку, что новость не будет приятной.

— Изложите вкратце, дядя Люк?

— Как посчитаешь нужным.

— Мара появилась тут после прилёта Джейсена на истребителе Пять-Альфа и попросила штаб не спускать глаз с оранжевого сферического корабля с крестообразными мачтами, потому что нашему новому главе государства может угрожать опасность.

Люк всегда старался не поддаваться влиянию косвенных улик, потому что два и два часто давали в сумме что угодно, кроме четырёх. Но он не знал, найдут ли они какие-либо другие доказательства. Он не знал, нашли ли они когда-нибудь тело Мары, или даже остались ли от неё останки. Он не мог игнорировать это.

— Джейна, — проговорил он. — Я думаю, ты должна оставить это мне.

— Что ты там сказал о том, что никто из нас не думает сейчас трезво?

— Я не хочу, чтобы кто-либо действовал на основе лишь половины фактов.

— Что ещё нужно?

— Она… она была *моей женой*. Я настаиваю на том, чтобы я сам справился с этим.

— Ты не обязан.

— Я так хочу. Не отнимай этого у меня.

Джейна даже вздрогнула. Люк не думал, что она подумала, будто он на неё огрызнулся. Может быть, его боль была настолько сильной, что её внезапный приступ коснулся её в Силе.

— Хорошо, дядя, — тихо ответила она. — Но ты просто скажи, и я буду рядом.

Спустя шесть часов, пока Люк безуспешно пытался уснуть, Джейсен всё ещё не объявился. По словам Джейны, это был выход за все мыслимые рамки. И Бен не появлялся. По крайней мере, у Бена была веская причина.

Поиски Пять-Альфа возобновились рано утром.

МАНДАЛОР, КЕЛДАБЕ

Четвёртый «Бес’улиик», только что с конвейера, выкатился из ангара навстречу пристальным взглядам небольшой толпы молчаливых людей в доспехах. Они скрестили руки в типично мандалорском жесте «ну давай, порази меня», но как только истребитель ожила и поднял пыль стартовыми двигателями, все они начали аплодировать и кричать «Ойа!»

Да, они думают, что всё отлично. Фетт смотрел на всё это с определённой гордостью. Высокие частоты в рёве двигателей вызывали у него покалывание в пазухах.

— Кто сказал, что оборонные закупки всё затормозят? — проревел Медрит. Похоже, даже без шлема он не беспокоился о шуме, но ведь ремесло кузнеца не способствует хорошему слуху.

— Справились в рекордное время.

— Ещё полмиллиона таких, — проворчал Фетт, — и мы снова в деле.

— Дело не в числах, манд’алор. И никогда не было.

Что-то было в истребителе — в его лёгком парении и кренах в сочетании с отчетливым пульсирующим звуком полёта — что делало его исключительно привлекательным. Фетт сомневался, что он не будет выглядеть так красиво, если будет превращать ваш город в расплавленный шлак. Он планировал потребовать предложения испытательных полётов.

Мандалор *возрождался*, как любил говорить Бевийн, и набирал обороты. Постоянным потоком мандалорцы возвращались из диаспор. По несколько сотен тысяч в неделю — ничто для такого населённого триллионами существ города-планеты, как Корусант, но Мандалор теперь трещал от их наплыва.

— Кто бы мог подумать, такая большая и пустая планета не может справиться с кучкой иммигрантов, — сказал Фетт.

— Плохая инфраструктура. — Медрит вытянул шею, чтобы посмотреть, как взлетает ещё один «Бес’улиик». — Надо это исправлять. Четыре миллиона всегда были для планеты хорошим стабильным населением, пока ребята в крабовой броне всё тут не испортили.

— Сколько будет на максимуме, по худшему сценарию?

— Невозможно сказать. Но ты попросил вернуть два миллиона, и я осмелюсь предположить, что мы их получим.

Фетт всё ещё восхищался такой способности людей лишать себя корней, но мэндо’аде традиционно были кочевниками, и даже он был больше счастлив в «Рабе I», чем под крышей над

головой. — Меня всегда умиляет, когда люди делают что-то без того, чтобы мне приходилось вешать об этом с балкона.

— Иногда, — сказал Медрит, — тебе нужно только попросить. Иди, прочитай «Ресол’нар». Шесть основных принципов мэндо. Один из них — собраться на Мандалор, когда позовут.

— Удобно, — проговорил Фетт. — Но так бывает не всегда.

Фетт начал видеть параллели между Мандалором-миром и мандалором-лидером, и то, почему эти два термина стали синонимами во внешнем мире. Он всегда называл себя символической фигурой, напоминанием о том, какими, по всей видимости, должны быть мандалорцы, социальным шаблоном, а также кем-то, на кого можно свалить вину; но это и вправду работало. Он выздоравливал, и нация тоже. Мандалор, казалось, двигался обратным курсом с остальной частью галактики, которая стремительно катилась вниз и в который раз была готова разорвать себя на части. Но для бизнеса это было хорошо, если вы занимаетесь продажей оружие и военных навыков, поэтому корреляция была ожидаемой.

— Пора отпраздновать, — сказал Медрит. — Во всяком случае, слегка. Пойдём, все уже на пути в кафе. Первый раунд за тобой.

По пути Фетт думал, что был почти доволен жизнью, как и долгие годы ранее, за исключением нескольких незаконченных дел, которые вырисовывались, пока он умирал, и всё ещё не рассосались.

Одним из них был Джейсен Соло. В конечном итоге всё сводилось к джедаям и их расколам.

— Это правда, говорю вам. Её убили. — Бевийн держал речь в «Ойю’баате», тапкафе, в котором варили сладкий липкий нет’ра гал и никогда не кончались нарколеты. — В Хейпанском скоплении ведутся большие поиски. *Серьёзная* проблема.

Фетт приходил в кафе раз в неделю, отчасти потому, что Мирта сказала, что это полезно для морального духа, но главным образом потому, что его об этом попросил Бевийн. Фетт хотел, чтобы Бевийн стал его преемником, даже если многие ожидали, что он будет подталкивать вверх Мирту.

— Кабинет заседает? — поинтересовался он.

Вожди и соседи, которые пили здесь, стали кабинетом Фетта, и если когда-то и будет предпринята какая-либо серьезная попытка собрать правительство — мэндо’аде расценили бы это как глубоко нездоровую и аристократическую вещь, — то это можно было бы терпеть только за бу’шей гал в кафе.

— Добро пожаловать в комитет иностранных дел, — отозвался Бевийн. — Пропала Мара Скайуокер, предположительно мертва.

— Как они узнают, что она мертва, если тело исчезает в клубах дыма? — пробормотал Карид. Он играл в настольную игру на четверых с Медритом, Динуа и Миртой, в которой использовались кинжалы с короткими рукоятями. Фетт, наблюдая со стороны, так и не сумел понять правила. — Они ведь так и делают, правда?

Фетт подумал о своей коллекции световых мечей.

— Иногда.

— Карид, поставивший свой шлем на полу как подставку для ног, подмигнул.

— Так где криминалисты?

Динуа вонзила клинок в доску, и послышался шёпот «Кандосии».

— Они всё чувствуют в Силе.

— Я бы пошутил, но слышал, что их сын тоже пропал без вести. — Карид громко фыркнул.

— Что за родители эти джедай?

Фетт не хотел бы поменяться местами ни с Соло, ни со Скайуокерами. Это была трагически несчастная династия, и даже если за сочувствие ему никто не платил, он понимал потерю родителей и ребёнка.

— Что слышно о Джейсене Соло? — спросил он.

— Это имя всплыпало.

— Какой сюрприз.

— Также упоминается Люмия. Псевдоним Шира Бри.

А вот это было имя из прошлого Фетта. Некоторые вещи никогда не уходили. «При Вейдере всё шло лучше».

— Я всё ещё жду справедливой расплаты за свою маму, — тихо промолвила Мирта. — Потому что если никто другой не побеспокоит перерезать глотку Джейсену Соло, это сделаю я.

Она давно не упоминала об этом. Все — все — ждали, какое же возмездие Фетт придумал для этого паршивца Соло. Чем дольше он ждал, тем более садистского приговора они ожидали. Но в глазах Мирты Фетт видел нечто иное: если её дед был самым жестоким охотником за головами в галактике, почему он не принёс ей шкуру Джейсена Соло?

В одном джедаи были правы. Необузданый гнев был плохой основой для действий. Он научит её холодному терпению — это лучшее наследство, которое он может ей завещать.

— Медрит, — сказал Фетт, — я хочу отправить Хану Соло подарок.

— Хороший карбонитовый стол?

— Настоящие бескарбоновые дробильные перчатки, чтобы он мог задушить своего паразита. И, может быть, пару бронепластин и небольшой клинок.

— В подарочной упаковке и с подписью «Пожалуйста, убей своего сына, прежде чем это сделаем мы?»

— Напиши просто «С глубочайшим сочувствием».

Во всяком случае, это было так глубоко, как только мог придумать Фетт. Должно быть, ужасно так разочароваться в сыне.

СКОПЛЕНИЕ ХЕЙПС

Люк считал, что будет благоразумно, если Совет джедаев в его отсутствие возглавит Корран Хорн. Он не был уверен, что может доверять себе. Все это ощущалось чересчур академично даже в лучшие времена, а сегодняшний день был таким, что он не мог себе представить то, как руководил бы сейчас Орденом.

Но помимо того, что он лишился всего хорошего в своём сердце, кроме Бена, впервые за долгие годы Люк почувствовал себя прежним. Он испытывал ясность ума. Он знал, что ему нужно делать, и не было никаких серых зон или двусмыслинности в том, кто прав, а кто виноват. Несмотря на всю боль, чувство чистой сосредоточенности давало ему то, за что можно было уцепиться.

И старые голоса взывали к нему.

Люк летел на «Невидимке» в Барьерном Тумане, задаваясь вопросом, не привел ли его сюда фантомный эффект ионизации региона и помехи в сенсорных системах. Он снова увеличил своё присутствие в Силе.

Вызов по комму на мгновение нарушил его концентрацию.

— Люк, — раздался голос Коррана. — Довольно сложно проигнорировать случившееся. Всем не терпится вскочить в седло и скакать тебе на помощь.

— Мне сейчас нужен ответ только от одного человека, друг мой. И скоро она ответит. Но... всё равно спасибо.

— Что ты имеешь в виду — «она ответит»?

— Я про Люмию. Теперь я отлично чувствую её присутствие.

— Люк, это ловушка.

— Тогда это ловушка и для меня, и для неё.

— Слишком уж просто она позволяет найти себя.

— Корран, не волнуйся за меня...

— Ты же знаешь, любой из нас с радостью сделает это за тебя.

— Знаю. И вот поэтому я должен это сделать.

Люмия была здесь; Люк мог чувствовать её, потому что она этого хотела, он знал это. Он задавался вопросом, сколько раз она проходила мимо него незримой и незамеченной, и оценил её навыки скрытности. Он подумал о руке, предложенной ему после их последней схватки, и о том, как он не обнаружил в ней ни малейшей недоброжелательности. Такой уровень искусного обмана

впечатлил бы его, если бы он не чувствовал себя так отвратительно преданным этим — преданным собственной легковерностью.

Мара иногда говорила, что он из кожи вон лезет, чтобы видеть добро в каждом.

— Сегодня я не буду слишком стараться, — прошептал он. — Даже совсем не буду.

В этот момент он даже не скучал по Маре. Чтобы тосковать по кому-то, нужно признать, что он ушёл. Мара же всё ещё была жива, просто удручающе молчаливая и невидимая, и он боялся того момента, когда он, наконец, скажет себе: «Да, она ушла, она действительно ушла, и она не больше не зайдёт в дверь и не пожалуется, какие в эти дни пробки на космических трассах».

Бернерный Туман был пространством бандитов, он просто кишел пиратами, но Люку было всё равно. Он двигался по круговому курсу вблизи от Телефона. В конце концов, ощущение, что он видит кого-то очень быстрого периферическим зрением, превратилось в ощущение, что кто-то находится в одной с ним комнате. Он повернул истребитель на 360 градусов в каждой плоскости, игнорируя сенсорные системы и свои чувства в Силе, пытаясь увидеть приближение этой штуки, взглянуть ей в её глаз и осознать её целиком тем фундаментальным образом, как может скорбящий муж, а не мастер-джедай.

— Я знал, что ты найдёшь для меня время, — проговорил Люк по комму.

Услышала ли она его?

В комме щёлкнуло. Голос Люмии был всё так же молод. Раньше он этого не замечал.

— Я не видел смысла бежать, Люк. Давай покончим с этим.

Корабль был именно таким, каким он себе его представлял: с грубой обшивкой, красно-оранжевый, настолько органический на вид, что, возможно, подошёл бы юужань-вонгам. Угловатые мачты и перепончатые лопасти по сторонам придавали ему хищную грацию.

— Я должна была убедиться, что она умерла, — сказала Люмия. — Но ты поймёшь это рано или поздно».

Она не открывала огонь, а шар не двигался. Люк подумывал сделать один смертельный выстрел, но он уже делал это раньше, и пилот по имени Шира Бри пережила его, получив ужасные раны, стала киборгом, который находился перед ним сейчас. Нет, она должна умереть навсегда.

Сфера развернулась к Телефону и начала набирать скорость, держа прямой курс к планете. Люк пустился в погоню, и оба корабля ускорились, выжимая свои субсветовые двигатели до предела, что, как начинал чувствовать Люк, могло окончиться катастрофическим падением.

«О нет, Люмия, самоубийство с рук тебе не сойдёт. Ты моя».

Он сказал это лишь в своих мыслях: вслух теперь ему почти нечего было ей сказать. Сфера неслась впереди него, наращивая отрыв. Он повис на её хвосте, пытаясь сократить дистанцию и рассчитывая, сколько времени ему потребуется на перехват, прежде чем корабль Люмии ударится о верхние слои атмосферы и упадёт на поверхность, лишив его так необходимого ему отмщения.

«И справедливости. Не забывай этого. Речь идёт о расплате за жизнь Мары».

Х-невидимка приблизился к рекомендованной безопасной скорости, указанной в руководстве. Люк подвел истребитель к сфере, опуская пару крыльев в знак предупреждения, чтобы дать понять, что он ее перехватит. Возможно, она не осознавала, что у него есть тракторные способности: теперь она поймет. Люк откинулся назад и приложил достаточно усилий, чтобы замедлить ее и привлечь ее внимание. Он мог поклясться, что что-нибудь возмутилось. Это был корабль, который в глубине души жаловался на грубое обращение.

«Невидимка» приблизилась к пределу скорости, указанному в руководстве. Люк подвёл истребитель к сфере, опустив пару крыльев в знак предупреждения, чтобы дать понять, что он готов идти на перехват. Возможно, она не осознавала, что использовать свои способности, чтобы притянуть её: теперь поймёт. Люк откинулся назад и приложил заметное усилие, чтобы замедлить её корабль и привлечь её внимание. Он мог поклясться, что почувствовал чьё-то возмущение. Это был корабль, который в глубине своего сознания жаловался на грубое обращение.

Люмия, казалось, поняла его и замедлилась. Люк прервал контакт до того, как они вошли в атмосферу, и последовал за ней вниз, заставляя её приземлиться на плоской вершине холма с видом на просторный город в типичном хейпанско-стиле, раскинувшийся среди деревьев и обширных садов.

Люк выпрыгнул из кабины и замер, ожидая, пока Люмия покинет безопасный салон своего корабля, держа свой световой меч в обеих руках. Наконец с одной из сторон сферы образовалось отверстие, и она вышла. Будет ли корабль нападать на него, как на Мару? Сфера не двинулась с места. Теперь он даже не чувствовал её.

— Давай, Люк, попробуй закончить, что начал. Мара бы этого хотела, да? — Люмия протянула руку к лицу и сорвала покрывало, закрывающее всё, кроме глаз. Затем она потянулась за спину и медленно вытащила свой кнут. — И это не для того, чтобы тебе было стыдно за мои шрамы. Я просто хочу, чтобы ты видел, с кем сражаешься.

— Я вижу. — Люк зажёг световой меч, и временное утешение затопило его. — И всё закончится здесь.

Теперь он уже знал, что такое световой кнут. В прошлом он полагался на што как на дополнительное оружие, чтобы противостоять двум поражающим элементам кнута — материи и энергии, но теперь он испытывал уверенность в том, что сможет справиться с нею только с помощью светового меча, который всегда вставал между ним и тьмой. Подняв его двумя руками над головой, он медленно вращал его, обходя противницу по дуге.

Люмия подняла руку, занося кнут, чтобы повысить импульс для удара вперёд. А затем она внезапно разделила его, и вилка тёмной энергии с треском вонзилась в землю у ног Люка, заставив его отскочить назад. Затем он снова прыгнул вперед и прочертил световым мечом дугу справа налево, которую она парировала рукояткой кнута. Он снова и снова выпрыгивал из зоны досягаемости вращающихся хвостов, а когда она остановилась, он снова придвигался ближе.

— Ты меня так ненавидишь?

— Я не ненавижу тебя вовсе.

— Ты убила её. Ты убила мою Мару.

— Ничего личного. — Она выглядела так, будто улыбалась, но движение происходило вокруг её глаз, а не кибернетического рта. — Просто делаю то, что поклялась сделать Императору. Чтобы служить Тёмной стороне. Клятвы имеют значение, Люк. В конце концов, это всё, с чем ты остаёшься в конце всего.

Она отдернула руку и с треском подняла кнут в воздух, промахнувшись на несколько сантиметров мимо Люка. Тот бросался на неё снова и снова, каждый раз отбрасывая своё тело назад. Рано или поздно она замедлится.

Но замедлится и он тоже.

Затем, когда Люмия вновь начала поднимать руку, он притиснулся к ней так близко, что она не могла заставить кнут двигаться с максимальной смертоносной скоростью. Он заставил её отступать, шаг за шагом, пока она пыталась сохранять необходимую дистанцию.

Один-два-три-четыре; она блокировала его удары, работая рукоятью и используя кнут как короткий световой меч, но Люк не останавливался и не менял направления движения, пытаясь заставить её оступиться. Он гнал её, как таран, к краю холма, заставляя её оказаться в нескольких метрах, затем в шаге от его края.

Люмия, держа рукоять кнута обеими руками как посох, блокировала его нисходящий удар. На мгновение они оказались в патовом положении, толкая друг в друга и хрюпя от усилия, слыша друг от друга только звуки напряжения, потому что им нечего было друг другу сказать. Опорная нога леди ситов нога начала соскальзывать назад; она попыталась удержаться на краю. Кромка плоскогорья была выветренной и потрескавшейся: гладкий сверкающий камень начал крошиться.

Люк потянулся и успел поймать противницу за руку в падении; кнут кувыркался и прыгал вниз по крутыму склону скалы, исчезнув в небытие. Он откинулся назад, перенеся весь вес на пятки, костяшки его сжатых пальцев побелели от напряжения, удерживая её вес, и на секунду ему захотелось увидеть, как будет уменьшаться её лицо, когда она упадёт навстречу смерти с разинутым в крике ртом, но не таким способом он желал положить этому конец.

— Я бы никогда не позволил тебе упасть, — проговорил Люк и вернул Люмию на безопасное место. Когда она выпрямилась, он посмотрел ей в глаза спокойным, устрашающим спокойным взглядом, а затем сделал единственный взмах световым мечом по дуге, отделившей голову от тела.

Вот теперь он, наконец, смог снова вздохнуть.

КАВАН: ТУННЕЛИ ДЛЯ ЛИВНЕВЫХ ВОД

Бен долго сидел в туннеле рядом со своей матерью, и это само по себе стало началом его расследования.

Сначала он обманывал себя, будто она находится в глубоком исцеляющем трансе, хотя Сила никогда не лгала, и пустота, открывшаяся в ней, чувствовалась и понималась каждым джедаем.

Он прибежал прямо к ней через незнакомую местность и нашел её. Ему хотелось думать, что она не умерла, потому, что она была *здесь*, всё ещё почти такая же, какой он видел её в последний раз, за исключением крови и царапин от новой битвы. Поэтому он сел рядом с ней и ждал.

Он хотел очистить лицо матери и снова сделать её красивой, но во время обучения в Гвардии галактического Альянса ему говорили, что нельзя удалять улики, нельзя трогать место преступления.

Четырнадцатилетний сын Бен, потерянный и убитый горем, хотел, чтобы его мать просто погрузилась в глубокий транс. Лейтенант Бен знал своё дело лучше, но не сказал об этом себе ребёнку, а просто внимательно отмечал всё вокруг себя, делал голоснимки, отмечал запахи, звуки и другие трудноуловимые данные и начинал формировать логическую последовательность суждений, которая могла бы рассказать ему, как его мать встретила свою смерть.

Бен всё ещё сидел, рассматривая каждую пору её кожи и каждую крупинку кирпичной пыли на её куртке, когда услышал, как кто-то пробирается к нему по обломкам. И он не смог почувствовать приближавшегося в Силе.

— Привет, Джейсен, — сказал он и повернулся к двоюродному брату.

Рот Джейсена слегка приоткрылся, когда он посмотрел сначала на Мару — долгим, сбитым с толку взглядом, — а затем на Бена. Он протянул ему руку.

— Всё нормально, Бен. Всё нормально. Мы найдём его, кто бы это ни сделал. Клянусь, мы найдём.

Бен все ещё был закрыт, скрывая своё присутствие в Силе, но Джейсен нашёл его. Пора было идти к отцу. Он хотел оказаться с ним сейчас.

Возможно, убийца его матери оставил след в Силе, за которой следовал Джейсен. Бен подумал, что он был слишком расстроен, чтобы заметить это самому.

Однако он всё равно отметил это в памяти.

Глава 23

Адвокаты бывшего главы ГА Кэла Омаса раскритиковали Министерство юстиции за задержку с предъявлением ему обвинений. Сообщается, что Омас, который в настоящее время находится под домашним арестом, требует публичного судебного разбирательства. Представитель ГГА заявил сегодня, что расследование всё ещё продолжается.

— новостной бюллетень ГНР

МАНДАЛОР, КЕЛДАБЕ, «ОЙЮ'БААТ»

Венку — Кэд'ика — подошёл к Фетту и ткнул пальцем себе через плечо.

— Он говорит, что сделает это, — сообщил он. — Он не хотел говорить вам, что точно прочитает камень, на случай, если не сможет. Он ненавидит разочаровывать людей.

— Стариk, который на днях глазел на Фетта, стоя рядом с с Кэд'икой, медленно прошёл через кафе. Он снял перчатки и протянул хрупкую руку, покрытую возрастными пятнами.

— Я смогу это сделать, — сказал он. — Дайте мне подержать камень.

Мирта поколебалась, затем сняла ожерелье и передала его Фетту.

— Значит, ты по происхождению киффар, — сказал Фетт. Мандалорцы происходили из огромного количества рас со множества планет, но принятие культуры не стирало их генетический профиль. — Избавляешь меня от путешествия.

— Я... знаю эту планету.

— Какова цена?

— Твоё спокойствие, манд'алор. Никто не должен напрасно искать место упокоения близких.

Фетт этого не ожидал. Вытянутая перед ним рука была на удивление твёрдая. Фетт взял «сердце огня» за кожаный шнур и опустил его на ладонь мужчины, прежде чем сесть и попытаться сделать вид, что его это не беспокоит. Стариk обхватил его пальцами и застыл, глядя на свой кулак; его дыхание стало медленным и тяжёлым.

— Она была очень несчастна, правда?

Это было хорошее предположение. Фактически, оно было неизбежно. Вероятно, стариk говорил это всем раненым и одиноким душам, с которыми сталкивался. Шарлатаны и аферисты полагались на реакцию собеседников. Фетт не сказал ничего, что могло бы помочь ему сделать удачное предположение, и шлем скрывал лицо, выражение которого могло бы его выдать.

— И ей было трудно когда-либо доверять другому мужчине.

Фетт по-прежнему сидел молча, закинув один ботинок на стул. Синтас никогда никому не доверяла. Охотники за головами вообще не отличались доверчивостью, так что это был безопасный и простой вывод, обряженный в одежду откровения.

— Её худшим днём был тот, когда твоя дочь научилась говорить и спросила, где её дада.

Фетту это уже начинало надоедать. Он поёрзal на месте, игнорируя внутренний голос, прошептавший, что это, вероятно, было правдой. В любом случае, как он мог знать точно? Он не мог это проверить. К тому времени они с Синтас расстались, и он больше никогда не видел Айлин.

«Пока я не увидел её мёртвое тело».

— Она думала, что тебе ещё не всё равно, когда ты вернулся ей голограмму.

А вот это не было предположением. Это было конкретикой. И это было... правдой. Фетт не посмел взглянуть на Мирту. В гостинице царила тишина: щелчки и потрескивание брёвен в камине звучали как взрывы на поле боя.

— Она сказала, что вы слишком молоды, чтобы знать, что делаете, а ты сказал, что тебе нужно знать только то, что она красива, что она отличный стрелок и что ты можешь доверять ей так же, как можешь доверять любой женщине.

Кожу на голове Фетта свело и начало покалывать. Это было именно те слова, что он сказал, и они были слишком глупыми и детскими, чтобы кто-либо мог так точно придумать это на месте. «Нет, у него откуда-то есть информация, он устраивает представление, он узнал это от кого-то... но как?»

Мужчина глубоко вздохнул и помедлил, прежде чем заговорить снова.

— Ты сказал ей, что заставишь Леновара заплатить за то, что он с ней сделал, и она пыталась отговорить тебя от этого...

Для Фетта это было слишком.

— Довольно. — Он протянул руку ладонью вверх. — Итак, ты можешь читать камень.

Венку опустил подбородок. Даже не видя его лица, Фетт знал, что за визором оно выражало бесстрашие, гнев и готовность защищать.

Старый мэндо был более мягок, чем его телохранитель.

— Просто скажи мне, что ты хочешь знать, — сказал он. — Я понимаю, что такие вещи могут быть болезненными.

Мирта не дала Фетту возможности ответить. Это было хорошо: он не мог заставить себя сказать нужные слова. Для посторонних же зрителей он был просто молчаливым грубияном.

— Я хочу знать, как она провела свои последние часы, — сказала Мирта. — Я хочу найти её тело.

Старик положил «сердце огня» на стол и снял шлем. У него было тонкое лицо и короткая бородка, которая была белее его волос, на которых всё ещё оставались следы былой светлой шевелюры. Он вспотел: воспоминания и следы времени, заложенные в молекулярной структуре камня, казалось, утомили его.

И у него не было киффарской татуировки на лице. Но её не было и у Мирты, несмотря на то, что Айлин полностью приняла киффарскую культуру. В некоторых сферах деятельности постоянный опознавательный знак имел свои недостатки.

— Он не показывает мне воспоминания по порядку, — ответил старый воин. — Они все случайны, как воспоминания. Я вижу изображения, слышу звуки, чувствую ароматы и так далее. Разобраться в этом непросто.

Он положил шлем на стол и снова взял камень, на этот раз зажав его между ладонями. Венку успокаивающе положил руку ему на плечо, и Фетту стало необъяснимо тревожно.

— Вы хотите, чтобы я... обнаружил акты насилия?

— Фетт взглянул на Мирту, не для согласия, а потому, что ничего не мог с собой поделать. Её лоб был слегка нахмурен, глаза сухи, лицо сосредоточено. Не красавица, но с хорошим крепким костяком.

— Этого вы найдете тут много, — сказала она. — Она была охотницей за головами.

— Тебя здесь нет, Мирта... — сказал старый мандалорец, плотно зажмурив глаза.

— Она умерла до моего рождения. Я хочу знать, кто её убил.

Теперь в кафе сидело на несколько человек больше, чем было раньше. Фетт указал на дверь рывком большого пальца.

— Вон. Я дам знать, когда сможете закончить пить.

«Я тоже хочу знать, кто её убил. Это было слишком давно, но я хочу знать».

— Она всё время носила его. — Старик выглядел так, как будто страдал от боли, и Венку сжал его плечо. — Она очень много времени злилась. А ещё была напугана. Здесь проходит так много людей... но я всё время возвращаюсь к карте Феды. Красное небо и кто-то, кого она преследовала. Ресада? Резода? »

Мирта даже не моргала. Она казалась ошеломлённой.

— Бабушка никому не говорила, куда она уходила и на кого охотилась.

Старик открыл глаза и тяжело вздохнул.

— Феда. Как бы то ни было, это случилось на Феде. — Он отпрянул и уставился на камень.

— И она дралась, чтобы сохранить это. Она яростно дралась.

Фетту удалось не слглотнуть. Он был уверен, что они все это слышали. — Она пропала.

— Я хочу знать, — потребовала Мирта.

Вмешался Венку.

— С него хватит. Может быть, позже. — Он достал свой шлем и попытался увести старика.

— Пойдём.

— Я не знаю, когда, — сказал старик, вырываясь из рук Венку, — но я знаю, что это было на Феде. Мне жаль. Мне очень жаль.

Он вернул камень Мирте, вложив его обеими руками в её сложенные ладони, как если бы это был живой птенец. Фетту никогда не нравились такие мистические вещи. Он просто наблюдал.

— Всё хорошо, — сказала Мирта. — Вы мне много рассказали, и я благодарна вам. Позвольте мне купить вам эля.

— Может быть, в другой день, нер ад'ика, — ответил за него Венку. — Но спасибо.

Мирта глядела им вслед, пока не закрылась дверь. Когда она повернулась к Фетту, дверь снова открылась, и недовольные посетители снова ввалились внутрь, держась подальше от них двоих.

— Ну? Он был прав, ба'буир?

Фетт пожал плечами. Случившееся потрясло его, как и все болезненные воспоминания, нахлынувшие без его разрешения.

— В десятку.

— Что ж, мы можем лететь туда, куда он сказал.

Фетт боялся того, что ещё старик увидел в камне. Старик. Он был всего на десять или, может быть, пятнадцать лет старше Фетта.

— Не думаю, что я когда-либо бывал на Феде.

Владелец кафе поставил свежий эль на барную стойку.

— Вижу, ты встретился с Кэд'икой, манд'алор.

— Ага. Очаровательный.

— Этот старик с ним — редко его вижу. Это Готаб. Раньше я думал, что это отец Кэд'ики, но, видимо, нет.

Это имя ничего не значило для Фетта, но он мысленно записал его в раздел того, что предстоит изучить позже. Феда. Надо прочесать базы данных «Раба I», может, взломать архивы Феды. Мирта внимательно рассматривала камень.

— Должно быть, он стоил тебе всех кредитов, что у тебя были, ба'буир.

Она отдала «сердце огня» Фетту, и он перевернулся в пальцах, дотронувшись до резьбы на краю. Только самый опытный огранщик мог огранить неразрезанный камень, не разбив его, не говоря уже о том, чтобы нанести на него резьбу.

— Редко можно найти такой, в котором есть все цвета. Обычно они красные или оранжевые, но светлые и цветов всей радуги... недешёвые.

— Однажды я видела синий, — сказала Мирта.

— Мне было шестнадцать. Я не мог себе позволить синий.

Теперь Фетт мог позволить себе «сердце огня», любое их количество, даже самые редкие — из тёмно-синих камней, которые демонстрировали невероятный диапазон разноцветных огней только при ярком солнечном свете. Но у него больше не было любимой, которой он мог бы их подарить. Всё закончилось очень давно.

— Расскажи мне что-нибудь об Айлин, — попросил он. — Была ли она когда-нибудь счастлива?

Мирта обдумывала вопрос.

— Я так не думаю.

Единственное, что Фетт знал о своей дочери, помимо людей, которых она убила, и того, что она украла, — это то, что она никогда не была счастлива, никогда не называла его папой и что она научила Мирту ненавидеть его. Он всё ещё не расспрашивал девушку об этом. Время никогда не казалось подходящим.

— А ты когда-нибудь был счастлив? — спросила Мирта.

Фетт никогда не задумывался: интересно ли кому-нибудь, счастлив он или нет. Казалось, существовало общее предположение, что Боба Фетт шёл по узкой тропе бесстрастия, никогда не злился, никогда не был счастлив, никогда не грустил.

— Я был счастлив ребёнком, — ответил он наконец. — Я перестал быть счастливым на Дженоизисе и больше никогда не пытался.

Но он, конечно, бывал зол: зол, убит горем, напуган, одинок и враждебен. В те дни, после смерти отца, он в полной мере пережил все негативные эмоции, заполняя ими промежутки между тем, что он должен был сделать, чтобы выжить, и когда ему нужно было быть сплошь логичным.

Это был выключатель, который он должен был включать, выключать и включать, пока однажды он не перестал включаться снова и боль не прошла. С радостью и любовью было так же.

Если он сделает то, что хотел его отец, всё это может вернуться. Если он выполнит благородное дело и попытается хотя бы понять остатки своей собственной семьи, у него будет шанс вернуть часть того, что было отобрано у него на арене Дженоозиса.

— Выпей, ба’буир, — сказала ему Мирта. — Хочу пойти и покопать сведения о Феде.

БОЕВОЙ КОРАБЛЬ ГАЛАКТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА «ОКЕАН», НА ДЕЖУРСТВЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО ВБЛИЗИ КОРЕЛЛИАНСКОГО ПРОСТРАНСТВА

— Ужасно хорошо, что ты присоединился к нам, — сказала адмирал Ниаталь. Войдя на мостик, Джейсен ощутил на себе смесь эмоций, варьировавшихся от неопределенного интереса до нервозности. — Мне действительно очень жаль слышать о твоей потере.

Джейсен вежливо кивнул. Адмирал говорила так, будто действительно хотела выразить соболезнование, но тогда она довольно хорошо умела выбирать правильные слова. Он посетил «Океан» в качестве главы государства, чтобы прощупать настроения на большой выборке существ с различных союзных миров. Ничто не могло сравниться со встречей на достаточно мощном военном корабле, чтобы показать людям, что поставлено на карту. Разведка предположила, что Конфедерация планировала крупное наступление на Центральные Миры, поэтому Джейсен надеялся, что все обратят на это внимание

Жизнь шла своим чередом. Переживания последних дней, казалось, были напрасны. Если ему нужны были ещё ответы на философские вопросы ситов, теперь он был один. Люмия успешно совершила самоубийство благодаря Скайуокеру. Возможно, Джейсен и не был членом Совета джедаев, но в ГГА тоже умели очень эффективно перехватывать чужие сообщения.

«Дядя Люк сделал это. Действительно сделал. Как и с моим отцом — никогда не знаешь, как далеко они зайдут, верно?»

— Итак, — сказал Джейсен, — Кореллия в моё отсутствие, похоже, вела себя очень тихо.

— Они ждали вашего возвращения — этот удар по Ядру выглядит неминуемым. Они бы не хотели, чтобы вы пропустили всё интересное. — Раздражённая или нет из-за его отсутствия лишний день, Ниаталь, казалось, внезапно стала чувствовать себя более комфортно в своей новой роли, как если бы она за его спиной заключила новые союзы и укрепила свою власть. Это чувствовалось почти как аромат: Джейсен очень хорошо знал эту ауру любви к власти, окружавшую её теперь. — Триумвират всё ещё занимается рутинными делами, но я осведомлена, что сотрудники нашей разведки и политические аналитики уже кое-что разнюхали о том, кто может заменить дорогостоящего премьера...» — она резко остановилась, и на этот раз она была искренней смущена, Джейсен это чувствовал. — Мне очень жаль. В данных обстоятельствах это было крайне нетактично с моей стороны.

— Всё нормально. — Может быть, у Ниаталь все-таки имелась более мягкая сторона. Если это так, он использует это по полной. — Нельзя же вздрагивать каждый раз, когда ведутся нормальные разговоры о смерти. Лучшее, что мы можем сделать, чтобы почтить память моей тёти, — это выиграть войну.

— В самом деле.

— Похоже, Мурхана вся в напряжении. Срок ультиматума истёк, да?

— Мы внимательно следим за этим. Это вполне может быть частью мандалорской тактики психологического давления. Восемь «крестокрылов», готовых выполнять миротворческие задачи — цена гармонии в Галактическом Альянсе. С другой стороны, если мандалорцы действительно появятся, чтобы поддержать своих верпинских союзников, остановив спорное производство своими неподражаемыми методами, то, по крайней мере, мы сможем получить очень полезные сведения о возможностях их нового штурмового истребителя.

— Кто-то может подумать, — тихо сказал Джейсен, — что мы предпочли бы, чтобы они напали на Мурхану.

— Я никогда не пренебрегаю разведданными, полковник Соло.

— Это очень мудро, адмирал Ниаталь.

Джейсен подошёл к голокарте, на которой был показан весь кореллианский театр боевых действий. У противника оставалось ещё много кораблей. В той части карты, что была ближе к Ядру, были показаны боевые действия ограниченной интенсивности. Джейсену всегда казалось чрезмерно отстранённым показывать борьбу жизни и смерти в реальном времени в виде очаровательно эстетичной и бесшумной графики.

— Это текущая обстановка?

— Да, сэр, — ответил вахтенный офицер. — Обновляется раз в минуту.

— Я думаю, мы что-то упускаем, лейтенант, — сказал Джейсен, погружая кончик пальца в лабиринт света для наглядной демонстрации своей точки зрения. — Смотрите, то, что у вас здесь, на самом деле является флотилией корветов, а *этот* эсминец перейдёт на эту позицию, потому что он на самом деле управляет...

Он замолчал, наблюдая вокруг приподнятые брови и озадаченные взгляды, но в то же время погружаясь в нараставшую тёплую волну понимания.

«Я вижу всё это».

— Мы можем это проверить? — обратился вахтенный офицер к коллеге. — Полковник Соло редко ошибается.

Полковник Соло, подумал Джейсен, только что получил величайшее озарение в своей жизни.

«Это правда. Люмия была права. О, это восхитительно. Раньше я был слепым. Как я вообще мог подумать, что смогу добиться успеха как командир без этого?»

Люмия пообещала ему боевую осведомлённость и возможность принятия решений, которые делали обычную боевую медитацию похожей на рисование пальцем, — ощущение и координирование только силой своего разума и воли, мощь, которая могла реализоваться только в мастере-сите.

«Это я. Это действительно так. В конце концов, это была жертва Мары, теперь я принимаю это. Но я всё ещё не понимаю пророчества. И мне не нравится то, что я не могу понять».

Он был лордом ситов. Теперь он действительно мог начать работу.

Это случилось.

И это было прекрасно.

СКОПЛЕНИЕ ХЕЙПС, ЧЕЛНОК СОВЕТА ДЖЕДАЕВ

Люк был признателен за то, чего ещё пока не мог осознать.

Он остановился перед тем, как пройти через двери в каюту, сделав несколько глубоких вдохов. Когда он вошел Силгал подняла глаза и дёрнулась, словно собираясь уйти.

Мара — нет, тело Мары — лежало на столе для осмотра, накрытое до шеи простой белой простыней. Люк приготовился к чему-то страшному, представляя её ужасно изуродованной или сискажёнными чертами; но она просто выглядела так, будто спала на спине, бледная и умиrottворённая. Её рыжие волосы были гладко прибранны, так, как никогда не бывало, когда он видел её спящей.

— Всё в порядке, Силгал, — сказал Люк. — Мне не нужно оставаться с ней наедине.

— О, да, нужно, Люк, — мягко ответила она. — А я могу вернуться позже.

— Я этого не понимаю, — сказал он. — Но мне удалось обнять её в последний раз, и я подумал, смогу ли я когда-нибудь увидеть её. Не могу передать, насколько я благодарен.

Теперь он не видел лица Силгал. Его глаза были горячими и полными слёз. Мон-каламари похлопала его по руке.

— Вы думали, что она станет бесплотной, — сказала она.

— Мы говорили об этом пару раз. Я думал, она выберет это, когда придёт время. Я рад, что она передумала.

— Она определенно позаботилась, чтобы у нас были доказательства. — Силгал остановился на секунду, резко вдохнул и продолжила. — Это был яд, с которым я никогда раньше не встречалась. Но не сомневайтесь, она также хотела, чтобы вы могли попрощаться.

Силгал развернулась и поспешила к выходу.

Люк не мог ни говорить, ни даже отвести взгляд от Мары, и долго смотрел ей в лицо. Если бы её глаза открылись и она спросила бы, сколько времени она проспала, он бы не удивился. Люк поднял простыню, чтобы сжать её левую руку, и вздрогнул только от холода её тела. Через некоторое время кожа Мары стала тёплой от тепла его собственного тела.

Силгал нужны были доказательства судебно-медицинской экспертизы. Но Мару убила Люмия, и Люмия заплатила за это. Дальнейшего расследования не нужно.

Тем не менее, это означало, что Маре не нужно было оставаться здесь, и Люк разрывался между желанием никогда не отрывать от неё глаз и воспоминанием о том, как Йода стал единственным с Силой: тогда он *действительно* смог бы увидеть её снова. Но он так мало понимал эти мистические материи. В этот момент он был благодарен уже за то, что мог видеть её.

«Ты действительно хотела меня видеть, да? — прошептал Люк и наклонился, чтобы поцеловать её. Ему было интересно, исчезнет ли она в следующее мгновение. Он не осмеливался отвести взгляд и знал, что это только мешает ему признать, что она ушла. Даже когда он почувствовал, что к каюте идёт Бен, и услышал его тихие шаги по палубе, он не обернулся. Не отрывая глаз от Мары, Люк протянул левую руку, чтобы Бен подошел к нему и принял объятия.

— Эй, дорогая, — сказал он ей. — Бен пришёл.

— Прости, что ты не мог найти меня, папа, — произнёс Бен. — Мне просто нужно было прийти к ней и побывать там.

Люк впервые говорил с Беном с тех пор, как Мара улетела: на самом деле, это было похоже на первый раз за много лет. Люк попытался подумать о том, на что это было похоже — Бен, стоявший на страже тела своей матери, одинокий и напуганный, — но он всё ещё был слишком глубоко в собственном горе и шоке.

— Папа... Я знаю, что она нам что-то хочет сказать. Я думал об этом весь обратный путь.

«Бедный ребёнок». Люк не совсем понял, что имел в виду Бен, но они могли обсудить это позже. Он гордился силой и достоинством своего сына. Бен сможет принять и другие новости. Теперь он делал мужскую работу.

— В любом случае, я добрался до Люмии.

— Да? — В голосе Бен прозвучало удивление. — Что ты имеешь в виду, говоря «добрался»?

— Убил её. Не буду играть словами. Я пообещал Маре призвать её к ответу.

Бен молчал. Люк почувствовал небольшое беспокойство вокруг себя, и его мускулы напряглись.

— Пап...

— Я знаю, правовая процедура и всё такое, но правовая процедура ... Люмия сказала, что ей нужно ... ну, жизнь за жизнь. Это все.

— Пап... Это была не Люмия.

— Была она. Она сказала..."

«Что именно сказала Люмия?»

— Нет-нет, этого не может быть, потому что в момент смерти мамы я был рядом с ней, а не на месте происшествия. Мы оба приземлились на Каване. И она всё ещё была в сфере ситов.

Люк слышал голос Бена как будто издалека, и внутри у него всё снова перевернулось.

Это была не она. Не Люмия.

— Пап, расслабься, а? Мы выясним, кто это сделал. — Бен обнял его за плечи. — Папа, поэтому-то мама осталась. Она осталась, чтобы мы могли найти доказательства. Мы пока не знаем, кто это сделал. Забудь о Люмии. Ты всего лишь первым добрался до неё — я шёл за ней по пятам до того, как мама умерла. Ты оказал галактике большую услугу.

Нет, *не оказал*. Люк вообще не чувствовал, что сделал что-то хорошее. Он убил Люмию, пусть и злую, за то, чего она не сделала. Это было *несправедливо*.

Люк почувствовал, что падает на колени.

— Я убил не того...

«...сита. Я убил не того человека. Но она сказала...».

Бен коснулся рукой лица своего отца, внезапно ставшего на много лет старше прежнего Люка.

— Посмотри на меня, папа. Нехорошо делать это здесь. Давай поговорим в другом месте.

— Бен...

— А как насчёт всех других людей, которых она убила и собиралась убить? Папа, она не стоит твоих мучений. Приберегите слёзы для мамы, потому что я так и сделаю.

Люк сумел продержаться ещё несколько минут. Когда он его силы иссякли, он ушёл в свою каюту, закрыл люк и стал рыдать и бушевать наедине, пока не выдохся. Он думал, что хорошо держится, сдерживая все эти слезы, а потом что-то вроде пары слов о Люмии добавило песчинку на чашу весов, и плотину прорвало. Он ненавидел её за это. Он хотел оплакивать Мару, его горе не должно было быть запятнано ничем, связанным со злом, которое привело к её смерти. Он не хотел, чтобы Люмия вторглась в этот момент, и тем не менее она каким-то образом сумела сделать это.

Тот, кто убил Мару, всё ещё был где-то рядом. Он мог сосредоточиться на привлечении его к ответу, а это означало, что у него было ещё кое-что, за что можно было бы держаться, пока он борется с горем.

Но Люмия сделала это снова. Она обманула его в последний раз, манипулировала им в последний раз, помешала ему в последний раз, и что-то глубоко-глубоко внутри него сломалось.

Глава 24

*Куда: штаб Хейпансского флота
Станция отправления: Телефон*

Незарегистрированный и неопознанный корабль, о котором нам сообщил мастер-джедай Скайуокер, без похищен неизвестными из города Ту'ана. Просим сообщить мастеру-джедаю Скайуокеру, что мы сожалеем об этом акте кражи в то время, когда транспортное средство находилось в нашей юрисдикции, и удовлетворим любые требования о компенсации.

МАНДАЛОР, КЕЛДАБЕ, ВЗЛЁТНО-ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА «МАНДАЛ-МОТОРС»

Боба Фетт напряг пальцы, плотно натягивая перчатки на руки, и заглянул в открытую кабину «Бес'улика». Под визором он позволил себе глубоко личную широкую ухмылку.

Бевийн аплодировал, смеясь. «Мальчики-мэндо отправляются на гастроли! Давай, Боб'ика, прежде чем сесть в машину, сними реактивный ранец, а то тебя случайно выбросит по ходу полёта...

Настроение всех вокруг было приподнятое. Насколько Фетт помнил, он не командовал мандалорским ударным отрядом лично со времён войны с вонгезе. Может, какие-то и были, но этот был самым большим, был силой, с которой приходилось считаться.

Раздались крики «Ойа мэндо!», когда из ангара стали выкатываться истребители-прототипы «Бес'улика». Собравшиеся делали голозаписи и указывали детям на детали планёра. Настроение вокруг Фетта было пьянящей смесью ностальгии и оптимизма в отношении будущего, что, возможно, было неуместным, учитывая, что они собирались наведаться на суверенную территорию Мурханы — только на время, конечно — и разбомбить пару мурханских заводских комплексов в пространстве хаттов.

Все должно пройти аккуратно. Он заранее озабочился посылкой уведомления персоналу завода и жителям в вероятной зоне взрыва о необходимости эвакуации. Это не должно было выглядеть так, как если бы звено мандалорских истребителей подкралось и нанесло по ним удар без должного уведомления. В конце концов, мэндо'аде не были дикарями. Ну, не в последнее время... а если и бывали — то только по отношению к вонгезе.

Кроме того, Фетт хотел достойного освещения нового истребителя в действии со стороны ГНР. С точки зрения целей сдерживания, это стоило бронетанковой дивизии. Нет ничего хуже, чем закончить стычку до того, как средства массовой информации подтянутся к месту и зафиксируют её всеми доступными рекордерами.

«Папе бы это понравилось».

Фетт должен был подняться на борт последним из всех пилотов, а потому он без спешки наблюдал, как другие бойцы занимают свои кабины. Бевийн с нетерпением ждал этого, как ребенок ждёт дня рождения. Медрит поднял на руки своих внуков, Шолка и Бриилу, чтобы дети могли поставить краской отпечатки ладоней на фюзеляж. Обшивка была сдержанного светло-серого цвета, но Шолк считал, что для хорошего верда кроваво-красный оттенок был намного, *намного* лучше.

— Баабуир, — позвала Мирта. — Эй, подожди! Паре сол!

Фетт обернулся. Мирта бежала по полю, сжимая в руке инфопланшет, а за ней следом бежал Ораде. Либо она решила, что ба'буир настолько стар, что может не вернуться живым после простой бомбардировки на самом тяжёлом истребителе на текущем рынке, либо хотела сделать что-то непростительно сентиментальное. Он приготовился к лёгкому смущению.

Но его внучка не выглядела так, будто у нее вот-вот начнётся сентиментальный пароксизм. Она выглядела обезумевшей. Машинально Фетт быстро оглядел толпу, чтобы убедиться, что все, чьё выживание имело для него значение, всё ещё были в целости и сохранности. Мирта явно несла плохие новости, с которыми нельзя было подождать.

«Что ж. Такое случается».

— Баабуир, — задыхалась, выпалила она. — Я хочу, чтобы ты отнёсся к тому, что я скажу, очень спокойно.

Фетт промолчал и только указал на свой визор.

— Не знаю, как тебе это и сказать. — Она размахивала инфопланшетом, как будто хотела показать, что у неё есть доказательства, и что она не шутила. — Это... я не знаю...

— Выкладывай.

— Ты же знаешь, что я начал разбираться с Федой?

— Ага.

— Я просмотрел все архивные материалы на предмет таких имен, как Ресада и Резода.

Фетт понял, что ему придется вытаскивать из неё информацию по кускам.

— Ага.

— Это Резодар, бандит. На самом деле, мёртвый бандит. Умер около тридцати восьми лет назад. Это *его* имя хранится в «сердце огня».

Фетт отметил, что Ораде смотрел на Мирту так, словно на этот раз он больше беспокоился о ней, чем о гневе Фетта.

— Полагаю, теперь мы будем праздновать эту дату.

— Именно. Я обнаружила, что у него было богатое поместье, которое Феда считает ценностью, на которую не составлено завещание и нет кого-то, кто мог бы требовать его в собственность. Государство не может претендовать на него, и поэтому оно хранит его неприкосновенным. Государственного юриста очень раздражает то, что ему всё ещё приходится хранить вещи оттуда, и он говорит, что если мы захотим подать иск, невероятно его осчастливим. Это займет некоторое время.

Фетт не был уверен, что новость о смерти какого-то подонка стоила того, чтобы прерывать отлёт «Бес’улииков». Но Мирта не была королевой из спектакля. Должно было быть что-то такое, связанное со смертью Синта, что требовало его самого *пристального внимания*. Она догадывалась, что он был очень чувствителен — если не сказать большего — относительно обид, нанесённых Синтас, даже если он и бросил её.

— Мирта, — твёрдо сказал Фетт. Он редко звал её по имени. — Просто расскажи мне о неприятной стороне ситуации.

Она передала ему инфопланшет. Экран уже показывал описание того, что хранилось в хранилище Резодара, в виде пронумерованного отделом наследственного суда списка. Фетт пролистал его.

— Просто поищи карбонитную плиту, ба’буир.

Фетту не понравилось, как это прозвучало. Когда он дошёл до нужного пункта, то не смог сразу разобрать контуры, поэтому увеличил изображение.

«Ох, файерфек...»

Он хотел выругаться, но не проронил ни звука, а с человеком в шлеме всегда сложно понять, что он чувствует. Его ноги угрожали подкоситься. Бетт вернул Мирте инфопланшет и сделал глубокий, медленный вдох, чтобы попытаться сдержать дрожь в животе.

— Что тебе нужно от меня, чтобы получить это? — Фетт был уверен, что его голос дрогнул.

— Кредиты? Подпись?

— Это и правда то, что я думаю? — потребовала ответа Мирта.

— Просто отвесь мне.

«Это не может быть правдой. Не может быть».

— Я всё смогу сделать сама. — Она выглядела обиженней, что было нелегко для такой суровой девушки. — Тысяча кредитов.

— Я заплачу. — Фетт с трудом мог поверить в слова, которые говорил голосом спокойного незнакомца. — В конце концов, она моя бывшая жена.

Синтас была жива.

Синтас Вел, его первая и единственная жена, была жива, при условии что с карбонитным процессом не случилось ничего нештатного. Ей предстояло лишь догнать ушедшую вперёд галактику — и свою распавшуюся семью.

«Что я могу сказать, Айлин?»

— Хорошо. — Лицо Мирты снова приобрело обычное кислое выражение. — Можешь разыгрывать крутого парня перед своими бурш'ясе, но я-то тебя уже знаю.

Фетт решил перед вылетом заглянуть в освежитель. Сейчас было наилучшее время.

— Ничуть не сомневаюсь.

Он зашагал прочь, как всегда твёрдым шагом, потому что этого ожидали все, затем закрыл дверцу освежителя и прислонился спиной к стене. Соскользнув вниз, он, подрагивая, сел на корточки, закрыв голову руками.

Синтас была жива.

Подождав несколько минут, он встал и вышел на взлётно-посадочную полосу, чтобы, как будто ничего не произошло, забраться в кабину своего «Бес'улика».

СУПЕРРАЗРУШИТЕЛЬ «ЭНАКИН СОЛО», КАЮТА КАПИТАНА

«Теперь я это вижу. Я знаю, что любил больше всего и что нужно было убить».

Джейсен часами лежал на койке, пытаясь вставить последний кусок в мучившую его головоломку. Это было пророчество. Оно не складывалось ни с чем.

«Онувековечит свою любовь»

Внезапно Джейсен подумал, что *он* может не говорить себе, что начал сложный путь, который показало пророчество в его многогранной сложности. У пророчества было не одно значение: смыслов было много.

«Вот поэтому я теперь лорд ситов».

Не было никакой фейерверков, никакого катастрофического сдвига в Силе; и все же с того места, где он находился сейчас, Джейсен, оглянувшись, увидел совершенно изменившийся пейзаж. Шаг за шагом, действие за действием, смерть за смертью, изменение было настолько постепенным и постепенным, что он почти не замечал его перерождения до...

До этого момента.

Он не был тем Джейсеном Соло, который был шокирован, когда Люмия сказала ему, что ему суждено стать лордом ситов.

Оглянувшись ещё дальше, Джейсен увидел начало пути в странно озабоченных птичьих глазах Верджера, когда он перенёс физические мучения, которые изменили его навсегда, показав ему, что нет ничего, что он не мог бы вынести и пройти дальше, если его воля этого захочет.

И он убил не человека, которого любил, а нечто драгоценное, с отсутствием которого ему будет очень трудно справиться. Это уже прожигало в нем дыру. Оно было очень важно. И хотя он всё ещё выглядел живым, но на самом деле уже был ходячим мертвецом.

Что он любил и всё же убил, так это восхищение и преданность ему Бена. Джейсен полюбил эту лесть — и он с наслаждением лишил Люка роли обожаемого отца и наставника.

«Онувековечит свою любовь... «увековечение» здесь означает «смерть»».

А Бен — он знал Бена достаточно хорошо, чтобы понимать, что тот никогда не успокоится, пока убийца его любимой матери не будет пойман, и что она всегда будет для него идеальным символом красоты и мужества.

«Любовь Бена теперь увековечена. Так будет длиться, пока он жив, неизменным, как его видение Мары. И как ненависть и месть, которые он почувствует ко мне, когда узнает, что это сделал я. Это тоже будет жить вечно».

Джейсен встал и снова посмотрел на своё отражение в зеркале на переборке. Он изучал своё лицо, как будто час за часом искал симптомы изменения, чтобы увидеть, проявляется ли его статус сита в его плоти. Он не стал выглядеть иначе.

Но он продолжал видеть лицо Бена, когда он подошёл к мальчику в том туннеле и обнаружил, что тот бдит над своей мёртвой матерью. Его глаза... они знали, что что-то ждёт, чтобы раскрыться, что-то, что разорвёт его на части.

«Мара заставила Бена задуматься, почему она не стала единой с Силой. Рано или поздно он узнает. Ты сыграла свою роль в моей судьбе, Мара».

И когда Бен, наконец, узнает, что её убил Джейсен, он возненавидит его больше, чем можно даже представить. Джейсен ввёл медленный яд в любовь Бена к нему, точно так же, как он

отравил свою мать и поселял ужасную и чудесную ненависть. Ситам нужен был этот великолепный источник ненависти, чтобы достичь величия. Бен в конечном итоге станет более великим, чем когда-либо мог стать его отец-джедай.

Тем временем война Джейсена продолжалась, теперь уже на более широкой политической сцене, а также в рамках ГГА.

Джейсен взял чёрный шлем ГГА, который он редко носил, покрутил его в руках и, надевая его, почувствовал странную тошноту в животе. Это был стандартный комплект солдат ГГА, с расширяющейся закрывающей рот секцией с рассеивающим газовым фильтром, с визором из одной изогнутой V-образной полосы упрочнённого дюрапласта, всего лишь базовый рабочий инструмент. Функционально он не сильно отличался от шлема, который солдаты носили десятилетиями.

«Но мне это нужно, верно?»

Он стоял перед полированной дюрастиловой переборкой. Чёрный контур перед ним был размазанным и расплывчатым — всего лишь импрессионистское отображение того, кем он был. Он с трудом мог смотреть на себя. Он был всем тем, кем его называли враги. Он был смущён: да, смущение затмевало любую вину.

Он убивал вновь и вновь, он убил Мару Джейд Скайуокер, которая была и частью семьи, и другом. Друзья... теперь у него не осталось никого, кроме Тенел Ка и Алланы, а они возненавидят его, когда правда станет известна.

«Я пал так низко, как только мог, в глазах обычных людей. Но теперь единственное направление... вверх».

Джейсен вспомнил короткую беседу с одним из солдат ГГА, бывшим полицейским из Корусантской службы безопасности. По словам офицера, большинство убийств совершились членами семьи и близкими друзьями. Случайное убийство незнакомцев было относительно редким явлением даже в самых захудальных кварталах нижних уровней, где царили жестокость и беззаконие.

«Тогда я не такой уж и необычный».

Джейсен вздохнул и сделал два шага в сторону. Теперь он снова смотрел в зеркало, установленное на переборке каюты, кристально чистое, резкое и беспощадное. Он смотрел на всеохватывающее чёрное изображение. Он знал, что люди говорят за его спиной: что он пытается подражать Вейдеру.

«И что? Я горжусь своим дедом, но не закрываю глаза на слабости, которые его сбили с пути».

Но в нём говорила уязвленная гордость. «Я должен быть выше этого сейчас».

Он должен был быть выше страха перед мелочной совестью и даже выше ненависти, которая сделала Бена Скайуокера сильным, достойным и устрашающим преемником титула тёмного лорда. Но на это будут годы в будущем. Пришло время человеку, который когда-то был Джейсеном Соло, взять на себя эту ответственность за судьбу галактики.

Джейсен снял шлем, посмотрел себе в глаза и не дрогнул.

— Кейдус, — сказал он. — Моё имя — Дарт Кейдус.